OBSAH, СОДЕРЖАНИЕ, CONTENTS …… 1

Zahájení – Введение - Opening .. …… 3

Вступительное слово - Карел Дах, г. Прага, Чешская Республика

VĚDECKÁ REDAKCE - ОТ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ - FROM SCIENTIFIC EDITION

Ольга Вишнякова ……..…….…….…….... 5

О.В. Трунова, И.А. Бубнова

В чужой монастырь со своим уставом**. Международный семинар «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения»: расширяя перспективы.**

When in Rome. **International seminar "Language, Literature Culture as Domains of Intercultural Discourse": Broadening the Perspectives** ……..…….…….…….... 6

VĚDECKÉ MATERIÁLY ZE SEMINÁŘE - НАУЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕМИНАРА - SCIENTIFIC MATERIALS FROM THE SEMINAR

Přednášky plenární sekce - Пленарные доклады - Plenary reports

О.В. Александрова, г. Москва, Россия
Convergence of Languages and Cultures ……..…..…..... 17

С.Г. Тер-Минасова, г. Москва, Россия
Культурные и языковые аспекты национальной безопасности ..……..……. 21

О.Д. Вишнякова, г. Москва, Россия
Концептуальный анализ и его роль в процессе преподавания языков ……..……..…. 29

Přednášky, články, zprávy - Статьи, доклады, сообщения - Articles, reports, messages

М.Г. Бахтиозина, г. Москва, Россия
Author's Aesthetical Internations: Seeking to Discover Meanings and Ways of Interpretatio …..… 36

Т.А. Белоусова, Н.Б. Кудрявцева, г. Белгород, Россия
Субстантивные генитивные группы в современном немецком языке ……..….. 42

Н. Н. Битюцкая, О. В. Афанасьева, г. Алексеевка, Белгородская область, Россия
Формирование профессиональной компетентности у студентов факультета иностранных языков педагогического вуза в процессе языковой подготовки ….. ……... 48

И.А. Бубнова, г. Москва, Россия
Дискурс национальной идентичности на постсоветском пространстве ……..…….. 54

Е.А. Вишнякова, г. Москва, Россия
К вопросу об экономии языковых средств в современном английском языке … ……..…… 66

О.Д. Вишнякова, А.Ю. Климанов, г. Москва, Россия
«Патриотизм» как историческая и лингвокультурологическая категория (маждисциплинарный уровень изучения) ……..……..…. 74

Е.Г. Гализина, г. Москва, Россия
Формирование общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей ……..... 81

М.А. Ганюшина, г. Москва, Россия
Символические образы в языковой картине мира
(на примерах английского, французского и русского языков на индоевропейском фоне) .. …... 88

Антонин Главачек, г. Прага, Чешская Республика
«Крысолов» Марины Цветаевой (заметки к интерпретоции) ……..…… 94

Радка Гржибкова, г. Прага, Чешская Республика
Русские ассоциации Эгона Фостовского ……..…… 103

Иржи Клапка, г. Прага, Чешская Республика
Йозеф Швейк и Евгений Онегин ……..…… 111

Власта Клаусова, г. Пльзень, Чешская Республика
Проекты: „Дни учителя русского языка: курс повышения квалификации для учителей русского языка“ и «Практический кузс русског языка для розвития навыков общения. Уровень B1-C1.» …… 113

С.Н. Курбакова, г. Москва, Россия
Этнопсихолингвистические исследования способов формирования образа мира ……..... 116

А.А. Курченко, г. Москва, Россия
Когнитивный подход к разработке теории лакун ……..……..……..…….. 122

Евгения Кутасина, г. Рига, Латвия
Значение многоязыковой среды для обучения немецкому языку как иностранному ….. ..…. 128

В.В. Лопатинская, г. Москва, Россия
Некоторые особенности формирования межкультурной компетенции специалиста при Обучении английскому языку как языку международного общения ……. 137

В.И. Иванова, И.В. Тивьяева, г. Тула, Россия
Обучение аспирантов иноязычной научной коммуникации как актуальная задача подготовки кадров высшей квалификации …… 144

Е. М. Маркова, г. Москва, Россия - г. Трнава, Словакия
Учет лингвокультурных особенностей лексики при обучении русскому языку как инославянскому ……..……..…….. 152

Е.Б. Морозова, г. Москва, Россия
Образы чаши грааля и копья судьбы в современной массовой литературе о третьем рейхе …. 157

Г.В. Овчинникова, г. Тула, Россия
Марина Цветаева в Праге (по воспоминаниям В.К. Лосской И А. Труайа) ..……..…. 161

Ю.А. Панькина, г. Москва, Россия
К вопросу о перцепции латиноязычных интертекстуализмов при переводе с немецкого языка на русский ……..…….. 163

Т.Г. Попова, г. Москва, Россия
Межкультурная коммуникация и проблемы перевода ……..……..... 169

Tatiana G. Popova, Yelena V. Kurochkina, Moscow, Russia
Metaphor as a Mental and Language Mechanism……..……..…..... 174

Т.Г. Попова, Т.В. Петренко, г. Москва, Россия
Стереотипы как средство организации информации о различных группах ……..……..... 178

Ernesta Račienė, Vilnius, Litauen
Sprache und Kultur im Globalisierungsprozess …… 181

И.А Рубанникова., г. Москва, Россия
Диалог культур как методологическая основа обучения студентов межкультурной коммуникации ……..……..……..…. 193

В.М. Середенко, г. Москва, Россия
Идентификация особенностей порождения и восприятия высказывания Японскими политическими деятелями ……..…… 198

В.В. Степанов, г. Москва, Россия
Гибридизация специальной лексики современного финансового дискурса в английском и русском языках ……..…….. 204

С.А. Степанов, М.В. Полубоярова , г. Москва, Россия
Язык как отражение мира человека ……..…….. 214

Е.В.Тихонова, г. Москва, Россия
Психолингвистический анализ концепта «толерантность» в контексте диалога культур современных«мозаичных»социумов……..….. 218

Н.В. Трунова, г. Москва, Россия
Изобразительный потенциал Present Simple в английском языке……..... 227

Трунова О.В., г. Москва, Россия
Функциональная реконфигурация системных отношений в языке ……... 232

А.А. Хабаров, г. Москва, Россия
К вопросу о синтаксической организации языковых структур национальных языков …….. 239

А. Е. Хлебина, Общество чешских русистов, г. Прага, Чешская Республика
Русский писатель-эмигрант в контексте европейской культуры: Аркадий Аверченко в Чехословакии, 1922—1925 годы …….. 245

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова, г. Белгород, Россия
Принципы функционально-деятельностного подхода к изучению лингвоаксиологических феноменов …….. 255

Е.С. Ярыгина, г. Москва, Россия
Презентация эмоциональной семантики в русском сложном предложении …….. 262

NAŠI AUTOŘI – НАШИ АВТОРЫ – OUR AUTHORS ……..…….... 270

OHLASY ÚČASTNÍKŮ NA SEMINÁŘ – ОТЗЫВЫ УЧАСТНИКОВ О СЕМИНАРЕ - FEEDBACK BY PARTICIPANTS ON THE SEMINAR ……..……..…. 273

Zahájení – Введение - Opening

Вступительное слово

Карел Дах
Кандидат технических наук,
Генеральный директор
компании
ТЕРИС

Дамы и господа, дорогие друзья!

Позвольте мне от всей души приветствовать Вас в Праге на семинаре **„Язык, литература и культура как грани межкультурного общения“.**

Я с удовольствием принял предложение о том, чтобы начать этот научный семинар, но я сразу же оказался перед мучительным вопросом, что может человек с техническим образованием сказать на таком значительном форуме гуманитарных экспертов, чтобы избежать пустых фраз и хотя бы в небольшой степени профессионально коснуться темы семинара.

И тогда я решил кратко осветить вопрос о том, как повлияли язык, литература и культура как грани межкультурного общения на жизнь одного конкретного человека по имени Карел Дах.

Я родился в 1942 году в небольшом городке Страконице в Южной Чехии. Наша республика в то время называлась Протекторат Богемии и Моравии, немецкий язык был официальным языком, и мое свидетельство о рождении написано на немецком языке. В мае 1945 года, большая часть нашей страны была освобожденао Красной Армией, в то время как южная и западная Богемия, включая мой родной город Страконице, - армией США.

Рядом с нашим домом располагался большой лагерь американской армии, поэтому, когда я выходил из дома, я оказывался прямо среди американских солдат. Они мне всегда говорили „Hello, Baby“ и я думал, что это общепринятое приветствие. Поскольку мои родители учили меня, что дети должны первыми приветствовать взрослых, то я и приветствовал каждого солдата: „Hello, Baby“. Солдаты носили меня на плечах, показывали автомобили и оружие, давали мне шоколад и конфеты, которых я

ранее не знал. Через несколько месяцев американцы ушли, и мои деловые контакты с США были прерваны на много лет.

В 1948 году я начал ходить в школу. Это был год больших политических изменений в нашей стране. Мы, ученики, почувствовали эти изменения в том смысле, что было принято государственное решение о том, что с 4-го класса русский язык стал обязательным предметом для учащихся всех типов школ. Я и мои одноклассники были первыми, кто был связан с этим обязательством. У нас были прекрасные учебники, но наши учителя в знании русского языка были впереди. Моя первая учительница русского языка Мария Зобалова была квалифицированным учителем биологии и музыкального образования. Она была маленькая и сильная и мощным голосом нам пела русские песни: до сегодняшнего дня я вижу ее перед доской и слышу, как она поет «Калинку». В течение многих лет я слушал, как с таким энтузиазмом «Калинку» пели еще только Александровцы.

До шестого класса у меня были самые лучшие отметки по русскому языку. Я знал «Калинку», «Катюшу», «Стеньку Разина», но читать и писать на кириллице было сложно. И вдруг возникла большая проблема по имени Елена Луговская - наш новый учитель русского языка. Она была родом из России. Она была маленькая, тонкая и ошибочно думала, что мы сумеем глубоко постичь основы русского языка. Свое разочарование в наших знаниях она выразила отметками, что вызвало панику среди родителей. И поскольку они сами не могли помочь, то стали искать и нашли другое решение. Решением был Николай Пименов, бывший белогвардеец, который после Великой Октябрьской социалистической революции бежал из России и поселился в городе Страконице. Я и двое моих одноклассников несколько раз в неделю ходили в дом Николая Пименова на уроки русского языка.

У Николая не было собственных детей, но детей он любил. Он учил нас не только по программам русских школьных учебников, но кроме того, учил, как играть в лото, как приготовить и пить русский чай, рассказывал нам о волках в степи и о жизни простых людей. Когда много лет спустя я услышал выражение "широкая русская душа", я знал, что это была характеристика Николая Пименова. Никогда не забуду первый диктант Николая. Николай читал: «В нашей школе, запятая…» и мы написали: «В нашей школе запятая». С тех пор, я забыл много слов, красивых стихов, идей и имен, но «запятая» занимает постоянное место в моей голове, хотя я это слово уже в любом разговоре не использовал.

Елена Луговская не только признала наши усилия в школьном отчете, но позже, преподавая русский язык в средней школе, открыла нам красоту русской поэзии, литературы и искусства.

На этом примере о том, как повлияли язык, литература и культура как грани межкультурного общения на жизнь одного конкретного человека, я хотел бы закончить свое выступление.
Я желаю вам много благодарных студентов и прекрасного пребывания в Праге.

Спасибо за внимание!

OD VĚDECKÉ REDAKCE - ОТ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ - FROM SCIENTIFIC EDITION

Ольга Вишнякова
Доктор филологических наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Материалы, опубликованные в данном сборнике, представляют собой результат деятельности первого Международного научного семинара «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения», проходившего в Праге с 26 октября по 2 ноября 2014 года.

В работе семинара приняли участие и обладающие многолетним опытом работы в данных научных областях известные ученые, и начинающие исследователи из Чехии, России, Латвии, Литвы, Словакии. Круг обсуждавшихся вопросов был достаточно широк и многообразен, - что можно видеть из представленных публикаций, отражающих многогранный процесс межкультурного общения и лежащие в его основе языковые и экстралингвистические аспекты межнационального взаимодействия, включая вопросы преподавания языков, литератур и культур. Авторами представлено как традиционное видение многих актуальных проблем языкознания, культурологии, литературоведения, так и рассмотрены новые подходы к явлениям окружающего мира и находящегося в нем человека, выступающего в качестве носителя и хранителя языка и культуры, творца мирового художественного пространства, особое место в котором занимает литературное творчество.

Работы, опубликованные в настоящем сборнике, принадлежат ученым, представляющим Карлов университет в Праге, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшую школу экономики (Пражский экономический университет), Чешскую ассоциацию русистов, Западночешский университет в городе Пльзень, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Белгородский национальный исследовательский университет и его филиалы, Московский городской педагогический университет, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Российский государственный социальный университет, Московский государственный областной университет, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Латвийский университет, Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Тульский государственный университет и другие культурные и образовательные учреждения стран-участниц Международного семинара «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения».

Авторы научных материалов выражают особую благодарность руководству Чешско-Российского общества, его руководителю первому лётчику-космонавту Чехословакии, Послу Чехии в Российской Федерации господину Владимиру Ремеку, а также всем организациям и лицам, взявшим на себя труд по подготовке и проведению семинара, и выражают надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

О.В. Трунова, И.А. Бубнова

В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ СО СВОИМ УСТАВОМ
Международный семинар «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения»: расширяя перспективы
WHEN IN ROME
International seminar "Language, Literature Culture as Domains of Intercultural Discourse": Broadening the Perspectives

Амбивалентность глобализационных процессов как основного направления развития современной геополитической ситуации выявляется в двунаправленности национальных устремлений, предполагающих, с одной стороны, важность самосохранения национальной идентичности, с другой, - необходимость расширения и развития межнациональных контактов во всех возможных областях сосуществования и объединения с целью сохранения пусть даже хрупкого мира. Признавая, что ведущую силу в построении межнациональных мостов представляют политические лидеры, отметим ту немаловажную роль, которая отводится контактам на других уровнях межнационального взаимодействия. Это, прежде всего, области науки и культуры. Единение этих двух исходных позиций обеспечило продуктивность и безусловный успех международного семинара «Язык, литература, культура как грани межкультурного общения», проходившего в октябре – ноябре 2014 года в Чехии под патронатом Чешско-Российского общества, Чешской ассоциации русистов, Кафедры русистики и лингводидактики педагогического факультета Карлова университета в Праге, при участии Пражского экономического университета, Западночешского университета в городе Пльзень. Координация всех организационных вопросов осуществлялась фирмой TERIS.

Открывая работу семинара, генеральный директор фирмы TERIS доктор технических наук Карел Дах отметил чрезвычайную важность проблематики семинара, понимание которой привело в конференц-залы Праги представителей разных областей гуманитарного научного знания: философов и филологов, лингвистов и культурологов, музыкантов, писателей, преподавателей, дидактов. Участники семинара определяли его основную задачу как вклад в восстановление ослабленных и в силу противоборства политических амбиций часто разрушенных культурных, научных и образовательных контактов между странами.

Согласно формату мероприятия, дни его работы определялись темами в рамках общей проблематики. Не придерживаясь хронологии событий, попробуем сформулировать их проблематику максимально ёмко.

День первый, тематику выступлений которого мы могли бы обозначить как «Multilingualism vs Lingua Franca». Современная Европа говорит, как минимум, на трех языках. Языки могут быть законодательно закреплены в качестве официальных, как в Бельгии, Люксембурге, Швейцарии, или существовать на равных основаниях в силу сложившейся традиции, например, в Австрии, Дании, Испании, Италии, Словении, Финляндии и других странах. Причины этого социокультурного феномена раскрываются, прежде всего, многовековой историей развития геополитической ситуации в Европе, приведшего к возникновению поликультурных социальных образований. Кроме того, ситуация настоящего момента характеризуется возрастанием межгосударственного взаимодействия

во всех сферах. Возникновение новых культурных пространств в еще большей мере способствует становлению мультилингвизма как необходимого атрибута поликультурного общества, поскольку владение несколькими языками способствует развитию адаптивных способностей человека и, тем самым, социализации личности. Чтобы вполне осознать этот факт, достаточно представить ситуацию пребывания за рубежом, когда человек владеет языком страны, в которой он находится с визитом, и когда он этого языка не знает.

Как бы там ни было, интегративные процессы в Западной Европе создали предпосылки для принятия Еврокомиссией документа, известного как «A New Framework Strategy for Multilingualism». Суть этого документа сводилась, как ни странно, не к поддержанию полилингвального (и, соответственно, поликультурного) общеевропейского порядка существования, а к необходимости утверждения английского языка как обязательного условия существования европейских государств в новом европейском сообществе.

Существующая далеко не однозначная ситуация выбора поставила и вопросы сохранения русского языка как атрибута культуры, представляющего большую историческую национальную ценность, как объекта системы национальной безопасности, как одного из языков международного общения.

Вопросу использования русского языка как одного из языков международного общения была посвящена лекция профессора Пражского экономического университета (Высшая школа экономики в Праге) Марии Горватовой. В лекции была представлена динамика развития языковой заинтересованности и смены приоритетов в плане изучения языков в зависимости от политической ситуации в стране, в Европе и в мире. Приведенная в презентации двухмерная диаграмма отобразила характер, степень и скорость фиксируемых изменений, продемонстрировав предназначение языка как средства социальной и политической включенности. Было отмечено, что интерес к русскому языку в Европе, в большей мере в странах Варшавского договора, после Второй мировой войны был чрезвычайно высок, но резко упал в конце семидесятых годов. По понятным причинам его реабилитация потребовала длительного периода времени и оказалась более затруднительной в силу широкого распространения английского языка как одного из европейских языков международного общения. Таким образом, становится понятно, что политическая ситуация в мире, распределение сил, экономическая заинтересованность представляют факторы, воздействующие на стремление владеть определенным языком. Они создают основания для смены государственных приоритетов в языковой политике.

Большой интерес вызвала лекция доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой теории преподавания иностранных языков, Президента факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой «Язык и национальная безопасность». В лекции раскрывалась проблема различий в контекстном толковании лексических единиц, способных в случае интерпретации без опоры на широкий круг культурных ассоциаций привести к непониманию, расхождению в оценках и даже спровоцировать конфликтную ситуацию. Поэтому большую значимость приобретает знание обычаев, традиций, ценностных ориентиров страны, в которую мы часто пытаемся ворваться «со своим уставом». Приводимые примеры

этнических анекдотов свидетельствуют о невежественности тех, кто их воспроизводит. Поэтому так важно понимание истоков и основ многих национальных обычаев, знание системы чужого языка, законов формообразования и структурирования высказываний.

В лекции доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой английского языкознания, заместителя декана по научной работе факультета иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова О.В. Александровой «Взаимопроникновение языков и культур», был показан характер, направления и каналы заимствований, привносимых в родной язык и отечественную культуру. Было отмечено все более расширяющееся и часто неоправданное использование англицизмов (шопинг, паркинг, экшн, прайм-тайм, бренд, тренд, спичрайтер), которое засоряет речь и, главное, приводит к подмене этнических реалий чужеродными.

Между тем, в период конца XX века и начала XXI усиливаются тенденции широчайшего распространения английского языка как естественного lingua franca в организации международной деятельности на уровне высоких государственных структур, равно как и на уровне обыденного общения. Существует много предпосылок к реализации этих тенденций. В том числе, тот факт, что по распространенности он уступает только китайскому языку. Он является государственным для Великобритании и стран Содружества, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. Английский язык – это экуменический язык Всемирного Совета Церквей. Техническое сопровождение современных изобретений в подавляющем большинстве случаев (в том числе восемьдесят процентов компьютерных данных) осуществляется в первую очередь на английском языке. Отметим, что стремление найти общий коммуникативный код, во всех смыслах «общий язык» для истории человечества явление не новое. Необходимость lingua franca осознавалась и в гораздо более ранние периоды развития цивилизации. Например, в полиэтнической армии Александра Македонского (IV век до н.э.) для общения использовался язык койне.

Период конца XX века и начала XXI отмечен также исследованиями актуализационных функций языка в плане создания определенной языковой картины мира. Язык отражает мир в преломлении к мироосмыслению, принципы которого закладываются в национальном сознании и зависят от условий существования и развития, социальных конвенций, аксиологических констант, принятых в языковом сообществе. Исследования в этой области научного знания показывают, что внедрение в языковую систему заимствованных номинаций, в определенной мере разрушает систему-реципиент и, что еще более важно, внедряет в сознание ее пользователей чуждую им модель мироустройства (более всего в отношении социально-политических структур), ранее считавшихся неприемлемыми поведенческих стереотипов, изменяет содержание понятия нормы.

День второй. «Культура и архитектура; через века и в вечность». Это были замечательные, незабываемые лекции-экскурсии по Праге, которые организовал и провел Президент Чешской ассоциации русистов магистр Иржи Клапка. Человек широкой всесторонней эрудиции, харизматичный, хорошо знающий культуру и литературу своей страны и России, он превратил заседания и последующие культурные мероприятия в настоящий праздник. Его лекция «Чешско-Российские культурные отношения в течение двух веков» сопровождалась декламацией стихов на

нескольких языках, исполнением музыкальных фрагментов, показом иллюстраций к публикуемым изданиям русских классиков.

Обычный туристический маршрут Градчаны – Собор св. Витта – Золотая улочка – Карлов мост – Староместская площадь, дал возможность еще раз вспомнить, что в разное время здесь жили и создавали свои художественные и научные шедевры лингвист Р. Якобсон, драматург и театральный деятель В. Немирович-Данченко, журналист и музеолог В. Булгаков, поэтесса М. Цветаева, посвятившая Чехии эти слова:

Не умрешь, народ! Бог тебя хранит!
Сердцем дал – гранит, грудью дал – гранит!
Процветай, народ, твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат, чистый, как хрусталь!

День третий. «Литературная классика и судьбы классиков литературы». В своей основополагающей лекции «Классическая художественная литература как фактор национальной идентичности» профессор С.Г. Тер-Минасова высказала положения, согласно которым язык представляет собой «главный инструмент формирования национальной идентичности», он «хранит и формирует национальную культуру». Эта идея родилась, конечно, не hoc momentum. В не очень далекой ретроспективе она восходит к постулату В. фон Гумбольдта «Die Sprache ist der Geist des Volkes», которым он предвосхитил современные направления лингвистических исследований, поскольку содержание существительного Geist гораздо более объемно, чем это передано в известных переводах: это не только и не просто «дух», это еще и «ум» и «образ мыслей». По существу, это характер мировосприятия и мироосмысления. И именно это формирует идиоэтничность народа. Эта концепция развивалась в ходе работы семинара по разным направлениям, подчеркивающим необходимость формирования государством языковой политики, важность воспитания толерантности в поликультурном обществе (каковым сегодня является весь мир) и одновременно абсолютно непререкаемое требование уважения к чужой культуре, в которую попадаешь по разным причинам и на разных основаниях. В соответствии с этим ставились вопросы о существовании национальных стереотипов, причинах возникновения и мерах предотвращения межнациональных конфликтов, о языковых заимствованиях и языковых изменениях, о воздействии средств массовой информации на характер социально-политического осмысления современной геополитической ситуации, о функциях органов образования и управления образованием.

Предметом научного осмысления в лекции доктора филологии, преподавателя кафедры русистики и лингводидактики педагогического факультета Карлова университета в Праге, ученого, широко известного в своей стране и за рубежом, Радки Гржибковой «Русские ассоциации в творчестве Эгона Гостовского» стали психологические мотивы поступков героев, выводимых в романах чешского писателя-эмигранта с трудной судьбой и блестящим творческим наследием, до недавнего времени мало известного в России. В своих рассуждениях о проблемах страны и судьбах людей, отражаемых в романах этого писателя, доктор Гржибкова выстроила параллель между творчеством Э. Гостовского, приводя в качестве фактографического примера его романы «Тропинка вдоль дороги»

(«Stezka podél cesty») и «Всеобщий заговор» («Všeobecné spiknutí»), и творчеством русского классика философской драмы психологического надрыва Ф.М. Достоевского (роман «Преступление и наказание»). Сегодняшний интерес к творчеству Э. Гостовского объясняется его уровнем понимания существа проблемы и способностью вскрыть (может быть, не всегда эксплицитно) внутренний конфликт и борьбу с самим собой, которую герой не всегда осознает и признает. Высокий профессионализм Э. Гостовского проявился в первых романах: «Семь раз о главном» (о приходе к власти нацистов), «Иностранец ищет квартиру» (почти биографический роман, написанный на основе его эмигрантского опыта). Многие его романы были экранизированы («Благотворительный бал», «Полуночный пациент») и получили признание широкой аудитории.

В работе семинара этого дня были представлены доклады и сообщения, свидетельствующие об интересе научного сообщества к русской и чешской культуре, литературе, творчеству писателей, поэтов, художников. А. Хлебина выступила с лекцией «Русский писатель-эмигрант в контексте европейской культуры: Аркадий Аверченко в Чехословакии». Судьбы творческой интеллигенции в эмиграции стали основной темой также в лекциях чешских специалистов. Результаты глубоких исследований легли в основу докладов «Крысолов» М. Цветаевой» - преподавателя Карлова университета в Праге доктора А. Главачека, «Русская эмиграция в Чешской Республике 1918 – 1929 гг. и судьбы русских художников» - сотрудника Славянской библиотеки Национальной библиотеки в Праге А. Копрживовой, «Йозеф Швейк и Евгений Онегин» - магистра И. Клапки, президента Чешской ассоциации русистов.

Отметим, что двойственность функций художественной литературы заключается в том, что, с одной стороны, в ней отражаются ценности, характер, стиль жизни народа, с другой, - этот характер и стиль жизни, равно как и ценности опосредованно формируются сквозь призму художественного вымысла.

День четвертый. «Смещение ценностных ориентиров как фактор динамики культуры». Проблемы сохранения национальной самоидентификации, проблемы сдвига ценностных ориентиров с духовной сферы на материальную и, как результат, утраты общечеловеческих универсальных аксиологических понятий и представлений, были освещены в лекциях доктора наук, профессора, заведующей кафедрой зарубежной филологии института гуманитарных наук МГПУ Ирины Александровны Бубновой. Профессор И.А. Бубнова отмечает, что в ситуации интеграции в европейское и мировое геополитическое пространство важнейшими принципами, обеспечивающими жизнестойкость нации, являются приверженность устойчивым интериоризированным культурным константам и определенность ценностных ориентиров. Это те факторы, которые способствуют предотвращению обезличивания этноса и сведению мирового культурно-политического устройства до статуса “global village”. Поэтому в складывающейся сегодня ситуации межкультурного общения так важно, понимая и принимая особенности иной культуры, удержаться от полной подмены собственной системы моральных, нравственных культурных ценностей привнесенными извне, собственного мировосприятия - чуждым собственных обычаев и традиций, определяющих сущность национального миропредставления, целенаправленно и настойчиво навязываемыми определенными структурами международного уровня.

В лекции профессора Пражского экономического университета (Высшая школа экономики в Праге) Сергея Борисовича Гарбитского, был дан критический анализ «Белой книги по межкультурному диалогу», принятой в мае 2008 года на сто восемнадцатой сессии Комитета министров Совета Европы. Этот документ высветил основные проблемы в области межкультурных отношений (в том числе, и в первую очередь, проблемы непонимания другой культуры, ведущего к межкультурным конфликтам), констатировал значимость осуществляемых межкультурных контактов для мирного сосуществования в поликультурном обществе, определил перспективы и направления их развития. В рамках сегодняшней ситуации многомерного коммуникационного пространства эти проблемы встают как никогда остро. Докладчик отметил, что в применении этого принципа толерантности, как одного из главных принципов сосуществования народов в мультикультурном пространстве необходимо соблюдать равновесность и предъявлять равные критерии оценки возникающих ситуаций, независимо от страны или стран возникновения конфликтов. В противном случае это может привести к одностороннему либерализму, результаты проведения которого в жизнь не заставляют себя ждать, проявляясь в межэтнических столкновениях.

День пятый. «Заговори, чтоб я тебя увидел».

Социально-культурные новшества, приобретаемые в ходе широкого общения народов, заимствуются вместе с обозначающими их языковыми единицами. Из отечественной культуры и родного языка уходят «лавочки» и «булочные», на смену им приходят «boutiques» и «boulangeries». Вопросу иноязычных (английских) заимствований была посвящена лекция профессора Вильнюсского технического университета Эрнесты Рачене «Язык и культура в процессе глобализации». В лекции определены объективные причины, способствующие расширению зоны распространения английского языка как языка информационного обмена в разных областях межнационального культурно-экономического общения, что, собственно и возводит именно этот язык в статус языка-посредника. Этому также способствуют многочисленные факторы общепарадигмальной ситуации научного, финансового и производственного развития США, а также возрастание ее роли в осуществлении политики планетарного масштаба

Отмечая, что процесс заимствований явление естественное и что самая заимствуемая страта языковой системы – это лексис, профессор Рачене поддержала и аргументировала идею о разрушающем действии англоязычных заимствований на язык-реципиент (в данном случае, литовский). Она также отметила, что язык – это носитель культуры народа и как таковой являет собой часть национальной идентичности. Поэтому важно, чтобы государства следовали в этом отношении четкой языковой политике, поскольку языковая политика есть форма общественного порядка.

Заметим еще раз, что возведение английского языка в статус языка-посредника обусловлено расширением зоны его распространения как языка информационного обмена в разных областях межнационального культурно-экономического общения. При этом очевидным, эмпирически доказуемым является тот факт, что законодательными приемами невозможно запретить или приостановить заимствования из языка-донора в язык-реципиент. Главный вопрос заключается в том, насколько, заимствуя чужое, мы сохраняем свою национальную, этническую идентичность,

изменяется ли наше мироосмысление, и если изменяется, то в какую сторону, что происходит с нашими собственными ценностными ориентирами.

По этому поводу приведем маленький характерный пример бережного отношения к своей истории и своей национальной идентичности, сохранения в общественном сознании вех и дат развития и становления государства. Во время работы семинара 28 октября, более чем через десять лет после распада союзного государства, со множеством торжественных мероприятий и художественных программ Чехия отмечала национальный праздник – День независимости Чехословакии. Даже тем, кто в суетности перемен времени свидетельствовал попрание собственной истории, это событие представилось достойным уважения.

В программу семинара входили также лекции, доклады и сообщения о форматах языковой организации: «Функциональная реконфигурация системных отношений в языке» (профессор Ольга Владимировна Трунова), об отдельных аспектах изучения языковых экспликаций: «Презентация эмоциональной семантики в русском сложном предложении» (профессор Елена Сергеевна Ярыгина), о внутренних языковых процессах: «О реализации принципа экономии в современном английском языке» (доцент Е.А. Вишнякова), «О гибридизации специальной лексики в английском и русском языках (на материале современного финансового дискурса)» (аспирант МГУ В.В. Степанов), о характере и особенностях языковой картины мира и ее фрагментов, проблемах и трудностях перевода. Последнему вопросу была посвящена лекция профессора Татьяны Георгиевны Поповой «Культурологическая концепция перевода».

День шестой. «Научить человека мыслить». Вопрос о прикладном потенциале лингвокультурологии был поставлен в одной из первых лекций лекционных сессий семинара профессором кафедры теории преподавания иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова Ольгой Дмитриевной Вишняковой. Основой аналитического аппарата концепции профессора О.Д. Вишняковой является понятие культурного концепта как ментальной сущности, содержательное наполнение которой отражает культурный опыт определенного этноса в преломлении к его индивидуальной переработке в сознании отдельного представителя данного этноса. Естественным при этом представляется разграничение универсальных культурных концептов и концептов, связанных рамками определенной культуры. Универсальные культурные концепты, как, собственно, любые универсальные концепты, по сравнению с культуроспецифическими концептами имеют минимальные интерпретативные расхождения. Но именно эти минимальные различия доставляют большие сложности в освоении, усвоении и понимании сущности явления в разных культурах, что было наглядно продемонстрировано в лекции на примере концептов FREEDOM и PRIVACY в культурах разных англоязычных этносов (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, США, Нидерланды). В учебном процессе создается эвристическая образовательная среда, способствующая получению выводного знания. Это инновационная методика, возникающая на пересечении интересов лингвистики, культурологи, теории познания и дидактики.

В рамках акмеологической концепции формирования образовательной среды была выдержана лекция профессора Тульского государственного университета В. И. Ивановой, обратившей внимание присутствующих на существование в области высшего образования конкуренции за качество интеллектуальных ресурсов. Этот фактор, а также то, что в науке и профессиональной деятельности происходит постоянное расширение интеграционных процессов, возникает множество международных организаций, не просто приветствуется, но принимается как необходимый показатель профессионального роста. Мобильность преподавателей и студентов требуют повышения уровня знаний иностранных языков на ступени послевузовского образования.

Проблемы обучения русскому языку как иностранному были освещены в лекции профессора кафедры русистики Университета Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве Е. М. Марковой «Учет лингвокультурных особенностей лексики при обучении русскому языку как иностранному».

Рассмотрение проблем и направлений в современной лингводидактике продолжилось в рамках работы семинара, когда его участников принимал Центр фонда «Русский мир» в г. Пльзень, созданный по инициативе Западночешского университета. Сотрудниками центра были предложены две презентации. Руководитель Центра, заместитель директора Института языковой подготовки Западночешского университета магистр Власта Клаусова познакомила собравшихся с целями и перспективами развития первого (из двух) Чешских Центров фонда «Русский мир». Присутствующие познакомились с программой его работы, которая включает проведение семинаров и курсов повышения квалификации для преподавателей русского языка как иностранного, чтение лекций по русской культуре, профессиональные мастер-классы, встречи с представителями русскоязычной диаспоры в Чехии, презентации перспектив лингвистического образования. Усилия, предпринимаемые сотрудниками Центра, несомненно способствуют популяризации русского языка и культуры как важных элементов мировой цивилизации, что составляет центральную задачу фонда «Русский мир»

Предметом второй презентации была издательская деятельность Центра. Кроме периодического журнала «Русский мир» сотрудники Центра и преподаватели университета выпускают учебно-методические материалы. Особое внимание привлек «Учебник русского языка» (издание Computer Press, Brno, 2011 год). Это методологически и дидактически грамотно составленное учебное пособие, авторы которого О. Белинская и А. Янек придерживаются концепции обучения иностранному языку через знакомство с его культурой. В нем используются аутентичные тексты и даже названия традиционных тематических разделов имеют высокий коннотативный потенциал. Например тема «Семья, характер, настроение» озаглавлена строчкой из песни Максима Леонидова «Дела отлично, как обычно», название темы «Времена года» – «Вот и лето прошло» напоминают учащимся о творчестве Арсения Тарковского, тема «Свободное время и хобби» однозначно соотносима с одной из самых популярных интеллектуальных телевизионных игр «Что? Где? Когда?». В названиях тем опосредованно, в пословицах и поговорках отражена российская «картина мира», принципы, по которым мы живем и работаем. Например: «Сделал дело, гуляй смело» (о профессиях и

профессиональной занятости), «Когда я ем, я глух и нем» (подтемы «Русская кухня», «Русское гостеприимство», «В ресторане»).

Тему обучения иностранному языку в соответствии с принципами лингвокультурологического направления в современной лингводидактике продолжила методист Центра фонда «Русский мир» кандидат наук, победитель второго Международного конкурса «Лучший учитель русской словесности зарубежья» В. М. Головатина. Тема ее сообщения «Образ России в учебниках русского языка как иностранного» чрезвычайно актуальна, поскольку формирование представления о стране, её культуре, ее людях, характере межличностных отношений происходит в процессе освоения учебного материала. Основу методики, используемой В.М. Головатиной, составляет опора на аутентичный языковой материал, применение ассоциативного метода и интерактивного режима общения. Важным фактором является создание аутентичной коммуникационной среды.

В лекции доктора филологии из Лингвистического центра Латвийского университета Е. Кутасиной, представленной в этой сессии, речь также шла о значимости многоязычия, которая подтверждается расширяющимися межличностными и межгосударственными контактами. Особенно важным владение несколькими иностранными языками является, как считает доктор Е. Кутасина, для открытого пространства Евросоюза, обеспечивающего интенсивную мобильность и открывающего возможности профессиональной реализации.

Еще один день. «Inter arma silent Musae. Не дайте умолкнуть музам». Семинар завершился работой круглого стола, свободной беседой и поиском причин происходящих изменений в отношениях, культурах, языках. И как бы ни не любили мы слово «глобализация» (пусть даже в силу того, что эта идеологическая доктрина насаждается миру определенными кругами в Соединенных Штатах), но то, что происходит в науке, технике, торговых отношениях, разного рода контактах, демонстрирует развертывание совершенно новой парадигмы и нового формата сосуществования.

В 1998 году министры образования Франции, Германии, Великобритании и Италии подписали Сорбонскую декларацию [Sorbonne 1998: URL], цель которой состояла в создании общих положений по стандартизации Европейского пространства высшего образования. Одним из важных положений декларации было положение о мобильности студентов и преподавателей, должной способствовать расширению образовательных контактов и повышению квалификации. Уже через год двадцать девять стран подписали Болонскую декларацию [The Bologna 1999: URL], ставя перед собой задачу обеспечения конкурентоспособности в сфере высшего образования. В 2003 году к этому соглашению присоединилась Россия. Это серьезный фактор культурного и научного взаимообогащения, роста интеллектуального потенциала и научно-технического процесса.

Мы идем по Праге и видим вывески компании TESCO – крупнейшей теперь уже транснациональной (ранее Британской) сети розничной продуктовой торговли, одной из крупнейших в мире торговых сетей по продаже мебели и товаров для дома, нидерландской производственно-торговой компании IKEA. В России открываются магазины французской компании розничной торговли Carrefour, второй по величине в мире после американской компании-ритейлера Walmart, кстати, успешно осваивающей Европу. В настоящее время в мире насчитывается семьдесят три тысячи транснациональных

корпораций, существование которых считается важнейшим фактором развития интернационализации мировой экономики.

Интеграционные процессы становятся всё более интенсивными. Понятно, что их обеспечению должно сопутствовать «многоязычие», которое для Европы уже не новшество, а условие сегодняшнего дня. Россия вписывается в эту матрицу. На этом фоне языковые контакты неизбежны, а, следовательно, также неизбежны и заимствования. Сферы и причины заимствований иноязычной лексики разнообразны. Хорошо известно, что исконные слова языка обычно многозначны. Заимствуемое слово приходит из языка-донора с одним конкретным значением и, чаще всего, это область терминологических заимствований, обусловленная требованием к терминообозначению.

Еще одна причина заимствований в том, что английский язык широко распространен в силу исторических условий. Научно-технические достижения в странах, говорящих на английском языке, высоки. Сопровождающая их продукцию документация, естественно, пишется на английском языке. Развивающееся сотрудничество настоятельно требует знания этого языка.

Третья причина: появляются артефакты, не имеющие номинантов в родном языке. В 1967 году в СССР было принято постановление о переходе на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными. Не сразу нашлось слово для обозначения этого явления. Это было английское слово weekend, которое, как в Англии, так и в нашей стране изменило первоначальный смысл «конец недели» на «конец рабочей недели», то есть дни отдыха. Поэтому англичане говорят “Have a good weekend” (Желаю хорошо отдохнуть). Вообще, вся Европа говорит, как минимум, на трех языках. И это, давайте признаем, хорошая тенденция. Признаем также и то, что есть и нежелательные заимствования. Например, как отмечает профессор Э. Рачене, из употребления выходят привычные оценочные слова «красивый», «сильный», «привлекательный», «миловидный». Их заменяет чужое слово сексуальный (“sexy”). И это уже означает сдвиг в системе общепринятых ценностей.

Вне всякого сомнения, в наше бурное, сложное, тревожное время, когда, к сожалению, пушки говорят громче, чем музы, как нельзя более важно находить точки соприкосновения и избегать конфронтации, способной уничтожить все достижения человечества. Поэтому очень правильно и очень своевременно мы обращаемся к культурным ценностям, которые, способствуют сохранению мира. Но, наверное, мы слишком обрадовались открытости мира, дающей возможность широкого межкультурного общения, и в порыве всеобщей эйфории, напившись «воздуха свободы», просто не приняли во внимание тот факт, что культура, литература, язык являют собой константные этнические величины, тот факт, что они есть объекты национального достояния. И жизнеспособность нации зависит от сохранения этих констант, сохранения собственной идентичности. Осмысливая собственные рассуждения о результатах научного семинара, давайте зададимся вопросом: так ли нам с вами хотелось бы жить в пресловутой «глобальной деревне» и что скрывается в семантике термина «глобализация»?

Представляется, что с момента вхождения в научный аналитический аппарат термин «глобализация» претерпел заметные изменения содержательного наполнения. Изначально рациональная концепция американского социолога Р. Робертсона, предложенная ровно тридцать лет назад, заключалось в том,

что многие вопросы финансового, экономического, политического характера невозможно решать на уровне отдельной страны, в отрыве от общеэкономических и политических законов и тенденций развития. В преломлении к внутренним проблемам одного государства она сводилась к обеспечению межэтнического понимания, что особенно важно для таких многонациональных стран как Соединенные Штаты Америки, не случайно именующие себя «salad bowl». Но здесь эта идея развивалась в направлении устранения различий и нивелирования наций, превращения «salad bowl» в «melting pot». (Вспомним культовый роман-антиутопию Дж. Оруэлла 1984). Можно, по-видимому, допустить, что для условий одной многонациональной страны это действенный принцип внутренней политики (сплавилось и стало однородным). Насколько правомерно, однако, экстраполировать внутреннюю доктрину на весь мир? Насколько позитивно явление распространения транснациональных компаний? Не поставит ли политика глобализации под вопрос существование отдельных национальных государств? Не исчезнет ли дорогой сердцу каждого национальный колорит? Чем будут жить и гордиться следующие поколения?

Всё это очень трудные вопросы, ответы на которые ищут политики и социологи, культурологи и лингвисты. Все эти вопросы, казалось бы, «лежат на поверхности». Тот факт, что они были четко обозначены, сформулированы и вынесены на обсуждение в рамках работы семинара, тот факт, что представители разных научных интересов и научных направлений заинтересованно, открыто, искренне их обсуждали и пришли к единству мнений по многим положениям о необходимости взаимных контактов в области культуры, науки и образования, говорит не просто о заинтересованности проблематикой семинара, но желании людей в мире и дружбе с соседом строить свой собственный дом. Наверное, для западноевропейской культуры трудно воспринимаемо понятие не так далекого артефакта российской культуры, как «коммунальная квартира». Но и в коммунальной квартире при наличии общего пространства существования на своей собственной территории каждый обустраивается в соответствии с собственным пониманием комфорта и собственными возможностями…

Еще раз говорим слова благодарности людям и учреждениям, на самом высоком уровне международных стандартов организовавших и обеспечивших проведение важного в научном, культурном и общечеловеческом плане семинара – нашим высококвалифицированным и исключительно доброжелательным коллегам Карелу Даху, Яне Даховой, Иржи Клапка, Власте Клаусовой и всем, принявшим участие в подготовке и проведении мероприятия.

До новых встреч!

Olga Alexandrova
Moscow, Russia

CONVERGENCE OF LANGUAGES AND CULTURES

This article deals with some problems connected with language change under the influence of general globalization of life and languages, in particular the author tries to analyze some phenomena that take place in the Russian language.

Key words: language, culture, international communication, convergence

It is historically proved now that only the existing language may serve as the basis for the creation of the language which may be used internationally. Until the middle of the last century English language was not the only one widely used around the world, French and German were in use as well, but it is a well-known fact that historical events play a decisive role in the development of the linguistic situation in the world. Already in the second half of the forties of the last century the obvious turn to the English language as the language of the international communication may be observed and it is possible to speak about the real expansion of the English language in the world. Gradually English has become the language of the international scientific communication - the majority of conferences accept English as the working language, the major part of the professional journals are published in English.

A big push to the international use of the English language was given by the development of the internet. The idea of the creation of some kind of the computer net was born in the United States in the 60s, the initial reason was to provide the lines for communication which could be used in the case of the nuclear war, if telephone lines are not in operation. Who could imagine then that internet will grow into the system which is used all over the world now, which is the source of a lot of information, communication, which provides the possibility of e-mailing etc. And again, English in this respect appeared to be in the privileged position, the internet materials in their major part are in English, if one wants to use them, he must know the language well enough to be able to do it.

Young people not only in Russia, but all over the world understand, that to get a good job one must be not only computer proficient, but also must be English language proficient. So, young people are linguistically motivated nowadays.

Everybody knows how many new words were borrowed into the Russian language from the internet. I would like to dwell only on some phenomena. In the electronic communication we observe the use of different orthographic and punctuation devices (capitals, dots, exclamation and question marks, different smiles etc.) which presuppose the expression of different emotions.

English has become the language of the international communication in the sphere of entertainment. Examples are infinite: in Russia we are invited to visit the club Golden Palace, to have a drink in the News

Pub, to eat in the restaurants Planet Hollywood, Macdonald's or Pizza Hut, you switch on the radio and you listen to the songs in Russian and in English, but more in English, of course.

A great influence on the use of words and expressions, their stresses in the language is produced by the speech of the influential people: politicians, statesmen and so on. Remember Gorbachev's расширить и углубить, or presently widely used words like **эндаумент - endowment,** or **тренд - trend,** or **омбудсмен - ombudsman от германского поручение, полномочия, etc.** Such words are not simply introduced into the Russian language, they introduce new notions, new events which did not exist in our picture of the world before. As it was mentioned already English expands more and more in Russia, there is a great demand to learn English in this country and it is interesting to observe, how, together with the expansion of a foreign language, the foreign culture penetrates into Russia more and more obviously.

For example, **буккроссинг – bookcrossing**, an event, when people may take books in different places, read them and then leave the books in some other places. Many of these words are not recognized by the Russian version of the computer in their transliterated form and are marked as erroneous, but they are used nowadays quite often.

A lot of advertisements which we can see now in the streets of the Russian cities are in English, we celebrate now some holidays which came to us from the foreign culture, for example, St.Valentine Day; we celebrate Christmas twice - on the 25th of December and on the 7 of January. Children and teenagers play computer games which are in English, many popular magazines which are published in Russian, present the advertisements in the English language.

A lot of abbreviations appear now in the English and Russian languages. They existed even in the beginning of the last century and continued to be used later. For example, even the older generation of the present audience is familiar with the term **laser** since childhood, and does not give a thought to the idea that this is an abbreviation of **light amplification by stimulated emission of radiation.** But modern internet materials show that young people use different kind of abbreviations, they abbreviate single words, or combinations of words, or the whole utterances**: icci – I couldn't care less; hbtu – happy birthday to you; ptmm – please tell me more etc.** The same processes are characteristic for the Russian words and expressions.

What influence has the present linguistic situation on the Russian language? In the last period of time we borrowed a lot of English words into the Russian language, it's true that yet many of them have not been included into the normative vocabularies and are used on the colloquial level, but we hear them at every step, in the course of the routine conversations, from youngsters, they are used by the radio and TV speakers and statesmen. Such words as **week-end, sorry, baby, video clip** and many others are used widely in the Russian speech, even greater amount of words may be found in the youngsters vocabulary - шузы (shoes), фейс(face), etc., which became a part of the Russian youth slang. Of course, it is only natural for any language to borrow words for denoting things which are new for a particular language and culture. This is what happened to everything connected with the computer technologies, as was said in the beginning of this presentation. But the process of borrowing from the English language is much wider than that. At some moment it has caused some concern among the officials, a special commission was organized under the

patron of Duma, whose task was to work out some ways of saving the Russian language from the massive expansion of the English language. The commission consisted of some famous people, specialists in Philology and culture, but later on the attempts to change the situation were given up, probably because it is really difficult, if at all possible, to find the ways of preventing the words from English to penetrate into the Russian language.

Now it is important to see how English functions in the countries where it is used as a foreign language, as really the language of international communication. Russia, in this respect, is in a very special situation, as compared to the other countries of the world - historical reasons here come to the fore as well. Because of the political situation in the last century Russia was closed to the general process of the expansion of English throughout the world, even some twenty years ago the teaching of English in Russia was mainly based on the study of the literary texts of the 19th century, some newspapers and textbooks, produced by the Russian teachers of English. The most famous English book that was used and which was very problematic to obtain was the course by C.E. Eckersley. There was little opportunity to communicate with the native speakers of English - there were very limited possibilities for travelling, and any communication with foreigners was not encouraged by the officials, if not dangerous. But, still, the demand for learning foreign languages in Russia, especially the English language, of course, was great, the competition among those who wanted to enter foreign languages departments at the universities has always been high.

We can speak about the expansion of English in Russia only beginning with the 90s, and the break-through was really vigorous: books, newspapers and magazines, radio and TV programs, the possibilities for travelling and communication - all the possible ways to use English were open, but that posed a number of problems for those who were involved into the process of teaching English. When a lot of books appeared in the shops one day, teachers of English faced the problem of choice of the teaching manuals, presupposed for different categories of learners, British and American, very often absolutely unsuitable for the Russian learners of English. And immediately another problem arose - what materials should be used to teach Russian learners of English. The teaching experience shows that the majority of the manuals produced by the native speakers are internationally oriented, they do not take into consideration the national cognitive peculiarities which, in very many respects, define the use of the language.

The problem is not the trivial one, and the general development of modern linguistics shows that very clearly: the core of the problem lies in the already mentioned cognitive approach to the study, understanding and the use of language in different language communities, in different social strata of the society. When we say that the majority of the present-day English language manuals are internationally oriented we mean the fact that they do not take into consideration some features of the national attitudes and traditions of a particular country, which may differ considerably from the English-speaking world. Here the question of cross-cultural communication becomes very important, because to understand the ways in which different people in different countries use the language, to see what kinds of concepts are explained by this or that frame of the discourse - this is what should become the primary concern for the authors of the English language text-books.

The cognitive infrastructure of the human mind is formed by the conceptualization and categorization of the surrounding world. In the literature devoted to cognition it is possible to single out the idea that everything that is connected with the classification of the human being is connected with the language. The sorting out of the fragments of the world directly depends upon inference, which is possible to do with the help of the language. Many specialists in the field of cognitology doubt that the picture of the world is reflected in the human's mind objectively, we describe not the objects, but our feelings about them [1]. Any kind of information that is presented with the help of the language is the reflection of the individual appreciation of the world by the particular mind. This statement seems to be only partly true, human beings may possess knowledge about the outer world even when they do not observe it directly, but the information about the outer world helps to penetrate more and more deeply into the general knowledge of the world, this gives us grounds to think that we get knowledge about the world ontologically, world as it is.

In some recently published works in linguistics human language is discussed as the unique mental space which unites all the linguistic forms, this statement leads to the idea about the space of the language [2]. Cognitive approach to the study of language and the understanding of the surrounding world makes possible the categorization of different kinds of phenomena, where cognitive and linguistic factors are indissolubly connected.

If we return to the initial subject of the present article - the English language, its functioning in Russia and the expansion in the world - a very interesting question is bound to arise: does the expansion of the English language, which necessarily brings with itself the elements of English-speaking culture, influence somehow the cognitive processes of the foreign speaking community, and what happens if the two conceptual world views impose each other? There is no simple answer to this question, it requires multiple research, but one thing is obvious: knowledge of a foreign language, its conceptual background widens considerably one's personal knowledge about the world.

It seems in connection with what was said above, that the role of English in the present world is much more serious than it may seem: we are dealing not with the simple expansion of the foreign language around the world, but with the expansion of a certain conceptual system, which, together with the national system of concepts and some particular world-view, that exist in a particular country, form some kind of new understanding of the world.

Literature

1. Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время. В сб. Категоризация мира: пространство и время. М., 1997
2. Степанов Ю.С. Изменчивый "образ языка" в науке XX века. В сб. Язык и наука XX века. М., 1995

С.Г. Тер-Минасова
г. Москва, Россия

КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблемы безопасности в современном обществе – самый важный вопрос и настоящего, и будущего человечества. В вопросах безопасности как национальной, так и общечеловеческой, в провоцировании и/или зарождении межнациональных и межкультурных конфликтов язык играет гораздо более серьезную роль, чем может показаться. Свидетельства ингерентно заложенных в языке ксенофобии и агрессии можно вкратце свести к следующим возможным источникам: 1) колыбельные; 2) считалочки; 3) легенды, сказки; 4) пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения; 5) словари разных типов; 6) уничижительные, негативные этнонимы; 7) международные анекдоты; 8) учебная литература; 9) художественная литература. Нет сомнения, что именно язык, несущий в себе огромный заряд культуры, идеологии, системы ценностей, образа жизни, отношений между людьми играет – увы! – определенную роль в развитии агрессии и ксенофобии в человеке и является одной из причин межнациональных и межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: национальная безопасность, агрессия, ксенофобия, язык, культура.

Svetlana Ter-Minasova
Moscow, Russia

CULTURAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF NATIONAL SAFETY AND SECURITY

The article deals with the problem of national safety and security and the role of language within these terms, which is extremely important as implicitly it possess the potential of understanding and contacts development, on the one hand, and aggression and xenophobia, on the other.

Key-words: national safety and security, aggression, xenophobia, language, culture

Глобализация – главная черта современной эпохи. Процесс глобализации, явления весьма противоречивого, тормозится сопротивлением национальных языков и культур, вызванным напором английского языка как глобального. Замечательный и неожиданный парадокс: перспектива глобализации и вторжения глобального языка и культуры заставила все народы встрепенуться, очнуться, осознать свою национальную самобытность, глубже оценить свою культуру и свой язык и начать о них заботиться (или просто вспомнить и/или возродить: ирландский, бретонский, валлийский, гэльский, мальтийский).

Однако с точки зрения безопасности всего человечества, может возникнуть конфликт между всепланетной, международной безопасностью и безопасностью национальной. И здесь, как это ни странно покажется представителям главных направлений нашей жизни – энергетикам, физикам, химикам, математикам, экономистам, финансистам и т.д. – важнейшую роль в качестве боюсь что главного препятствия играет этот самый человеческий (не – технический, не – естественный) фактор:

язык как средство общения и неразрывно в ним связанная культура, то есть образ жизни, образ мысли, вúдения мира и поведения. И у каждого народа – это национальное, своё, родное.

Разумеется, угроз безопасности много – геополитических, экономических и других. Но не нужно забывать об очень человеческом факторе – языке и культуре. Язык обманчиво доступен всем. Он как дыхание. О нем забывают, пока не начнут задыхаться. Memento lingua!

Проблемы безопасности в современном обществе – это самый важный вопрос и настоящего, и будущего человечества. Мы привычно говорим о «национальной безопасности», все государства не скупятся на содержание «силовых» структур, потому что будущее их страны и народа зависит от обеспечения безопасности. Те, у кого нет сил, финансов, возможностей наращивать вооружение, примыкают к более сильным, попадая в зависимое положение, но получая таким образом некоторую гарантию спокойного – б е з о п а с н о г о – будущего.

Итак, современное общество вступило в эпоху глобализации, в эпоху исполнения давней мечты человечества: дружного, веселого, совместного строительства Вавилонской башни, где все живут и работают мирно и счастливо.

В Глобальной Деревне все население планеты живет вместе, мирно, дружно, **безопасно,** мы вместе боремся за жизнь и благополучие как самой планеты, так и всех населяющих ее людей.

Глобализация предполагает взаимодействие и взаимозависимость всех людей и всех стран. Выражаясь нашей доброй старой лексикой – это мир и дружба между народами, потому что для всех людей жить **безопасно** – это, в первую очередь, жить в мире. Кто же может против этого возражать? Откуда взялись антиглобалисты?

Увы! Глобализация, как было сказано выше, – явление противоречивое. Опустив все «за» и большую часть «против», остановимся на главном «против», а это – человеческий фактор: **языки и культуры**. Специалисты по вопросам безопасности, как правило, не задумываются о таких «мелочах», как язык и культура.

У них гораздо более важные задачи: разведать планы и возможности угрозы безопасности со стороны других стран, разрушить эти планы и продумать собственные планы и обороны, и атаки и т.д. и т.п. Все это очень важно, очень серьезно, и спасибо им за этот тяжелый и неблагодарный труд. Однако, дело не только в том, чтобы бороться с уже существующей угрозой. Очень важно понять корни этой опасности, то есть, метафорически выражаясь, не только лечить болезнь, но и заняться профилактикой. **Откуда берутся этнические конфликты, агрессия, ксенофобия?**

Решая эти вопросы, нельзя недооценивать роль языка и культуры в формировании личности, национального характера, национального менталитета. К сожалению, такого рода недооценка – очень распространенная ошибка. Стоит повторить: язык – как дыхание, которое никто не замечает, пока не возникнет с ним проблемы, а тогда через 2-3 минуты будет уже поздно…

В вопросах безопасности – и национальной, и общечеловеческой, – в зарождении межнациональных и межкультурных конфликтов язык играет гораздо более серьезную роль, чем может показаться.

Именно язык можно считать одной из главных причин агрессии, лежащей в основе межэтнических, межкультурных конфликтов.

Свидетельства ингерентно заложенных в языке ксенофобии и агрессии можно вкратце свести к следующим источникам.

1. Агрессия и ксенофобия формируются уже с детства. Это и **считалочки**, типа печально знаменитой *«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе водить»*, и **колыбельные** подобно Лермонтовской: *«злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал»*; и многочисленный, разнообразный, жестокий, отвратительный, но притягательный **черный юмор**, которым особенно увлекаются дети и молодежь («Камешек по камешку мы школу разберем, директора повесим, а завуча убьем…»); и **сказки-страшилки** про черный гроб, мертвую руку и т.п. Все это одновременно может быть и прививкой против насилия, и приглашением к нему.

Английские фольклорные легенды также полны «ужастиков» про убийц, воров, насильников, привидений, мертвецов, злых духов. Вот несколько названий: *"The princess who murdered her child", "Shooting at the father's corpse", "The robber bridegroom", "Robber and murder stories", "The ogre blinded", "The card-player and the devil"*, etc., etc., etc.

В наши дни, когда визуальные средства выходят на первый план, вытесняя книгу и вообще чтение, важную роль в формировании ксенофобии у детей играют **мультфильмы**. Так, в американских мультиках до недавнего времени злодеи, стремящиеся к мировому господству и уничтожению «хороших наших», носили русские/славянские имена.

Несомненно, в языках заложено много и агрессии, и ксенофобии, как правило, не осознаваемых их носителями. Взрослые обычно давно утратили способность видеть и слышать слова и словосочетания в их первозданном – номинативном – значении, но дети, для которых язык нов и свеж, воспринимают его гораздо острее. (Та же языковая чувствительность бывает у взрослых по отношению к языку иностранному – он тоже для них нов и свеж).

Общеизвестная английская детская песенка про валлийца Тэффи, который был вором, пришел в мой дом и украл кусок говядины, врядли будет способствовать улучшению и без того напряженных отношений между жителями Англии и Уэльса. Во втором куплете англичанин так и не смог ничего сделать с Тэффи, а тот снова пришел в его дом и снова украл – на этот раз - мозговую косточку:

Taffy was a Welshman,
Taffy was a thief,
Taffy came to my house
And he stole a piece of beef.
I went to Taffy's house
Taffy wasn't home
Taffy came to my house
And he stole a marrow bone.

Тэффи был валлийцем, Тэффи был вором, Тэффи пришел в мой дом и стащил кусок мяса. Я пошел к Тэффи, Тэффи не было дома, Тэффи пришел в мой дом и украл мозговую косточку.

А песенка, между прочим, - в категории children's favorite songs. Любимые, значит, детские песенки.

«Взрослый» язык значительно усиливает эти мотивы – и количественно, и качественно.

2. Словари разных типов.

В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского (М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007) в рубрике «физическое воздействие, физическое насилие» – 98 выражений, из них 80 имеют пометы: *народное, просторечное, жаргонное, неприличное, нецензурное*. А в рубрике «доброта, безобидность, гуманность, смирение» – всего 7, с пометами ***книжное*** *(ангел во плоти, подставить другую щеку)*, ***журналистское*** *(с человеческим лицом).*

Иными словами, для выражения насилия и агрессии имеется огромный арсенал языковых средств, который широко и **всенародно** употребляется, а вот для доброты, гуманности, милосердия и смирения – жалкая кучка, используемая изредка журналистами (это не самые популярные у них темы) и в «книжном стиле», которым уже совсем мало кто пишет, и еще меньше – читает. Язык – зеркало культуры.

Англо-русский словарь иллюстрирует употребление глагола *to kill – убивать*: *he killed his own brother – он убил своего брата* (Elizabeth Wilson. The Modern Russian Dictionary for English Speakers. Pergamon Press. «Русский язык»).

В другом также учебном(!) словаре в качестве иллюстрации речеупотребления этого же глагола разворачивается прямо-таки кровавая драма: *First she killed her husband, then she killed herself. Сначала она убила мужа, потом себя.* (Longman Active Study Dictionary of English). Еще и Active Study – для активного заучивания!

3. Пословицы, поговорки, крылатые выражения, афоризмы также «вносят свой вклад» в фиксирование и распространение агрессии и ксенофобии, поскольку – увы! – они часто также оказываются заминированными полит**не**корректностью и ведут к агрессии и вражде.

Русские пословицы *снявши голову, по волосам не плачут, в доме повешенного не говорят о веревке* звучат стерто и привычно для взрослых носителей языка, но в них тема убийства проявлена вполне открыто.

О крепко спящем человеке говорят (даже о маленьком ребенке!) *спит, как убитый* или *мертвым сном* (англоязычный человек *спит, как бревно – to sleep like a log*).

Широко распространившееся в современном русском языке выражение «понаехали тут всякие», отражающее негативное отношение ко всем чужакам, даже зарегистрировано в словаре «Крылатые фразы» Д.С. Мухортова (М., Высшая школа, 2008г.).

Профессор Н.Г. Комлев (увы! – покойный) говорил мне, что в одном африканском языке есть пословица *«Если встретишь в лесу змею и эфиопа, убей сначала эфиопа, потому что змея может оказаться неядовитой».*

Английский язык, культура и менталитет печально знамениты крайне негативным отношением ко всему иностранному, чужому и особенно – к иностранцам. Это открыто зафиксировано в традиционном определении ксенофобии в английских словарях:

Xenophobia – extreme dislike or fear of foreigners, their customs, their religions, etc. Ксенофобия – крайняя неприязнь или страх по отношению к иностранцам, их обычаям, религии и т.п.

My grandparents are suspicious of foreigners to the point of xenophobia. Xenophobia and racism became an increasingly strong undercurrent in the films they made at that time. The twin pressures of recession and immigration have undoubtedly fueled xenophobia (Cambridge International Dictionary of English (CIDE), CUP, 1995, p. 1694). *Мои дедушка и бабушка относятся к иностранцам с подозрительностью, доходящей до ксенофобии. Ксенофобия и разим все более откровенно просматривается в фильмах того времени. Двойное давление кризиса и иммиграции несомненно привело к разжиганию ксенофобии.*

Языковые данные это ярко подтверждают.

Английские слова *foreign* и *foreigner* употребляются, как правило, в отрицательных контекстах.

Вот несколько примеров из многочисленного материала на слово *foreigner*, полученное из базы данных редакции словарей британского издательства Longman.

...with witches, demons, werewolves, basilisks, foreigners, and (of course) papists; Catholics were «dogs, swine, unclean beasts, foreigners and strangers from the Church of God» [... с ведьмами, демонами, оборотнями, василисками, иностранцами и, конечно, папистами; католики были «для Божьей церкви собаками, свиньями, грязными животными, иностранцами и чужаками»].

...are thrown together on a case involving drugs, foreigners, lots of fights and guns... [...были объединены на предмет наркотиков, иностранцев, бесчисленных драк и пистолетов...].

Abroad is also tiring and confusing and full of foreigners... [За границей к тому же очень утомительно, много непонятного, и там полно иностранцев].

…the cat, who is suspicious of this foreigner as the natives… [...кошка, которая не доверяет иностранцу так же, как и местные жители...].

When I was foolish enough to believe that the foreigners were the great curse of the British [Когда я был так глуп, что верил, что иностранцы - великое проклятие британцев].

В иллюстративной фразеологии английских словарей *foreigner* [иностранец] также предстает в явно негативном свете:

Anne's father would not consent to her marrying a foreigner [Отец Анны не согласится на ее брак с иностранцем] (ALDCE, иллюстрация к слову ***consent*** *'соглашаться');*

He has a distrust of foreigners [Он не доверяет иностранцам] (ALDCE, иллюстрация к слову ***distrust*** *'недоверие');*

Foreigners are not allowed to own land [Иностранцам не разрешено владеть землей] (LDCE, иллюстрация к слову ***foreigner****);*

Could you help me, please? I am a foreigner, and I can't read signs [Будьте любезны, не могли бы вы мне помочь? Я иностранец и не могу прочитать вывески] (DELC, иллюстрация к слову ***foreigner****).*

В Оксфордском словаре цитат иностранцы также представлены негативно.

We cannot bring ourselves to believe it possible that a foreigner should in any respect be wiser than ourselves. Anthony Trollope. Orley Farm (1862), ch. 18. (*Мы не можем заставить себя поверить, что иностранец мог бы быть умнее нас хоть в каком-нибудь плане*).

...abroad is unutterably bloody, and foreigners are fiends. Nancy Mitford. The Pursuit of Love (1945), ch. 4. (*заграница невыразимо отвратительна, а иностранцы – злодеи; за границей все проклято, а иностранцы – приспешники дьявола*). Эта цитата широко распространена и прочно вошла в современный английский язык.

В этом словаре приводится и цитата из французской пьесы, ставшая «крылатой» у англичан за острую «анти-иностранную» тенденцию.

Plus je vis l'étrangers, plus j'aimai ma patrie. (*Чем больше я вижу иностранцев, тем больше люблю свое отечество*). Du Belloy. Le Siège de Calais (1765, act 1 sc.3).

Итак, к сожалению, каждый язык таит в себе определенный запас разного рода средств, некий арсенал оружия, предназначенного для разжигания межкультурных и межнациональных конфликтов, вражды и насилия.

Напомним об обвинении английского языка в расизме, пришедшем в середине прошлого века, когда, в связи с освобождением народов Африки от колониализма и ростом их самосознания, метафорика цветообозначений *black/черный – white/белый* вызвала возмущение африканцев.[1]

4. Отдельная тема, привлекшая сейчас внимание исследователей, - это **уничижительные, негативные этнонимы** (названия национальностей): *хохлы, москали, жиды, китаёзы, япошки, фрицы, хачики и т.п.*

Впрочем, и нейтральные изначально названия национальностей слишком часто обретают негативные коннотации в процессе речевой коммуникации. Интересные данные приводит Т.А. Сироткина, изучившая этнонимы в диалектах таких народов Пермского края, как: вогулы (манси), коми-пермяки, воть, русские, чудь, татары, удмурты, цыгане. Приводимый в исследовании материал ясно свидетельствует о том, что этнонимы «отражают обычно отрицательную оценку»[2]

воть – дурак, разиня, болван

живем, как вогулы, ругаемся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет

ходит и всех общыганивает, обманывает всех окаянный.

Этноним *татары* особенно продуктивен в фразеологии Пермского края: как в прямом значении – например, в детской песне:

«Тру-та-та, тру-та-та, вышла кошка за кота,

Ладила за барина, вышла за татарина.

[1] См. об этом подробно в книге Тер-Минасова С.Г. «Язык и межкультурная коммуникация». М., Издательство МГУ, 2005г. с 94 и далее.

[2] Т.А. Сироткина. Этническая личность в языковом пространстве региона. Филологические. науки, № 1, 2009, с. 76.

Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать»[3],

или в осуждающем комментарии: «шапку не снимает даже. Ты што, по-татарски», так и в переносном значении *татары – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдня я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове».*[4]

5. Еще одна взрывоопасная сфера речевой деятельности – это **международные анекдоты**, где представители разных национальностей представлены стереотипно, но, как правило, далеко не комплиментарно (мягко выражаясь).

Сюда же относятся и так называемые этнические анекдоты, в которых высмеивается какая-то одна национальность. При этом у каждого народа свой набор «нелюбимчиков» с ***одним*** главным, обычно ближайшим соседом: у французов – бельгийцы, у англичан – шотландцы, у русских – чукчи.

В России во второй половине 20 века очень широкое распространение получили анекдоты о чукчах, в которых представители этого древнего и героического народа высмеивались как глупые, крайне примитивные люди.

Эти анекдоты были настолько популярны, что некоторые фразы вошли в русский язык: «чукча не читатель, чукча писатель», «шибко грязная» и др.

В это же время в Одессе были распространены уничижительные и оскорбительные анекдоты про ближайших соседей – молдаван. Только 2 примера, которые ясно показывают, как можно свести на нет все мечты о дружбе народов.

Приходит молдаван в детский дом, чтобы усыновить младенца. Ему выносят ребенка.

- А кто он по национальности?

- Русский.

- Нет, я хочу только молдавана.

Нянечка бьет младенца головой об стенку.

- Нате вам молдавана.

«Армянское радио» задает вопрос:

-Что такое братоубийство?

- Молдаван режет барана[5].

Совершенно очевидно, что шутки такого рода не только не способствуют толерантности, взаимопониманию, миру и дружбе между народами, а наоборот разжигают вражду и нетерпимость.

6. Особая и очень важная сфера влияния на сознание человека – это **литература**, в первую очередь **художественная и публицистическая**. Это огромный по объему раздел, поэтому ограничимся только одним примером. После моего доклада на международной конференции по борьбе с терроризмом мне подарили книгу стихов национальных поэтов Кубани «Любите жизнь!» изданную Центром национальных культур (Краснодар, 2007). Однако, в стихах некоторых поэтов,

[3] Там же. с. 70.
[4] Там же. с. 75.

любящих жизнь, явно просматриваются и призывы к свободе, и угрозы, и, соответственно, недовольство жизнью как в многонациональном крае, так и, читай, в многонациональной стране.

Приведу одно стихотворение «Славяне мы» казачьего поэта (речь идет о любительских стихах).

СЛАВЯНЕ МЫ

Славяне мы. А что это такое?
Мы люди. Хомо сапиенс Земли.
Нам наши корни не дают покоя,
Хоть их веков метели замели.
Хочу, чтоб в каждом сердце говорила
Далеких предков ярость и любовь.
Какое слово яркое – ЯРИЛО!
А слово «ведать» ведает любой.
Славяне – это значит всем народам
Радушие при встрече, хлеб и соль.
Но, если твой талант за доллар продан,
То слово «ЧЕСТЬ», как долга, не мусоль.
Славяне мы. Работаем волами,
Но в Космос тропку проложили мы.
У нас, прошедших войн жестоких пламя, Чисты сердца,
возвышены умы.
Славяне мы. Мы очень терпеливы.
Грабеж Иудин ждет нас впереди.
Но дай вам Бог, чтоб ноги унесли вы,
Когда рванем рубаху на груди.

Заслуживает особого внимания интересный языковой факт современного русского языка. Семантика слова *агрессия, агрессор, агрессивный* предполагает нечто враждебное человеку. Эти слова, по понятным причинам, приобрели особую активность в русском языке советского периода, начиная с середины 30-х годов XX века (здесь и далее по материалам статьи Т.Г. Ашурковой «Понятие агрессии в русской языковой картине мира XX-начала XXI столетия». Вестник МГУ, серия 9, Филология, 2009 № 3). Надвигающаяся и затем разразившаяся мировая война сделали словосочетания *фашистские/японские агрессоры* клишированными.

«В постсоветской языковой картине мира… слово *агрессор* практически полностью исчезает со страниц газет, из теле- и радиоэфира, существительное *агрессия* минимизирует здесь свое присутствие». (Т.Г. Ашуркова, с. 89).

[5] Валерий Смирнов. Одесский анекдот. Полиграф., Одесса XXIX, (2009)

На первый план выходят существительное *агрессивность* и особенно – прилагательное *агрессивный*. Однако, они изменяют сочетаемость и приобретают новые – позитивные! – коннотации. Сначала появляются «агрессивные» словосочетания как термины в научных текстах: экономических (*агрессивный портфель*), лингвистических (*речевая / языковая агрессия*), где они стилистически нейтральны. Затем – и этот процесс усиливается – увеличивается их частотность в публицистике, и вот здесь-то и появляется неожиданный для этих слов позитив. *Спортивная агрессивность, агрессивная музыка/реклама* употребляются в положительных контекстах, соотносясь *«с такими качествами, как активность, инициативность, напористость, целеустремленность»* (там же, с. 91) (ср. слово *злость* в сочетании *спортивная злость* уже привычно воспринимается как комплимент спортсмену или команде).

Итак, *агрессия* и *агрессивный* меняют облик в русском языке и, соответственно, культуре. Это наводит на грустные размышления. Язык – зеркало культуры.

Итак, во многом именно **язык, несущий в себе огромный заряд культуры, идеологии, системы ценностей, образа жизни, отношений между людьми** играет – увы! – определенную роль в развитии агрессии и ксенофобии в человеке и является одной из причин межнациональных и межкультурных конфликтов.

О.Д. Вишнякова
г. Москва, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Результаты изучения концептуальных структур универсального и культуроспецифического характера могут быть успешно применены в процессе преподавания родного и иностранных языков. Особое значение приобретает проблема транслируемости концептуальных содержаний из одной культуры в другую посредством определенных языковых значений, в том числе с учетом стереотипических представлений, бытующих в данном социуме.

Ключевые слова: концепт, универсалии, культуроспецифический, транслируемость, стереотип

Olga Vishnyakova
Moscow, Russia

THE ROLE OF CONCEPTUAL ANALYSIS IN THE LANGUAGE TEACHING PROCESS

The results of universal and culturally specific conceptual structures' analysis can be successfully used in the process of teaching languages. The problem of conceptual meanings' translatability by means of certain linguistic contents from one culture to another, taking into consideration stereotypical representations, is most significant within these terms.

Key words: concept, universals, culturally specific, translatability, stereotype

Культурная и языковая интеграция выступает в качестве очевидного условия человеческого существования в нашем идущем по пути глобализации мире. Универсальные сущности, лежащие в основе процесса взаимодействия культур во все еще мультикультурном и многоязычном сообществе, наиболее известные науке как «универсальные культурные концепты», приобретают все большее значение на всех уровнях человеческого взаимодействия, наряду с характеризующими тот или иной конкретный социум «культуроспецифичекими концептами». Данным феноменам, находящим репрезентацию на уровне языка, посвящено появившееся в последние десятилетия значительное количество исследований в рамках лингвосемиотики, культурологии, лингвокультурной концептологии, угол зрения которой может быть представлен трихотомией «язык-сознание-культура».

Проблеме разграничения универсального и культуроспецифического уделяли и продолжают уделять внимание многие ученые самых различных направлений. Достаточно напомнить в этой связи высказывания Джона Локка относительно особенностей вербальной репрезентации профессионально- или культуроспецифических сущностей, имеющих регулярное лингвистическое выражение в одних языках и не имеющих такового в других. Об этом он подробно говорит в своем сочинении “An Essay Concerning Human Understanding” (1689-1690), неоднократно цитируемом современными авторами в работах по данной тематике.

Безусловно ценным вкладом в исследование и развитие лингвоконцептологической теории явилось учение Анны Вежбицкой, выделившей целый ряд общечеловеческих и культуроспецифических концептов, сосредоточив свое внимание на создании целой системы семантических примитивов (semantic primitives, semantic primes, lexical universals) – базовых содержательных частичек, позволяющих одним народам достаточно легко понимать другие, основываясь на поиске того общего, что так необходимо человеку, чтобы найти лежащие в основе успешного человеческого общения точки соприкосновения, как в области мысли, так и в сфере эмоций и оценок [1]. Вклад исследовательницы получил несомненное признание всего лингвистического сообщества. Приведем в этой связи лишь один пример: “Wierzbicka work suggests that these semantic primitives are universal among the world’s languages, which is to say that certain meanings are universal among humans… It could be that all natural languages, despite the diversity among languages, share the same set of basic meanings because such meanings are innate in humans—we might be born knowing the meanings of semantic primes. Or, it could be that all natural languages share the same set of basic meanings because the humans that speak those languages have an innate propensity to lexicalize the same set of concepts—we might be born meaning to know the world through words. Either way, though Wierzbicka likely would subscribe to the latter possibility, her research into semantic primitives unquestionably means a whole lot to meaning” [2].

Особенностям существования и вербального выражения как универсальных, так и культуроспецифичекских содержательных структур посвящен целый ряд работ известных исследователей, рассматривающих данные феномены в терминах картины мира, языкового сознания, менталитета, регулятивности. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает тот факт, что язык, воплощая

национальную картину мира, хранит и передает ее из поколения в поколение, фиксирует культурные феномены на уровне именования и обладает способностью описать те из них, которые еще не являются представленными на уровне вербальной репрезентации [3, с. 47, 54-55]. А. Вежбицка выделяет целый ряд культуроспецифических концептов, характеризующих определенные лингвокультурные сообщества, что, безусловно, способствует стереотипическому восприятию, играющему как созидательно-позитивную, так и порой негативную роль в процессе человеческого общения и познания действительности. В качестве примеров общечеловеческих универсалий могут быть приведены такие сущности, как «жизнь», «смерть», «боль», «любовь», «страх», «ненависть», «радость» и др., в то время как для русской ментальности специфическими концептами могут быть названы «душа», «судьба», «тоска», для немецкой – "Ordnung" и т.д. Особое место принадлежит таким концептам, как "Britshness"/"Englishness", или выраженному синтаксической конструкцией новозеландскому "Relax and enjoy".

Следует отметить в этой связи, что характер человеческого поведения в первую очередь является обусловленным особенностями реализации регулятивной функции культуры, проявляющейся как на уровне межличностного, так и межнационального и межкультурного общения. Вместе с тем, исследователи отмечают, что структура личностных ценностей не может рассматриваться в качестве безусловного отражения общественных культурных ценностей [4, с. 194]. Можно полагать, что единицами системы специфических норм поведения и деятельности человека, в значительной степени обусловленных традицией, основанной на передаваемых из поколения в поколение особенностях отношения человека к действительности – ценностей, интересов, убеждений, нравственных норм, оценок, - являются культурные концепты, представляющие собой коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие специфику данной культуры [5, с. 29]. Специфика коллективного культурного пространства соотносится с культурными концептами, представляющими собой, по мнению Ю.С. Степанова, «не понятия, существующие в головах… людей, а концепты, существующие в … культуре» [6, с.9].

Особое место в ряду культурных концептов принадлежит тем из них, в которых отражены ценности и поведенческие нормы, отражающие кодекс определенной культуры и находящим, соответственно, выражение в языке, - регулятивным концептам [7]. Поэтому следует уделить особое внимание феномену взаимодействия наиболее значимых в ценностном отношении концептов с точки зрения прямых и ассоциативных взаимосвязей элементов концептосфер, как на уровне точек языкового соприкосновения, так и во внеязыковой реальности. В этом отношении бесценным материалом для анализа может быть названа целая палитра вербальной репрезентации концепта "privacy" в различных англоязычных сообществах, поскольку степень проявления регулятивных свойств данной концептуальной структуры характеризуется своими особенностями на уровне проявления культурной специфики социума. В лексикографических источниках рассматриваемая сущность представлена как "1) the (desirable) state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs etc. In many Western countries, this is usually given particular value and people expect to have their privacy respected by others: *There's not much privacy in*

these flats because of the large windows and thin walls. 2) secrecy; avoidance of being noticed or talked about publicly" (Longman Dictionary of English Language and Culture).

Исследование показало, что в нидерландском социуме, где данная англоязычная единица характеризуется высокой частотностью употребления, имеет место очевидная внешняя референция на уровне проявления внимания как к внутреннему состоянию субъекта, так и его окружения. Это положение подтверждается случаями контактной реализации в контекстах с такими единицами, как "tolerance", "flexibility", "openness", "freedom", "frugality", "neatness", "good organization (order)", "cosiness (*gezelligheid*)". Так, следующие примеры были заимствованы нами из книги "The Xenophobe's Guide to the Dutch" by Rodney Bolt (London: Oval Books, 1999): "The Dutch family is the kernel of gezelligheid and an academy of negotiation and tolerance. The Dutch treat children with respect, and expect them swiftly to pick up the trappings of respectability. From an early age children learn to "Keep it gezellig!" and conduct themselves in a way that doesn't ruffle the feathers of those that surround them. "Doe maar gewoon, dan doe je al gek genoeg" ('Behave normally, that's mad enough') they are often told – and in Holland this is usually true"; "Dutch manners have more to do with affability than rigid form. Their aim is to create a gezellige ambience, where everyone can relax and enjoy each other's company"; "Cafés offer piles of magazines and daily papers, so that if you arrive early you can quickly get up on an opinion to get you through the rest of the evening. This reading matter also ensures that life can be gezellig even if you are alone"; "The most gezellig of all forms of humour is the good story, especially if it knocks about a little with traditional Dutch values…"; "Hypermarkets, megamarkets and maximarts are beginning to appear on the outskirts of cities in Holland, but large-scale, impersonal shopping is not really the Dutch way. Small, specialized, neighbourhood stores are more gezellig, and the local street-market is probably cheaper. Most people buy supplies daily, rather than in plasti- wrapped bulk, and look forward to having a chat and maybe even a cup of coffee while they are about it"; "Everybody is so busy being neighbourly, tolerant, gezellig and generally well-behaved that the police are left at a bit of a loose end"; "Good organization helps make life gezellig, and is worth whatever it costs (though it doesn't do to flaunt your success at it), and changes that improve old ways are readily accepted" ; "Living on top of each other as they do, the Dutch have discovered that the best way to get on is by making sure that everything is always gezellig. Life runs according to a subtle decorum. The Dutch won't say "What will the neighbours think?", but "Think of the neighbours";"If you drive in the wrong direction up a quite one way street at two o'clock in the morning and meat the police head-on, they will probably pull over and let you pass. There are more important things to do than arresting someone who is doing a little harm. Besides, it would not be gezellig. Dutch tolerance is the moral face of gezelligheid"; " Dutch manners have more to do with affability than rigid form. Their aim is to create a gezellige ambience, where everyone can relax and enjoy each others company"; "Everybody is so busy being neighbourly, tolerant, gezellig and generally well-behaved that the police are left at a bit of a loose end".

В то же время в британском социуме "privacy" нередко контекстуально контактирует с такими единицами, как "seclusion", "individualism", "loneliness", "ego", "personal", "reserved", "island", "isolation", "British", etc. Регулятивный характер данного концепта очевидно проявляется в контексте

известной британской традиционности, нормативности, сдержанности [8]. Приведем ряд примеров: “All this does not make them better or worse than other Europeans, but, as so many foreign observers have testified, it does make them different” (J.B. Priestley); “Without understanding eccentricity, no one can claim to understand the British” (Negel Dempster); “Every Englishman is convinced to one thing, that to be an Englishman is to belong to the most exclusive club there is” (Ogden Nash); “There will be snobbery of course in a class system: the English have been charged with it over and over again. It has never been one of my weaknesses; so I might risk a modest defense of it. First, we must realize that social snobbery, though the most notorious, is only one form of snobbery. There are academic snobs, intellectual snobs, aesthetic snobs, athletic snobs and even discomfort snobs” (J.B. Priestley).

Американская культура, где четкость формулировок играет исключительно важную роль в силу ее низкоконтекстности, характеризуется тем, что концептуальная структура “privacy” в значительном количестве случаев функционирует как юридическое понятие, отраженное в законодательных актах, обладая высокой степенью регулятивности в различных юридических и социальных сферах, что в может быть представлено такими единицами на уровне вербальной репрезентации, как “invasion of privacy”, “Privacy Act of 1974”, “Freedom of Information Act of 1966”. Например: “The Privacy Act of 1974, 5 U.S.C. § 552a, establishes a code of fair information practices that governs the collection, maintenance, use, and dissemination of personally identifiable information about individuals that is maintained in systems of records by federal agencies. A system of records is a group of records under the control of an agency from which information is retrieved by the name of the individual or by some identifier assigned to the individual. The Privacy Act requires that agencies give the public notice of their systems of records by publication in the Federal Register. The Privacy Act prohibits the disclosure of information from a system of records absent the written consent of the subject individual, unless the disclosure is pursuant to one of twelve statutory exceptions. The Act also provides individuals with a means by which to seek access to and amendment of their records, and sets forth various agency record-keeping requirements” (www.wikipedia.org).

В плане «фамильного сходства» американский концепт “privacy” и его вербальные репрезентанты теснейшим образом связаны с такими сущностями, как “individualism”, “personal freedom”, “liberty” , “personality”, “intimacy”, “solitariness”, “secrecy”, “independence”, “property”, etc. Исследователи отмечают специфический характер данного концепта в плане его национально-исторической и социокультурной обусловленности: “Privacy, the ultimate result of individualism is perhaps even more difficult for the foreigner to comprehend. The word ‘privacy’ does not even exist in many languages. If it does, it is likely to have a strongly negative connotation, suggesting loneliness or isolation from the group. In the United States, privacy is not only seen as a very positive condition, but it is also viewed as a requirement which all humans would find equally necessary, desirable and satisfying. It is not uncommon for Americans to say and believe – such statements as ‘If I don’t have at least half an hour a day to myself, I will go stark raving mad!” [9, c. 4].

Обращаясь к вопросам использования рассматриваемой теоретической базы в дидактическом процессе, в первую очередь следует принять во внимание проблему культурогенной трансляции

содержательных элементов и соответствующих им способов языковой репрезентации. Иными словами, речь идет о представлении исходного предметного значения концепта в виде специфической редуцированной формы некоторого смыслового вариатива и коррелирующего с ним смыслового инварианта, процесс экспликации которого обусловлен целым рядом преобразований исходного предметного значения, сопровождающихся транспредметным переносом заключенного в данном значении смысла [10, с. 31]. Процесс построения модели преобразования и экспликации смыслов предполагает существование определенной исходной точки отсчета – исходной области, внутренняя логика и эвристика которой используется для истолкования и реконструкции другой предметной области, в которой появляется возможность нового понимания смысла и возникают релевантные для новой области оттенки значения с точки зрения их экспликации. Таким образом, транслируемость культроспецифических сущностей ценностного характера в другие культуры, в том числе - с обучающей, дидактической целью, представляет собой важнейшую и исключительно сложную проблему, непосредственно связанную с вопросами формрования вторичной концептуальной и языковой картин мира на основе имеющихся представлений о подобных культурных феноменах в собственном лингвокультурном пространстве. Отметим и тот факт, что целый ряд концептуальных структур культуроспецифического характера оказывается наиболее адекватно представленным в данных условиях контекста, позволяющих выявить их наиболее значимые в содержательном отношении свойства посредством обращения к различным способам реализации имеющегося репертуара языковых средств. Так, на наш взгляд, репрезентация рассмотренного нами концепта “privacy” может успешно осуществляться посредством включения в учебный материал следующего текста, заимствованного из учебника “New Inside Out”: “Garbo was not a typical Hollywood star. She was very private. She never spoke about her love affairs, and she didn’t give interviews to the press. Many people fell in love with Garbo, and she had several serious relationships. But she never got married, and she didn’t have any children. When she was thirty-six, Garbo retired. She moved to New York, changed her name to Harriet Brown and lived the rest of her life there – alone. She died in 1990 at the age of eighty-four” [11].

Обращаясь к лингвокультурному пространству социума с точки зрения возможностей трансляции как передачи основных предметных и ценностно ориентированных в рамках данной культуры значений, следует уделить особое внимание тем ориентирам, тем «точкам отсчета», которые являются базовыми для актуализации основных ценностных смыслов, что в значительной мере проявляется на уровне сосуществования близких по определенным признакам значений в тех или других условиях контекста, обусловливающих репрезентации в данных единицах определенных семантических признаков [12]. В то же время способность к транслируемости зависит от содержательной специфики самого концепта, его репрезентативных возможностей на уровне языковых значений, находящих смысловое становление в контекстуальном окружении, а также того места, которое принадлежит данной концептуальной структуре в ценностной шкале обусловливающего его существование лингвокультурного социума.

Литература

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков - М.: "Языки русской культуры", 1999.
2. Hoyt J. Finding Meaning in Meaning// Periphery Journal, 2012/ http://peripheryjournal.com/2012/12/05/finding-meaning-in-meaning/
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство Московского университета, 2004.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2004.
5. 5.Карасик В.И. Этноспецифические концепты / Иная ментальность / Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. – М.: Гнозис, 2005.
6. .Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. - М.: Академический проект, 2001.
7. Александрова О.В. Концептуальное пространство языка и социокультурная картина мира // Язык. Культура. Общение: сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой / отв. ред. Г. Г. Молчанова. – М., 2008. С. 107-115.
8. Вишнякова О.Д. Анализ культурного концепта в контексте «фамильного сходства» // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 2. 2009. С. 43- 48.
9. Kohls R. The Values Americans Live By // Jason K., Posner H. Explorations in Modern Culture. – Heinle & Heinle Publishers, 1994.
10. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: науч. тр. Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1997.
11. Kay, Sue and Jones, Vaughan. New Inside Out. Elementary. Student's Book. – Macmillan, 2008.
12. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. - 2nd edn. / G.E.M. Anscombe and Rhees (ed.), G.E.M. Anscombe (trans.) – Oxford: Oxford University Press, 1958.

Marina Bakhtiozina
Moscow, Russia

THE AUTHOR'S AESTHETICAL INTENTIONS: SEEKING TO DISCOVER MEANINGS AND WAYS OF INTERPRETATION

The process of fictional discourse analysis has become many-folded. It involves linguistic, anthropological, sociological, socio-cultural, philosophical, literary and other studies. Seeking to discover implied meanings and hidden nuances scholars find new branches of science that help to investigate author's intentions aimed at communication with the reader. It has been proved by the researches that the efficiency of the process of interaction within fictional discourse depends on the use and interpretation of certain codes that influence the reader. At the same time the aesthetical function of literature leads to the primacy of analysis of aesthetical intentions that are expressed in various linguistic means and extra-linguistic components in the authorial voice.

Keywords: fictional discourse, codes, linguistic research, authorial voice, process of interpretation.

Процесс анализа художественного дискурса стал в наши дни очень многогранным. Он включает в себя лингвистические, антропологические, социологические, социокультурные и прочие компоненты. В поисках скрытых значений и нюансов, ученые открывают новые области, помогающие исследовать намерения автора, воплощенные в тексте и позволяющие строить коммуникацию автор- читатель. Проводимые научные исследования показали, что эффективность этого интерактивного процесса зависит от использования и соответствующего успешного распознания специальных кодов, оказывающих влияние на восприятие. В тоже время, нельзя не учитывать, что основная функция языка художественной литературы – эстетическая. Именно эстетические намерения автора должны занимать определяющее место в анализе эстетических намерений автора, что выражается в тексте произведения в использовании характерных лингвистических средств и экстралингвистических компонентов, элементов, характеризующих «голос» автора.

Ключевые слова: художественный дискурс, коды, лингвистическое исследование, голос автора, процесс интерпретации.

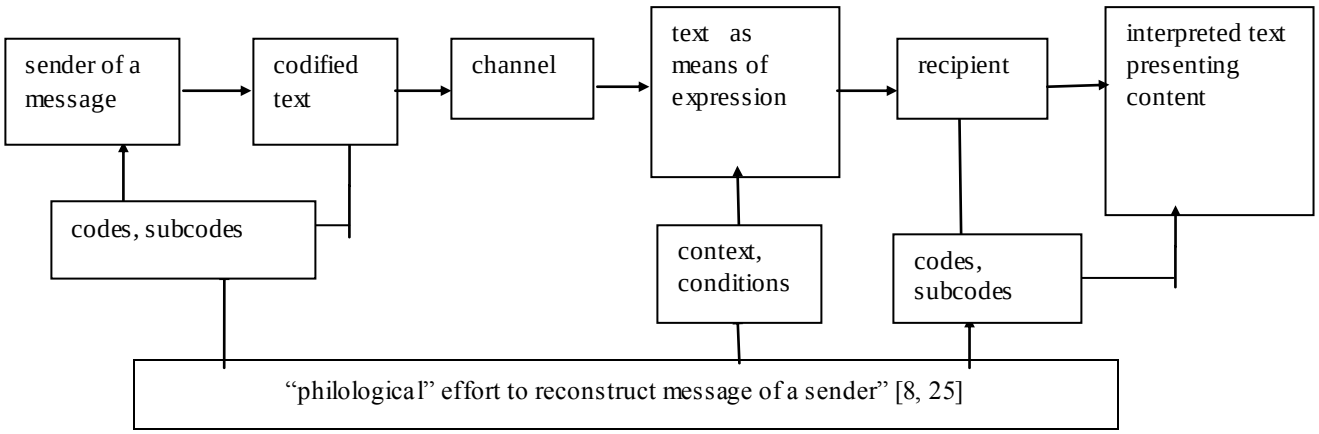
Is it easy to understand the meaning of text? Are there clues to be found for the efficiency of this process? In recent years it has become evident that literary fictional text study is breaking through the boundaries of purely language analysis. The narrow frames do not allow to reveal the hidden nuances of investigation, since it is found unsatisfactory to undertake the research of language levels neglecting realia outside the levels of text and language units. What influences authors when they create fictional works? How do they intend to influence readers? What response is expected, if any? What is the role of the reader in the

process of fiction discourse structuring? Trying to answer these questions researchers are doing their best in undertaking anthropological, psychological, cultural, historical, philosophical, gender and all sort of language investigations seeking to explain the nature and further expressions of these intentions.

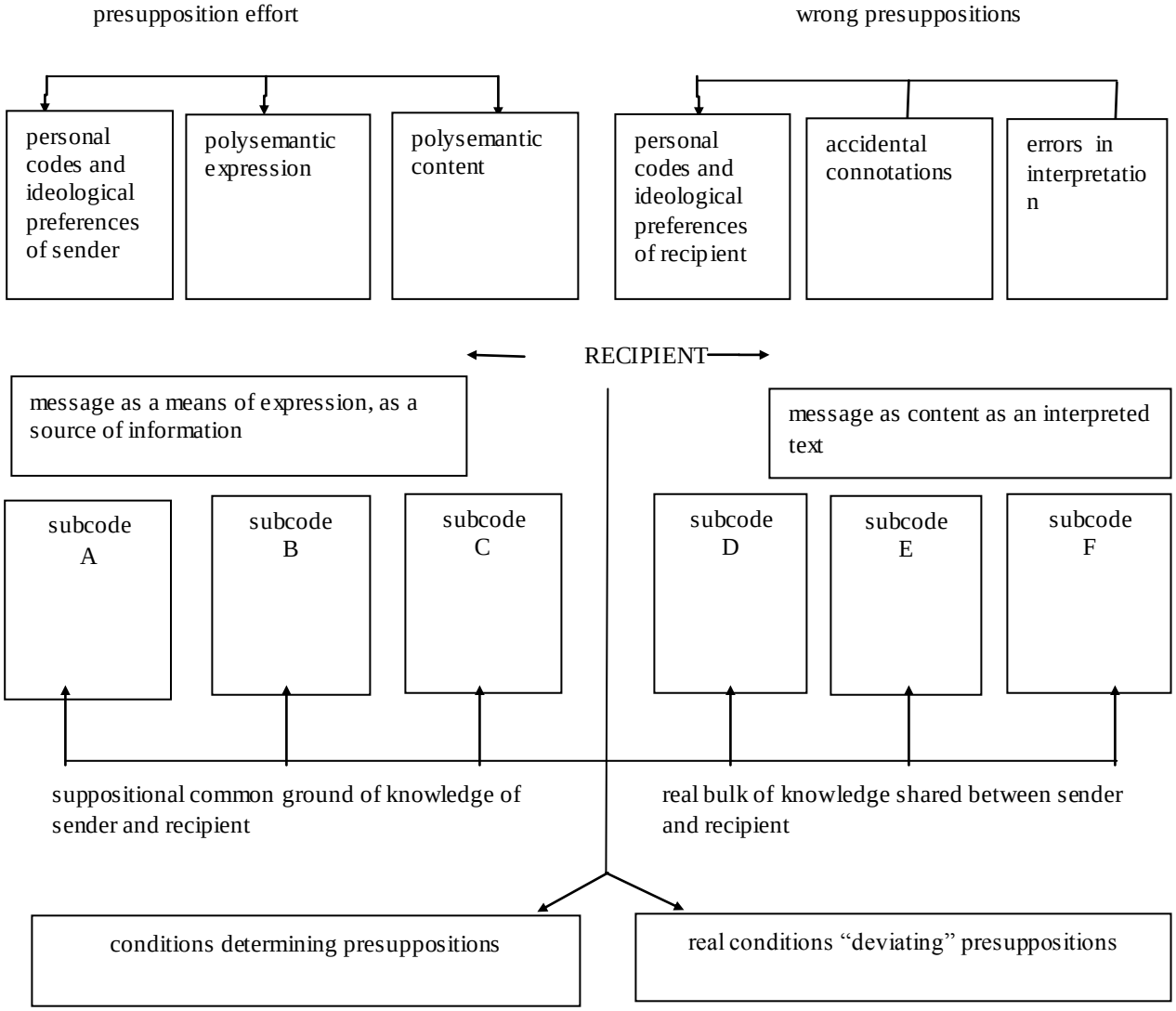
"The literary work is a linguistic event which projects a fictional world that includes speaker, actors, events and implied audience (an audience that takes shape through the work's decisions about what must be explained and what the audience is presumed to know)" [5, 31]. This expressive view on the literary work, no matter what shape it takes, ranging from sizeable novel that covers lives of generations to the shortest short story where just one episode of a narrator's life is shown, is a vivid representation of communication process, that has recently been termed fictional discourse. Both participants, the author and the reader, are supposed to be involved into the process of interaction and interpretation. This is the way J. Culler is intensifying philosophical ideas once expressed by Immanuel Kant, the primary theorist of modern Western aesthetics: "A literary work is an aesthetic object because, with other communicative fictions initially bracketed or suspended, it engages the interrelation between form and content" [5, 33].

This idea expressed by J. Culler is another way to improve a well-known standard model of communication speaker – text – recipient. The drawbacks of this model have been widely discussed by scholars. As noticed by Umberto Eco, it does not give correct description of real process of interaction in communication that might be regarded as cooperation of interlocutors. The emphasis of his research is laid on finding various codes and subcodes. He holds the opinion that they may occur to be alien and unrecognizable for readers, if their sociocultural background is different from that of the author.

The importance of sociocultural aspect has always been taken into consideration in U. Eco's semiotic theories. In his later work "Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition" he compares and contrasts "likeness" and "similarity" in relation to perception and conception. For this purpose he describes basic semiotic processes that take place within perception and provide determinations from which cognitive types can be constructed, with all the cultural baggage that is involved [7]. U. Eco pays special attention to the problem of implied meanings, presuppositions and abductions. His idea is to observe text by means of fictional discourse analysis as a combination of various codified messages that function at different levels of the model of communication. The first presented bellow he considers incomplete and simplified one.

The more adequate solution is found by U. Eco in the next variation of the model, as presented in the following diagram [8, 16].

As commented by U. Eco, the model does not serve description of *particularly* "open" process of interpretation. It obviously presents an abstract semantic and pragmatic process, as a whole in which crystal clear text as it is, is called in question.

Though the demonstrated models serve examples of profound studies and professional analysis of a philosopher-novelist U. Eco, researchers limiting their objectives to intentionalism in art, observe this vision of interpretation as resulting in idealistic and highly hypothetical conclusions. "Philosophical approaches to fiction have been objected to in various ways. Some theorists hold that literary and philosophical reading, exclude each other, some that philosophical approach to fiction is a sort of a category mistake. A common complaint about philosophical approaches is that they treat works of fiction "schematically", failing to understand aesthetic or literary qualities of them" [12].

Various forms of research of literary fictional works have been worked out by pragmalinguistic studies, cognitive linguistics and discourse analysis. In many cases scholars put forward the idea of irrelevance to interpretation. The core of the question is focused on possibility to interpret *real* author's intentions. This opposition being obvious, forms two basic groups: intentionalists and antiintentionalists. Jukka Mikkonen, a researcher from the Departament of History and Philosophy at University of Tampere, observes theoretical works of both and discusses their advantages and drawbacks. Views on the problem are presented in sequence and contain illustrative examples and explanations. Her observations allow her to state that "actual intentionalists" have claimed that the author's intentions are significant and may even determine the meanings of works. "Moderate actual intentionalism holds that when encounting an utterance, one tries to determine the access to speaker's meaning…, the access to speaker's meaning is guided by the utterance meaning; the utterance meaning is a key for one's hypotheses about the speaker's intended meaning" [12]. She considers the conversational approach is roughly based on Noel Carroll's influential article "Art, Intention and Conversation", in "Intentions and Interpretations" [10]. As contrastive views of E. D. Hirsch can be taken into account, who claims that the work of fiction is not only the meaning the author intended in composing it. "There is no direct access to the author's intentions. What one can do is just use the most plausible assumption or hypothesis of what the author meant by utterance" [9, 99].

Supporting the argument against intentionalists, Dennis Datton marks that authorial intentions are not desirable as "standard" or "criterion" for assessing a literary text, because the text itself will speak with greater authority than any suppositions or speculations about the author's purport. "We must recorgnize that sometimes part of our interests in literary texts may be in how they have been made and used by authors in historical traditions and contexts of other genesis. To acknowledge this would not be to identify the author or to refuse to see the extent to which traditions, and indeed language itself, help to make "texts". It would not be to identify a putative sole meaning of a text with an author's intention; even less should it imagine that texts could ever have single, determinative meaning [6; 13].

It is obvious and clear that language of the work of belles-letters carries aesthetical function, thus the author's voice and his intentions can be addressed to as aesthetical intentions. The function of impact is oriented on evoking certain emotional – evaluative – expressive reactions from the reader or listener and, consequently, is dominant in fiction… It is often realized by means of productive, free, creative

combinations, of words which draw attention, amuse, irritate, etc. – that is evoke emotional – evaluative reactions and make one love, hate, appreciate… In this case the task of the recipient is to break the code of user, to see the intentions of the author, the purport of a work of belles-letters" [11, 32].

The Russian philosopher, literary critic, semiotician and scholar Mikhail Bakhtin is world-know to introduce several important concepts that are directly related to the questions of aesthetical and interpretation of implied meanings. Primarily this is the concept of *unfinalizability*. It states that people can't be fully understood or labled. The concept of *heteroglossia* and *dialogosm* stem from his semantic model of three components "I – for – myself", "I – for – the – other", and "other – for – me", that finally formed the idea discussed in a number of his works, the idea of influence by others in an inescapably interviewed way. These ideas led M. Bakhtin to an important conclusion that no voice can be said to occur isolated, moreover one can be understood only by others, because real exterior can not be seen by oneself. M. Bakhtin explains transformation of meaning through the primacy of context over text, the hybrid nature of language and order of utterences. He also concentrates on the status of the hero and discusses the problem of general misunderstanding when both readers and researchers might mix up the position of the author with that of the character. Instead M. Bakhtin put forward the idea of "agreement" between them two, exposition of love and adoration, towards the character. All these points the scholar considered vital for the purpose of creating integral unity of text as an aesthetical object. In Bakhtin's works we can come across the notion of aesthetical enjoyment, to express real feelings of a reader, while exemplification of sympathy towards fictional character's feelings he claims to be ideal. Explication of sporadic and single emotions of characters acts as a unity thus forming the outlines of the whole "sole" of each. This basic aesthetical formula presented by Bakhtin creates the world of perception [2].

Vladimir Vinogradov's idea of image of the author as means of revelation of authorial position, expressed in text itself in various language devices, is a vivid example of strong desire to find links between the writer and the reader. Presented in the works of the scholar as a "non-material", never accepted in its "physical form", this image makes an integral unity of both influence and perception. Standing above all and only rarely associated with narrator, image of the author creates a unique category of each work and serves the speaker of authorial voice, the ideological centre of a work of fiction. In the process of his investigations V. Vinogradov found the vital effect of the shades of meanings that could be seen when interpreting the work of art laterally through its language, exposed in authorial voice. That includes not only the direct speech of the author as it is, but also in implied meanings hidden in syntactical structures, means of language modality, morphological peculiarities, figures of speech, play on words. All these methods, in their unity, serve signals of emphasis, keys and codes leading the reader to contact and cooperation [3]. The aim of the reader is to be able to recognize them.

Probably influenced by creative ideas of M. Bakhtin and V. Vinogradov, outstanding scholars support and develop their theories. When giving description of literary freedom that occurs in English literature, D. Crystal calls this corpus the peak of personal variation, and it is, he who uses the term "authorial voices". "Authorial voices may be born out of ordinary language, but eventually make a renewal of connection with it, providing a dimension through which we are led to see new meanings in mundane.

Literary examples… demonstrate the relevance of a linguistic frame of reference in approaching the description of a piece of literature; to show how specific features of language identified through analytic means can be used in creative expression; and to provide ways of increasing a reader's personal response to a text" [4, 413].

Professional analysis of the ways of interpretation of fiction led scholars to necessity to recognize a branch of stylistics that would deal with both ends of the process of communication by means of fictional text." Decoding stylistics is obviously aimed at incorporating both basic codes: that of reader and that of language itself. Revealing the reader's code, decoding stylistics encounters its subjective nature. Specifity of language means is analysed as a unity of explicit and implicit meanings expressed linguistically (i.e., objectively) with reference to linguistic norms. Such kind of analysis attempts to regard the aesthetical value of a text based on interaction of peculiar textual elements, stylistic devices and compositional structure in the process of delivering author's message" [1, 1].

This process leads to creation of new conceptions and even new branches of research of fictional discourse. Comprehensive study of literary text and many-sided approach allowing to embrace all possible aspects of research has provoked the interest of scholars in language studies aimed at analysis of literary experience of the reader. Being generally entitled receptive aesthetics, this branch investigates the influence of work of fiction on expectations of the reader and that also includes the way and the degree these expectations are based on the reader's experience.

Trying to model the desired response of the reader researches never stop developing new theories, expressing their opinions, that can potentially lead to global changes in the world of fiction production. Though the ideas may seem bizarre and radical, they should deserve attention of both writers and readers, as it is an infinite capacity of human mind that brings people to a strong desire to improve our abilities of perception and skills in interpretation.

References

1. *Арнольд И.* Теоретические основы стилистики декодирования // Стилистика романо-германских языков. Л., 1972.
2. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.,1971
4. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. II edition. Cambridge, 2002.
5. *Culler J.* Literary Theory. A Very Short Introduction. Oxford, 2000.
6. *Datton D.* Why Intentionalism Won't Go Away // Literature and the Question of Philosophy. Baltimore, 1987.
7. *Eco U.* Kant and the Platypus: Essays on Language and cognition. Bloomington, 1999.
8. *Eco U.* The Role of the Reader. Explorations in Semiotics of Texts. Bloominston, 1979.
9. *Hirsch E.D.* Validity in Interpretation. New Haven: Yale University Press, 1967

10. *Noël Carroll* “Bayond Aesthetics” // Philosophical Essays. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, “Literature, Realism and knowledge”, Senses of the World // Essays on Fiction, Narrative and Knowledge. London: Routledge, 2007.
11. *Ter-Minasova S.G.* Language, Linguistics and Life. (A View from Russia). Moscow, 1996.

Internet resources

12. www.contempaesthetics.org/newolume
13. denisdutton.com/intentionalism.htm

Т.А. Белоусова, Н.Б. Кудрявцева
г. Белгород, Россия

СУБСТАНТИВНЫЕ ГЕНИТИВНЫЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается проблема субстантивных групп особого типа – генитивные словосочетания. Авторы анализирует некоторые важные особенности генитивных конструкций. Генитивные словосочетания могут трансформироваться в предложения, где атрибутивный генитив выступает в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения. Именные генитивные группы приобретают все большее значение в синтаксическом строе современного немецкого языка как важнейшее средство расширения смысловой емкости предложения. Рассматриваемые конструкции находят широкое употребление в пословицах, крылатых словах, библейских фразеологизмах и других устойчивых выражениях.

Ключевые слова: особенности генитивных словосочетаний, смысловая целостность, семантическая завершенность, трансформационный подход к анализу генитивных групп, тенденция к номинализации, широкое употребление в устойчивых выражениях.

Tatiana Belousova, Natalia Kudryavtseva
Belgorod, Russia

SUBSTANTIVE GENITIVE GROUPS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The article deals with substantive genitive groups in modern German, which are becoming more and more important in the syntactic structure of the modern language as a means of increasing the semantic capacity of a sentence. Genitive combinations can be transformed into sentences where the attributive genitive may be use in the function of a subject, a predicate, or a complement.

Key-words: genitive constructions peculiarities, semantic integrity, semantic completeness, transformational approach to the analysis of genitive groups, tendency to nominalization, extensive use in sustainable expressions

В лингвистической литературе имеется множество работ, отражающих постоянный интерес исследователей к изучению каждого падежа, в том числе и генитива. Родительный падеж в немецком

языке используется в глагольных, атрибутивных, адъективных, синтаксических конструкциях, в связке с предлогами, а также в так называемом свободном употреблении. Важной сферой его использования являются генитивные субстантивные словосочетания, между компонентами которых устанавливаются, прежде всего, атрибутивные отношения. Это отмечают авторы многих немецких и отечественных грамматик (Schmidt, Heildolph, Flaemig, Motsch, Адмони, Якобсон и др.). По мнению Р. Якобсона, присубстантивное употребление родительного «является типичнейшим выражением этого падежа» (4:143), так как это единственный падеж, который подчинен «чистому» существительному.

Проблематика генитива не является новой, это классическая тема языкознания. Родительный падеж привлекал внимание ученых в разных аспектах: в диахроническом, в функциональном, в контрастивных исследованиях. Интерес к исследованию родительного падежа стимулируется последними исследованиями синтаксической и структурной семантики, в которых ставятся перед учеными новые проблемы.

Важность изучения генитивных отношений объясняется тем, что они относятся к центральным проблемам теории и философии языка. В грамматике Пор-Рояля эти отношения связываются с отношениями причинности, образующими ядро понятия «закон» (3:41). Это отношения: целого к части, части к целому, субъекта к акциденции или атрибуту, акциденции к субъекту, действенной причины к результату, результата к причине, конечной причины к результату, вещества к его компонентам, объектам к движениям души, владельца к его вещи, которая принадлежит ему, имени собственного к нарицательному или единичного к видовому (1:50).

Группа существительного вследствие ее важности как средства расширения объема предложения является предметом многочисленных исследований на материале различных языков. На материале немецкого языка группа существительного наиболее всестороннее освещение получила в работах В.Г. Адмони и его учеников. Ими широко исследовались структурные свойства и размер группы существительного (Л.Н. Иноземцев, Л.Б. Петравичюс, Я.К. Родзиевская и др.).

Структура группы существительного исследовалась также немецкими германистами (Г. Эггерс, Х. Вебер, К.-Э. Зоммерфельдт, В. Моч, Ф. Юргенс П. Валентин, Х. Фатер, И. Циммерман и др.).

К числу проблем, привлекающих к себе внимание лингвистов и связанных с генитивными группами, относятся такие проблемы, как взаимодействие синтаксиса и семантики, валентность имени существительного, синтаксическая полисемия и омонимия, особенности функционирования синтаксических конструкций в синхронии и диахронии и др.

Генитивные словосочетания – это особый тип именных групп. Одной из особенностей генитивных групп является то, что они представляют собой комбинации слов, основанные на “автокомбинаторике” (В.В. Бурлакова), т.е. на объединении слов одного морфологического класса. Имя существительное как часть речи характеризуется совершенно иными валентными свойствами, чем глагол, так как категориальная синтаксическая валентность зависит, прежде всего, от принадлежности слова к определенному лексико-грамматическому разряду. Для имени

существительного с его общим значением предметности особенно важна сочетаемость с такими словами, которые раскрывают различные качества и свойства предметов и явлений, а также отношения между ними. Поэтому одной из основных валентностей существительного является способность соединяться с различного рода определениями, в том числе определениями, выраженными существительным в родительном падеже, которое подчинено управляющему компоненту группы – ядру генитивного словосочетания. Ядро именной группы, являясь синсемантичным словом, непременно требует конкретизации, детализации, уточнения о предметах, явлениях, процессах и т.п., например: eine Neuverteilung der Machtbefugnisse der Männer und der Frauen. Поэтому именные генитивные группы характеризуются определенной смысловой целостностью, семантической завершенностью. Еще в 1932 году О. Бехагель установил важнейший закон связи компонентов именной группы – Adjazens-Relation. Суть этого высшего закона ("das Oberste Gesetz") заключается в том, что слова близкие по значению, также близко расположены друг к другу "geistig eng Zusammengehörige auch eng zusammengestellt wird"(6:1676). Эта идея интенсивно используется в современных грамматиках при обсуждении вопросов связанных со структурными отношениями в синтаксической организации высказывания, топологическими средствами семантико-синтаксического структурирования высказывания.

Важным представляется рассмотрение структурных типов генитивных словосочетаний с учетом морфологической принадлежности компонентов группы и их семантических свойств.

Анализ примеров показывает, что как и ядро именной генитивной группы, так и генитивное определение может быть выражено различными морфологическими разрядами слов, что порождает то многообразие типов субстантивных генитивных групп, которые часто встречаются в текстах современного немецкого языка: 1) простым существительным; 2) композитом; 3) субстантивированным прилагательным; 4) отадъективным существительным; 5) субстантивированным причастием.

Рассмотрение прииименного родительного падежа в немецком языке невозможно без установления тех семантических отношений, которые характеризуют словосочетания с генитивом. В.Г. Адмони выделяет три семантических отношений для определения родительного падежа. Это отношения принадлежности и владения (Karls Buch, die Arbeiter dieser Fabrik); субъектно-объектные отношения (Tonys Laecheln, die Macht des Staates); выражение вещественного содержания и качества (das Glueck des Wiedersehens), der Mann der Wissenschaft).

Более детальное описание определительного родительного падежа дают Г. Хельбиг и И. Буша. Они выделяют 12 различных семантических отношений и с помощью трансформации объясняют скрытые семантические отношения атрибутивных синтагм.

Рассмотрение основных типов логико-семантических отношений в сфере родительного падежа в различных концепциях показывает, что такие значения, как генитив принадлежности (genitivus possessivus), генитив субъекта (genitivus subjektivus), генитив объекта (genitivus objektivus), генитив части целого (genitivus partitivus) и генитив качества (genitivus qualitatis) выделены многими лингвистами (О.И. Москальская, Е.И. Шендельс, К. Зоммерфельд).

Другая особенность именных генитивных групп заключается в том, что они являются “концентратом” предикативного отношения (М. Регула). Генитивные словосочетания могут трансформироваться в предложения, где атрибутивный генитив выступает в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения. Особого внимания заслуживают отглагольные существительные с суффиксом -ung, употребляемые в качестве ядра генитивной группы. Как известно, они обладают высокой синтагматической активностью (употребительностью) в языке, например: Änderung des Fahrplans, die Entwicklung ihrer heranwachsenden Kinder, Verteilung und Ausscheidung eines Medikaments im Körper. Трансформационный подход к анализу генитивных групп позволяет идентифицировать атрибутивные отношения, увидеть в генитиве более «узкие» категории, ср.: генитив выражает:

Das Spiel des Kindes ← das Kind spielt – носителя действия

Die Untersuchung der Insel ← die Insel wird untersucht – объекта действия

Die Dunkelheit der Nacht ← die Nacht ist dunkel – носителя признака и т.д.

Следует отметить, что многие лингвисты используют термины трансформаций при описании синтаксических явлений (М.Н. Засорина, Г.В. Колшанский, В.Г. Гак, Т.М. Николаева и др.). Введенные Н.Хомским понятия глубинной и поверхностной структур являются одними из основных в его теории. Используемые им примеры трансформаций, а также примеры в многочисленных интерпретациях, описаниях его грамматик относятся часто к рассматриваемым нами генитивным субстантвным группам.

Трансформационный подход к анализу генитивных групп является важным также и потому, что способствует, в некоторых случаях, установлению многозначности, амбивалентности в рассматриваемых словосочетаниях. Так, в отличие от сочетания Besuch der Schule сочетание Besuch des Sohnes является двусмысленным, поскольку сын входит в область определения как производителя действия, так и посещаемого объекта (и обе роли допустимы). Данные явления в сфере именных генитивных групп являются издержками генитивизации.

Одной из основных тенденций развития синтаксиса современного немецкого языка является тенденция к номинализации. Важную роль в этом играют именные генитивные группы, способные в сжатой, максимально экономичной форме представить содержание целых предложений. Это является следующей особенностью именных генитивных групп. В исследованиях многих немецких ученых (У. Энгель, Эйзенберг, Г. Хельбиг, И. Буша и др.) отмечается роль трансформации номинализации при образовании именных генитивных групп (Adj. = NomG; Satz = NomG и др.):

Oskar blieb seiner Frau treu ← Oskars Treue zu seiner Frau

Willi dankte dem Vorsitzenden ← Willis Dank an den Vorsitzenden (5:87)

Именные генитивные группы приобретают все большее значение в синтаксическом строе современного немецкого языка как важнейшее средство расширения смысловой емкости предложения (ср.: Die Signale des wirtschaftlichen Wachstums und des Rückgangs der Arbeitslosigkeit sind ermutigend ← Die Signale sind ermutigend) хотя с другой стороны, стилисты предупреждают против чрезмерного расширения генитивных групп, против их нагромождения.

Важно отметить, что генитив является облигаторным компонентом модели немецкого предложения. В диссертационном исследовании Л.Л. Олейник выделено четыре случая функционирования генитива в качестве облигаторного компонента модели предложения в зависимости от референциальных свойств ядра: 1) генитив при ядре = имени деятеля; 2) генитив при ядре = имени отношения в позиции предикатива; 3) генитив при ядре = девербативе; 4) генитив при ядре = деадъективе [2: 78].

Обращение к коммуникативно-прагматической стороне образования и употребления именных генитивных групп указывает еще на одну важную особенность рассматриваемых конструкций, а именно, на их широкое употребление в пословицах, крылатых словах, библейских фразеологизмах и других устойчивых выражениях, например: die Creme der Gesellschaft, das Dach der Welt, die Palme des Sieges, der Kern der Sache, die Stimme des Bluts; zum Wort Gottes, das Wort des Herrn, die Worte des Heiligen; die Stimme des Herrn, eures Gottes. Здесь они также имеют свои особенности образования и функционирования.

В процессе развития языка происходит изменение его структуры и качества. В формах этих изменений находят свое выражение законы развития языка. Внутренние законы развития языка, в том числе и семантические законы, связываются многими учеными с совершенствованием механизма языка, проявляющемся в таких тенденциях, как тенденции к устранению избыточных средств выражения, тенденции к устранению форм, утративших функции, тенденции к устранению чрезмерной полисемии слов, в осуществлении таких синтактико-семантических процессов как расширение, аналитизм, релятивизация, разрыхление, усложнение, перестановка, совмещение, развертывание, присоединение, включение и др.

К основным процессам развития языка в сфере субстантивных генитивных групп в числе названных относятся разрыхление синтаксической структуры, препозитивация, образование сложных существительных, конкурирующих структур, монофлектив, релятивизация, номинализация, номинативизация, а также процессы метафоризации и фразеологизации.

В данной статье мы рассмотрим некоторые процессы в генитивных конструкциях. Номинализация связывается обычно с преимущественным использованием глагольно-именных словосочетаний и ослаблением позиций глагольного сказуемого в языке. При развитии грамматического строя немецкого языка в структуре предложения формируются развернутые группы существительных – «блоков». Цепочки номинальных определений ведут к развитию линейной структуры предложения. Определенную роль в распространении группы существительного играет стремление не только к большей ясности, но и к языковой экономии.

Анализ большого числа структурных типов субстантивных генитивных словосочетаний, определение их состава и выделение основных типов логико-семантических отношений дает основание говорить о наличии тенденций изменения и развития рассматриваемых групп в сторону увеличения как постпозитивных, так и препозитивных определений (преобладающей является постпозиция).

Препозитивация относится к наиболее распространенным и очевидным процессам в структуре именных генитивных групп. Она является одним из основных структурно и семантически значимых процессов в этой сфере.

Основными и наиболее общими факторами препозитивации являются: функционально-стилевые влияния, коммуникативная установка, цель высказывания, индивидуальный стиль писателя, а также следующие конкретные факторы: общестроевая функция языка (общие тенденции языкового развития), синтаксическая структура (двух-, трехкомпонентные генитивные конструкции), стилистический фактор: а) индивидуальный стиль писателя; б) функционально-стилистические закономерности, семантика генитивного определения.

Другой распространенной тенденцией в группе существительного является стремление к монофлексии (процесс монофлективизации). Монофлективность понимается нами как наличие у согласующихся компонентов группы существительного лишь одного грамматически выразительного показателя. Монофлексия способствует семантическому сближению компонентов группы, их слиянию в одно смысловое целое, она является одним из средств более четкой организации номинативной группы.

Монофлексия характерна прежде всего для генитивных групп с именами собственными, имеющими ряд определений (обозначение профессии, титула, чина и т.п.): die Tochter des Konsuls Buddenbrook; die Aussage des Doktors Grabow.

Выраженную тенденцию к монофлексии имеют также словосочетания типа ein Glas Wasser, представляющие собой специфический структурный тип словосочетаний с количественным значением. Родительный «разделительный» был широко распространен в средневерхненемецком особенно для обозначения меры: ein stuecke brotes. Подобные словосочетания встречаются еще у Ф. Шиллера и И.В Гете: “mit einer Tonne Golds”, “den besten Becher Weins”.

В современном немецком языке укрепляется несклоняемая форма, совпадающая с именительным падежом единственного числа, которя в лингвистической литературе получила название «общего падежа» (Gemeinschaftskasus).

В рамках первой тенденции – тенденции к сжатию генитивной структуры – мы выделяем процесс словосложения, который является особенно характерным для современного немецкого языка. Принцип экономии находит яркое выражение в интенсивном появлении сложных и, особенно, сложносокращенных слов, в частности, на основе генитивных групп. Сложные слова могут сосуществовать рядом с синтаксическими сочетаниями и употребляться с ними параллельно в одном и том же тексте. Процесс словосложения способствует упрощению структуры группы, созданию лаконизма в выражении связи двух понятий.

Противоположной сжатию является тенденция к расширению генитивной группы. В рамках общей тенденции к расширению различаются распространение группы и разрыхление синтаксической связи. Расширение генитивной структуры может осуществляться за счет атрибутов с различной морфологической принадлежностью. Разрыхление генитивных отношений в субстантивной группе отражает существенные изменения в ее структуре. Разрыхление генитивной

синтаксической связи характеризуется ослаблением формальной спаянности компонентов, нарушением синтаксической (генитивной связи). Степень и характер нарушения этой связи зависят от семантико-морфологических особенностей «разрыхлителей» и других факторов.

Одним направлением этого процесса является разрыхление генитивных отношений без образования предикативных отношений. Другим – формирование (на основе генитивных отношений) предикативной структуры предложения. Первая тенденция представлена различными структурно-семантическими типами разрыхления генитивной структуры, растягивания генитивной связи. Разрыхление может осуществляться логическими частицами (schon, bereits, gerade, noch auch), модальными словами (sicher, wohl, zwar), личными неопределенно-личными местоимениями.

Вторая тенденция представлена в свою очередь рядом групп: с генитивом в позиции предикатива и с генитивом в позиции подлежащего. Стремление генитива занять позицию подлежащего является одной из основных причин структурных изменений в генитивной группе.

Литература

1. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М.: Прогресс, 1998.
2. Олейник Л.Л. Немецкий родительный в предикатно-актантной структуре предложения: Дис …канд. филол. наук/ Л.Л. Олейник. – Иваново, 1998.
3. Степанов Ю.С. Пор-Рояль в европейской культуре/Ю.С. Степанов //Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М.: 1998.
4. Якобсон Р. Избранные работы/Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. Engel U. Deutsche Grammatik/U. Engel.- Heidelberg, Groos, 1988.
5. Zifonum G. Grammatik der deutschen Sprache/G.Zifonum, L. Hoffmann, B. Strecker. – Berlin, d. Gruyter, 1997.

Н. Н. Битюцкая, О. В. Афанасьева
г. Алексеевка, Белгородская область, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ

В данной статье рассматривается и анализируется понятие «профессиональная компетентность», представленное в рамках компетентностного подхода, а также различные точки зрения на его определение и компонентный состав. В качестве эффективного пути формирования и развития профессиональной компетентности в процессе языковой подготовки предлагается использование профессионально-ориентированной технологии, которая обеспечивает готовность обучаемых к профессионально-ориентированному общению и способствует формированию мотивационного, когнитивного, личностного и деятельностного компонентов профессиональной компетентности.

Ключевые слова: компетентностный подход, профессиональная компетентность, профессионально-ориентированная технология, профессионально-ориентированное общение.

Natalia Bityutskaya , Olga Afanasyeva
Alekseyevka, Belgorod region, Russia

PROFESSIONAL COMPETENCE OF FOREIGN LANGUAGES FACULTY STUDENTS FORMATION IN THE COURSE OF LANGUAGE TRAINING AT THE PEDACOGICAL EDUCATIONAL ESTABLISHMENT

Key-words: competence approach, professional competence, professionally-oriented technology, professionally-oriented communication

Совершенствование профессиональной подготовки будущих педагогов выступает одним из направлений преобразования в контексте развития современного общества. В условиях глобализации, оказывающей значительное влияние на специфику межкультурного взаимодействия, особенно значимой проблемой высшей школы является модернизация подготовки учителей иностранного языка. Специалист в области преподавания иностранных языков и культур обязан в совершенстве владеть иностранным языком и быть готовым не только к передаче знаний своим ученикам, но и научить добывать их самостоятельно наиболее эффективным способом, способствовать развитию их творческой активности. Господствующий подход в педагогическом образовании и построенная на его основе модель выпускника определяют эффективность профессионального и личностного развития, а также модель обучения в определенной предметной области. В настоящее время модернизация образования осуществляется с позиций компетентностного подхода, который, в частности, необходимо рассматривать в качестве теоретической базы изменения системы обучения предметам профессионального цикла будущих педагогов в высшей профессиональной школе.

Формирование компетентного специалиста является основной целью реализации компетентностного подхода. Компетентностный подход в области образования направлен на развитие у студентов способностей решать профессиональные задачи любой сложности, возникающие в реальных ситуациях педагогической деятельности. В компетентностном подходе видится перспектива формирования у студентов активных жизненных знаний.

Компетентность – это интегральная личностная характеристика, отражающая готовность и способность человека выполнять профессиональные функции в соответствии с принятыми в обществе на настоящий момент нормативами и стандартами. Компетентность – проявление определенного спектра компетенций. Что касается языкового образования, то широкое распространение получило понятие «компетенция». Впервые оно стало употребляться в США в 60-е годы в контексте деятельностного образования, целью которого было готовить специалистов, способных успешно конкурировать на рынке труда. Первоначально под компетенциями понимались практические знания и навыки, которые формировались в процессе автоматизации знаний, что было

недостаточным для развития творчества и индивидуальности школьников. «Было предложено различать два понятия: компетентность и компетенции (competence and competences). Компетентность стала рассматриваться как личностная категория, а компетенции превратились в единицы учебной программы». [3, 34]

Основным понятием, определяющим качество действий работника становится профессиональная компетентность. В Федеральном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки Педагогическое образование профессиональная компетентность нашла отражение в ряде общепрофессиональных компетенций, среди которых можно выделить способность использовать теоретические и практические знания, полученные в ходе обучения при решении социальных и профессиональных задач, а также способность нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности. При этом будущий учитель должен быть мотивированным к осуществлению профессиональной деятельности и владеть иностранным языком на уровне профессионального общения.

Анализируя понятие «профессиональная компетентность будущего учителя иностранного языка», представленное различными учеными в области психолого-педагогических исследований, мы пришли к выводу, что существуют различные подходы к ее определению. Ряд ученых обращают внимание на психологические составляющие данного понятия и помимо способностей эффективно выполнять профессионально-педагогические задачи определяют его как внутренне психологическое состояние. А. К. Маркова выделяет несколько доминант: профессиональные психолого-педагогические знания, профессиональные педагогические умения, позиции, установки учителя и личностные качества, благодаря которым становится возможным овладение учителем профессиональными знаниями и умениями [2, 7].

Предложенные доминанты соотносятся с определением профессиональной компетентности, в котором выделяют мотивационный (наличие положительной установки по отношению к будущей профессии), когнитивный (профессиональные знания), деятельностный (профессиональные умения и навыки), личностный (профессионально значимые личностные качества) компоненты. (Н. М. Борытко, Т. С. Дубровина, Л. И. Луценко Л. М. Митина). Ряд методистов выделяют в качестве отдельного компонента профессиональной компетентности учителя иностранного языка филологическую компетенцию (В. И. Блинов, Е. Н. Соловова).

Мы пришли к выводу, что при многообразии компонентов, включенных в ее состав, можно выделить наиболее характерные. Прежде всего, в качестве основной составляющей выделяют коммуникативную компетенцию (О. Е. Ломакина, Е. Н. Соловова, Э.Г. Тен и др.), предполагающую способность воспринимать и порождать иноязычные тексты в соответствии с поставленной или возникшей коммуникативной задачей. Назовем ее базовой компетенцией учителя иностранного языка. Коммуникативная компетенция носит практико - ориентированный характер и в рамках профессионального образования, прежде всего, подразумевает готовность к общению, выбор той модели поведения, которая к наибольшей степени соответствует стилю, притязаниям и нравственной ориентации педагога.

Ряд авторов выделяют методическую, лингвометодическую, дидактическую компетенции (О. Е. Ломакина, К. С. Махмурян и др.). Все вышеперечисленные определения объединяет овладение умениями педагогического общения, способность формировать умения и навыки своих учеников, организовывать образовательную деятельность, что в университете реализуется через изучение предметов психолого-педагогического цикла. Немаловажное место в структуре формирования профессиональной компетентности будущего учителя занимает учебно-познавательная компетенция, которая заключается в овладении стратегией изучения иностранных языков, выработке собственного алгоритма самостоятельной работы, умения самостоятельного приобретения знаний, автономного развития навыков и умений.

Что касается личностных качеств, то они также не должны оставаться за пределами формирования ключевых компетенций, входящих в состав профессиональной компетентности. Ее можно обозначить как личностную компетенцию. Здесь среди значимых характеристик можно выделить нацеленность на сотрудничество. Склонность к самоанализу проявляется в наличии рефлексии, в основе которой лежат умения сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровня развития личностных достижений.

Принципы вариативности и динамичности требуют поступательного и поочередного развития всех компонентов профессиональной компетенции и прежде всего коммуникативной компетенции. В то же время принципы системности и целостности состоят в обеспечении такой организации деятельности по развитию профессиональной компетентности, которая обусловила бы непрерывность, единство и взаимодействие всех ее компонентов.

Сложность и комплексность понятия «профессиональная компетентность» предполагает отказ от поиска универсальной педагогической технологии для ее развития. В процессе языковой подготовки большое значение приобретает обучение профессионально-ориентированному общению, что предполагает ориентирование студентов на специфику будущей педагогической деятельности, способность осуществлять коммуникацию в профессиональной сфере при организации образовательной деятельности и в процессе профессионального самосовершенствования. Обучение иностранному языку как специальности предполагает как развитие умений использовать язык в целях свободного общения, выражать собственное мнение, так и осознание значимости изучаемого материала, заинтересованность в профессиональном развитии и наличие профессиональной мотивации. Необходимо изучение профессионально-ориентированной лексики, необходимой для использования в преподавании иностранного языка в школе, для чтения и обсуждения литературы, посвященной профессиональной деятельности, а также для дальнейшего повышения квалификации.

Одним из направлений деятельности может явиться использование профессионально ориентированной технологии. Мы руководствовались пониманием сущности педагогической технологии, данным Н. А. Алексеевым, отмечающим, что педагогическая технология – это специфически индивидуальная авторская деятельность педагога по проектированию учебной деятельности и ее практической организации в рамках определенной предметной области [1].

Профессионально-ориентированная технология позволяет решать следующие задачи:

- повышать профессиональную мотивацию студентов и интерес к будущей профессии;
- развивать навыки профессионально-ориентированного говорения, в рамках тематики, связанной с проблемами образования, обучения и воспитания;
- привести обучаемых к осознанию и самооценке собственного стиля учения и обучения.

Программа, отражающая содержание профессионально-ориентированной технологии обладает следующими характеристиками:

1.*Тематическая ситуативность*, которая включает темы, связанные с педагогической профессией, при этом основывается на ситуативном подходе. В рамках темы выделяются подтемы и ситуации, на которых строится обучение. Организация и применение ситуаций ведет к формированию речевых умений студентов.

2.*Функциональность,* включающая перечень коммуникативных функций, отражающих намерения говорящего, а также те языковые структуры, посредством которых эти функции могут быть реализованы в процессе общения.

3. *Комплексность*, построенная на коммуникативных заданиях, выполняя которые студенты овладевают коммуникативной компетенцией в различных видах деятельности.

Использование профессионально-ориентированной технологии эффективно при определенных условиях. Прежде всего, речь студентов должна быть мотивирована. Так, часто используемые на занятиях «дриллы» являют собой образец речи, которая не имеет слушателя. Процесс говорения должен быть целенаправленным, студент должен чувствовать, что излагаемые им идеи имеют значимость и интересны его партнеру по общению. Очень часто учебник оказывается недостаточным источником, где можно почерпнуть необходимую информацию, дающую «пищу для размышлений». Важная задача учителя заключается в том, чтобы обеспечить необходимый материал, иллюстрирующий обсуждаемую тему (аутентичные тексты, аудиозаписи, видеозаписи).

Коммуникативные задания должны стимулировать способность рассуждать, добиваться поставленной цели, владеть навыками как диалогической, так и монологической речи. Будущий педагог должен знать, что специфика профессии заключается не только в том, чтобы вызвать учащегося на диалог, запросить необходимую информацию, вовремя среагировать. Следует уметь обстоятельно высказаться по проблеме, привести необходимые аргументы, логично выстроить высказывание.

Преподаватель должен обеспечить неподготовленность речи студентов, когда обучающиеся не имеют заранее заготовленных письменных ответов. Момент новизны делает задания более интересными, а речь – спонтанной.

Разрабатывая технологию, мы должны были определить конкретный перечень приемов работы по формированию умений профессионально-ориентированного говорения, которые, с одной стороны, были бы направлены на организацию общения и коммуникативных ситуаций, а, с другой, связывали воедино практическое и теоретическое овладение иностранным языком с методической подготовкой.

При классификации приемов мы ориентировались на следующие критерии: социальная роль, в которой выступает студент, в процессе выполнения профессионально-ориентированных заданий, уровень познавательной деятельности и творческой активности студентов, организационная сторона учебно-речевой деятельности, технологическая готовность обучаемых к профессионально-ориентированному общению.

В соответствии с первым критерием обучаемый может выполнять роль либо студента, либо учителя, выполняя профессионально-направленные задания. («скрытые приемы» и «открытые приемы» - термины И. П. Андреевой) В зависимости от уровня познавательной деятельности и творческой активности мы выделяем приемы, направленные на презентацию языкового материала, на организацию тренировки и на организацию общения. Что касается организационной стороны учебно-речевой деятельности, то мы хотели бы выделить следующие приемы:

- приемы организации языковых или речевых единиц (идентификация, сравнение, соотнесение, ранжирование);

- приемы вопросно-ответной работы (вопросы, направленные на проверку сформированности навыков и умений и коммуникативные вопросы);

- приемы, направленные на порождение семантических ассоциаций (стимулирование генерации идей и групповой творческой деятельности);

- приемы, стимулирующие обмен информацией (обеспечение информационного неравновесия);

- приемы игрового моделирования.

Технологическая готовность обучаемых к профессионально-ориентированному общению предполагает две группы приемов. В первую входят приемы, обеспечивающие формирование умений решать коммуникативные задачи в структуре педагогической деятельности учителя: аналитико-рефлексивных, проектировочно-прогностических, организационно-деятельностных и оценочно-коррекционных. Ко второй группе мы отнесем приемы, развивающие умения выполнять иноязычные речевые функции: информационные, регуляционные, аффективные.

Таким образом, в содержание профессионально-ориентированной технологии входят темы и ситуации, связанные с педагогической профессией. Технология построена на комплексе упражнений на презентацию, тренировку лексического материала и развитие навыков профессионально ориентированного говорения. В качестве обратной связи со стороны студентов должна проводиться рефлексия содержания учебного материала и деятельности.

Несмотря на разнородность предложенных компонентов в составе профессиональной компетентности, изучение и установление всех фактов, которые определяют успех профессиональной подготовки и формирования личности будущего учителя, сравнение базовых категорий профессиональной компетентности, разработка и применение технологии, которая бы позволила формировать и развивать данное качество через преподавание языковых дисциплин в вузе, имеет огромное значение в связи с развитием профессионально-педагогического образования и осознания важности наличия у педагога определенного комплекса качеств.

Литература

1. Алексеев, Н. А. Личностно-ориентированное обучение: вопросы теории и практики: монография/ Н. А. Алексеев. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1996.
2. Маркова, А.К. Психология труда учителя: Книга для учителя / А.К. Маркова. - М.: Просвещение, 1993.
3. Мильруд, М. П. Компетентность в изучении языка/ М. П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 2004. № 7. – С. 34-40.

И.А. Бубнова
г. Москва, Россия

ДИСКУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются особенности дискурса национальной идентичности как содержания речи, направленной на стимулирование определенных ценностных социальных действий и, в конечном итоге, на сохранение нации. Автор фокусируется на современном дискурсе национальной идентичности в странах, образовавшихся после распада Советского Союза, большинство населения которых относится к восточным славянам, исторически входивших в состав России.
Ключевые слова: дискурс национальной идентичности, нация, постсоветское пространство, восточные славяне, Россия

Irina A. Bubnova
Moscow, Russia

NATIONAL IDENTITY DISCOURSE ON THE POST SOVIET TERRITORIES

The article analyses the specific features of national identity discourse defined as a content of speech aimed to stimulate the valuable social actions supporting nation’s maintenance. The attention is focused on modern national identity discourse in the countries with Eastern Slavic population formed on the post soviet territories after the USSR collapse.
Key words: national identity discourse, nation, post soviet territories, Eastern Slavic population, Russia

Введение. Проблема сохранения национальной идентичности – это не просто вопрос о том, какой процент населения страны называет себя русскими, белорусами или украинцами. Эта проблема непосредственно касается сохранения культурных констант, далее – собственных национальных интересов и, в итоге – выживания нации. Иными словами, разрушение ценностного ядра, и, как следствие, отсутствие ориентиров для определения своей национальной принадлежности есть прямой путь к утрате суверенитета страны, ее «растворению» в пространстве иных ценностей, тех, которые сегодня чаще всего определяются как универсальные ценности всего человечества.

Русский мир столкнулся с проблемой определения национальной стратегии развития и, если смотреть глубже, определения системы ценностей, которая должна в дальнейшем стать ведущей в

жизни каждого человека, жившего на этой огромной территории, практически сразу после распада Советского Союза. Для большинства жителей славянских республик: России, Украины и Белоруссии, в сознании которых в первые годы перестройки этот вопрос вряд ли связывался с их национальной самоидентификацией, такая стратегии казалась очевидной – интеграция в общеевропейское пространство. Безальтернативность данного решения активно поддерживалась и представителями интеллектуальной элиты каждой из новых стран, прилагавшей все усилия, чтобы доказать преимущество европейских ценностей над ценностями, составлявшими основу жизни народов русского мира. В сущности, это не составляло особого труда: к середине 80-х годов в экономике страны накопилось достаточно много проблем, которые непосредственно отражались на повседневной жизни людей, а принципы, декларировавшиеся официальными властями советского государства, постоянно вступали в противоречие с тем, что происходило в действительности, поэтому казались полностью оторванными от реальности. Именно в силу данных обстоятельств подавляющее большинство, совершенно искренне желавшее перемен, с достаточным энтузиазмом поддерживали тех, кто призывал к скорейшему принятию принципов европейского существования.

Если подходить к обсуждаемому вопросу с применением строгих критериев, то становится ясным: бывшему советскому народу, с точки зрения социологии являвшемуся нацией (подобно тому, как существует нация американская либо китайская), предлагались отнюдь не европейские ценности. Европа неоднородна. Там, как и в бывшем СССР, проживают десятки народов, каждый из которых имеет собственную историю развития, собственные этнические доминанты, традиции, обычаи, которые кристаллизовались веками. Советскому народу, как и ранее, до начала глобализационных процессов и превращения Европы в «глобальную деревню» [17] самим европейцам, был предложен набор обезличенных, лишенных даже намека на нечто национально-специфическое, правил, цель которых – формирование секулярного сознания масс, направленного, прежде всего, на удовлетворение биологических потребностей. Эти правила, родившиеся в недрах массовой культуры, несмотря на свою внешнюю привлекательность (яркий пример – пропагандируемая с самого начала распада СССР *толерантность*, отсутствие которой до сих пор ставится в вину русскому миру), есть правила не для отдельных личностей. Это – правила, изобретенные специально для «эры масс» (по Гюставу Лебону), которую вовсе не нужно убеждать, как отдельного индивида, ощущающего свою принадлежность к определенной нации и культуре. Массе достаточно внушения, разговор с массой – это апелляция к ее эмоциям и чувству, «уход от логического мышления, даже его избегание, и предпочтение алогичного мышления; раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни» [10, с. 43]. Именно с обращения к эмоциям и чувствам и начинался дискурс национальной идентичности на постсоветском пространстве, в частности, славянских республиках, который затем, с течением времени, видоизменялся и, наконец, приобрел собственные специфические черты в России, Беларуси и на Украине, наблюдаемые сегодня.

1. Нация и национальная идентичность. Факторы формирования национальной идентичности представителей русского мира в исторической перспективе. Постсоветский дискурс национальной идентичности в первые годы после распада СССР.

С точки зрения классической социологической традиции главным условием возникновения нации в век «языковых битв» является «языковая общность». Возникновение «политического союза», прежде всего – государства, обусловленное поведением, основанным на эмоционально переживаемом чувстве общности, т.е. «общностном действовании», также может стать основой возникающего «национального чувства» [18, S.242]. Иначе говоря, нация – это не субстанциальное образование, а социально-исторический конструкт, сложившийся как итог усилий государства по превращению разнородного населения, говорящего на одном языке и проживающего на одной территории, в социально-культурное сообщество с высокой степенью однородности. Но краеугольным камнем, без которого невозможно формирование и существование нации, является ее ценностный аспект, позволяющий мотивировать ценностно-ориентированное поведение ее представителей, связывая в их воображении в целостную картину пространство, время и человеческую солидарность. Именно эта черта делает нации «особыми ***культурными*** артефактами», источник которых кроется в «***глубинных изменениях в способах восприятия мира***» [3][выделено нами – *И.Б.*].

Такой «особый культурный артефакт» представлял собой русский мир с момента его формирования. Как пишет И.Я.Фроянов, появление первых ростков государственности у восточных славян связывается историками с развитием общественных отношений и созданием двух союзов племен: в Восточной Европе (чудь, славяне, кривичи и весь) и в Среднем Поднепровье с полянами во главе. Территориальным ядром последнего и была "Русская земля" - суперсоюз, ограниченный Киевом, Черниговом и Переяславлем. Одновременно в VIII-IX веках в результате слияния нескольких общинных поселений на всей территории Киевской Руси начинают возникать и другие крупные центры союзов племен, выполнявшие различные социальные функции, – древнерусские города. Изначально основанные на общине, эти города, как свидетельствуют летописи, были идентичны "роду", однако уже в конце X-начале XI вв. происходит перестройка общества на территориальных началах, а родовую общину сменяет территориальная. Сами же города, разрастаясь, превращаются в города-государства, со старейшим городом-ядром, сосредоточием союза племен или крупного племени, управляемым вече - народным собранием всех свободных жителей города, и подчиненными ядру пригородами, «волостями» (областями), зависимое положение которых отражено в самом их названии [16].

Иначе говоря, исторически сложилось так, что основной формой социальной организации в еще только зарождавшемся русском мире, у восточных славян, стали города-государства, представлявшие собой общину или *мир, общество* – ***соборное объединение*** на началах самоуправления, самоорганизации, взаимопомощи и совместного владения землей, имевший характер высшего закона.

Постепенный рост и укрепление отдельных городов-государств на «Русской земле», которые имели собственное управление, проводили свою политику, направляли послов друг к другу, не способствовал укреплению уже сложившегося суперсоюза с центром в "мати градом русским" – Киеве. В силу этого князь Владимир, прилагавший, как и его предки, значительные усилия к объединению племен под своей властью, обращает свой взор к христианству - религии, где момент централизации является главенствующим. Так христианство становится сначала государственной

религией Киевской Руси, а затем, на протяжении нескольких столетий, происходит и постепенная христианизация всех русских земель. «Эти два события [принятие христианства Русью и Литвой], сыгравшие исключительную роль в истории этих стран и предопределившие на многие столетия их место в истории, должны расцениваться и как события вселенского характера… Принятие христианства на Руси не только приобщило к уже христианскому миру наиболее обширную и самую отдалённую часть единого пространства — Восточную Европу, но и тем самым в исторически ближайшем будущем открыло новый огромный мир, который должен был христианизироваться с помощью русских христиан, «тружеников одиннадцатого часа»… И каковы бы ни были последующие судьбы христианства в Восточной Европе, его наследие стало неотменимой составной частью духовной культуры и здесь, — может быть, особенно здесь» [15, с.3].

Таким образом, начиная с X века, к ценностям ***соборности и единения земель***, с самого начала определяющим миропонимание и вектор цивилизационного развития племен и племенных союзов, проживавших на Восточно-Европейской равнине, добавляется христианство. Наряду с общим древнерусским литературным языком, близостью в экономической жизни, в культуре и быте, эти три основополагающие ценности становятся ценностным ядром, основой идеи восточнославянского единства и самоидентификации народов. Эта идея и стала базой, на которой в течение 14-16 веков происходило становление единого русского государства – Великой Руси (XIV век). С конца XV века на картах Европы появляется уже государство Россия, куда входят сформировавшиеся к тому времени три восточно-славянские народности: украинская, проживавшая на древнерусских землях, непосредственно граничивших со степью (Украине, *краине, окраине, земле*), белорусская и русская.

В дальнейшем, несмотря ни на какие трагические повороты в истории близкородственных славянских народностей, ценностная матрица, на которой сформировалась Россия, продолжала оставаться национальным идентификационным кодом русского мира. Впервые он оказался на грани реального разрушения в начале XX века. Именно тогда российское, а затем и советское, правительство приняло курс на разрушение общины, перечеркивая вековые традиции народов, формировавшиеся в течение десятков столетий. Несколько позже, уже после 1917 года, была официально «отменена» старая мораль и нравственность, основанная на христианских ценностях, ее заменила новая, подчиненная интересам классовой борьбы пролетариата, что и было провозглашено как основной принцип нового государства: «В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?....Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем» [11]. С этого момента началось активное строительство иной ценностной матрицы, способной стать основой для формирования национальной идентичности нового человека – человека советского. Однако представляется, что и в этой новой матрице коренные верования, неотделимые от самой реальности, идеи, в которых пребывает народ, которые составляют сущность его жизни [12, с.228–229], видоизменившись внешне, по своей сути остались идеями культуры крестьянской, общинной и православной. Коллективизм сохранил свою внутреннюю связь с *миром, обществом*, за

которым признавалось право судить, но от которого ожидали помощи и поддержки. Христианские ценности «проступали» в правилах, сформулированных в «Моральном кодексе строителя коммунизма», стремление к «собиранию земель» - в призывах к братской солидарности со всеми народами. Возможно именно поэтому к концу XX столетия, когда Россия вновь вступила в эпоху кардинальных перемен, ее идентификационное ядро, хранящее накапливающиеся тысячелетиями, а потому очень прочные мировоззренческие ценности носителей русского мира, по сути осталось прежним. Сама духовная культура нации, которая, в отличие от культуры материальной: «принимая новое, в значительной мере сохраняет старое, устанавливает формы сосуществования нового со старым, наслаивает одно на другое» [14, с.37], помогла ядру национальной идентичности выстоять и адаптироваться к новым условиям жизни.

К началу 90-х годов в идентификационном ядре русского мира, несмотря на попытки его трансформации, длившиеся в течение семидесяти лет, продолжали доминировать представления о том, что духовные ценности несопоставимы с материальными благами, коллективное стоит выше личного, а будущее важнее настоящего. Безусловно, в этих представлениях проявлялись ценности главной идеи русского мира, его ценностного ядра: православия, общины/мира и силы, основанной на основном мифе России – ее бескрайних пространствах. Эти ценности были полной противоположностью ценностям западного мира, мешали растворению национальной идентичности, сохранение которой является залогом сохранения национального государства, а поэтому были подвергнуты ярой критике. Причем критика звучала не только со стороны тех, кто позиционирует себя как интеллектуальную элиту общества: писателей, журналистов, общественных деятелей, ученых, всех тех, кто часто заявляет о своей оппозиции власти, но и со стороны самого государства, работников его идеологического аппарата. В те годы явно проявился новый вид дискурса национальной идентичности - дискурса, в самом общем смысле представляющего собой речь, направленную на стимуляцию ценностно мотивированного социального действия. Важно подчеркнуть, что в норме, согласно законам логики, такой тип дискурсивной практики направлен на укрепления чувства национального самосознания. Он отсылает к исторической памяти, создает в сознании нации (и тут, безусловно, нельзя обойтись без опоры на воображение) общие духовные скрепы, позволяющие каждому отдельному представителю ощущать свою принадлежность к миру, созданному ценностями, разделявшимися миллионами предков. Так было и в типичном дискурсе национальной идентичности в Российской империи, такие традиции продолжал и советский дискурс национальной идентичности. В девяностые годы дискурс национальной идентичности на всем бывшем постсоветском пространстве приобрел совершенно иную устремленность: он был направлен на отказ от своей национальной идентичности. При этом, в полном соответствии с законами культурно-исторической теории Л.С Выготского, созданной и развитой в советской психологической науке, этот вербальный дискурс изначально был подкреплен практическим действием – отменой всех организационных форм, в которые были включены люди. «Все вроде оставалось тем же самым, что и раньше. Но исчезало самое главное: организация людей в едином коллективе, коллективное самосознание, коллективная психология, коллективное поведение…. люди остались дома, а

коллективы вдруг исчезли. …. Произошла трагедия целого народа: его лишили основного условия его бытия, его естественной среды обитания, и он оказался обреченным на историческую гибель. …. Человек тем самым освобождался от самого глубокого контроля – от контроля своего ближайшего окружения» [9, с.29]. Одновременно с уничтожением коллективов на человека хлынул поток информации о далеком и недавнем прошлом его страны, его собственном прошлом, о тех ценностях, на которых выстраивал жизнь и он, и все предыдущие поколения. И эта информация оказалась на удивление однообразной, сейчас совершенно очевидно, что главной ее целью было не уничтожение существующей идеологии и строя, а полное уничтожение культурного ядра нации. Вот лишь несколько примеров из одного только сборника [8], куда вошли статьи людей, на произведениях которых воспитывалось не одно поколение, а их авторитет в обществе был в то время значительно выше, чем авторитет сегодняшних «властителей душ».

«*Представить страшно, насколько глубоко было парализовано наше общество. ... Духовное рабство может быть и добровольным, и даже желанным, сладострастным и ревностным, как результат патриархально-угоднического культа вокруг одного лица, насаждаемого тоталитарными средствами. Когда люди долгие годы унижены, не в состоянии противостоять произволу и жестокости, исходящим из казенных пределов, они готовы боготворить само это зло, находя в том некую внутреннюю компенсацию своему бессилию и некое иллюзорное слияние с этой суперменствующей данностью, поклонение которой становится для них нормой жизни*»[1, с.14].

«*Ведь мы живем не для того, чтобы, ухватившись за какую-нибудь одну мерку (одну не подкрепленную жизнью идею), бежать и бежать за ней, передавая из поколение в поколение и не замечая, что тащимся (по многим уже вопросам) почти в хвосте человечества; жизнь моего поколения, в сущности, прожита; мы простояли в очередях, просмотрели завистливым взглядом на кино и телеэкранное изобилие, и мы сравнивали нашу жизнь с увиденным*» [2, с.27].

«*Не будем обманываться, сегодня решается судьба Отечества. Либо мы создадим динамичное демократическое общество, в котором превыше всего ценятся труд и талант, преданность гражданина своему Отечеству ... механизм, который позволит нам выйти на мировые рынки, продавать продукты нашего труда, преумножая богатства, – словом, создадим то, к чему ведет нас перестройка ... Либо мы откатимся назад, и другим странам неминуемо будет позволено разграбливать нашу страну, скупая по дешевке сырье, невосстановимое богатство, достояние наших детей и внуков. Либо – либо. Середины нет. ...Если публицистика помогает осознать время, так это что, плохо?»* [4, с.48].

«*Притепрелостей постепенно образовалось много – к репрессиям, к произвольных налогам, к насильственным подпискам на заем… Вырубались лучшие люди. Все походило на страшный сон, в котором злая банда, задавшись целью вырубить самых породистых лошадей, бродила ночами по конюшням, орудуя топорами. Лошади как вид выжили, но многие из них оказались лошадьми с психологией мышей. Нам еще много нужно, чтобы восстановить нашу, понесшую такой урон, человеческую породу. Рабскую кровь сегодня надо не выдавливать по капле, а вычерпывать ведрами. Мы не можем позволить себе терпеть собственное терпение*» [7, с.150].

Этот ряд примеров можно продолжать бесконечно. И здесь нужно отметить один важнейший момент: для каждой социальной группы находились свои специфические каналы воздействия, от публицистических выступлений и аналитических передач до низкопробной литературы и сериалов, хлынувших с экранов телевизоров. Но, несмотря на видимые различия, связанные, в одном случае, с манипуляциями словами, а, в другом – образами, все их объединяло два основных принципа, давно известных в психологии: 1) обращение к эмоциям; 2) разрушение логического мышления путем создания некогерентности, несоизмеримости частей высказывания. Первый принцип достаточно ярко иллюстрируется цитатами, приведенными выше: *добровольное духовное рабство, поклонение злу как норма жизни, решается судьба Отечества, Либо – либо, лошади с психологией мышей, рабская кровь* и т.д. Действие второго в полной степени проявлялось на телевидении, так как именно этот принцип лег в основу выстраивания сюжетов в новостных программах и только появившихся на телеэкране ток-шоу. В первых картинки из жизни новой элиты чередовались с показом изуродованных в очередной разборке тел. Во вторых ведущий развлекательной программы, каждый раз меняющий подтяжки стоимостью в несколько сотен долларов, в компании таких же журналистов учил зрителей, как можно выжить, наладив производство шапочек из подручного материала. Все это создавало ощущение абсурда происходящего и каждый раз заставляло сомневаться в своей собственной способности рационально оценить то, что происходит в реальной жизни. Но в итоге основная цель нового дискурса национальной идентичности – **воспитание чувства стыда за свою историю и, соответственно, стыда за то, что ты принадлежишь к русскому миру**, особенно в сознании молодого поколения, было достигнуто. Наступил новый этап – этап закрепления желания отказаться от своей национальной принадлежности, но для этого потребовались уже иные методы.

2. Дискурс национальной идентичности в XXI веке: Украина, Беларусь, Россия

Представляется, что на государственном уровне задача поиска национальной идентичности и, соответственно, определение национальной стратегии развития в постсоветских странах, основное население которых относится к восточным славянам, была поставлена уже в конце XX - начале XXI века. К этому времени условия для решения данной задачи уже были подготовлены. Во-первых, в первое десятилетие перестройки сформировался олигархический капитал, появился слой населения со сверхвысокими доходами и, соответственно, возникли институциональные учреждения, готовые доказывать естественность и справедливость сложившейся ситуации. Во-вторых, практически полностью была разрушена советская система образования, при всех ее недостатках ориентированная на подготовку человека мыслящего, ее заменила система обслуживания, нацеленная на формирование потребителя. В-третьих, существенно сократилось число жителей, ушла значительная часть людей, для которых история страны была непосредственно вплетена в их собственную жизнь. Более того, как упоминалось выше, в предыдущее десятилетие путем массированное воздействия на сознание национальное идентификационное ядро русского мира было размыто. Все эти факторы в совокупности означали, что появилась реальная возможность для разъединения бывшего единым на протяжении тысячелетия народа на отдельные группы со своими собственными ценностными ядрами, и процесс создания новых идентификационных кодов был запущен и стал набирать

скорость. Однако в этот период принципы формирования новой национальной идентичности претерпели определенные изменения.

На Украине в основу дискурса национальной идентичности была положена идея о великой украинской нации, которая на протяжении длительного периода времени находилась под гнетом России. Украинский язык был утвержден единственным официальным государственным языком, а лозунг «Мы – европейская цивилизация, коренным образом отличающаяся от варварской России» стал основной мыслью, которая начала активно транслироваться через СМИ. Радикально изменились программы школьного и университетского образования. Резко сократилось число русскоязычных школ, а сам русский язык, объявленный иностранным, стал изучаться факультативно, причем количество часов, отведенных на него в учебных программах, оказалось несравнимо меньше, чем на изучение английского языка. Но самым важным условием для формирования убеждения в собственном величии, на наш взгляд, оказалось содержание новых школьных учебников по истории. Объемы статьи не позволяют провести детальный анализ этого содержания, поэтому нам придется ограничиться только выделением ключевых тем.

Красной нитью через все учебники проходит мысль о различном происхождении русских, украинцев и белорусов, никогда не составлявших единой древнерусской народности и не имевших общего языка. По мнению составителей учебников, украинцы как нация существовали уже в древности, причем их, в отличие от русских, всегда отличала демократичность. Киевская Русь («Княжа Русь – Україна») – это исключительно украинское образование, участие же русских в истории Киевской Руси ограничивалось постоянным стремлением захватить и разграбить "украинский Киев". Нельзя не отметить и интереснейший исторический период – «Казацкую Украину», описывая который историки сообщают, что Запорожская Сечь – это форма украинской государственности, причем казацкий период, для которого характерен высочайший подъем в развитии науки и техники (казаки имели даже подводный флот), продолжался целых три века, с конца XV до конца XVIII. «Как много значит он в истории Украины свидетельствует тот факт, что нас, украинцев, и сегодня зовут в мире казацким народом». Но украинцы не только строили свою государственность, они сыграли и великую роль в жизни Великого княжества Литовского, принимая активное участие в войнах с Москвой в XVI-XVII веках, также сыграли важнейшую роль.

Одна из наиболее мрачных страниц в истории Украины – это воссоединение Левобережной Украины с Россией, которого хитрые "москали"добились обманом, загнав украинцев, вместо обещанного договором военного союза, под свое ярмо. Страданиями украинского народа отмечен период конца XVIII-начала XX веков, когда происходило преследование украинской культуры и языка, тотальная русификация вольных украинцев.

Много внимания уделяется короткому периоду самостоятельного существования киевской центральной власти в 1917-1920 годах, выдаваемой за общеукраинское правительство. Особо прославляется героизм Симона Петлюры. Вместе с этим в официальной историографии нет ни единого слова о Донецко-Криворожской республике на востоке Украины. Зато знаковым событием для украинских историков является тема Голодомора 1932-1933 года, как утверждают в учебниках,

искусственно организованного Москвой, причем число его жертв вместе с репрессиями неуклонно увеличивается и уже достигло цифры в 20 миллионов человек. Что касается Великой Отечественной войны, то ее предпочитают называть Второй мировой войной, в которой украинцы сражались друг против друга за независимость от немецкого и русского господства. Становится официальной и положительной трактовка деятельности Степана Бандеры и ОУН-УПА, ставших печально известными благодаря зверским массовым убийствам русских, украинцев, поляков и евреев.

Последний период упадком украинства, связанный с новой волной русификации, пришелся на 50-80-е годы, после которых наконец-то наступила Независимость.

В целом, даже если оставить в стороне содержание учебников, по которым уже несколько десятилетий обучают школьников, то сам язык изложения материала совершенно не оставляет никаких сомнений в намерении авторов. Знакомясь с официальной версией истории, школьники узнают, что: *Украина была резервуаром пушечного мяса для России, Украине пришлось кормить чужую армию и отдавать своих сынов на войну за чужие интересы, всегда существовали острые русско-украинские противоречия, имперская русская власть, преступления русского царизма перед украинским народом, идеи славянского братства уродовали национальное сознание и не отвечали интересам украинского народа* и т.д.

После чтения таких учебников уже не вызывают вопросов видео, где прыгающая молодежь (кадры, напоминающие ритуальные пляски африканских племен) скандирует: «Кто не скачет, тот москаль», ни трансляции факельных шествий под знаменами с фашистской символикой, ни стихи украинской девушки «Никогда мы не будем братьями», положенные уже на музыку. Сегодня нужно признать, что значительная часть молодежи на Украине уже не ассоциирует себя с русским миром. Будущее покажет, насколько глубоким оказался этот разрыв, хотя весь ход всемирной истории подтверждает мысль П.А.Столыпина: «Народы забывают иногда о своих национальных задачах, но такие народы гибнут, господа, они превращаются в удобрения, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы!»

Дискурс национальной идентичности **в Беларуси** никогда не был таким радикальным, как на Украине, хотя и в этой стране тоже идут постоянные поиски белорусской национальной идеи, которая может стать основой национального идентификационного кода. На государственном уровне в Беларуси никогда не поддерживались попытки дискредитировать связи между белорусским и русским народами, хотя в 90-е годы существовало оппозиционное движение, настаивавшее на полном разрыве с русским миром и переориентации Беларуси на Западную Европу. В первые годы независимости эти идеи транслировались в СМИ и нашли своих сторонников в основном среди молодого поколения белорусов, что подтвердилось в начале XX века результатами наших собственных экспериментальных исследований, посвященных выявлению образа России и русских [5].

Первоначальной целью проводимого эксперимента было выявление сходных черт в коммуникативном поведении русских и белорусов, при этом было выдвинуто предположение, что, несмотря на известное положение о существовании в каждом этническом сообществе тенденции к

сохранению своей специфичности, общее прошлое оказывается сильнее и нивелирует различия между этими близкородственными народами. Именно об этом свидетельствовали данные, полученные в процессе изучения языкового сознания славян [13].

Однако результаты анализа экспериментальных данных опровергли первоначальную гипотезу. Более того, в тот момент оказалось, что за внешним сходством ядра языкового сознания скрываются разные *образы мира*, более того, в когнитивной структуре *свой народ – чужой народ*, лежащее в основе автостереотипа, роль чужого играют русские.

В целом было выявлено, что в качестве доминирующих черт коммуникативного поведения представителей белорусского этноса сами белорусы считают *толерантность, консерватизм и законопослушность, вежливость в бытовом общении и умение выполнять обещания*. В то же время они оценили коммуникативное поведение русских как *враждебное, хамоватое, чванное и демонстрирующее самовлюбленность, развязное, с тенденцией к демонстрации своего превосходства над другими нациями*.

В ходе интервью свой консерватизм молодые белорусы связали с безразличием к процессам, которые не касаются непосредственно их жизни, со стремлением большей части представителей нации к обособленной и размеренной жизни, с низкой степенью требовательности к окружающим их условиям.

Лидером в списке черт типичного коммуникативного поведения белоруса оказалась *законопослушность*, причем именно это свойство, по мнению наших респондентов, отличало их от русских.

В характере типичного белоруса, по данным эксперимента, основополагающими являются следующие черты: *добрый, открытый, обаятельный, доброжелательный, тактичный, трудолюбивый*.

Типичный русский – *это лицемерный, эгоистичный, наглый, корыстолюбивый, упорный, сильный, самодовольный*.

И лишь три черты были признаны общими: *общительность, творчество и красота*.

Таким образом, в начале двухтысячных годов молодежь Беларуси видела больше отличий, чем сходств, между собой и русскими. Причем эти различия влияли не только на восприятие образа русского, но и на отношение к русскому миру в целом.

Анализ современных речей официальных белорусских лидеров, текстов СМИ, содержания новостных программ позволяет предполагать, что качества белорусов, выявленные нами более десяти лет назад, - *доброжелательность, толерантность, открытость, законопослушность* – уже стали главными ценностями конструируемого государством культурного ядра и основой национальной самоидентификации. К сожалению, по нашим собственным наблюдениям, не исчезло и негативное восприятие русских, продолжается фиксация различий в многообразных видах дискурса, от официального или научного до бытового.

В качестве примера приведем оценку истории русского мира белорусским исследователем Вадимом Деружинским: «Когда начались разделы Речи Посполитой, царизм поручил придворным

историкам изобрести концепцию об общем происхождении русских, беларусов, украинцев и поляков, которые якобы и в прошлом были частью «российского государства». Это должно было обосновывать в глазах Запада захват этих земель и русификацию (точнее московизацию) ее жителей. Коммунистическое руководство СССР продолжило имперскую политику царизма, поэтому старый миф не только не был отброшен, но и получил развитие в виде фантастической теории «единой древнерусской народности», разработанной в 1944-1954 годах в рамках подавления сепаратизма Западной Украины. Однако с началом Перестройки выяснилось, что миф-то вообще ни на чем не основан (хотя многие «ученые» от официоза, когда-то получившие звания за обоснование этой «теории», конечно, продолжали ее защищать). Стали очевидными следующие вещи.

Никакой «древнерусской народности» как общего корня русских, беларусов и украинцев никогда не существовало. Не было и никакого «общего государства Древней Руси».

Беларусы до середины XVI века еще не были славянизированы и говорили на западнобалтском языке.

Великое княжество Литовское являлось вовсе не государством нынешних «литовцев», то есть летувисов-жемойтов, а этнически беларуским государством. И никогда до 1839 года беларусы не принадлежали Московской церкви.

Не было в прошлом и никаких «русичей». … Царские идеологи выдумали слово «русич», потому что в реальности принадлежность человека Руси определялась в средние века совсем другим словом «русин», а оно означало вовсе не нынешних русских (тогда московитов), а только одних украинцев - жителей Киевщины, Подолья, Волыни, Галиции» [6] .

Этот и иные примеры свидетельствуют, что процесс разделения русского мира и в Беларуси продолжается, и итоги его до конца еще не определены.

Что касается **России** и тех, кто продолжает относить себя к русскому миру, то они все еще не определились в содержании своей цивилизационной матрицы. С одной стороны, события последнего года могут свидетельствовать, что культурные константы ядра русского мира, несмотря на все влияния, как изнутри, когда утверждения об ущербности России звучат из уст либеральной интеллигенции, так и внешние воздействия, остается живым и продолжает определять ценностные ориентации тех людей, которые идентифицируют себя как русских. С другой, можно привести множество фактов, которые могут быть интерпретированы как уже свершившийся переход русским миром той грани, за которой выживание цивилизационного ядра России становится невозможным. Этот вопрос требует более тщательных исследований, но пока можно сказать, что до сих пор возможность выживания русского мира остается под вопросом.

Литература

1. Айтматов Ч. Подрываются ли основы? // Если по совести: Сборник статей. / Сост. В. Канунниковой. – М.: Худож. лит. 1988. – С. 5-16.

2. Ананьев А. Человек на земле // Если по совести: Сборник статей. / Сост. В. Канунниковой. – М.: Худож. лит. 1988. – С. 16-28.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

4. Бакланов Г. О правом деле и мнимых истинах // Если по совести: Сборник статей. / Сост. В. Канунниковой. – М.: Худож. лит. 1988 – С.

5. Бубнова И.А. Русские и Россия глазами современных белорусских студентов // Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: Сб. науч.статей. – М:, Изд.центр «Азбуковник», 2011. – С. 11-24.

6. Деружинский В. Белорусы, украинцы, русские, так появилась Россия ... Электронный ресурс: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=459978

7. Евтушенко Е. Притерпелость // Если по совести: Сборник статей. / Сост. В.Канунниковой. – М.: Худож. лит. 1988. – С.142-156.

8. Если по совести: Сборник статей. / Сост. В.Канунниковой. – М.: Худож. лит. 1988.

9. Зиновьев А.А. Русская трагедия. – М.: Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006.

10. Канеттти Э. Монстр власти: роман /Элиас Канетти, Серж Московичи; [пер. с нем. Р.Каларашвили, пер. с франц. Т.Емельяновой, Г.Дилигенского]. – М.: Алгоритм, 2009. –

11. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года. Электронный ресурс: http://www.politpros.com/library/13/252

12. Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. Пер. с исп. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

13. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский (САС) // Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. – М., 2004.

14. Толстой Н.И. Этногенетический аспект исследований древней славянской духовной культуры // Н.И.Толстой. Избранные труды. – Т. III. – М., 1999.

15. Топоров В. Н. Язык и культура: об одном слове-символе // Балто-славянские исследования. 1986. — М.: Наука, 1988.

16. Фроянов И.Я. Начала русской истории: Избранное /Отв. ред. Ю.Г. Алексеев; Санкт-Петербург. гос. ун-т. — М.: Издат. Дом "Парад", 2001.

17. McLuhan M. The Global Village: Transformations in World Life. A Media in the 21st century. N.Y., 1989.

18. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1985.

Е.А. Вишнякова
г. *Москва, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема экономии в языке, представляющая собой изменения во внутреннем устройстве системы, которые мотивированы потребностями в сжатой передаче информации и направлены на устранение избыточных форм и выработку более совершенных средств выражения как в устной, так и письменной коммуникации.

Ключевые слова: языковая экономия, аббревиация, сокращенные лексические единицы, сокращение, коммуникация

Elizaveta Vishniakova
Moscow, Russia

ON THE ECONOMY OF LINGUISTIC RESOURCES IN MODERN ENGLISH

The article deals with the problem of linguistic means' economy based on changes in the internal structure of the system, motivated by the need for compression and transmission of information. The process is aimed at eliminating redundant forms and developing the optimal means of expression both in oral and written communication.

Key-words: linguistic means economy, abbreviation, reduced lexical units, shortening, communication

В связи с ростом объема информации в современном мире наблюдается тенденция к экономии языковых усилий и времени. В целом, экономия в языке обусловлена стремлением к экономии в речи и является её следствием. Экономия в языке – это изменения во внутреннем устройстве системы, которые мотивированы потребностями носителей языка в сжатой передаче информации и направлены на устранение избыточных форм и выработку более совершенных средств выражения. Согласно словарю лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, «экономия лингвистическая (закон экономии сил)» рассматривается как «стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью как одна из причин изменения языка. Это находит свое выражение во всех частях языковой системы: в фонетике, словообразовании, морфологии, синтаксисе… "экономия" противостоит "избыточности" и имеет свое материальное выражение. Однако и в тех случаях, когда используемые языковые средства в количественном отношении остаются без изменения, но появляются удобные готовые модели, устойчивые сочетания, более совершенные унифицированные формы и т. п., можно говорить о лингвистической экономии.» В целом определить экономию в речи можно, как рациональное использование языковой материи с учётом коммуникативной задачи и ситуации общения для передачи максимума содержания минимумом языковых средств [10].

Вопрос о роли экономии в языке всегда активно обсуждается в лингвистической литературе. В настоящее время интерес к проблеме экономии языковых средств не ослабевает, этой теме

посвящается множество исследований (Глаголев, 1967; Павлов, 1969; Дюжикова, 1997; Елькин, 2001; Зимина, 2007 и др.). Следует отметить тот факт, что если в XIX — начале XX веков действие принципа экономии рассматривалось в основном на фонетическом уровне, то впоследствии границы исследования расширились и на современном этапе исследуются все уровни языковой системы, а также социальная, психологическая и прагматическая основы данного принципа.

При этом отношение к проблеме экономии языка в разное время и у разных лингвистов были неоднозначными [5]. Многие лингвисты считают экономию основным законом развития языка, другая группа исследователей признает ее одной из главных движущих сил развития языка, существует также мнение о незначительной роли принципа экономии для развития языка. В исследованиях можно встретить и утверждения, оспаривающие значение роли этой тенденции в истории и функционировании языка. Но, несмотря на разногласия, основная масса исследователей согласна с тем, что языковая экономия не является единственным принципом, определяющим функционирование и развитие языка, что ее роль в данных процессах очень существенна.

Проблема языковой экономии представляется важной как с лингвистической, так экстралингвистической точек зрения. По мнению А. Мартине, «термин "экономия" включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий и сохранение существующего положения» [8, с. 130]. Языковая экономия, находящаяся в отношениях диалектического единства с языковой избыточностью[6], в определенном смысле компенсирующей возможность человеческой деятельности по сокращению единиц языка, представляет собой одно из существенных условий адекватной передачи и корректного восприятия информации, лежащих в основе успешности коммуникации. Известно, что языковая экономия выступает в качестве одного из способов реализации ресурсов естественного человеческого языка в плане преодоления его естественных ограничений [3], а также выявления наиболее важных, обладающих особой значимостью элементов в потоке информации. Вместе с тем, языковая экономия не может сводиться только к вопросу об «экономии усилий» [4].

Что касается лексики, то она, как наиболее подвижный пласт языка, претерпевает наибольшее количество изменений. Обогащение лексики языка происходит в значительной степени за счет словообразования, раздела лексикологии, отвечающего за появление новых слов. По мнению Д.Э. Розенталя, в словообразовании тенденция к экономии находит свое выражение в обильном создании разного типа сложносокращенных слов, особенно аббревиатур, в широком распространении сложных слов (сложное слово — более экономное средство общения по сравнению со словосочетанием) и т. д. Таким образом, именно сокращения отражают тенденцию к языковой экономии [10]..

Современный английский язык располагает сравнительно новым и отличающимся высокой продуктивностью способом словообразования – сокращением. Как отмечалось выше, активизация процессов аббревиации в наше время обусловлена особым характером взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих, так или иначе, развитие и функционирование современных языков. Такой бурный рост числа аббревиатур соответствует духу нашего времени, характеризующегося ускорением ритма общественной жизни. Прогресс общества, и,

прежде всего научно-технический прогресс, а также социально-политические изменения, происходящие в нем, вызывают постоянную потребность в массовой номинации новых понятий и явлений с помощью новообразований, в том числе и аббревиатурного типа. Все новое, что происходит в нашей жизни, запечатлевается в слове. В то же время, реальной базой аббревиации является сама словообразовательная система, которая самостоятельно, как бы изнутри, вызывает к жизни разного рода сокращения.

Сокращение[6] относится к основным видам английского словообразования наряду с аффиксацией, конверсией, словосложением. По мнению И.Н.Ильиной, термин «словообразование» понимается двояко: с одной стороны, словообразование – это система способов и средств образования новых слов по определенным моделям, а с другой – это учение о способах и средствах образования новых лексических единиц, а также о словообразовательной структуре уже созданных слов. Кроме того, для понимания словообразовательных процессов необходимо помнить, что слово как основная единица языка обладает сложной семантической структурой, отличается формальной и смысловой целостностью и способностью к выделимости и воспроизводимости как готовой языковой единицы. Что касается сокращения, то это процесс уменьшения числа фонем и/или морфем у имеющихся в языке слов или словосочетаний без изменения их лексико-грамматического значения (категории), в результате которого появляется новая номинативная единица или вариант исходной единицы [6]. Например, слово *advertisement* в современном английском языке представлено тремя сокращениями: *ad, adv* и *advert.*

Часто возникают отношения омонимии. Омонимы могут быть представлены в виде двух принципиально различных групп - одну группу составляют сокращения, совпадающие с уже существующими полными словами. Особенно много таких омонимов возникает за счет усечений типа *camp -campaign, art - artillery*, в результате чего совпадают *camp* - сокращение от *campaign* и полное слово *camp* - «лагерь», или *art* - сокращение от *artillery* и полное слово *art* - «искусство».

Другую группу омонимов составляют многозначные сокращения. При сокращении различных многосложных слов их первые части могут совпадать, образуя омонимы-сокращения. Например: *sub < subway/subject/subaltern/ subeditor/subjunctive/submarine/subscription* и т.д. Казалось бы, что такое положение вещей должно затруднять акт общения, так как между собеседниками возникает двусмысленность, многозначность, и, следовательно, путаница и непонимание того, о чем идет речь. Тем не менее, дело обстоит иначе. Эти и подобные им омонимы практически не вредят эффективности коммуникации, благодаря тому, что они, как правило, употребляются в различных контекстах, ситуациях, т.е. в различных сферах общения.

Что касается инициальных сокращений, то данный тип аббревиатур выделяют часто как особый вид сокращений. Некоторые исследователи к инициальным аббревиатурам относят любые сложносокращенные существительные, которые в текстах пишутся прописными буквами без

[6] «Shortening (sometimes called abbreviation) is like the process called synecdoche in poetry: a part is substituted for a whole. In poetry, it is common to find such substitutions as “the crown” for “the king” or “the monarchy”; in diachronic morphology, we find “cab” substituting for “cabriolet”, “extra” for “extraordinary”, or “varsity” for “university”» [11].

пробелов и разделяющих знаков препинания. Издательский словарь дает следующее определение инициальной аббревиатуры - сокращение, образованное из названий первых букв и (или) звуков слов, входящих в исходное словосочетание, и произносимое при чтении в сокращенной, а не полной форме (в отличие от однобуквенных графических сокращений, произносимых при чтении полностью, не сокращенно) [9]. Инициальные сокращения произносятся по-разному, при этом нет каких-либо определенных правил их произношения. Так, некоторые сокращения произносятся полностью или инициальные буквы произносятся согласно их алфавитному названию, например: *BBC (*British Broadcasting Corporation*), p.m.* (лат. post meridiem) - in the afternoon. В то же время существуют сокращения, которые произносятся как самостоятельные слова, например: *NATO* (North Atlantic Treaty Organization), *OPEC (*Organization of Petroleum Exporting Countries *), AIDS (*Acquired immune deficiency syndrome*).*

В процессе лексикализации аббревиатуры наблюдается забвение внутренней формы или так называемый процесс *дезаббревиации* (*демотивации,* по мнению. Е.С. Кубряковой), т.е. такие случаи, когда аббревиатура и словосочетание, послужившее базой для нее, уже почти или совсем не соотносятся в сознании носителей языка, которые склонны легко забывать происхождение того или иного сокращения. Яркой иллюстрацией происходящего на глазах процесса дезаббревиации может служить сравнительно недавно созданная однословная аббревиатура *AIDS* (*Acquired Immune Deficiency Syndrome*). Эта аббревиатура стала настолько популярной, что многие носители языка, за исключением специалистов-медиков, воспринимают ее как простое, обычное слово, даже не осознавая ее структурно-семантической связи с развернутым, описательным словосочетанием терминологического характера.

Примерами демотивации могут служить и такие аббревиатуры, как *laser, radar, nylon, lavsan,* ставшие интернациональными словами, не требующими никакой расшифровки. Но если такая расшифровка и будет предпринята, то в некоторых случаях она вряд ли может привести к точному ответу. Так, например, было выдвинуто множество версий, пытающихся объяснить происхождение одной из самых известных в английском языке и ставшей международной аббревиатуры *OK.* Интересно, что такие слова, как *OK*, употребляются и воспринимаются в качестве полнозначных слов, а не просто аббревиатур.

Аббревиатуры как тип номинативных единиц обнаруживают значительно большую полифункциональность, чем соотносительные описательные наименования. Одним из частных проявлений функциональной мобильности аббревиатур стала их словообразовательная и словоизменительная активность. Так, все та же аббревиатура *OK* может свободно участвовать в акте конверсии и функционировать в речи как наречие, существительное, глагол или же, как междометие. Причем звучание аббревиатуры *OK* послужило предпосылкой к созданию глагола *to okay.*

В особую группу, пожалуй, можно отнести такие слова, как *T-shirt и V-shirt*, так как их первый элемент также произносится как буква алфавита и так как они имеют одинаковое структурное строение. Тем не менее, в данном случае буквы *"T"* и *"V"* представляют собой не сокращения каких-то отдельных слов, а обозначают своим графическим выражением свойства, фасон предмета одежды.

Так, *"T"* служит в качестве образца внешней формы футболки, а *"V"* говорит о том, какой шейный вырез она имеет. При этом буквы *"T"* и *"V"*выступают в виде образа какого-то предмета или явления из окружающей нас действительности.

Подавляющее число инициальных аббревиатур создается в сфере специальной лексики: политической, социально-общественной, экономической, военной и т.д. Специфическим случаем акронимии является процесс создания аббревиатуры, которая воспринималась бы как неделимое слово, уже существующее в языке. Например:

CLASS (*Computer-based Laboratory of Automated School System*),

WOMAN (*World Organization of Mothers of All Nations*) и другие.

В такой ситуации акронимы приобретают еще большую экспрессивность, что способствует их популяризации и все более и более широкому распространению, так как в человеческой памяти уже имеется слово, созданное путем первичной номинации, и между ними образуется своеобразная ассоциативная связь.

Что касается электронной коммуникации, то участники данного типа общения используют огромное количество сокращений, символов, разговорных фраз и упрощенных грамматических конструкций в целях экономии времени и быстроты осуществляемого общения, как если бы оно происходило на бытовом уровне между старыми друзьями, которым не нужно много слов и конструкций для языкового оформления своих мыслей. Таким образом, письменный дискурс или речь, которая всегда считалась наиболее правильной с точки зрения нормы употребления языковых единиц, претерпевает ряд изменений, которые напрямую связаны с теми требованиями, которые предъявляет сеть как коммуникативная среда к оформлению информации: краткость, выразительность и ориентация на пользователя - массового адресата.

В рамках новой концепции дистанционного письменного общения требования к созданию электронного сообщения обусловлены особенностями восприятия информации человеком. Сообщение должно быть не только кратким и ясным, но и желательно, чтобы размер сообщения не превышал фактического размера экрана, т.е. того сравнительно небольшого объема пространства, который можно охватить взглядом.

Таким образом, особой специфической характеристикой электронного сообщения является интенсивное использование сокращений. Приведем ряд примеров: "atw" – at the weekend, "cm" – call me, "cu", "cya" – see you, "dk" – don't know, "hth" – hope this helps, "jam" – just a minute, "obtw" – oh by the way, "o4u"-only for you, "gr8" – great, "ptmm" – please tell me more, "f?" – friends?, "gmta" – great minds think alike, ""khuf" – know how you feel, "fyi" – for your information, "sc" – staycool, "tuvm" –thank you very much, "wb" – welcome back, "X!" – typical woman, "Y!" – typical man, "2bctnd" – to be continued, "yiu" – yes I understand, "2gfu" – too good for you, "t2yl" – talk to you later, "ttytt" – to tell you the truth, "tx" – thanks, "ruok" – are you OK?, "sohf" – sense of humour, "sol" – sooner or later, "4e" – forever, "wrt" – with respect to.

Приведем пример, содержащий простые грамматические формы, свойственные электронным сообщениям личного характера, а также различные сокращения, содержащие упрощенную

пунктуацию и использование графических средств для передачи эмоций и особого отношения к содержанию высказывания:

Angel <angel. @gmail.com> wrote:

Hey guys!!

i take the opportunity to write you :-)

i would also like to apologize for the last e-mail I sent, I didnt include Eve in the addressees (on purpose) but I didnt include Dave either, of course not on purpose

The problem is that, I didnt think about it, but then some of you replied at this email and theydidnt get them...

If you happen to think about it, take a look to the addressees list.. :-P

Well..by the way I'm glad to say that I'm spending a great time in France with Eve.. unfortunately I'll be leaving on Wednesday, and more unfortunately (and hopefully at the same time, I'll start working hehe I also met Yann and Emma yesterday.. It's great to meet some of you out of the US..

:-* Angel

Все чаще происходит подмена живого языка языком аббревиатур и условных обозначений. Появляются переводы на язык электронного общения произведений, например, Шекспира, которые призваны привлечь внимание британских студентов и школьников, чтобы помочь им лучше разбираться в классической литературе и эффективнее готовиться к экзаменам. Из произведений выбраны ключевые отрывки, которые можно цитировать на экзаменах и семинарах. Так, например, выглядит известная фраза Гамлета “Быть или не быть? Вот в чем вопрос” в переводе на язык электронной коммуникации: *«2 b? Ntb? = ?»*

Коммуниканты в сети Интернет обладают уверенностью, что получатель сможет понять смысл данного текста, поскольку у данных пользователей уже сложился определенный код коммуникации. Следует заметить, что стремление к экономичному использованию языковых средств более свойственно пользователям молодого поколения, которые не знакомы или просто не сталкивались с написанием традиционных текстов. Известно, что люди более старшего поколения склонны излагать свои мысли, не нарушая общепринятых норм орфографии, грамматики, пунктуации.

Существуют также сообщения, для прочтения которых необходимо использовать специальный словарь сокращений и аббревиатур для электронной переписки. Так, например:

To:FOG1489@Umail.com

From: RATT_16@Unix.com

Date: [Month—,200-]

Subject:tx

Hey FOG!!!

RUOK?Tuvm 4 yi☺ptmm about your new job.it’s in NYC think.. great!!! Have much 2 do, 2 write no time. WasinDenverlastmonth 2 newcam. Cu! ☺

В данном сообщении используется изобилие сокращений и аббревиатур. При этом можно с уверенностью сказать, человек, не знакомый с ними просто не сможет понять, о чем идет речь в сообщении. В данном тексте предложения фактически состоят из сокращений. Так, например, сокращение «RUOK?» обозначает «AreyouOK?». Во втором предложении сокращение «Tuvm 4 yi☺» можно расшифровать, как «Thank you very much for your information.» Далее следует просьба сообщить более подробную информацию о полученной должности, зашифрованная в предложении «ptmmaboutyournewjob». В данном случае аббревиатура «ptmm» означает фразу «pleasetellmemore». В анализируемом сообщении используются свойственные текстам личной направленности простые предложения, которые способствуют наилучшему усвоению информации, при этом автор нарушает порядок слов и опускает личное местоимение "I", как, например, «it'sinNYCthink» (означает «I think it's in NYC»), «Have much 2 do, 2 writenotime» (данное предложение можно расшифровать, как «I have much to do, I have no time to write» . Автор употребляет и такие сокращения, как «NYC» (сокращенное название New York City), «Cu!», означающее «See you!», «cam», («camera»), «2» («to»). Здесь можно увидеть и смайлы (эмотиконы), реализуемые в целях выражения эмоций.

Как уже указывалось выше, наиболее важной характеристикой электронного сообщения является его направленность на оптимизацию содержащейся в нем информации, на как можно более конкретное и четкое изложение основной идеи сообщения, что, естественно, обусловлено необходимостью экономии времени и материальных затрат как отправителя, так и адресата. Соблюдение этих требований, выступающих в качестве важного общесемиотического фактора, является не менее важным, чем содержательные особенности электронного текста, поскольку именно данный фактор является одним из основных в процессе эффективной передачи и успешности усвоения полученной информации. Корректно оформленная и переданная информация обеспечивает адекватный процесс восприятия на уровне человеческой когниции. Опираясь на понимание сущности семиотики известными учеными, включающими в область данной области знания коммуникативные системы и знаки, используемых в процессе коммуникации [7, с. 6] , можно прийти к выводу о том, что анализ особенностей знакового потенциала электронного сообщения позволяет более глубоко проникнуть в процессы взаимодействия собственно семиотических и семасиологических [2, с. 401-402] характеристик, отражающих функции языкового кода, используемого коммуникантами в процессе общения.

Будучи явлением мирового масштаба, Интернет становится областью массовой коммуникации, что порождает необходимость образования нового лексикона, включающего в себя и обилие сокращенных лексических единиц. С точки зрения типологии дискурса, включающей устный, письменный и компьютерный типы, важнейшая роль принадлежит созданию особых, компьютерных словарей на основе тех языков, посредством которых осуществляется электронное общение, причем, не только одноязычных. Очевидно, что задача лексикографов по фиксации языка Интернет исключительно сложна, поскольку этот язык, как и любой живой развивающийся язык, не только находится в стадии становления (а поэтому не обладает ярко выраженным и строгим системным характером в полной мере), но и специфическим образом, например, через сокращения,

реализует нормы и стандарты, пополняя словарный запас пользователей самым неожиданным образом.

Что касается принципа экономии, то можно отметить его универсальный характер, так как он выступает в качестве одной из основных причин изменений если не во всех, то почти во всех языках. Данный принцип находит свое выражение на всех уровнях языковой системы. Конечно, средства реализации этого принципа на каждом из уровней обладает своей собственной спецификой и рассматриваются по отдельности, но результат проявления принципа экономии на разных уровнях всегда один и тот же: это сокращение речевой цепи, а, следовательно, и экономия усилий и времени.

Литература

1. Александрова О.В. Соотношение устной и письменной речи//Экология языка как прагматическая сущность. - Краснодар, 2004.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1966.
3. Будагов Р.А. О связи семантических изменений с процессами словообразования и формирования словосочетаний // Иностр. яз. в шк. 1957. № 4.
4. Будагов Р.А. Человек и его язык. М.,1976; Мартине А. Основы общей лингвистики//Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 532; Haiman J. Iconic and Economic Motivation/Language 59. 1983. P. 781-819.
5. Голдман С. Теория информации. М., 1957.
6. Словообразование в современном английском языке: учебное пособие / А.Н. Ильина, С.Г. Кибасова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012.
7. Лотман Ю. М. Люди и знаки. / В кн. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2010.
8. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
9. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник: [электронное издание]. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: ОЛМА-Пресс, 2006.
10. Розенталь Д. Э. и др. Словарь лингвистических терминов, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/je.php
11. Словообразование в английском языке / Texts on English word formation: Хрестоматия по лексикологии английского языка / сост. З.А. Харитончик, И.В. Ключникова. – Мн.: МГЛУ, 2005.

О.Д. Вишнякова, А.Ю. Климанов
г. Москва, Россия

«ПАТРИОТИЗМ» КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ УРОВЕНЬ ИЗУЧЕНИЯ)

Появление и развитие понятия «патриотизм» непосредственно связано с этапами исторического развития общества. Наряду с репрезентациями его универсальной, традиционно устоявшейся в языке и культуре, содержательной области, существуют значительные различия в вербальном представлении данного явления и специфики менталитета лингвокультурного социума.
Ключевые слова: патриотизм, историческое развитие, лингвокультурный социум, понятие, концепт

Olga Vishnyakova, Alexey Klimanov
Moscow, Russia

“PATRIOTISM” AS A HISTORIC AND LINGUISTIC CULTURAL CATEGORY (INTERDISCIPLINARY LEVEL OF INVESTIGATION)

The occurrence and development of the notion of “patriotism” directly corresponds to the society historical development stages. Alongside with its universal content sphere, traditionally accepted in languages and cultures, there exist significant differences in its verbal representation and linguistic cultural society peculiarities in terms of its mentality.
Key-words: patriotism, historical development, linguistic cultural society, notion, concept

Патриотизм, несомненно, актуален.
Это чувство, которое делает народ и каждого человека
ответственным за жизнь страны.
Без патриотизма нет такой ответственности.
Если я не думаю о своём народе, то у меня нет дома, нет корней.
Потому что дом — это не только комфорт, это ещё и ответственность
за порядок в нем, это ответственность за детей, которые живут в этом доме.
Человек без патриотизма, по сути, не имеет своей страны.
(Патриарх Алексий II. Интервью газете «Труд» / 3 ноября 2005 г.)

Связанное с эмоционально-психологическим и активно-деятельностным состоянием личности понятие «патриотизм», историческое происхождение которого относится к периоду возникновения полисного устройства общества, теснейшим образом связано с понятием гражданственности [15]. Как известно, в античном Риме патриотизм рассматривался в качестве главной регулятивной ценности, связанной с коллективистскими основами, обусловленными подчинением интересов индивида интересам Рима, во имя которого совершались все подвиги и одерживались все победы. В Средние века, характерной чертой которых является феодальная раздробленность в Европе, понятие патриотизма «территориально сужается» - чувства любви к родной земле, к своему дому, наследуемой родовой чести, необходимость защищать свою веру становятся основными

характеристиками патриотизма. Содержание понятия «патриотизм» концептуально меняется в Новое время и соотносится с целым рядом социально-политических и экономических преобразований – появление и укрепление централизованных государств, революции, в том числе и в России, определившей высокий уровень советского патриотизма, наиболее ярко проявившегося в период Великой Отечественной войны – тяжелейшего испытания для всего советского народа, продемонстрировавшего поразительные особенности духовно-нравственных основ личности [16]. Как указывают исследователи, патриотизм как значимая социокультурная ценность в России базируется на особенностях российской ментальности, впитавшей представления советского периода и связанной с отличием новой России от советского государства и общества. Актуальным в этом плане является и рассмотрение всего комплекса проблем, связанных с формированием нового образа Отечества и влиянием этого процесса на становление патриотизма с точки зрения анализа влияний трансформации российского общества на содержание идеологии и культуры патриотизма [6]. Обращаясь к историческому аспекту данного феномена, ученые подчеркивают, что патриотизм в различных проявлениях существовал на Руси с момента зарождения древнерусского государства и в своем становлении и развитии прошел длительный путь. Формируясь как чувство любви к своему Отечеству и готовность к его защите, в современный период патриотизм предстает многоаспектным социокультурным явлением [5].

Значительный вклад в теоретическое освещение данной проблематики внесли работы, посвященные рассмотрению этапов развития патриотизма, в том числе в советскую эпоху, а затем – и в постсоветский период, нацеленные на выявление закономерностей развития данного явления в зависимости от определенного социально-исторического контекста. Отметим, что в этом плане исследователями используются самые различные приемы и методы для характеристики феноменологии патриотизма. Так, например, рассматривая советский патриотизм как «официальный патриотический дискурс», его групповые и локально-групповые интерпретации, формы и методы военно-патриотического воспитания, О.Ю. Никонова опирается на положение о том, что патриотизм является коммуникативной практикой, нацеленной на достижение единства общества. С этой точки зрения патриотизм представляет собой динамичный нарратив, в создании которого в равной степени участвуют две стороны - власть (политические институты господства) и субъект, - что нацеливает на выделение в патриотической семантике символов, означенных властью, и комплексов, характеризующих привязанности субъекта, формы и пути присвоения им официальных образов. Формальная и неформальная коммуникация на патриотическую тему, а также конфликтные ситуации помогают выявить собственные смыслы, которыми наделялся официальный патриотический дискурс [10; 14]. Целый ряд исследований посвящен проблемам воспитательной роли российского патриотизма [2; 7]. Исследователи отмечают тот факт, что процесс формирования понятия "патриотизм" наиболее полно может быть освещен на междисциплинарном уровне, с привлечением данных истории, философии, социологии. Причем, важнейшая роль в этом отношении принадлежит пространству СМИ, где в постсоветский период с 1990 по 2000 гг. наблюдался спад

патриотической направленности, а с 2000 по 2010 год, а затем и в настоящее время ситуация очевидно изменилась [8].

Уделяя особое внимание вопросам становления личности в контексте основных культурных и духовных ценностей, определяющих миропонимание человека, исследователи указывают в этой связи: «Обусловленный множеством эпохальных и вневременных факторов, порожденный сложным пространственным (евразийским) положением русского народа, его социально-культурными особенностями (русская душа, русский характер, ментальность) патриотизм является выражением не только всебытийных вселенских основ, но и отражением самого человека, как на уровне его мировоззрения, миропонимания, так и на уровне духовного и практического опыта» [9], подчеркивая при этом, что характеризующий концепцию патриотизма спектр содержательно-оценочных черт включает значительное количество различных характеристик: «Философско-культурологический анализ аксиологических основ русского патриотизма: род, семья, народ, природа, родина, гордость за свое Отечество, гуманизм, милосердие, миролюбие, бескорыстие, трудолюбие, любовь к языку, своей истории, культуре, любовь к согражданам, память, соборность, общинность, свобода, религиозность, вера, духовность, долг, жертвенность, коллективизм, гуманизм, честность, совестливость, - позволил обнаружить его фундаментальную значимость, проявляющуюся не только в географическом, геополитическом (пространственном), но в духовном, историческом, социокультурном, общецивилизационном смыслах» [Там же].

В рамках лингвокультурологического подхода особая роль принадлежит исследованию С.Г. Воркачева «Идея патриотизма в русской лингвокультуре» [3], в которой представлена данная концептуальная область в наиболее полном ее воплощении в русском языковом сознании, важнейшими репрезентантами которой являютя «Родина», «Отечество», «Отчизна», «Любовь к Родине» и др.

С.Г. Тер-Минасова, сравнивая русский, британский, американский способы репрезентации идеи патриотизма, подчеркивает, что, имеется как целый ряд сходных черт, так и очевидных различий в интерпретации и вербальном воплощении: «…для русского языка в отличие от английского характерно открытое словесное выражение патриотизма. Это совершенно верно, если имеется в виду британский вариант английского языка. Американский же вариант гораздо ближе к русскому, чем британский. У американцев отношение к родине гораздо более личное и эмоциональное, чем у британцев. Американцы называют родину she [она], то есть олицетворяют ее: Where America was and where she is now… Именно в американских текстах можно встретить mother country [родина-мать], our country[наша страна]» [13, с. 251].

Отметим в этой связи, что американский источник - “Stanford Encyclopedia of Philosophy” - содержит такие определения, как “love of one's country”, “special affection for one's own country”, “a sense of personal identification with the country”, “special concern for the well-being of the country”, “willingness to sacrifice to promote the country's good” [http://plato.stanford.edu/entries/patriotism/]. Анализ семантической структуры единиц “patriot”, “patriotism” в английском языке позволил заключить, что в данных случаях могут быть выделены такие составляющие, как «любовь к своей

стране», «приверженность каким-либо идеям (в широком смысле)», «поддержка интересов своей страны», «готовность защищать свою страну», «самопожертвование, отдача сил на благо своей страны» [4]. Рассматривая этнокультурную специфику данного концепта в английском языке, специалисты отмечают, наличие в его содержательной структуре (в центральной, ядерной зоне) таких признаков, как “ancestral land”, “God's help”, “making speeches”, “manifestation of superiority”, “prosecuting high moral standards”, “fighting”, “history”, “power”, “purity”, “common sense”, “defender”, “action / can-do”, “Founding Fathers”, “arms”, “enemy to other countries”, “enthusiastic”, “death” , а также (в зоне периферии) “loyalty”, “president as commander-in-chief”, “official demonstration of national symbols”, “inalienable civil rights”, “peril”, “reliable soldier”, patriotic organizations”, “antiterrorism measures”, “service to your country”, “foolishness”, “good governance”, “war”. Причем, к периферийным признакам, согласно данным исследования, “democracy”, “citizenship”, “sacrifice”, “graves / tombs”, “better life”, “admiration for nature”, “commemorating days”, “personal responsibility”, “sole selected nation”, “faith”, “pioneers”, “support”, “reordering the world”, “equality”, “victory” [11, с. 13-14]. В качестве иллюстрации могут быть приведены следующие примеры из американского политического дискурса, где концепт “patriotism” эксплицируется посредством таких значений, как “the love of country“, “ love our country “, “love our countrymen”, “a principle and loyalty to that principle”, “devotion to country”, “reach out a hand when they fall”, “heal them when they are sick”, “provide opportunities to make them self-sufficient”, “be equal in fact and not just in theory”:

“When an American says that he loves his country, he means not only that he loves the New England hills, the prairies glistening in the sun, the wide and rising plains, the great mountains, and the sea. He means that he loves an inner air, an inner light in which freedom lives and in which a man can draw the breath of self-respect” (Adlai Stevenson).

“It is the love of country that has lighted and that keeps glowing the holy fire of patriotism” (J. Horace McFarland).

“How can we love our country and not love our countrymen, and loving them, reach out a hand when they fall, heal them when they are sick, and provide opportunities to make them self- sufficient so they will be equal in fact and not just in theory?” (Ronald Reagan)

“In the light of this equality, we know that the virtues most cherished by free people - love of truth, pride of work, devotion to country--all are treasures equally precious in the lives of the most humble and of the most exalted. The men who mine coal and fire furnaces and balance ledgers and turn lathes and pick cotton and heal the sick and plant corn--all serve as proudly, and as profitably, for America as the statesmen who draft treaties and the legislators who enact laws” (Dwight Eisenhower).

Важным вопросом с точки зрения репрезентативной специфики данной концептуальной области на уровне языка является и соотношение понятий «патриотизм» и «национализм», неоднократно вербально репрезентируемых в контекстуальной контактности в целом ряде контекстов, на что неоднократно указывают исследователи [12]. Например:

“Patriotism raises questions of the sort philosophers characteristically discuss: How is patriotism to be defined? How is it related to similar attitudes, such as nationalism? What is its moral standing: is it morally

valuable or perhaps even mandatory, or is it rather a stance we should avoid ? …. George Orwell contrasted the two in terms of aggressive vs. defensive attitudes. Nationalism is about power: its adherent wants to acquire as much power and prestige as possible for his nation, in which he submerges his individuality. While nationalism is accordingly aggressive, patriotism is defensive: it is a devotion to a particular place and a way of life one thinks best, but has no wish to impose on others (Orwell 1968, 362). This way of distinguishing the two attitudes comes close to an approach popular among politicians and widespread in everyday discourse that indicates a double standard of the form "us vs. them" [17].

"Patriotism is a lively sense of collective responsibility. Nationalism is a silly cock crowing on its own dunghill" (Richard Aldington).

"Nationalism, and its chum, patriotism, encourage unedifying hyperbole" (Douglas Dunn).

"It is also sometimes problematic to distinguish between patriotism and nationalism, as some people tend to use nationalist as a near-synonym for patriot. However, nationalism (but not patriotism) also has a particular meaning, expressing a desire among a people to form an independent nation" [www.linguistlist.org].

Наиболее яркое отражение данное соотношение нашло в американском политическом дискурсе, связанном с событиями 11 сентября, где понятия "patriotism", "nationalism" и "terrorism" оказались связанными воедино, отражая современную историческую реальность:

"Territory is but the body of a nation. The people who inhabit its hills and valleys are its soul, its spirit, its life (James Garfield)

"The test in nationhood came in the bitter civil war between 1861 and 1865, waged by Abraham Lincoln (1861-1865) to preserve national unity" (Civilizations of the World. Vol. II. P. 766).

"America has been a patriotic nation from the Revolution through World War II. And then patriotism waned. We had a resurgence of patriotism during the Gulf War in 1991; and again following the infamous terrorist attacks on America September 11" (Independent American Party. National Platform).

"But is today's patriotism the same as that of past centuries? Certainly there is a love of country and a hate of terrorism. Can this surge of patriotism match that of early patriots? Can it unfold in resolve to defend our Christian heritage? Will it swell in resolve to defend our nation's freedom and sovereignty against all forms of tyranny?"

По мнению О.В. Александровой, вербализация концепта «терроризм» ("terrorism"), ставшего в связи с событиями 11 сентября 2001 года периферийным ассоциативным признаком концепта "patriotism" и других американских концептов регулятивного характера с точки зрения их защиты и противодействия террористическим принципам (например, «защита американской мечты»), в основном осуществляется в русском и английском языках на основе трех сем: «страх», «устрашение», «глобальность». Концепт «международный терроризм» наиболее четко репрезентируется на лексическом и синтаксическом уровнях и включает такие семы, как «страх», «устрашение», «глобальность», «зло», «кровь», «жестокость», «болезнь», «преступление», «насилие», «идеология», «трагедия», «угроза». «изолированность», «война», «фанатизм», «горе», «варварство», «дьявол», «грех», «могущество», «развитие», «омерзительность», «наглость», «ярость», «маргинальность»,

«трусость», «тревога», «ненависть», «опустошенность», «прощание», «контраст» [1, с. 112 – 113]. Иными словами, концепция патриотизма в американском обществе претерпевает обусловленные социокультурными и историческими факторами существенные изменения: если традиционно в американской картине мира реализация данной единицы могла вызвать ассоциации с событиями, относящимися к Войне за независимость США, то сейчас исторические события полностью трансформировали экстралингвистический контекст ее употребления, что повлекло за собой включение концепта “terrorism” в содержательную область концепта “patriotism”.

В этом плане могут быть рассмотрены и другие, имеющие место в настоящее время события в мире, находящие свою специфическую репрезентацию в концептуальном и языковом пространстве, обнаруживая новые взаимосвязи и точки соприкосновения между лингвистическими единицами и отражая трансформации в языковом сознании социума. Так, материалы текстов, посвященных событиям 4 декабря 2014 года в Чеченской Республике, содержат целый ряд примеров контекстуальной контактности указанных единиц: «Р. А. Кадыров: «Единственное свидетельство патриотизма - это поступок» [18]; «…восхищение действиями сотрудников правоохранительных органов и спецподразделений Чечни, благодаря которым бандиты были уничтожены в течение нескольких часов, и главе Чечни Кадырову, который руководил операцией по уничтожению боевиков. По его словам, события в Грозном в очередной раз продемонстрировали, "что Рамзан Ахматович является безусловным лидером своего народа, настоящим патриотом России, гарантом безопасности и успешного развития Чеченской Республики" [19].

В ряде контекстов наблюдается и критическое, а иногда ироническое отношение авторов высказываний к содержанию единицы “patriotism” и противопоставлению языковых структур с положительной и отрицательной коннотациями друг другу. Так, например, в следующем случае единица “citizenship” с конкретным, положительно окрашенным значением выступает в качестве антипода абстрактного патриотизма, эксплицируемого различными способами, в том числе описанием невербальных способов выражения своих чувств и идеологических установок (например, “my neighbors have American flags affixed to their cars, hanging from their mailboxes, and standing in front of their houses”), как это выражено в тексте с характерным названием “Plenty of Patriotism, but Little Citizenship”:

“All around me, my neighbors have American flags affixed to their cars, hanging from their mailboxes, and standing in front of their houses. These same neighbors burn leaves during questionable weather conditions, drive their vehicles beyond the speed limit, violate the noise ordinance, and allow their unprotected pets to wreak havoc on the community. What does it mean to "love America" and have little or no regard for its land and its inhabitants? Citizenship is a forgotten concept, one that brings to mind images of elementary school children holding hands and learning about the pledge of allegiance and the importance of safety crossing guards. But citizenship is the expression of one's ability to live with others. Unlike patriotism, it is organic, it requires commitment. It is not a feeling, but a pattern of behavior that acknowledges that none of us can live without the cooperation of others, and that all of us need to behave with decency and compassion” (Diane E. Dees).

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотрение концепции патриотизма предполагает исключительно внимательное отношение к специфике содержащего его вербальные репрезентанты контекста. Данное историческое и социально-политическое понятие регулятивного свойства, представленное в определенной сфере употребления, представляет собой только небольшую часть «айсберга», за которым стоит концепт с широкой сферой ассоциаций и целым конгломератом эмоционально-оценочных свойств, отражающих субъективный характер конкретных реализаций в различных культурах.

Литература

1. Александрова О.В. Концептуальное пространство языка и социокультурная картина мира // Язык. Культура. Общение: сборник научных трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасовой / отв. ред. Г. Г. Молчанова. – М., 2008. С. 107-115.
2. Ахвледиани М.В. Телевидение в системе военно-патриотического воспитания. Дисс. … канд. филологических наук. - М: 2002.
3. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2008.
4. Декленко Е.В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса. Дисс. ... канд. филологических наук, Челябинск, 2004.
5. Ешев М.А. Патриотизм как ценностный ориентир студенческой молодежи . Дисс. … канд. социологических наук. - Майкоп, 2010.
6. Иванова С.Ю. Патриотизм в культуре современной России. Дисс. … докт. филологических наук. - Ставрополь, 2004.
7. Клименко И.М. Формирование патриотизма в процессе обучения истории и внеучебной работы. Дисс. … канд. педагогических наук. - Екатеринбург, 1999.
8. Мартыненко М.В. Эволюция темы патриотизма на отечественном телевидении: от идеологических советских телепрограмм до специализированного патриотического телеканала "Звезда" (1990-2010) . Дисс. …..канд. филологических наук. - М., 2012.
9. Мозговая Е. И. Культурные парадигмы и идеологемы русского патриотизма. Дисс. … канд. философских наук. - Белгород, 2007.
10. Никонова О.Ю. Осоавиахим и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе (1927 -1939 гг.). Дисс. … докт. исторических наук. - Челябинск, 2013.
11. Ноженко Е. В. Этнокультурная специфика стереотипо-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность» американской лингвокультуры. Автореф. дисс. …. филологических наук. – Кемерово, 2008.
12. Пашутина Т. А. Ключевые концепты американской культуры и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса (на материале концептов “PRIVACY” и “PATRIOTISM”). Дисс. … канд. филологических наук. - Белгород, 2009.

13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Издательство Московского университета, 2004.
14. Fuchs P. Die Erreichbarkeit der Gesellschaft. Zur Konstruktion und Imagination gesellschaftlicher Einheit. Frankfurt/Main, 1992. S. 150–173.
15. Козлов А.А. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект. Режим доступа: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2263
16. Понятие «патриотизм». Исторические типы патриотизма: http://bip-ip.com/ponyatie-patriotizm-istoricheskie-tipyi-patriotizma-patrioticheskoe-povedenie-edinstvo-i-mnogoobrazie/
17. "Stanford Encyclopedia of Philosophy" Режим доступа: http://plato.stanford.edu/entries/patriotism/
18. http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=17&PubID=9756
19. http://ria.ru/society/20141206/1036969226.html

Е.Г. Гализина
г. Москва, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Статья посвящена актуальной проблеме обучения иноязычному общению студентов неязыковых специальностей и формированию общекультурной компетенции в свете процесса глобализации и интеграции иноязычного общения с профессиональным обучением.

Ключевые слова: иноязычное обучение, общекультурная компетенция, профессионально-ориентированное опосредованное общение.

Elena Galizina
Moscow, Russia

GENERAL CULTURAL COMPETENCE OF NON-LINGUISTIC STUDENTS CREATING IN THE COURSE OF COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGES

The article deals with the problem of teaching foreign languages to non-linguistic students and general cultural competence formation in the course of communication in terms of globalization and the integration of foreign language communication with vocational training.

Key words: teaching foreign languages, general cultural competence, vocationally-oriented communication.

Развитие современного российского общества и изменившаяся языковая ситуация ставит перед высшими учебными заведениями ряд важнейших фундаментальных проблем. Одна из таких проблем, проблема преодоления межъязыковых, межкультурных и межличностных барьеров, которые сохраняются в условиях глобальной информационной революции, происходящей на наших глазах. Для разрешения таких проблем, необходимо проанализировать современное состояние

методики преподавания иностранных языков и наметить пути дальнейшего развития этого важного сектора образования.

Методика преподавания иностранных языков имеет серьезную научную основу. Выработано множество методов и приемов обучения, разработаны как общетеоретические, так и практические вопросы для успешного обучения иностранным языкам.

Целью данной статьи является рассмотрение лингводидактических, психологических и педагогических особенностей, влияющих на формирование общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей.

Прежде всего, следует проанализировать состояние обучения иностранным языкам в средних общеобразовательных учебных заведениях. Картина складывается довольно противоречивая: с одной стороны, за последние 20 лет в стране появилось множество школ с углубленным изучением иностранных языков, языковая подготовка ведется с использованием современных как отечественных, так и зарубежных методик; с другой стороны, наблюдается тенденция к сокращению часов, особенно в старших классах, некоторые учебные заведения не имеют эффективных, современных средств обучения, также продолжается нехватка квалифицированных педагогических кадров, особенно в регионах.

Что касается системы высшего образования, то на современном этапе развития общества наблюдается сближение двух видов учебной деятельности – образовательной и профессиональной подготовки. В современных условиях моделируется новая система подготовки специалистов в вузе, которая является социальным заказом общества и нацеливает при разработке психолого-педагогических теорий сконцентрировать внимание ученых на развитие оптимальных путей и средств их реализации. Таким образом, возникает проблема выяснения реальных положений студентов неязыковых специальностей в аспекте степени и качества их владения иностранным языком и использование его в профессиональной деятельности.

Особенности современного этапа общественного развития требуют от каждого специалиста с высшим образованием, умения постоянно обновлять и пополнять объем знаний и навыков, ориентироваться в новых проблемах. Для успешной профессиональной деятельности каждому специалисту необходимы зарубежные информативные издания и связи с коллегами из других стран. Следовательно, обучение иностранным языкам нельзя отделять от будущей конкретной специальности сегодняшних студентов. А цели подготовки по иностранным языкам должны быть соотнесены с целями подготовки специалистов на базе требований к их профессиональной деятельности [5].

Одним из документов, определяющих процесс обучения, является учебный план. Под учебным планом понимается список учебных дисциплин, упорядоченных тем или иным способом по отношению к подготовке специалистов определенного профиля по периодам обучения [1]. Учебный план конкретизируется учебной программой, под которой понимается описание содержания учебного предмета, включающего номенклатуру сведений, подлежащих усвоению обучаемыми,

заданное необходимое качество изучения этих сведений и время, отведенное на осуществление учебного процесса с помощью применения определенных способов.

В настоящее время вся система подготовки специалистов с высшим образованием проходит стадию реформирования – меняются требования к результатам обучения, совершенствуются программы обучения, перенимается опыт зарубежных высших учебных заведений, налаживается совместная работа российских и иностранных учебных заведений, происходит их сближение в рамках Болонского процесса. Проводится разработка и принятие новых учебных программ по языку в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования в компетентностном формате, уточняются определения и классификации компетенций, а также их содержание, которое соответствует задачам обучения общению специалистов на иностранном языке.

Общекультурная языковая компетенция входит в состав ключевых компетенций, ее содержание заключается в умениях культурного взаимодействия, что способствует обогащению формируемых умений и навыков. Формирование общекультурной языковой компетенции создает основу для развития профессионализма и мастерства, предполагает интеграцию личности в систему мировой и национальных культур. Кроме того, при формировании компетенции происходит развитие когнитивных способностей с учетом психологических факторов, поскольку аффективные и когнитивные особенности личности тесно взаимосвязаны в процессе обучения языку как средству профессионального общения. Важным является тот факт, что в процессе формирования общекультурной языковой компетенции учитывается культурная компетенция студента на родном языке, что способствует сохранению национального культурного своеобразия и уникальности. В контексте профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, общекультурная языковая компетенция – это способность личности, позволяющая успешно осуществлять профессиональное общение с партнерами из других культур, структурными компонентами которой являются знания, умения, а также личностная компетентность.

Непосредственно дисциплина «Иностранный язык» относится, к базовой части гуманитарного, социального и экономического цикла и находится в логической и содержательно-методической взаимосвязи с дисциплиной Иностранный язык в профессиональной деятельности вариативной части, профессионального цикла. Дисциплина предназначена для студентов имеющих базовые знания, необходимые для освоения данной дисциплины и приобретенные в результате предшествующего освоения дисциплины «Иностранный язык».

В частности, предъявляются следующие требования к «входным» данным:

- знания не менее 1000 лексических единиц, основных грамматических явлений;

- умения рассказывать о своем окружении, рассуждать в рамках изученной тематики и проблематики; читать аутентичные тексты;

- владение навыками чтения, говорения, письма, аудирования на иностранном языке в рамках программы средней школы.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования рассматривает весь процесс изучения дисциплины «Иностранный язык» в свете формирования следующих компетенций:

владеть одним из иностранных языков на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность;

уметь логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь.

В результате освоения дисциплины студент должен демонстрировать следующие результаты образования:

ЗНАТЬ - 4000 учебных лексических единиц общего и терминологического характера, грамматические основы, обеспечивающие коммуникацию общего и профессионального характера без искажения смысла при письменном и устном общении.

УМЕТЬ - использовать знание иностранного языка в межличностном общении и профессиональной деятельности, осуществлять перевод профессиональных текстов.

ВЛАДЕТЬ - навыками ведения дискуссии, полемики, диалога; навыками разговорной речи на одном из иностранных языков и профессионально-ориентированного перевода текстов, относящихся к различным видам основной профессиональной деятельности [6].

Сегодня, учитывая разные направления в образовании, каждый вуз сам разрабатывает свою программу. Соответственно, кафедры иностранных языков создают свои программы с учетом специфики вуза. На базе данной программы составляются учебники, учебные пособия и методические указания. Следует отметить, что вуз должен выполнять именно вузовскую программу, а не заниматься восполнением школьных пробелов, т.е. учебники и учебные пособия должны соответствовать именно вузовским требованиям, а не начинаться с повторения школьных азов. В этой связи, на первое место выступает устная речь, причем основным является активное знание структур обиходно-бытового характера в комбинации с обиходно-деловым. Кроме того, студенты должны иметь хоть некоторое представление о современном сленге, в том числе и молодежном. Относительно письменной речи, здесь необходимо давать только оригинальные, неадаптированные тексты. В качестве источников таких текстов рекомендуются, в первую очередь, иностранные учебники по соответствующим специальностям в оригинале. Их можно снабдить лишь комментариями к отдельным сложным местам.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что в учебных программах по иностранным языкам в разделе «цель и задачи обучения» ставятся высокие требования к подготовке студентов к общению на иностранных языках в устной и письменной формах. После окончания курса студенты должны уметь: читать оригинальную литературу по специальности для получения нужной информации; принимать участие в устном общении на иностранном языке в объеме материала, предусмотренного программой. Следовательно, для формирования общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей на первое место ставится профессионально-ориентированное обучение.

Анализ работ ряда исследователей, занимающихся проблемами обучения иностранным языкам в вузе выявил, что многие авторы уделяют главное внимание социокультурному аспекту обучения (чтение литературы по специальности, устное высказывание на профессионально-ориентированные темы и деловая игра) [2]. Выделяются и другие компоненты содержание обучения: 1) ситуация общения, обслуживающая повседневные бытовые потребности; 2) ситуация контактного общения личностного характера; 3) ситуация общественно-политического характера; 4) ситуация профессионального общения.

Социокультурный аспект представляет собой свод приемов, используемых участниками коммуникации для установления и поддержания межкультурного контакта «в духе мира, в духе диалога культур», а также для создания адекватных социокультурных портретов страны изучаемого языка и участников межкультурной коммуникации с целью преодоления кросскультурных различий и повышения качества межкультурного контакта.

Отсутствие у многих российских студентов возможностей реального контакта с представителями страны изучаемого языка во многом объясняет их общую неготовность справиться с неизбежными социокультурными трудностями при общении. Поэтому перед преподавателями стоит задача создать благоприятные условия для имитации иноязычной языковой среды, для создания реальных и воображаемых ситуаций, побуждающих к решению определенных коммуникативных задач. Используются различные формы обучения, в частности, различные виды игр, игровые ситуации, дискуссии, профессионально-ориентированное опосредованное общение.

Цель образования сегодня – создание условий для развития и саморазвития студентов, активных субъектов, способных общаться на иностранных языках. Общение – это обмен мнениями относительно определенной тематики. Чтобы обмениваться мнениями, студенты должны владеть информацией по этой теме. Информация должна быть достаточной, многообразной, а не скупой из учебника, т.е. развитие речи на базе упрощенного по содержанию материала уступает место углубленному знакомству с иной национальной культурой в ходе изучения иностранного языка в сочетании культур своей и чужой стран.

Например, студентам, интересующимся социально-экономическими проблемами современного общества, необходимо иметь не только базовые знания о маркетинге, микро- и макроэкономике, но и умения и навыки работы с иноязычным материалом.

Проведем анализ различных подходов, направленных на формирование общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей.

В дидактике формирование умений и навыков иноязычного профессионального опосредованного общения рассматривается как одна из важнейших задач любого типа деятельности. Если обратиться к дидактическим принципам, реализуемым средствами конкретного учебного предмета, которые занимают одно из центральных мест среди компонентов методической системы обучения иностранному языку, то в качестве методики формирования речевых умений и навыков следует принять такие принципы как научность, системность, сознательность, связь теории с практикой, индивидуализация.

В настоящее время в практике преподавания иностранных языков широко используется метод, который принято называть «сознательно-практическим». Студенты на занятиях знакомятся как с теоретическими сведениями о языке, так и с практическими указаниями, направленными на развитие речевых навыков. Сознательное усвоение материала является более прочным и позволяет избежать односторонности прямого метода, который основывался на исключительно устной по своему характеру механической тренировке отдельных моделей. Одновременно с этим обильная речевая практика не дает увлекаться филологическим сравнением родного и изучаемого языков.

Рассмотрим некоторые теоретические положения на которых основаны лингводидактические и психологические особенности формирования общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей. Усвоение языкового учебного материала понимается как сложная познавательная деятельность, включающая несколько взаимосвязанных моментов: первичное ознакомление с материалом (его восприятие в широком смысле слова); осмысление этого материала, специальная работа по его закреплению и такое владение материалом, которое позволяет пользоваться им в различных социокультурных условиях [3].

Следовательно, для формирования общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей не первое место необходимо поставить – формирование профессионально-ориентированного опосредованного общения. Профессионально-ориентированное опосредованное общение – это сложная речевая деятельность, обусловленная профессиональными возможностями и потребностями, представляющими собой специфическую форму активного вербального письменного общения-диалога, основными целями которого являются оперативная ориентация и поиск, прием, присвоение и последующее целевое применение накопленного человеческого опыта в профессиональных областях знаний [4].

Для методики обучения профессиональному опосредованному общению очень важно, чтобы неусвоенная речевая операция формировалась в процессе речевого действия и повторялась в нем, направляемая сознательной целью столько раз, пока она не станет условием, способом сложного речевого действия сложного речевого действия [4].

При обучении профессиональному опосредованному общению необходимо акцентировать внимание студентов не только на лексику, но и на грамматику, так как без ее знания невозможно адекватное извлечения информации из иноязычных источников. Весь процесс овладения грамматическим механизмом в методических целях может быть расчленен на три компонента:

- овладение грамматическими действиями, грамматическими навыками;
- усвоение готового материала;
- усвоение обобщенной грамматики [7].

В таком контексте каждый грамматический речевой навык следует рассматривать как систему шагов, которая должна быть представлена в материализованной форме, в форме внешних грамматических действий операций. Грамматическое действие, функционирующее в речи как автоматизированный навык, может быть планомерно сформировано только в результате активного

соотнесения с субъектом поля ориентировки в структурных отношениях вербального материала с последовательными звеньями исполнительной части грамматического действия. Решающее значение в образовании грамматических речевых навыков имеет формирование ориентировочной части грамматического действия. Формирования грамматических навыков профессионального опосредованного общения имеют специфические черты. Важнейшей из них является неявная выраженность в предложении. Отметим, что при обучении профессиональному опосредованному общению важно, чтобы студенты видели за набором отдельных слов, каковым им, прежде всего, представляется воспринимаемое зрительное предложение, определенную грамматическую взаимосвязь этих слов. Задача преподавателя – «выделить коммуникативно достаточное ядро, упорядочит его, сделать обозримым, одним словом, определить базовый уровень обучения» [2].

Для успешной реализации поставленной цели формирования общекультурной компетенции при обучении иноязычному общению студентов неязыковых специальностей, в отведенные жестко регламентированные сроки необходимо, в первую очередь, максимально конкретизировать поставленные цели в рамках обучения всех видов речевой деятельности, что предполагает рациональный отбор конкретного иноязычного материала для нужд обучения, его систематизацию и минимизацию, с учетом формирования психологических механизмов опосредованного общения, выстраивая его в дидактической и коммуникативной последовательности.

Полный обучающий курс “My Grammar Lab” предусмотрен для студентов как очной, так и заочной форм обучения и позволяет перевести на самостоятельное изучение отдельные разделы грамматики. Студенты получают визуальное представление о значении определенной грамматической категории, переходят от задания к заданию по мере усвоения материала и проходят этапы текущего контроля. Такая система стимулирует ежедневную систематическую работу студентов, значительно повышает состязательность в учебе, исключает случайности при сдаче экзаменов. [8]

Литература

1. Беспалько В.П. Основы теории педагогических систем. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.- 204с.

2. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. – М.: Просвещение, 1988.- 256с.

3. Рубинштейн Л.С. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1983, - 423с.

4. Серова Т.С. Профессионально-ориентированное чтение как компонент профессиональной деятельности и его основные функции// Вид речевой деятельности в системе профессионально ориентированного обучения иностранному языку. – Пермь, 1986.

5. Талызина Н.Ф. Теоретические основы разработки модели специалиста// Политехнический музей.- М.: Знание, 1986. – С. 4-34.

6.Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (третьего поколения) [Электронный ресурс].http:www.fgosvpo.ru (дата обращения 10.04.2014).

7. Цетлин В.С. Основы методики обучения грамматике французского языка в средней школе. – М., 1986.

8. My Grammar Lab. - Pearson Education Limited, 2012.

М.А. Ганюшина
г. Москва, Россия

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРАХ АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ НА ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ)

В современной философии и филологии повышенный интерес проявляется к символическому содержанию, запечатлённому в лексической системе языка, представляющей часть национальной языковой картины мира.Предметом рассмотрения данной статьи станут метафорические и идиоматические выражения русского, английского и французского языков, содержащие символические образы стихий, света и цвета.

Ключевые слова: языковой код, знак и символ, языковая картина мира, идиома

Margarita Ganyushina
Moscow, Russia

SYMBOLIC IMAGES IN LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD (on the material of English, French and Russian in terms of Indo-European Background)

The article deals with the problem of symbolic content manifested in the lexical system of the language which represents part of the national linguistic world-view. Metaphorical and idiomatic expressions in Russian, English and French, containing the symbolic images of the elements, light and color have been subjected to the analysis.

Key-words: linguistic code, sign and symbol, linguistic world-view, idiom

Символическое языковое содержание во многом позволяет выявить особенности мировосприятия того или иного народа. Знак и символ находятся в тесной взаимосвязи. «Встречаясь в моменте бытия, знак и символ раскрывают друг друга: символ в опыте бытия раскрывает свою знаковую сущность, а знак в своём бытие – свою символическую функцию» [1, с.7].

Выдвигая онтологическую природу символа, П.А. Флоренский определял символ как «бытие, которое больше себя». Он писал, что «под символом можно разуметь всякую реальность, которая несёт в своей энергии энергию другой, высшей по ценности, по иерархии реальности» [7, с.477 - 478]. Иными словами, посредством символов мы общаемся с реальностью и соприкасаемся с тем, что было отрезано до сих пор от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем слышим её, символы – это «отверстия, пробитые в нашей субъективности». Символика «открывается духом в глубинах нашего существа…[9, с 494]. Символ, будучи элементом культурной информации, используется в речевом и языковом коде представителей национальных культур. Наиболее общепринятое представление о символе сводится к пониманию его как «некоторого содержания,

которое в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [3, с. 240].

Символу присуща архаическая черта. Ю.М. Лотман отмечает, что «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [3, с. 241]. Однако, выступая «посланцем других культурных эпох», символ не только предстаёт в своём неизменном варианте, но и активно вступает во взаимодействие с современным культурным контекстом и, изменяясь под его влиянием, воздействует на него. Он принадлежит многомерному смысловому пространству. Поэтому через план выражения невозможно выявить всё содержание символа. В этой связи важно отметить, что «смысловые потенции символа всегда шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступить в неожиданные связи, меняя сущность и деформируя непредвиденным образом текстовое окружение» [Там же, 242].

Н.В. Иванов указывает на содержательное различие знака и символа в языке. Он утверждает, что если знак считать за начало символа, то символ можно определить как «сложнейший итог смыслового становления знака». Содержательная сторона знака выражена в значении. В символе, напротив, главное – смысл как логическая категория. Знак и символ находятся в постоянном взаимодействии: «символ стремится к знаковости, к тому, чтобы развить в себе черты внутренней формализации в аспекте содержания и в аспекте выражения, и в этом можно видеть выразительный опыт символа; знак стремится к тому, чтобы стать символом, обнаружить в себе черты символизации, и это можно понимать как содержательный опыт знака, опыт его внутреннего содержательного развития» [1, с. 51]. Поэтому можно считать содержательной основой знака в языке – значение, а содержательной основой символа как знака – образ.

На самых ранних исторических этапах формирования языковой картины мира разных народов, уместно говорить о множественности единственностей мира, нежели о единстве внешнего мира как объекте отражения этническими языковыми сознаниями. От эпохи «множества единственностей» в языках до сих пор сохранились отдельные фрагменты единого окружающего мира. Каждый народ видит лишь свою незначительную часть объективного мира, которая и находит в языке свою детальную интерпретацию, остальная же его часть отражается лишь общими силуэтами. Будучи формами символического понимания, метафорические и фразеологические выражения помогают проследить эволюцию духовной культуры народа и принципы развития содержания в языке.

Рассмотрим понятия света и цвета в контексте русской, английской и французской лингвокультур. Без всякого сомнения, для большинства народов понятие света совпадает. Значительный пласт фразеологических выражений оказывается общим. Например, *пролить свет на что-либо:* англ. “throw light on smth.”, фр. "jeter un jour sur qch." , "faire la lumière sur qch.";

отправиться на тот свет: англ. “pass on (into) another world”, фр.: "quitter le monde"; "faire son paquet" и т.д. Однако во французском варианте "faire son paquet" мы видим несколько иное представление французов о том, как человек умирает – «он собирает свой пакет».

Наряду со сложившимися устойчивыми ассоциативными представлениями и отношением к свету и цвету, у разных народов прослеживается тенденция к их субъективному восприятию, что чётко фиксируется в языке. Согласно мифопоэтической традиции, свет, как и цвет, соотносится с понятием божественного Разума. Свет - основа видения, познания. Божий свет - Свет Истины, озаряющий человека. Мудрость считается отражением вечного света [10, с. 435]. Вероятно, это символическое значение легло в основу русского выражения *на нём свет клином (не) сошёлся,* т.е. образно говоря, он (не)тот, кого озарил божий свет и наделил мудростью; или кто-то или что-то (не) является единственно желаемым, приемлемым или единственно возможным при каком-либо выборе. Для передачи этой идеи в английском и французском языках нашлись другие ассоциации: “smb/, smth is not the hub of the universe” (досл. «что-то или кто-то не есть центр Вселенной»); “smb./smth. is not the only pebble on the beach” (досл. «кто-то или что-то не является единственной галькой на пляже»); “there are as many good fish in the sea as ever came out of it” (досл. «есть столько хорошей рыбы в море, сколько когда-то вышло из него»); “there are more ways than one to kill a cat” (досл. «есть много других способов, кроме способа убить кошку»); фр.: il y a assez de champs pour faire glane (досл.: существует достаточно полей, чтобы всем собрать колосья после жатвы).

В русском языке слово *свет* соотносится со словенским *svêt* «мир, люди». Что касается данного понятия в английском и французском языках, то значение «мир, люди» в английской лексеме *«light»* и французской «la lumière» отсутствует. Таким образом, это значение при переводе восполняется словами: англ.: *world, фр. monde* «мир», *earth* «земля» и англ.: *society, фр. société* «люди, общество»: *скитаться по белому свету*: англ. “to knock about the world”; *высший свет*: англ. “society”, *фр.: beau monde,* grand monde, haute *société. Выйти в свет*: англ. “to enter the social scene” (досл.: «выходить на общественную сцену»), фр.: "produire dans le monde", " se lancer dans le monde".

Один из вариантов выражения *выводить на свет божий*: англ. “to bring smb. out (into) society” (досл. «доставлять кого-л. в общество»). Другие эквиваленты этой идиомы представлены в английском языке следующими лексическими единицами и выражениями: *“to unmask”* (досл. «сорвать маску»), *“to bring smth. out into the open”* (досл. «вынести что-л. в открытое место»); *“to blow the whistle on smth”* (досл. «обрушить свист на кого-л.», т.е. навлечь нечистую силу и, таким образом, положить конец чему-л.; ср. русск. *освистать кого-л.*, т.е. выразить неодобрение, осуждение публично). Согласно поверьям, свист ассоциируется с нечистой силой. При свисте старые люди обычно крестятся и говорят: «С нами Бог!» Считается, что Богородица отвращает свой лик от того, кто свистит. Во французском языке мы видим полное совпадение с русским языком: "mettre en lumière"; "jeter un jour sur ..", "faire la lumière sur..".

Представления о мироздании западноевропейских народов отражены в английских эквивалентах русской идиомы *ругаться на чём свет стоит:* англ. “to swear like nothing on earth” (досл. «ругаться так, как ничто на земле не ругают»); “to swear like hell” (досл. «ругать так, как

ругают ад»), т.е. «очень сильно, безудержно». Что касается французского языка, то высшая степень ругательства выражается через сравнение с ругательствами извозчика: jurer comme un charretier.

В основе цветовой символики лежит производство всех цветов от света и тьмы. Мистическая символика цвета возникла на основе хроматических оттенков сакрального огня, в котором индоевропейцы выделяли только четыре круга: белый, чёрный и красный и чуть позднее синий (голубой) круг. Последний круг символизировал переход всего земного в небесное: ср. и.-е. **bhel-* «гореть» < и.-е. **el-* «гореть» (Ср. также: П.А. Флоренский. Бирюзовое окружение Софии и символика голубого и синего цвета, 1989). Синий цвет олицетворял всё неземное, несбыточное, всё чрезвычайное, всё «не от мира сего», в священном языке – бессмертие, а в языке народном – верность, ср. *true blue:* русск. «верный, преданный». Ср. также русск. *голубой мальчик* «гомосексуал»: англ. "gay", "queer" (прямое значение «странный, необычный»), "faggot" (интересно, что устаревшее значение «сожжение на костре еретиков»); *женщина синий чулок* «женщина, занимающаяся неземными делами, увлекающаяся наукой»: англ. "bluestocking"; *голубая кровь* «человек благородного происхождения, аристократ»: англ. "high blood".

В английском языке следует обратить внимание на выражение *The Blue Book*: русск. «синяя книга» – справочник, содержащий имена лиц, занимающих государственные должности в США, а также отчёты английской парламентской комиссии или Тайного совета. В названии этого справочника отражена ассоциация синего цвета с королевской властью как божьими избранниками.

Интересно проследить символическое содержание стихий в языковом воплощении. Полагают, что русское выражение «мутить воду» заимствовано из греческого в русский как калька с французского «pêcher en eau trouble», что означает «ловить рыбу в мутной воде». Жан Шевалье отмечает, что вода, в одном из символических проявлений является символом бессознательных энергий и нераскрытых способностей души, часто является во снах. Чтобы душевные сомнения вышли на поверхность, человек шёл к воде, просил у неё прощения и прикладывал все усилия, чтобы душевные сомнения вышли на поверхность. Рыба при этом выступает в роли психического существа. Однако в английском эквиваленте образ воды не находит своего отражения. Смысл выражения передаётся нейтральными лексическими единицами: "to confuse the issue" (мутить смысл вопроса); "to stir up trouble (раздувать волнение, тревогу, беспокойство".

В России о неразлучных, постоянно бывающих вместе и не представляющих свою жизнь друг без друга людях говорят, что их водой не разольёшь. Как известно, древние символы воды тесно связаны с символами крови и речи (речь течёт, речка). В свою очередь понятие «крови» соотносится со значениями «судьба» и «лить». Об этом соотношении свидетельствуют следующие языковые связи: «ср. др.-англ. *helabr* "кровь", но русск. *жребий*; осет. *tug,* но греч. *τυχη* "судьба"; греч. εαρ "кровь", но лат. *sors* "судьба"…» [4, с. 205-206]. По словам Ж.Шевалье, вода и речь проявились при создании мира. Как вода, так и речь – это божественное семя. Обе субстанции способны творить мир только во «влажном» состоянии. Половинки, оставшиеся вне цикла жизни, были названы «сухой водой» и «сухой речью». Согласно верованиям, до сотворения мира вся вода была сухой. Под «сухим словом подразумевается невыраженное слово или невыраженная мысль. Оно имеет только

потенциальное значение и не может творить. «Сухое» слово относится к бессознательному. Оно представляется в сновидениях, мечтах, и люди никогда не могут им овладеть. Исходя из вышесказанного, выражение “их водой не разлить” можно интерпретировать как «они связаны одной кровью и одним образом мысли». В английской картине мира идея о неразлучных друзьях выражена через отрицательный образ воров, т.е. “as thick as thieves” (досл.: близкие как воры). Ср.: фр.: "être comme cul et chemise" (досл.: быть как зад и рубаха), "comme les deux doigts de la main" (досл.: быть как два пальца на одной руке).

Происхождение русского фразеологизма “как в воду глядел”, которое мы используем, когда говорим о человеке, который может предвидеть и предсказывать что-то, исследователи связывают с гаданиями на воде, с народными верованиями в её магическую силу как очищающей стихии. В английских синонимах этого выражения перед нами встают образы духа, жерновов, магического кристалла астрологов, с помощью которого осуществляли гадания и предсказывали судьбу: “as if a spirit whispered it in smb’s ear”; “smb. can see through a millstone”; “as though smb. guessed (saw) it in a crystal ball”. Появление образа духа, вероятно, связано с верованиями людей в духовное начало. По мнению М.М. Маковского, значение «дух, душа» соотносимо со значением лексемы «слово», символом творящего божества.

Образ жерновов, мельницы предстаёт перед нами во многих английских фразеологизмах: “between the upper and nether millstone” – «в безвыходном положении», “a millstone about smb’s neck” – «тяжёлая ответственность». Возможно, что первоначально они возникли в профессиональной речи. Однако, если смотреть в глубь веков, то для западного сознания мельница имеет ещё и символическое значение. Она является символом судьбы. Мистическая мельница имеет аллегорический образ причастия, приобщения святых тайн у католиков в период позднего средневековья. Древние представления о гибели Бога хлеба, нашедшего свою смерть на мельнице, связаны с Иисусом Христом в различных вариантах. Возможно, с этими фактами ассоциируются идиомы: “too much water drowned the miller” (букв. слишком много воды обрушилось на мельника), в современном употреблении имеющая значение «хорошенького понемножку»; ”much water runs by the mill that the miller knows not of” (букв. слишком много воды прошло через мельницу, о которой мельник ничего не знает) в значении «вокруг нас происходит много такого, о чём нам и невдомёк». Во французском эквиваленте il a vu clair tout de suite (досл.: он тотчас же увидел свет) вместо понятия *вода* используется понятие *света*, соотносимое с Божественным разумом. В другом выражении c'est à croire qu'il est sorcier (досл.: поверить, что он чародей или колдун) идея о том, что человек, который видит истину, сравнивается с чародеем, колдуном или знахарем.

С понятием воды соотносится понятие огня. Согласно Библии, как огонь, так и вода может заменить «божий суд». Согласно друидам, в конце света будут царствовать только вода и огонь. М.М. Маковский прибавляет к соотношению значений «вода» и «огонь» значение «жизнь». Дуальная природа огня представлена образами «живого, господнего огня» и «потухшего, загнившего» огня. «Живой» огонь, идущий с небес вниз, наделён живой творческой силой. Это – священный огонь, который находится в наших телах. Он всё сохраняет, питает, растит и даёт способность чувствовать.

Отработавший огонь, уходящий из земного мира, теряет способность творить, но способен вредить и разрушать, поскольку он не мёртвый, но и не живой. Фундаментальное деление всех этих явлений на две категории на основании антагонистических символов воды и огня, влаги и сухости находит воплощение не только в погребальных обрядах ацтеков, и кельтов, но и в языках. В идиоме “on the fire” «в процессе становления, в работе» огонь представляет креативное начало, находящееся в человеке и заставляющее его творить и созидать. Сравните французские выражения: “avoir le feu au derrière” - «торопиться, спешить; испытывать сильное желание»; “cracher le feu” — «быть в отличной форме», “péter le (или du) feu” — «быть очень энергичным, активно действовать». Во французском языке огонь как символ жизни ассоциируется с домом: ср.: “on compte deux cent feux dans ce village” — «в этой деревне двести дворов»; “n'avoir ni feu ni lieu” — «не иметь ни кола ни двора».

В выражении “strike fire” («вызывать резкую реакцию», «задеть за живое», «нанести рану») образ огня выступает как покидающий природу и входящий в наш дом «профанированный огонь», способный наносить вред. Разрушающая сила огня воплощена в выражениях: “fire and fury”- «неистовая страсть»; “fire in one”s belly” – «честолюбие, амбиция, инициатива». В этой связи становится понятен смысл идиом “hold fire” «повременить, не торопиться», т.е. не разжигать внутри себя огонь, чтобы не нанести вред и “hang fire” «быть нерешительным, сомневаться в чём-то, медлить».

Образы стихий воздуха и ветра также часто встречаются в идиоматических выражениях. Картина мира, представленная данными образами, в рассматриваемых языках в целом совпадает. Однако следует заметить, что английский и французский языки располагают большим количеством выражений, содержащих компоненты воздуха и ветра.

Поскольку в древности ветер уравнивался с душой, то чьё-либо положение относительно ветра объясняет значение следующих идиом: “be down the wind” «находиться в состоянии упадка»; “be in the wind” «быть навеселе». Значение метафорического выражения “second wind” «второе дыхание» также становится обоснованным.

Воздух, как один из четырёх первоэлементов, символизирует Верх и восходит к значениям «гореть, находиться в движении; дух, дыхание; резать, высекать; поднимать; брать». Воздух, как активная сущность, непосредственно связан со Словом в процессе выдыхания воздуха (лат. *orare* «говорить») и символизирует быстрое движение (ср.др.-англ. *éaru* «быстрый») [5, с. 80]. Из результатов данного исследования, становится понятен смысл следующих выражений: “be on the air” «вести передачу» или «передавать информацию», “take air” «получить огласку, стать общеизвестным», “keep smth. in the air” «держать кого-либо в состоянии неизвестности». То же символическое значение прослеживается и в идиомах французского языка: “faire du vent — «важничать», “avoir vent de…” — «узнать, проведать, прослышать», “prendre le vent, avoir le vent” — «нюхать, обнюхивать, почуять», “n'avoir ni vent ni nouvelle de qn ”— «ничего не знать о ком-л.», “être dans le vent ”— идти в ногу с веком; не отставать от моды, от своего времени.

Таким образом, человек воспринимает мир не только в измерениях пространства и времени, но и в его значениях через определённые символы, сложившиеся на протяжении веков в культуре

определённого народа. Многие примеры подтверждают факт моделирования миропонимания и поведения людей в результате мифологизации сознания. Прослеживается глубинная, опосредованная связь между словом и действительностью. У каждого народа мотивация выбора символов зависит от концептуального алгоритма, характерного для того или иного языка. Значения целого ряда базовых слов и фразеологических единиц сформировалось на основе антропоцентрического понимания мира. В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа.

Литература

1. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса. Дисс. на соискание … доктора филол. наук. – М., 2002.
2. **Ганюшина М.А. Символика константных и вариативных черт в языковой картине мира (на материале английского и русского языков) Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, М.: 2007.**
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – 2004.
4. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 1996.
5. Маковский М.М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. – М.: КомКнига, 2005.
6. Маковский М.М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – Формы – развитие. – М.: КомКнига, 2006..
7. Флоренский П.А У водоразделов мыслей (Черты конкретной метафизики) // Соч. в 4-х т. Т. 3 (2). – М.: Мысль, 1999.
8. Флоренский П.А У водоразделов мыслей (Черты конкретной метафизики) // Соч. в 4-х т. Т. 3 (1). – М.: Мысль, 2000.
9. Флоренский П.А Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. – 1992. 2006.
10. Lurker M. Wörterbuch der Symbolik . – 1991.
11. Chevalier Jean, Gheerbrant Alain Dictionnaire des symboles, Paris, 1982.

Антонин Главачек
г. Прага, Чешская республика

«КРЫСОЛОВ» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (ЗАМЕТКИ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

Аннотация: Поэма Цветаевой «Крысолов», написанная по большей части в Чехии, отличается, как и остальные произведения этого периода, новаторством – поиском новой жанровой формы. Синтез разных пластов делает в поэмах по-новому актуальным символ и миф. Конкретные

жизненные факты поэта Цветаевой были почти всегда в своей основе трансформированы, мифологизированы, романтизированы, чтобы приобрести более глубокий смысл. Популярность «крысоловского» текста в западноевропейской литерартуре вызвана прежде всего таинственностью, загадочностью этой легенды и образа самого крысолова. Сложный и многозначный текст «Крысолова» Цветаевой тем самым вызывает различные интерпретации. Сопоставлением «крысоловских» текстов Цветаевой и чешского писателя Виктора Дыка выходят на передний план главным образом различия в фабуле и в художественной обработке образа крысолова. Оба текста отличаются и градацией и драматичностью самого финала.

Ключевые слова: интерпретация, фабула, миф, легенда, художественный текст.

"KRYSAŘ" OD MARINY CVETAJEVOVÉ
(INTERPRETACE, POZNÁMKY)

Anotace: Poema M. Cvetajevové *Krysař*, napsaná z velké části v Čechách, se vyznačuje, stejně jako další díla tohoto období, novátorstvím – hledáním nových žánrových forem. Syntéza různých vrstev originálním způsobem aktualizuje symbol a mýtus. Konkrétní fakta ze života básnířky byla vždy v celé své podstatě transformována, mytologizována, romantizována s cílem získat ještě hlubší smysl. Obliba „krysařského" textu v západoevropské literatuře je motivována zejména tajemností, záhadností této legendy a postavy samotného krysaře. Složitý a mnohoznačný text Krysaře Cvetajevové také nabízí různé jeho interpretace. Při porovnání „krysařských" textů ruské básnířky a českého spisovatele V. Dyka vystupují do popředí zvláště rozdíly ve fabuli a v uměleckém zpracování obrazu krysaře. Oba texty se výrazně liší svou závěrečnou dramatičností a gradací.

Klíčová slova: interpretace, fabule, mýtus, legenda, umělecký text.

Поэмы Цветаевой чешского периода отличаются новаторством - поиском новой жанровой формы, близким направлениям авангардистов в России, в них мы находим мифологические, фольклорные, романтические пласты.

Н. Осипова совершенно верно констатирует, что синтез разных пластов делает в поэмах по-новому актуальным символ и миф, то есть те категории, в которых жизнь переживается метаисторически, а личность восходит к сознанию сверхличному. (Осипова 2000: 128) Конкретные жизненнве факты в поэмах Цветаевой почти всегда были в своей основе трансформированы, мифологизированы, романтизированы, приобретали более глубокий смысл.

Именно в этот период завершился поэтический рост М. Цветаевой. [1)]

О «пражских поэмах» написан целый ряд специальных работ, посвященных их мифопоэтике, мифологизму; значительным вкладом с этой точки зрения является исследование - статья Томаса Венцлова „Поэма Горы" и „Поэма Конца" как Ветхий Завет и Новый Завет. Автор трактует поэмы как аналогию Ветхого и Нового Завета, библейский сюжет считает их главным подтекстом. Из писем Марине Цветаевой ясно, как суггестивно и таинственно воздействовала „Поэма Конца" на Б. Пастернака и что в этом смысле далеко не второстепенную роль сыграли „пражские кулисы". [2)]

Прага цветаевских поэм - это город-мистерия, „летейский город“ - так она называет его в поэмах или в стихотворениях (ср., напр.. стихотворение „Прага“/1923/).

Цветаева понимала Прагу на самом деле как место, выражающее особое состояние души, мысли, место, которое в наносах столетий соединяет несоединимое, где тайное смешивается с гротескным, мистическое с абсурдным, место многочисленных парадоксов, которое поставило рядом контраст чехов, немцев и евреев и тем самым дало возможность возникновению особой и неповторимой культуры и литературы. Так воспринимала Прагу и Цветаева: „...Прага, по существу, тоже такой город, где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за „родного славянства“, из-за собственного родства с нею: **за ее смешанность и многодушие...“** (Цветаева 1969: 33) Парадоксально Чехия близка Цветаевой и благодаря немецкому феномену, который она так сильно почувствовала здесь.

Язык, литературу и культуру Германии она прекрасно знала с детства. Любовь к ней она унаследовала от матери польско-немецкого происхождения - Марии Александровны Мейн. Мать Цветаевой лучше чем русские знала немецкие сказки. Когда Марине исполнилось 12 лет, она смогла увидеть Германию собственными глазами. Сестра Цветаевой Анастасия вспоминает, что именно здесь „Марина вошла в чтение немецких книг с наслаждением жарким и поглощенным“. Из немецких авторов она любила в первую очередь Гёте, Гейне, Гёльдерлина и др. С поэзией Рильке – уроженца Праги - Цветаева познакомилась уже в зрелом возрасте. „В Праге я впервые читала „Ранние стихотворения“ и я полюбила Прагу с первого дня - и потому что вы там учились“. [3)]

В своем творчестве Цветаева, как известно, любила обрабатывать мифы, легенды, сказочные, фольклорные мотивы (Психея, Медеа. Федра, Тристан и Изольда, Феникс, Дон Жуан, Молодец и др.) Именно новое прочтение, новая интерпретация этих ранее использованых сюжетов всё больше притягивает её.

Неслучайно поэтому Цветаева в Чехии, во Вшенорах под Прагой, создала по немецкой легенде свою трактовку „Крысолова“ (1925), которой воздала почести немецкой культуре [4)], литературе и любимому Генриху Гейне: „Ему посвящаю то, что сейчас пишу...“ (речь идет именно о „Крысолове“ в письме О. Е. Колбасьиной-Черновой, 12 апреля 1925). В сводных тетрадях поэтессы мы найдем и заметку „посвящается моей Германии“. (Цветаева 1997: 342)

Как известно, немецкая легенда о крысолове возникла на основе действительного события, когда в 1284 г. в городе Гамельне погибло 130 детей. Причины этой трагедии не ясны, многие догадки говорят о стихийном бедствии, детской эпидемии, кораблекрушении, крестовом походе и т. п. Никто, по всей вероятности, не хотел нести ответственность
за гибель гамельнских детей, и поэтому вина сваливалась на сверхъестественные силы. Тимо Суни полагает, что к легенде мотив крысолова был подключен не ранее 16 века: „Возникший в тех же столетиях крысоловский промысел был одним из ответов на проникновение из Азии в Европу серой крысы. Распространение этой, тогда новой вредительской породы по европейским городам причиняло тяжелые убытки человеку.“ (Суни 1996: 140)

Популярность „крысоловского текста“ в западноевропейской литературе вызвана прежде всего таинственностью, загадочностью этой легенды и образа самого крысолова. Многозначный текст тем самым вызывает различные интерпретации.

В русской литературе „Крысолов“ Цветаевой является самым крупным произведением, посвященным гамельнской легенде. Кроме него, можно назвать только небольшое стихотворение В. Брюсова и аллюзии на крысолова в стихах Пастернака. В контексте творчества Цветаевой «Крысолов» относится и к самым сложным и трудно интерпретируемым произведениям.

Попытки прочтения поэмы Цветаевой в контексте других литературных обработок были сделаны в работах И. Малинкович и Е. Г. Эткинда.

В работах Н. О. Осиповой и Т. Суни упоминается и чешская обработка „крысоловского текста“ - рассказ Krysař (1911) писателя Виктора Дыка.[5)]

Сопоставлением текста «Крысолова» Цветаевой и Дыка, насколько нам известно, пока никто специально не занимался.

Виктор Дык написал своего „Крысолова“ незадолго до Цветаевой, самостоятельной книгой вышел в 1915 году. По всей вероятности Цветаева чешского „Крысолова“ не читала; чешским языком она не владела, в письмах к Анне Тесковой - чешской подруге и одновременно „секретарю“ - имя Дыка не упоминается.

В нашей статье мы попытаемся хотя бы частично сопоставить „крысоловский“ текст Дыка и Цветаевой, своё внимание мы сосредоточим главным образом на сходствах и различиях в фабуле произведения, в том числе и на художественной обработке образа самого крысолова.

В стороне мы оставим жанровые различия. Дык написал прозаическое произведение - лирический рассказ, Цветаева - лирико-эпическую поэму. Крысолов Дыка – это романтический бродяга – Агасфер, путешествующий со своей волшебной дудкой от города к городу.

Его инструмент обладает дьявольской силой: он имеет способность управлять не только крысами, но и людьми. Эта способность делает из него уединённую личность, которой все боятся. Помимо «крысоловской» легенды в тексте Дыка неимоверно большую роль играет романтическое любовное происшествие. В Гамельне крысолов встречается с красивой девушкой Агнес, в которую влюбляется и, благодаря ей, готов забыть об обиде со стороны гамельнских ратсгерров, которые не выполнили своих обещаний и за изгнание крыс из города не заплатили сто рейнских.

/.../

„Mohl bych zahubiti Hameln...Mohl bych učiniti, že by nezůstalo živé bytosti v opuštěných městských zdech. To všechno mohl bych učiniti. Nechce se mi... Bůh žádal deset spravedlivých, aby ušetřil Sodomu a Gomoru. Chci býti skromnější boha. Stačí mi jediná žena. Ušetřím Hameln pro tebe, Agnes.“ /.../ (Дык 1997:35)

Цветаевский крысолов, как она написала в своих тетрадях, „Охотник - Дьявол - Соблазнитель - Поэзия“. За увод крыс ему ратсгеры обещают не денежное вознаграждение, а солидный чин и руку

Греты – дочери бургомистра. Вместо этого его высмеивают и издеваются над ним. *...артистам не следует добиваться земных благ, а нищенствовать…“*

Этот мотив присутствует и в балладе Карла Зимрока «Крысолов» (Der Rattenfanger). У Дыка образ дочери бургомистра мы не найдём.

Крысолов Дыка узнаёт как будто бы случайно, в гамельнской пивной о том, что в городе размножились крысы, которые причиняют убыток порядочным гамельнцам. Всё происходит совершенно спонтанно и якобы случайно. Цветаевская фабула в этом смысле является намного драматичней, экзальтированней. Игрой с ритмикой, градацией цветаевский текст сравним с блоковской поэмой «Двенадцать». Набег крыс и опустошение города ярко описано в самостоятельной, третьей, главе «Напасть».

Влюбленный в Агнес, крысолов Дыка сначала сам не добивается своего вознаграждения, только трагические события вокруг Агнес, которая забеременела со своим бывшим возлюбленным Кристианом, сошла с ума и навсегда ушла в гору Коппел, крысолов чувствует себя виноватым за ее судьбу, меняет своё решение и в отчаянии мстит кому бы то ни было.

/.../

Chápal rázem, že je konec. Nechal Agnes vzít, a Kristián ji vzal; nechal Agnes odejít, a Agnes odešla.
Nic není jiného, co by mohlo uleviti jeho bolesti... nic není jiného, co by mohlo pomstíti ho za Hameln. Ať si mluví konšelé o stu rýnských. Ne proto zazní píšťala krysařova.

/.../

(Дык 1997: 82)

Дык заимствует сюжет своего рассказа, как и Цветаева, из древнегерманской повести. В трактовке братьев Гримм в концовке крысолов уводит детей в горы и они исчезают в пропасти. Крысолов в трактовке Дыка одурманивает звуком своей флейты и уводит в горы всех жителей Гамельна. В тексте Дыка выступает трогательная фигура молодого, малодушного и бедного человека Сеппа Йоргена. Слабовольный Сепп не может идти за одурманивающим звуком флейты, он привязан к своему одиночеству, вместе с ним остается забытый в Гамельне младенец. Эти два существа призваны спасти человечество. Эта обязанность сделала Йоргена странником, но не в погоне за химерой, а за конкретной целью: найти женщину, которая накормит ребёнка.

Довольно сурово и безнадёжно может воздействовать на читателя конец цветаевского «Крысолова» - дети гибнут в озере, его поверхность смыкается над ними...

/.../

- Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
-Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

- Муттер, ужинать не зови!
Пу - зы - ри.
(Цветаева1992: 530)

Из подготовительных заметок Цветаевой вытекает, что она задумывала два варианта концовки поэмы:

„Два варианта: или описание озера: постепенность захождения, погружения. Вода смыкается над головой. Центр - бургомистрова дочка.

Либо - по слухам - завел их всех в гору. (Горное озеро, внутри горы.)“

Почему Цветаева, наконец, избрала первый вариант? Ответ напрашивается – гора как поэтический символ использован поэтессой в предыдущих «пражских» поэмах «Поэме Горы» и «Поэме Конца» как символ рая, вершины человеческого чувства, эмоции, любви, представляет собой тяготение к надземным высотам. Этот же символ она оставляет и в «Крысолове» - Гималаи являются оппозицией к Гаммельну.

/.../
Человек не ключарь кладовых!
Половик,
Червь, а не человек - тыловик!
Это - Гаммельн, а есть Гималаи:
Райский сад.
/.../
(Цветаева 1992: 488)

Из сводных тетрадей Цветаевой, однако, вытекает, что она привлекла сюда кроме древнегерманской легенды еще одну – славянскую – о таинственном граде Китеже: «Озеро - вроде Китеж-озера, на дне – Вечный Град, где дочка бургомистра будет вечно жить с Охотником. Тот свет. (Входят в опрокинутый город.)». Таким, более многозначным, финалом она несколько смягчает суровость концовки поэмы. (Цветаева 1997: 343)

Цветаевский текст не имеет яркого, специфически данного территориального фона, среди аллюзий мы находим намёки на немецкую, чешскую и русскую среду.

Крысы „ в красном“ в Гаммельн пришли „из краев каких-то русских“, в последней главе, названной „Детский рай“, в которой крысолов уводит детей в озеро и поёт:

/.../
В царстве моём - ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:
Синь. Лето красно.
И - время - на всё.
/.../ (Цветаева 1992: 529)

У Дыка текст больше связан с конкретными немецкими реалиями. Цветаева преднамеренно меняет и правильное название города Гамельн на Гаммельн с двойным «м». Однако, она, в отличие от Дыка, включает в поэму немецкую лексику. Часто это слова или целые фразы на немецком языке. Многие из них являются устойчивыми словосочетаниями («Morgen ist auch ein Tag“, „Zuviel is ungesund“ и т. п.). Также транслитерация немецкой лексики способствует более выразительно

изобразить атмосферу немецкой среды. Цветаева играет словами. Цветаева творит дух немецкой культуры, представляя образец творческого восприятия другой культуры, синтез культур. (Жукова 2005: 3) С одной стороны немецкие образы и лексика, а с другой – русский язык и его выразительность. «Цветаева рифмует слова русские и немецкие, создавая новое пограничное культурное пространство». (Жукова 2005: 3)

/.../
Су – дари, выпрягайте слуг!
Тру – бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
Morgen ist auch ein Tag!
/.../
(Цветаева 1992: 536)

Цветаевского «Крысолова» принято называть лирической сатирой. Сатирические черты появляются здесь в первую очередь в связи с образом жителей Гаммельна. Сатирическое остриё здесь направлено на обывателя; это читателю известно из предыдущей «пражской поэмы» - «Поэмы Конца». (ср. 4 глава).

Цветаева живёт в Чехии в скромных условиях, главным образом на периферии Праги, в пригороде. В поисках дешёвого жилья она несколько раз меняет место пребывания (Горни Мокропсы, Долни Мокропсы, Иловиште, Вшеноры, некоторое время живёт в Праге на Шведской улице). Провинциальный стиль жизни был слишком удручающим для русской интеллигенции. Всё, что мы называеи бытом, убивает бытие поэта.

Цветаева выступает в „Крысолове“ не только против обывательщины гаммельнцев, но против любого материалистического прагматизма, она не принимает ни поведения, ни этических норм мещан, ни крыс, ни „буржуя“, ни „пролетария“. З. Матгаузер говорит об аксиологическом плюрализме Цветаевой, который видит в толерантном сосуществовании разных высот нравственных достоинств в её мысли. Цветаева одновременно восхищается Наполеоном и храбростью молодых русских генералов Великой Отечественной войны, сражающихся с Наполеоном.
/.../
но все же Марина Цветаева имеет право на свою точку зрения или, можно сказать, платформу, на свое симультанное переживание различных ценностных вершин, разного типа величин и возвышенностей. Имеет право переступать с одной вершины горы на вершину горы другой и не обращать внимания на горные долины, где господствует логика и взаимное исключение разных исторических истин.

/…/
(Цветаева 1996: 335)

Что общего между писателями Цветаевой и Дыком? На первый взгляд, не много. Цветаева считает себя „поэтом без истории“, - т.е. поэтом, который не расширяет свой опыт, но все знает и все понимает с самого начала. Дык, по нашему мнению, относится, если пользоваться классификацией М. Цветаевой, к „поэтам с историей“. Его творчество имело несколько этапов, наиболее

принципиальным и важным из которых является начало 10-ых лет, когда он пишет своего „крысолова“.

Автор в то время программно переродился из бунтаря и анархиста – из „разрушителя“ в „строителя“ и сам активно включается в политику. Дыково превращение таким образом стало особитым смыслом рассказа „крысолов“.

Убежденность в неосуществимости идеалов в повседневной реальности у раннего дыка выливалась в прославление индивидуалистического бунта и полного отрицания. Наоборот, „умудренный“ Дык признал неизбежность и необходимость осуществления идеала и в бедных условиях хотя бы путем незначительных поступков и дел и воспринял это как обязанность при достижении надличностной цели. Именно это превращение во время первой мировой войны дало возможность возникновению политической лирики Дыка.

В отличие от цветаевой дык является автором главным образом идеологическим, автором, имеющим постоянную потребность сопоставлять свои идеи и идеалы, конфронтовать себя с чешской действительностью.

М. Цветаеву политика никогда не интересовала, она этого не скрывала, и тем самым является автором совершенно иного плана. Несмотря на все это можно найти и некоторые общие черты в их характерах. Одной из них является их общее тяготение к немецкому культурному феномену (Дык тоже переводил с немецкого языка). Точно так же, как и Цветаева, Дык перенимает и адаптирует чужие сюжеты и мотивы, он даже получил прозвище „поэт-ученый“ („poeta-doctus“).

В „Крысолове“ оба поэта выразили свою неприязнь, презрение к обывателю, филистеру. „крысолов“ цветаевой является прославлением свободного духа, не спутанного мелочностью быта и низменного материализма и представляет собой воплощение поэзии (ср. замечание м.цветаевой в ее записках - Крысы - земные заботы, от которых Охотник освобождает город. Быт не держит слова Dichtung, Dichtung – мстит). (Цветаева 1997: 343)

В отличие от Дыка, Цветаева еще решительней акцентирует невыносимость мещанского, обывательского низменного корыстолюбия и затхлости как общего знака, присущего как именитым гражданам Гаммельна, так и крысам, которые очень быстро приспосабливаются и вскоре затем сами начинают накапливать материальные ценности. С крысиным образом мышления Дык совсем не работает: крысы здесь не выступают как самостоятельные говорящие персонажи.

Многие работы, посвященные „Крысолову“ М. Цветаевой, ищут прежде всего аллюзии на конкретную историко-политическую послереволюционную ситуацию в России и воспринимают произведение в первую очередь как политическую сатиру, мы считаем эту точку зрения неправильной. У Дыка и у Цветаевой в „Крысолове“ в самом общем плане необходимо видеть противоречие между идеалом и действительностью. У Дыка речь идет прежде всего об актуальной точке зрения на непосредственную реальность, в то время как у Цветаевой речь идет о выражении вневременных размеров, противоречии между бытом и бытием.

Примечания

1) Ср.: ”/…/ Из 153 стр. Текста – 133 стр. падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что недаром давали мне иждивение все те годы. За Чехию у меня написаны: ”После России”, ”Молодец”, ”Тезей”, ”Крысолов”, помогала природа /…/”(Цветаева 1969: 54)

2) Ср.:”/…/ когда я прочел ”Поэму Горы”, то все стало на свои места. И с тех пор ничего из того, что я читал по-русски, на меня не производило того впечатления, какое произвела Марина./…/”(Бродский 1997: 28) 4. Ср.:”/…/ Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дышно-туманной ночной Праги с мостом то вдали, то вдруг с тобой перед самыми глазами, - качу к кому-нибудь подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики микельанджеловской раскинутости и толстовской глухоты, которая называется ”Поэма Конца”/…/ (Цветаева 1994: 778)

3) Ср.: Письмо Цветаевой Рильке от 9 мая 1926 г. Небесная арка. М. Цветаева и Р.М. Рильке. Акрополь Санкт-Петербург, 1992. с. 53.

4) Мифологизацией Праги она близка пражским немецким писателям (Г. Майринку, Ф. Кафке и др.).

5) **Виктор Дык (1877-1931**) – чешский поэт, прозаик, драматург, политический деятель, публицист, театральный и литературный критик, переводчик с французского и немецкого языков. Дык является представителем поколения писателей, так называемых ”бунтарей” (анархистов). Название группы восходит к одноименному сборнику стихов ”Бунтари”(1903). Его творчеством проходит основной мотив разрыва между идеалом и действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

БРОДСКИЙ 1997
Бродский И. Бродский о Цветаевой. Москва, 1997.
ДЫК 1997
Dyk V. Krysař. Liberec – Praha, 1997.
ВЕНЦЛОВА 1994
Венцлова Т. ”Поэма Горы” и ”Поэма Конца” как Ветхий Завет и Новый Завет. Modern Russian literature and culture: Vol.32 – Berkeley, 1994.
ЕЛЬНИЦКАЯ 1991
Ельницкая С. Поэтический мир Цветаевой. Вена, 1991.
МАЛИНКОВИЧ 1992
Малинкович И. Своя чужая речь. «Крысолов» Марины Цветаевой. Литературное обозрение. 1992, № XI/XII, с. 20-31.
ОСИПОВА 2000
Осипова Н. О. Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. Киров, 2000.
СУНИ 1996
Суни Т. Композиция ”Крысолова” и мифологизм М. Цветаевой. Хельсинки 1996.
ЦВЕТАЕВА 1969
Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969.
ЦВЕТАЕВА 1992
Цветаева М. Стихотворения и поэмы 1921-1929, том 2. Москва ПТО «Центр» 1992.
ЦВЕТАЕВА 1994
Цветаева М. Поэмы – лраматические произведения. Москва. Эллис Лак 1994, комментарий.
ЦВЕТАЕВА 1996

Cvětajevová M. Lichý střevíc. Melantrich, Praha 1996.
ЦВЕТАЕВА 1997
Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. Москва, 1997.
ЭТКИНД 1992
Эткинд Е. Г. Флейтист и крысы (поэма Марины Цветаевой ”Крысолов” в контексте немецкой народной легенды и ее литературных обработок. Вопросы литературы №3 1992.
www.geokorolev.ru/museum-cvetaeva-chtenija-2005-Zhukova.pdf.

Радка Гржибкова
г. Прага, Чехия

РУССКИЕ АССОЦИАЦИИ ЭГОНА ГОСТОВСКОГО

Аннотация: Выдающийся чешский писатель 20 века Эгон Гостовски принадлежал к тем чешским авторам, на творчество которых заметное влияние оказали классики русской литературы. В течение всей своей жизни он вел многогранный творческий диалог прежде всего с Ф. М. Достоевским. Уже в первом своем романе, написанном в возрасте девятнадцати лет, Гостовски чутко проник в сущность поэтики Достоевского. Если в начале можно говорить скорее о подражании, то впоследствии речь идет о кровном родстве обоих писателей, лично осознавших трагизм человеческой судьбы и глубоко заглянувших в психику современного человека и в экзистенциальные проблемы человеческого бытия.

Ключевые слова: Э. Гостовски, Ф. М. Досоевский, творческий метод, поэтика, художественные средства, аллюзии, культурный диалог

Anotace: Významný český spisovatel 20. století Egon Hostovský patřil k českým spisovatelům, jejichž tvorba byla ovlivněna klasiky ruské literatury. Po celý život vedl tvůrčí dialog především s F. M. Dostojevským. Už ve svém prvním románu, který napsal v devatenácti letech, dokázal jasnozřivě postihnout podstatné rysy poetiky Dostojevského. Zatímco na počátku spisovatelské dráhy Hostovského lze hovořit spíše o napodobení, později jde především o duchovní spřízněnost obou autorů, kteří osobně pocítili tragiku lidského osudu a pronikli do hlubin psychiky moderního člověka a do jeho existenciálních problémů.

Klíčová slova: E. Hostovský, F. M. Dostojevskij, tvůrčí metoda, poetika, umělecké prostředky, aluze, dialog kultur

Из классиков заметное влияние на наших авторов оказали прежде всего Николай Васильевич Гоголь, Иван Сергеевич Тургенев, Фёдор Михайлович Достоевский, Лев Николаевич Толстой, Антон Павлович Чехов и Леонид Андреев. Многие чешские писатели в своей переписке и в дневниковых записях, так же как и персонажи в их произведениях, страстно спорили о русских авторах, вдохновлялись их художественными приёмами, вели полемику с их идеями и провидениями, открывали в их творчестве общечеловеческие ценности и сопоставляли их с чешской средой. Специфическую главу восприятия русской литературы на нашей почве представляет собой отклик на творчество Достоевского в произведениях еврейских писателей, тех, которые были связаны с

немецкой средой (Франц Кафка, Макс Брод, Франц Верфель), как и тех, которые были более близки Чешская культура в период между двумя мировыми войнами интенсивно осваивала наследие русской литературы 19 – начала 20 веков и пыталась его импульсами. Существенную роль в этом процессе, кроме других факторов, сыграла научная и публицистическая деятельность русских литературоведов и критиков-эмигрантов, прежде всего А. Л. Бема и его сотрудников, к чешской культуре (Эгон Гостовски, Иржи Ортен).

Тогда как чешское литературоведение довольно глубоко изучило творчество Достоевского и его восприятие в чешской критической литературе (например, Достоевский и Бем, Достоевский и Масарик, Достоечвский и Шальда), воздействие Достоевского на чешскую художественную литературу изучено пока недостаточно. В особенности это касается писателей-эмигрантов и представителей андерграунда, произведения которых не издавались в Чешской Республике (за исключением короткого периода в 60-х годах) и которые более глубоко и систематично анализируются чешскими литературоведами только с 90-х годов прошедшего века. К таким авторам принадлежит Эгон Гостовски, в творчестве которого русские писатели и прежде всего Достоевский оставили глубкий и яркий след.

Эгон Гостовски считается выдающимся представителем психологизма и эспрессионизма в чешской прозе 20–30 годов и экзистенциализма в прозе 50–60 годов. Он принадлежит к „возвращённым“ после 1989 года авторам. Его жизнь представляет собой одну из самых драматичных биографий в чешской литературе. Судьба талантливому мальчику, детство и юные годы которого проходили в чешском провинциальном городе, где чешская культура переплетались с немецкой и еврейской, принесла ряд трагических поворотов: детские впечатления от 1-й мировой войны, успешную творческую жизнь в 20–30 годах, дипломатическую службу, наступление фашизма, захват Судет немцами, мобилизацию и последующую глубокую дезиллюзию в следствие Мюнхенской измены, немецкую оккупацию, бегство от фашизма, смерть близких в концлагерях и транспортах, снова дипломатическую службу, наступление коммунизма в 1948 году, бегство от коммунизма, холодную войну, Пражскую весну, август 1968 года и последующую „нормализацию“, которая окончательно лишила его надежды на возвращение и осудила его на пожизненную эмиграцию. Неслучайно один из представителей чешской эмиграции назвал Гостовского „гением чешской судьбы 20-го века“. В ней и, естественно, также в творчестве писателя ярко отразились все трагические события чешской истории XX века. Сам Гостовски свою жизненную ситуацию определил устами главного героя своего самого значительного романа *Всеобщий заговор* „... с 1938 года я столько испытал, что этого хватило бы на три переисполненные жизни.“

Много лет Гостовски вынужден был прожить в эмиграции, хотя был крепкими узами связан с родиной и писал только на чешском языке. Всё это повлияло на его восприятие чешскими и зарубежными литературоведами, критиками и читателями. С 1948 года до половины 60-х.годов и в последствии с 1969 до 1989 года он относился к запрещенным, непубликабельным дома писателям. Известный чешский литературвед и один из инициаторов возникновения Международного общества Достоевского, Франтишек Каутман, считает Гостовского одним из самых крупных чешских

писателей с мировым значением. Он приложил много усилий, чтобы „завоевать“ надлежащее писателю место не только в истории чешской и европейской литературы, но и у современных читателей. Монография Ф. Каутмана *Полярность нашего века в творчестве Эгона Гостовского*, которая возникла в 1973 году, издана была самиздатом и официально опубликована только в 1993 году, является последней частью первоначально не задуманного Каутманом триптиха (Достоевский – Кафка – Гостовски). Она стала каким-то мостом, соединяющим довоенное восприятие Гостовского с его восприятием после ноября 1989 года, которое усиленно заполняет „белые места“ в биографии и творчестве писателя, анализирует его поэтику и интерпретирует его произведения. В 1996 году появилась новая монография Владимира Папоушка *Эгон Гостовски. Человек в закрытом пространстве*. Надо упомянуть также домашнее издание воспоминаний, статей и документов, которые в 70–80-х годах могли быть напечатаны только за границей.

В Каталоге Национальной библиотеки Чешской Республики в настоящее время насчитывается 96 библиографических записей о творчестве Гостовского и работах о нем. Важнейшим событием было издание 12 томов собранных произведений (1994–2002), которое организовали жена Гостовского Регина и после ее смерти дочь писателя от первого брака Ольга Кастелли-Гостовска. Кроме того интересующиеся могут в настоящее время найти богатую информацию, материалы и читательские отклики на страницах Интернета. Казалось бы, Эгон Гостовски был полностью реабилитирован в чешской литературе. Но, несмотря на это, читательский интерес, наверное, меньше, чем заслуживало бы художественное наследие этого писателя.

Когда говорят о писателях, повлиявших на Гостовского, кроме модных в то время Фрейда и Адлера, как правило, называют Чапека, Чехова, Гоголя, Достоевского. К ним надо причислить также Леонида Андреева. Непосредсвенные переживания трагичности, хаотичности, и искоренения человеческого существования, непостоянности и противоречий человеческой психики и поведения, бесконечных поисков и заблуждений, которые сближают его с Достоевским и Андреевым, глубоко отразились в сюжетной и формальной стороне поэтики Гостовского.

Раннее увлечение Гостовского Достоевским, которое оказало влияние на формирование его собственного творческого метода и, трансформируясь, провожало его до его шедевров, подтверждают практически все исследователи, но и собственные воспоминания автора. В своей книге воспоминаний *Литературные приключения чешского писателя за границей* он пишет, что под влиянием своей на восемь лет старшей сестры Ирмы он уже с десяти лет зачитывался книгами, которые были ему не по силам и от которых у него до сих пор головокружение. Рядом с романами Гюго он приводит рассказы Тургенева и роман *Преступление и наказание*, чтение которого вызвало у него на несколько дней лихорадку.

В 1927 году Гостовски издал свой первый роман *Тропинка вдоль дороги* (*Stezka podél cesty*), которым он творчески преодолевал не только личные конфликтные отношения с директором гимназии, но прежде всего впечатления от произведений Достоевского, глубоко затронувших его воображение. Сам он позднее считал это своё произведение незрелым и в своем завещании проявил желание, чтобы оно, как и другие работы, написанные им до 1930 года, не публиковался. О нем не

упоминает ни сборник изданный в Торонто по случаю 65 летия Гостовского, ни большинство биографий в Интернете, хотя роман вызвал интерес тогдашней критики. Однако, биографы и исследователи творчества Гостовского, не могут пройти мимо этого произведения, так как оно является богатым источником познания корней творческого метода писателя, а также одим из важных аспектов восприятия Достоевского в Чехии. Поражает прежде всего то, насколько глубоко девятнадцатилетний автор сумел проникнуть в поэтику Достоевского.

Повествование от первого лица в романе в сущности является постоянным самонаблюдением постепенно деформирующегося сознания и подсознания героя, способного, болезненно чувствительного молодого человека, который с большими усилиями ищет путь к себе, к людям, к миру. В следствие обиды и унижения, которые нанес ему своей иронией и насмешками учитель математики, он закрывается в свою раковину, в своё подземелье, откуда злобно атакует своё окружение и самого себя. Он делает ряд скверных поступков, которые заканчиваются убийством ненавистного учителя. На путь преступления подстрекает его таинственный двойник, человек, которого когда-то оскорбил тот же учитель. В романе Гостовски таким образом соединил тему преступления и наказания с вечной темой вступления молодого человека в мир и жизнь, которое происходит на обывательском фоне провинциального чешского города.

Молодой автор, стремящийся к философской рефлексии и освоивший идейные течения своего времени (Фрейд, Адлер), по-своему акцентирует интересующие его проблемы и по-своему расставляет характерные черты героев Достоевского. Рядом с сюжетом и типологией персонажей Гостовски увлечён также нарративными приёмами и поэтикой Достоевского. Он интуитивно воспринял их, может быть, глубже, чем многие литературные критики того времени.

Речь идёт прежде всего о напряжённом, эмоционально насыщенном диалогизированном монологе, постигающем внутреннюю разорванность героя, наполненном иронией и парадоксами мышления, об экспрессивных жестах и мимике, в которых сплетаются и отражаются взаимоотношения отдельных персонажей, о внезапных вдохновениях и провидениях, о карнавализации, о мотиве двойника, о воплощении духовной жизни героя в символических жестах, встречах, воспоминаниях и снах, о контрасте города и природы.

Известно, что стремясь понять сущность человека и его земную судьбу, Достоевский не раз вдохновлялся другими видами искусства, прежде всего изобразительным искусством**.** С одной стороны это произведения, посредством которых его герои с первого взгляда переживают трансценденатльный, не постижимый словами смысл своего бытия (*Сикстинская Мадона* Рафаэля, *Ацис и Галатея* Клода Лоррена, *Мертвый Христос в гробу* Ганса Голбейна младшего), с другой стороны это средство, которым герои выражают свое отношение к окружающему их миру (высказывание Настасьи Филлиповны в романе *Идиот* о том, как она нарисовала бы Христа). К изобразительному искусству обращается и молодой Гостовски. (картина Гвидо Рени *Martirio di San Sebastiano, Портрет Данте Алигьери* Гюстава Доре и, прежде всего, картина, нарисованная самим героем, в которой сконцентрированна символика всего произведения. Автор картины говорит, что он нарисовал ее интуитивно, что он сам ее не понимает и не умеет ее анализировть. На картине

нарисован мальчик перед зеркалом и старик в зеркале: „Před zrcadlem je dlouhá řáda zlatých klasů, klasy se napřimují a vítají je jediným, širokým, potlačeným pozdravem, jenž se valí v jásavá lada. Před klasy stojí chlapec. Vlasy a myšlenky hrají si se sluncem. Oči jsou zpity a ruce, křehké a hebké, tápají důvěřivě před tělem... Má modré oči. A růžové rty... V zrcadle vzhlíží se město. V mraku a kouři... Černé davy táhnou ulicemi, černé prapory vlají s oken a také řeka, jež městem protéká, je černá. Před městem stojí stařec... Shrbený, sehnutý. Choulí se do kabátu, jenž vlaje ve vichru, ruce má zakrváceny a posety ostny. Také jeho oči krvácejí... Velikými slzami, které zanechávají na tváři rudou brázdu. A chlapec před zrcadlem a stařec v zrcadle stojí na téže stezce, která vybíhá čistá a bílá z pšeničných lánů, prochází zrcadlem, jest šedá a špinavá před starcem a konečně černá mizí v zakouřeném městě...“). На картину, нарисованную в стиле экспрессионизма, похож и рассказ молодого человека, мечтателя выросшего в горах, о кровавом городе, который привел его к анархизму: „Vysoké činžáky ve dvou řadách, mezi nimi pádí splašené stádo dělníků, za nimi leží tři zkrvavení mezi lesknoucími se bodáky...“ Кстати, и Эдвард Мунк упоминается в романе.

Как и у Достоевского многие события проходят и персонажи появляются без явных внутренних связей, чтобы вызвать сначала предчувствие катастрофы и впоследствии стать роковыми.

Необыкновенно чутко Гостовски уже в первом своем романе освоил поэтику ребенка и детства у Достоевского, прежде всего ее общественный, онтологический, этический и эстетический аспекты. Детскость во взрослом человеке становится для него выражением естественности, позволяющей хоть на мгновение войти в полноценный контакт с другим человеком, но, одновременно, и проявлением беззащитности и уязвимости. („совесть похожа не плачущего ребенка, который хочет, чтобы мать его утешала и ласками успокаивала“). Подобно великим наблюдателям и любителям детей Ивану Карамазову и старцу Зосиме, герои Гостовского проверяют ценность другого человека посредством их отношения к детям, иллюстрируют свои размышления о нравственном уровне современного общества историями-притчами о детях, детские персонажи как нравственный императив на мгновение появляются в ключевых моментах действия, воспоминания о детстве становятся какими-то кульминационными оборонительными точками впоть до возвращения к своим корням.

Молодой Гостовски глубоко проник также в стиль речи определенного типа персонажей Достоевского. Так проявляется, например, двойник, являющийся одновременно интеллектуальным партнером, идейным врагом, провокатором, наушником и соблазнителем главного героя. Он выступает как шут, захлебивающийся потоком своей речи, по которой нельзя догадаться, говорит ли он всерьёз, или в шутку. Он внушает герою мысли, слова, отзывы и жесты, которые тот никогда не сказал и не проявил, и тем самим доводит его почти до сумасшествия (пример: „Věřte, pane Horne, celá příroda je nerozluštitelnou skrývačkou, nerozluštitelnou právě pro onu jednoduchost. Nemoce, například, prosím, zcela obyčejné nemoce. Bacily jsou jejich příčinou, ty bacily, jež pod mikroskopem stěží shlédneš. Bože, jak jednoduchá a rafinovaná příčina. A zlo, prosím má také své bacily: *Zážitky!* A opět obdoba s nemocí, snad zlo je také nemocí: Bacily potřebují připravenou půdu a zážitky také. Jistě kdyby v našem případě – mluvím, prosím o onom chlapci – vyskytla se nějaká radostná okolnost, nějaký příval

štěstí, útěchy, víry, jistě by nedošlo k založení požáru... Proto by dnešní psychiatři potřebovali mít náboženský podklad svého léčení, měli by býti Soňou svému Raskolnikovovi. Na štěstí Raskolnikovových motivů zla v životě není! Ale o to přece nám neběží!“). Речь героев Достоевского напоминают структура предложения, вставки, обращения, повторы, паузы, незаконченные высказывания, парадоксальные утверждения и т. п.

Внимательный читатель Достоевского сразу заметит у Гостовского особые названия глав вызывающие ожидание и напряжение (*Братья Карамазовы*, *Кроткая*).

В тексте романа находятся также почти точные цитаты Достоевского, которые только незначительно варируются. („Nelíbám vás, ale líbám ve vás sebe a všechno utrpení lidí.“; „Bez hnutí jsem naslouchal jejímu chraptivému, křičícímu hlasu a usedavému pláči, podobnému dětskému nářku.“; „V jeho obličeji se na mne usmála sedmiletá duše“; „Tam jsem se schoulil do klubíčka, ruce jsem měl před sebou, jako když se dítě brání.“; „Se stěny hleděl na mne obraz Madony s blbým úsměvem.“ apod.)

Тропинка вдоль дороги, таким образом, является интересным и интенсивным началом диалога Гостовского с Достоевским, который длился всю жизнь писателя и который всё меньше был подражанием и всё больше становился духовным и кровным родством, свидетелями чего мы становимся, читая шедевр Гостовского – „балансирующий “ роман *Всеобщий заговор*. Гостовски написал его в 1960 году в Нью-Йорке, впервые был издан в 1961 году на английском языке в переводе Алиши Бейкер и Бернарда Вульфа. На чешском языке он был опубликован в 1969 году и снова издан только в 1998 году.

История главного, в значительной мере автобиографического героя Яна Бареша из города Наход, эмигранта, успешного писателя и автора киносценариев – это история бедного чешского парня, который прославился в Америке. Действие проходит в Нью-Йорке в ноябре 1957 года, когда в квартире Бареша по случаю его 46 летия встречается восемь друзей и 5 гостей. Важную часть сюжета однако представляет собой ретроспекция в форме экспессивного исповедального, во вне и во внутрь обращенного монолога, который рассчитан на присутствие и активное включение слушателей или фиктивного читателя. Рассказчиком является сам Бареш, который стремится для друзей и гостей, но прежде всего для себя постичь „ключевую историю“ своей жизни и ее смысл, т. е. смысл своего существования. В течение рассказа явления, события и персонажи в его восприятии изменяются, релативизируются. Повествование еще осложняется полемическими мнологами некоторых из гостей, которые основаны на эгоистических интересах их носителей. В монологах Яна Бареша и его идейных соперников открываются и впоследствии подвергаются дискуссии проблемы свободы, воли, идеологий, политики, дипломатии, веры, двойничества, сумасшествия, сущности современного человека.

Центром, из которого выходят и к которому направляются все действия, является ньюйокская квартира (клетка, тьюрма) Яна Бареша, которая становится единственным, хотя и очень ненадёжным (потому что открытым и легко доступным) экзистенциальным пространством, убежищем, в котором можно подвергаться обману, что есть где укрыться. В течение празнования и рассказа о ключевой истории, разыгривается несколько скандальных сцен, которые вызывают в

Бареше ощущение всеобщего заговора. Он заколдован в обмане и самообмане, окружен паноптикумом, масками. Амбивалентное прошлое и незадержимое настоящее пошатывают его ориентацию в пространстве и времени, его сознание, волю и веру в себя. Он интесивно переживает горе от ума и чувства. (т. е. одну из ключевых ситуаций типичных для русской литературы, начиная с Грибоедова и Лермонтова) и доходит на грань душевного заболевания и сумасшествия. Сам себя воспринимает и как смешное и отвратительное существо, которое напрасно ищет свою индентичность, и как демиурга, способного создавать новые миры. Люди представляются ему как острова одиночества, слова теряют свой смысл и перестают быть инструментом общения, все большее значение приобретают экспрессивные жесты и мимика.

Ян Бареш – интеллектуал, одаренный едкой иронией и самоиронией, редкой способностью наблюдения и самонаблюдения. С этим связана довольно сложно разработанная тема двойника, который с одной стороны воплощается внешне, а с другой представляет собой олицетворение сознания и подсознания героя. Важную роль в жизни Яна Бареша играет его бывший одноклассник, который появляется как „вождь“, „учитель“, демагог, альтер-эго, тень, дьявол, привидение. Мотив учителя и его учеников-двойников, восстанавливающий в памяти романы *Бесы, Подросток, Братья Карамазовы*, Гостовски наиболее обдуманно развернул в романе *Семь раз в одной роли*. Но у Бареша есть и свои внутренние двойники, наушники, внутренние голоса и тени, с которыми он полемизирует. И они иногда персонифицируются. Бареш убеждается в том, что наличие двойника (двойников) и диалог с ним (ними) – это не патологическое явление, а внутренняя потребность современного мыслящего человека. Кроме внешнего и духовного двойника у Бареша есть и двойник-деятель, который заставляет его совершать поступки и роковые жесты, „преодолевать Обломова в себе“.

Ян Бареш долго напрасно стремится найти какой-то извечный, архетипальный смысл существования в хаосе времени. Он хотел бы понять причину смятения, хотел бы заполнить пустоту и тишину внутри себя, или создать какую-то предохранительную систему. Нередко он в самосохранительном жесте надевает маску шута и превращает таким образом трагическое в комическое.

Важное место в романе отводится теме ребёнка и детства и теме женщины. Детство не раз появляется в воспоминаниях Яна Бареша о родном городе. Мотив ребенка связан с ощущениями беспечности, счастья, с необузданными мечтами, игрой и свободной волей, с желанием сохранить внутреннюю свободу: „Tak rád bych si šel hrát do ulic a do parků jako za dnů dětství ... Jsou hry, z nichž bychom neměli vyrůst, jsou hry bez nichž čas naší dospělosti je časem nicoty.“ В романе появляется плачущий, страдающий, истязаемый ребенок, выполняющий роль нравственного императива, ребенок как средство шантажа, и счастливые дети, играющие в саду.

Хотя общество Бареша представляют собой преимущественно мужчины, значительную роль в нем играют три женщины: изменница Здена, самоотверженная Милада и дьявольская фам фаталь Ева.

Расшатаная личность Яна Бареша, ущемленного героя своего времени, который заблудился в себе и во времени и который должен преодолевать экзистенциальный шок, усиленно ищет путь к людям и миру, к себе. Он сделал несколько важных для себя открытий: люди все больше опасны как себе, так и друг другу, условия жизни настолько быстро меняются, что мы не успеваем к ним приспосабливаться, мы живем в эпохе суррогатов, нас все настоичивее заставляют подчиниться Времени.

Осознав, что заговор происходит прежде всего в нем самом, Ян Бареш начинает интенсивно прислушиваться к окружающему его миру, от внутреннего монолога обращается вновь к диалогу, от виртуального мира к реальному. Он принадлежит к интеллектуальным искателям правды, но он не является носителем большой или объединяющей идеи. Свою метаморфозу он находит в интимной области, в возобновленной способности устанавливать контакты и эмоциональные связи, прислушиваться к голосам других. Он, однако, знает, что его метаморфоза очень хрупкая, что всё нам дано только на короткое время, что всё, что мы видим, о чем мы мечтаем, чего касаемся, может мгновенно разбиться вдребезги.

Бареш – писатель, который очищается в творческом пороцессе. Произведения Гостовского наполнены размышлениями о сущности современной прозы, современного романа.

В романе *Всеобщий заговор* можно найти и скрытые аллюзии на речь героев Достоевского, например: „Ležel jsem na pohovce a hleděl ke stropu.“ „Jak by vám bylo, kdybych vám vyčetl, že jste se kdysi v bídě pokoušel vyloupit banku a chystal okrást nějakou stařenu v hokynářství?“ „Opustil jsem dům. Posud padal sníh. Byl již večer. Pouliční lampy vrhaly nažloutlá, zimomřivá světa do temnosvitné chumelenice.“ „Nevhod jste nepřišel. Já vás už dlouho očekávám. Ale vyděsil jste mě, protože jste ani nezazvonil, ani neklepal. To, prosím, nepokládejte za výtku.“ „Jak jsem kolem něho kroužil jako hypnotizér kolem média v transu.“

Нельзя, конечно, утверждать, что Гостовски создавал свои произведения только под непосредственным и некритическим влиянием Достоевского. Вдохновение идеями, сюжетами, типологией персонажей, художественными приемами, поэтикой Достоевского и полемика с ними, стали для Гостовского одним из средств постижения трагедии человека своего времени. Тогда как интеллектуальный герой Достоевского стоял на грани хаоса и инстинктивно предчувствовал его пропасти, но мог еще мечтать о спасительной объединяющей идее, человек Гостовского погружен в хаос, он им подавлен и в следствие исторического опыта вынужден сознательно отказаться от объединяющей идеи. Дело в том, что он слишком часто был свидетелем того, что из понятия „общество“ исчезало значение общественности, общности, соборности, оно было заменено массовым насилием, стремлением овладеть непокорным индивидом или элиминировать его. Неконтролируемые средства к таким процессам предоставляет мир бизнеса, современной техники (кстати, виртуальный компьютерный мир Гостовски еще не знал) и прежде всего массмедии. В этом смысле можно согласиться с утверждением В. Папоушка: „Гостовски всю свою жизнь соблюдал дистанцию от религиозных, философских и политических течений, так как он в них видел только создаваемые человеком и постепенно уже самостоятельно структурирующиеся механизмы, постоянно

пытающиеся человеческой мечтой овладевать. Вдохновляясь Достоевским, он никогда не принял его религиозных взглядов, часто насыщенных антисемитизмом.“ Но несмотря ни на что, ндивидуальный бунт против того, что называл „времясловием“ („dobosloví“), является для Гостовского, пожалуй, единственным путём к сохранению внутренней цельности и свободы человека.

Литература

Egon Hostovský. Vzpomínky, studie a dokumenty o jeho díle a osudu, uspořádal Rudolf Šturm, Toronto: Nakladateství Sixty-Eight Publishers 1974.
František KAUTMAN, *Polarita našeho věku v díle Egona Hostovského,* Praha: Evropský kulturní klub 1993.
Návrat Egona Hostovského. Sborník z mezinárodního vědeckého sympozia o životě a díle Egona Hostovského – Hronov 21. – 23. května 1993. Praha: Klub osvobozeného samizdatu a nakladatelstvím Protis 1996.
Vladimír PAPOUŠEK, *Egon Hostovský. Člověk v uzavřeném prostoru*, Jinočany: H&H, 1996.

Иржи Клапка
г. Прага, Чехия

ЙОЗЕФ ШВЕЙК И ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН
JOSEF SVEJK AND EUGENE ONEGIN

When reading the Russian translation of Jaroslav Hašek´s novel The Good Soldier Švejk, the autor of this paper detected in a speach by one of the characters („Einjähriger Freiwilliger“ Marek) a quotation from the novel Eugene Onegin by Alexander Pushkin. Hašek didn´t use the Czech translation by V.A.Jung, which was well know at the time he translated the line himself. There are many allusions to Pushkin´s verse in Hašek´s letters and occasional poems.
Key words : Hasek, Svejk, Pushkin, Onegin, translations

В Доме книги, огромном магазине в Петербурге, я нашел однотомное издание книги «Похождения бравого солдата Швейка» в переводе Петра Богатырева. Сначала я сердился, встречая отрывки, так хорошо мне знакомые по оригиналу, вошедшие в чешский язык как часто приводимые цитаты. Язык книги по-русски звучал по-другому, мягче, но по мере погружения в текст, я начинал понимать, что соленые словечки и грубость некоторых выражений звучали бы в дословном переводена русский еще грубее. Меня увлекло чтение настолько, что я купил книгу, и продолжал читать: в метро, в автобусе, на скамейке на набережной. И именно там я обнаружил, что в «Швейке» есть цитата из «Евгения Онегина». Так что именно «на брегах Невы» мне открылось, что 13-ый и 14-ый стих в первой главе, а именно «Вздыхать и думать про себя:/ Когда же чёрт возьмёт тебя!» звучат у Гашека из уст вольноопределяющегося Марека, когда тот сидит на гауптвахте в казарме города Чешские Будейовице.

Я стал с нетерпением ждать возвращения домой, чтобы сверить по оригиналу эти строчки. Мне хотелось узнать, какой именно перевод «Евгения Онегина» на чешский язык использовал Гашек. Мне

было известно, что одним из учителей Торгового училища, которое посещал Гашек, был Вацлав Алоис Юнг, молодой преподаватель английского языка, издавший в 1892 году собственный перевод «Евгения Онегина». Этот учитель, не преподавал в классе Гашека, но именно он обнаружил у будущего писателя литературное дарование. Студенты любили читать Юнгу свои первые опыты в кафе «Тумовка», и во время одного такого чтения преподаватель заявил, что из Гашека когда-нибудь получится «чешский Марк Твен».

Итак, я открываю «Швейка» на 241 странице (это чешское однотомное издание 1968 г.) и читаю слова вольноопределяющегося Марека:*„Milý příteli, pozorujeme-li to všechno v měřítku naší milé monarchie, dospíváme neodolatelně k závěru, že je to s ní právě tak jako se strýcem Puškina, o kterém ten napsal, že nezbývá jen, poněvadž strýc je chcíplotina:*

Vzdychat a myslet pro sebe,

Kdypak čert vezme tebe!“

Сравниваю с переводом Юнга, который, возможно, менее точен, но значительно поэтичнее:

a vzdychat, myslit celý čas:

„Kdy pro tebe si přijde ďas!“

Так что можно заключить, что цитату из «Евгения Онегина» Гашек перевел сам. По-русски он хорошо говорил еще в средней школе, во время пребывания в России, несомненно, его знания углубились, а Пушкина Гашек любил давно, также как все его сверстники и поколение их родителей.

Гашек писал и стихи, употребляя пушкинскую строфу:

Tak Bůh je svědek, že jsem dobrý křesťan

Nevraždím ani nepálím, tak skromně žiji,

Jak se sluší, patří, v zimě se v zimník zahalím.

……

A přece chtěl to krutý osud nyní

Dvě matek nic mně nevěří

Dvé matek na mne s despektem teď hledí

Ani mne nezvou k večeří.

(1905)

Гашек писал письмо Ярмиле в стиле «Евгения Онегина»*: A fádně žiji, leccos píši,/v pochybných krčmách sedávám/ kde starý chlapík na citeru,/truchlivé verše hrává nám…(17.8.1906).*

И продолжает в том же духе в следующем письмеот 23.8.1906 г.*: Ráno se vstává, večer zase/se klidně chodí domů spát,/a když se člověk dobře nají/tu logicky nemá hlad*. Это письмо даже кончается словами, написанными по-русски: «Всё это уже, дорогая,/как здесь в Праге живу я/вас, любезная, ожидаю….»

В сентябре 1906 года Гашек пишет из заключения: *Je život krásný, teď to teprve vidím/proč dřív jsem neznal kriminál./ Toť nevzdělanost, za kterou se stydím/dřív jsem se mříží trochu bál./…*

A vidíš, drahá, nevděk vládne světem, nikdo si toho neváží/ a když ho pustí, běží domů letem/na cestě baby poráží.

В апреле 1915 г. перед отъездом на фронт, Гашек уже не шутил. В трактире «У Мичану» в г. Чкшские Будейовице он написал в альбом сестры владельца трактира, двадцатидвухлетней Ружены: A vyplnit to místo bílé/popisem hrobů v Karpatech./*Jak slunný den tvé proudy krve/se vpíjí někde v měkký mech./A srdce tvé jež mohlo vřele/kdes v rodné zemi milovat/jak utichlo, ach ztichlo navždy,/zničeno všechno, cos měl rád./Je, věřte lépe nedokončit větu/a zkrátit celé loučení…/Vždyť vlastně všechno, co zde psáno,/tu situaci nezmění.*

Многие эти стихотворения переведены на русский. Например, те, которые мы уже цитировали, написанные в 1906 году:

*Живу не шатко и не валко,/пишу, слоняюсь по корчмам,/где старичок на цитре жалкой/весь день наигрывает нам…*или это:*Прекрасна жизнь! Теперь я это знаю./Зачем давно я не попал в тюрьму /Поди ж – необразованность какая!/ Чего боялся? Право, не пойму.*

Перевод Юнга «Евгения Онегина» выходил многими изданиями в течение сорока пяти лет, перевод Богатырева «Похождений бравого солдата Швейка» выходитуже в течение восьмидесяти четырех. В марте 2013 года в США в издательстве Franc-Tireur вышел 593-х страничный фолиантна русском языке. Он называется «Ярослав Гашек. «Похождения бравого солдата Швейка». комментарии к русскому переводу». Авторпредисловия Сергей Солоух пишет: «Подвиг, совершенный Петром Григорьевичем Богатыревым, чудесен и трогателен и сравним, ну разве только с аналогичным рукотворным чудом мастеров Звездочкина и Малютина, сумевших переработать японских буддийских кукол Дхарма в исконную «наше все» - русскую матрешку. Остается только поклониться. Но не согласиться. Потому что нет в этом невероятном, невообразимом, невозможном превращении чешской книги в русскую исторической справедливости».

Литература

Pytlík, Radko, *Jaroslav Švejk, Data, fakta, dokumenty*, Praha: Emporius, 2013

Pytlík, Radko, *Zpráva o Jaroslavu Haškovi*, Praha: Panorama, 1982

Пытлик,Радько, *Гашек*, перевод Олег Малевич, г. Москва: Молодая гвардия, 1977

Власта Клаусова
г. Пльзень, Чехия

ПРОЕКТЫ «ДНИ УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: КУРС ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА» И «ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ОБЩЕНИЯ. УРОВЕНЬ B1-C1»

12-ого декабря 2012 г. начал свою деятельность Русский центр в г. Пльзень. Центр был открыт на базе Заподночешского унивезситета, на базе Института языковой подготовки www.ujp.zcu.cz.

Во всём мире возникают Русские центры при поддержке Фонда «Русский мир» www.russkiymir.ru. Фонд «Русский мир» создан во исполнение Указа Президента РФ В. В. Путина от 21 июня 2007 года. Целями Фонда являются популяризация русского языка, являющегося

национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом.

Основные задачи фонда:

- поддержка общественных и некоммерческих организаций, профессиональных объединений, научных и образовательных учреждений, предметом деятельности которых являются исследования и разработки методик преподавания и программ изучения русского языка и литературы, исследование истории и современной России;
- содействие распространению объективной информации о современной России, российских соотечественниках и формированию на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения;
- поддержка национальных и международных организаций и объединений преподавателей русского языка и литературы;
- сотрудничество с российскими, иностранными и международными государственными, общественными, научными, коммерческими, некоммерческими и благотворительными организациями, учреждениями образования и культуры, иными учреждениями, организациями и объединениями, частными лицами в деле популяризации русского языка и культуры;
- поддержка деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения, содействие установлению климата межнационального уважения и мира;
- поддержка экспорта российских образовательных услуг;
- содействие экспертным, научным и образовательным обменам, соответствующим целям Фонда;
- поддержка зарубежных русскоязычных и российских средств массовой информации и информационных ресурсов, ориентированных на достижение целей Фонда;
- поддержка усилий общественных организаций и государственных учреждений по сохранению рукописного наследия России;
- взаимодействие с Русской православной церковью и другими конфессиями в деле продвижения русского языка и российской культуры.

Русский центр предлагает студентам Западночешского университета, ученикам средних и начальных школ Пльзеньского края и всем желающим, которые хотят познакомиться с русским языком и русской культурой:

- курсы русского языка – различного уровня и направленности;
- курсы разговорного русского с носителем языка;

- курсы подготовки к экзамену по русскому языку;
- свободный доступ к многим ресурсам и фондам издательств России;
- богатую библиотеку и читальный зал;
- видеотеку, фонотеку, русское телевидение;
- беседы, лекции, семинары, презентации, сморт русских фильмов;
- чешско-русские посиделки при случае праздников или значительных дней наших стран.

В 2014 году Руский центр получил от Фонда "Русский мир" 2 гранта на проекты, один из которых - **„Дни учителя русского языка: курс повышения квалификации для учителей русского языка".**

Целевая аудитория – это были учителя начальных, средних школ, профессиональных училищ, гимназий и других учебных заведений, преоставляющих начальное и среднее общее и профессиональное образование, Западночешского края и других близлежащих регионов. В проекте участвовали тоже студенты последних курсов и выпускники педагогических факультетов.

При реализации проекта мы стремились решать некоторые проблемы или затруднения при обучении русскому языку.Учителя, которые сейчас преподают русский язык в школах Чехии, заинтересованы в повышении своей квалификации, знакомстве с новыми учебными материалами, современными, эффективными методиками и технологиям преподавания, источниками информации о русском языке, России и русской культуре. Также для них важно иметь возможность совершенствовать свои языковые навыки, общаться с носителями русского языка. Некоторые из них не были в России многие годы, а некоторые никогда не посещали страну изучаемого и преподаваемого языка.

В настоящее время их ресурсы ограничены, предложение курсов повышения квалификации для преподавателей именно русского невелико, практически отсутствует. У учителей русского языка практически нет возможности совершенствоваться в профессиональном плане. Это снижает качество подготовки учащихся и их интерес к русскому языку.

Предлагаемый проект частично снимет этот дефицит. Он позволил учителям русского языка получить методическую помощь, познакомиться с новыми учебными и методическими материалами, попрактиковаться в языке с преподавателями-носителями языка, получить ответы на интересующие вопросы.

Второй проект: **"Практический курс русского языка для развития навыков общения. Уровень B1-C1".**

Целевая аудитория в этом проекте были - студенты и аспиранты Западночешского университета в Пльзене, планирующие поездку в Россию с целью обучения или научной деятельности; - научные сотрудники и преподаватели-нерусисты, которым русский язык необходим для работы и научной деятельности, а также планирующие поездку в Россию с целью обучения или научной деятельности.

Проект решает следующие праблемы:

1. В чешских вузах действует система кредитов. На каждого студента выделяется каждый семестр ограниченное количество кредитов. Они используются студентами в первую очередь на обязательные предметы. Русский язык не относится к числу таковых. Студенты, интересующиеся русским языком, в том числе те, которые предполагают в будущем использовать его для работы, научной деятельности

или продолжения учебы, не могут его изучать, поскольку у них не остается нужного количества кредитов для того, чтобы записаться на курс. Эта проблема существует и в Западночешском университете.

Грант позволил таким студентам учить русский и без наличия кредитов.

2. Учащиеся и научные сотрудники, освоившие основы русского языка в рамках основных языковых курсов, а также русский язык которых находится, в так называемом, пассивном состоянии (не используется активно), испытывают трудности при устном общении на русском языке. Речевые навыки им необходимы для сотрудничества с российскими вузами и исследовательскими учреждениями, посещения конференций в России, общения с русскими коллегами, при обучении в России.

Проект помогал развить и усовершенствовать свои навыки общения на русском языке на повседневные и профессиональные темы, при личном контакте или в телефонном разговоре. В том числе, он позволил научиться правильно выражать свое мнение и реагировать на высказывания собеседника в ситуации повседневного общения (в ресторане, у врача, в парикмахерской, в магазине, аренда квартиры) и в профессиональной обстановке (в университете, в библиотеке, собеседование). Учащиеся знакомились с необходимыми выражениями и грамматическими структурами.

3. В рамках основных языковых курсов не удается уделять достаточно внимания важным реалиям русской действительности или особенностям русской культуры. Семинары данного проекта были посвящены реалиям и культурным особенностям.

Русский центр Западночешского университета в г. Пльзень будет постоянно продолжать свою деятельность в области преподавания русского языка и распространения русской культуры. Примером может служить ежегодний конкурс чтецов под названием „Ars Poetica- Puškinův památník“. В этом году совершится уже 49-ый тур. Русский центр и студенты русского языка принимают участие тоже в “Конференции научных презентаций на иностранном языке“, которую организует Институт языковой подготовки Западночешского университета.

Mgr. Vlasta Klausová
Руководитель Русского центра Западночешского университета в г. Пльзень
Руководитель Департамента славянских языков
Кафедра языковой подготовки
Западночешский университет в г. Пльзень
e-mail: klausova@ujp.zcu.cz

С.Н. Курбакова
г. Москва, Россия

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА МИРА

Статья освещает опыт психолингвистических исследований путей формирования образа мира в национальных лингвокультурах. Когнитивная интерпретация дейксиса на основе ассоциативного эксперимента позволяет изучить универсальное и выявить национально специфичное в языковых картинах мира.

Ключевые слова: когнитивная модель, дейксис, языковая картина мира

Svetlana Kurbakova
Moscow, Russia

ETHNOPSYCHOLINGUISTIC INVESTIGATIONS OF THE WORLD VIEW IMAGE CREATION WAYS

The article deals with the results of psycholinguistic investigations in the field of ways of formation the world image in the national linguistic cultural communities. Cognitive approach to deixis on the basis of the associative experiment promotes universal and cultural specific categories' identification.

Key words: cognitive model, deixis, linguistic world view.

Психолингвистические исследования доказали, что способность человека, познавая, осмысливать объективную действительность не является врожденным рефлексом, «психика человека — явление социальное, поскольку «присваивается» ребенком в процессе его развития в мире людей и социально-функционирующих предметов, в *очеловеченном времени и пространстве*» [8, с. 47]. Частью познавательного поведения человека является *ориентировочное* поведение. Ориентация в объективной действительности прежде всего связана с координированием деятельности относительно субъекта, времени и пространства. На наш взгляд, основную нагрузку по ориентированию в объективной реальности берут на себя дейктические координаты *лица, времени и места,* которые хранятся в сознании как модель ориентирования в объективной действительности. Дейктические координаты образуют подобие смыслового каркаса для полного восприятия направленного адресантом на регуляцию его деятельности речевого действия, на который «наслаиваются» иные знания и представления.

Задача исследования путей формирования многомерного образа мира в сознании индивида, а также изучение того, как он функционирует, опосредуя деятельность людей, четко поставлена А.Н. Леонтьевым [4]. Мысль А.Н. Леонтьева о том, что не мир образов, а образ мира регулирует и направляет деятельность, позволяет нам думать о ведущей роли дейктического механизма в формировании адекватного представления об объективной действительности.

Существуют мнения, что структурализация индивидуального концепта, в котором отражены признаки любого экзистенционального феномена, определяется когнитивной моделью, представляющей собой некую концептуальную схему. Однако вопрос о том, что определяет структуру самой когнитивной модели значения до сих пор остается открытым.

Есть предположение, что структура когнитивной модели индивидуального концепта формируется под влиянием всех ментальных структур, особое место среди которых занимают представления о деятеле (субъекте, совершающем активность), времени и пространстве (месте совершения активности), поскольку эти дейктические координаты характеризуют основные параметры бытия. Ментальные структуры когнитивного опыта, являясь психическими механизмами, отвечающими за эффективную переработку информации с применением различных способов ее

кодирования, реорганизацию прошлого опыта в когнитивные схемы с целью формирования семантических и понятийных структур, непосредственно отвечают за обработку информации.

Смеем предположить, что *дейксис как система ориентирования речевого действия относительно координат лица, времени и пространства представляет собой в когнитивном плане одну из ментальных структур, с помощью которых контролируются процессы переработки информации и выражаются особенности информационно-поисковых стратегий*. Ментальная структура дейксиса выступает в качестве интегратора когнитивной и аффективной сфер.

Имеем ли мы основания говорить о дейксисе как концепте? Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить, что определяется термином «концепт». Известно, что сознание человека, локализуясь в мозге и являя собой функцию мозга, отражает объективную и субъективную действительность. Для современных исследований в области когнитивной лингвистики концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). «Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения действительности. При этом значение выступает как часть концепта, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая собой коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта» [7, с. 136]. В том смысле, что дейксис как система представлений о субъекте, времени и пространстве совершения деятельности включает в себя не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и информацию, которая отражает общую информационную базу человека, его знания о людях, времени и пространстве, которые могут и не обнаруживаться непосредственно в речи, мы вправе говорить о дейксисе как концепте. *Содержанием концепта дейксиса являются представления о деятеле, времени и пространстве*. Поскольку выделяют личный дейксис, темпоральный дейксис, пространственный дейксис, в контексте нашего исследования целесообразно говорить о дейксисе как *устойчивой конфигурации из этих трех взаимосвязанных концептов*.

Наиболее богатый опыт экспериментального исследования языковой картины мира в межкультурном сравнительно-сопоставительном аспекте накоплен психолингвистикой. При этом наиболее разработанным и успешно используемым является ассоциативный эксперимент. На протяжении последних двадцати лет в Московской психолингвистической школе, которую возглавляет Е.Ф. Тарасов, проводится большое количество исследований языкового сознания, опирающихся на ассоциативный эксперимент. Результаты этого направления научной работы воплощены в словарях ассоциативных норм разных языков, из которых наиболее заметными стали «Русский ассоциативный словарь» [10] и «Славянский ассоциативный словарь» [11].

Опыт работы с материалами исследований, проведенных на большой выборке испытуемых, показывает, что наиболее продуктивна в изучении этнокультурной специфики языкового сознания работа с центральными для каждой культуры образами. В контексте нашего исследования особый интерес представляют данные, полученные в результате выделения функционально-семантических групп в языковом сознании четырех славянских народов [6, с. 230-245.]. Поскольку образ человека

является центральным в любой культуре, а его содержание включает самые разные сферы человеческой деятельности, все полученные группы были организованы вокруг единого центра, представленного словом ЧЕЛОВЕК. Применительно к интерактивной теории дейксиса это положение еще раз доказывает наши наблюдения за функционированием дейктических средств языка в речевой коммуникации: в центре регуляции речевого взаимодействия стоит человек-деятель, а дейктическая координата субъекта деятельности занимает центральное положение в дейтической триаде, обеспечивающей привязку речевого действия к ситуации общения.

Основанием для структурирования единиц центра языкового сознания стала функциональная близость слов в выражении представлений о мире, которые приняты в той или иной культурной общности. Например, в группу *Рефлексия* были включены слова, которые обозначают те реакции, которые характеризуют, кем является человек, как он представляет себя в мире и по отношению к другим людям. В рамках этой группы во всех четырех языках совпадают слова *люди, мужчина, человек, я*. В этой группе центр языкового сознания русских представлен словом *он*, отсутствующим в центре языкового сознания других языков, а слово *сам* присутствует только у болгар. Кроме того, для белорусов, болгар и украинцев общими оказались слова *женщина* и *народ*.

Среди других групп, структурирующих ядро языкового сознания, — *Ценности, Чувства и эмоции, Качества, Семья, Природа* — нам бы хотелось остановиться на группах *Действия* и *Время*. Выделение этих групп в ядре языкового сознания подтверждает нашу гипотезу, что концепт дейксиса объединяет базовые характеристики образа действительности, а именно представления об агентирующем субъекте (лице), времени и пространстве. Так, в структуре языкового сознания четырех славянских народов были выделены такие единицы, дающие информацию о действиях человека в мире и его взаимодействии с окружающими. Во всех четырех культурных общностях совпадающими оказались два слова *деньги, работа*. У русских, белорусов и украинцев к этим словам добавляются *жить, дело*.

Ассоциат *помощь* вошел в ядро языкового сознания белорусов, болгар, украинцев, но не отмечен у русских. В этой группе было достаточно много культурно специфических реакций: например, в русском ядре оказалось еще две реакции, которым не было найдено соответствия в ядре других славян: *делать, обман*. В центре ядра языкового сознания болгар обнаружены не фигурирующие ни в одном другом списке *врать, успех*. У украинцев к таким реакция относится *есть* (в значении «принимать пищу»).

Для того чтобы проанализировать содержание концепта дейксиса, мы использовали метод ассоциативного эксперимента: носителям разных языков было предложено ответить на вопрос «Как Вы воспринимаете понятия «деятель», «время» и «пространство»? Какие ассоциации возникают у Вас при этом?» Собрав по возможности максимальный объем языковых средств, объективирующих концепт, мы получили достаточный материал для когнитивной интерпретации дейксиса, что позволяет сравнить славянскую, западную и восточную ментальность по этим важнейшим параметрам жизнедеятельности.

Как мы показали выше, для англичан *деятель* ассоциируется с *человеком, занятым каким-либо трудом, политиком, менеджером*. Во многом это совпадает с реакцией французов, которые дали еще такие ассоциаты, как *друг, семья, некто*. Если сравнить с японским восприятием «*деятеля, человека, занятого какой-либо деятельностью)*, то можно наблюдать следующую картину. В основу жизни японцев на протяжении многих столетий составляло выращивание риса. Принято считать, что сама японская семья и деревенская община с ее кооперативными началами сформировались в соответствии с требованиями, которые диктовались культурой возделывания риса. Именно поэтому для подавляющего большинства японцев базовой ассоциацией для понятия «деятель, человек делающий что-то, занятый какой-либо деятельностью» является именно *человек занятый возделыванием риса*.

В структурную группу языкового сознания *Время* вошли единицы центра ядра, выражающие представления человека о времени. У славянских народов эта группа включает незначительное число реакций: по 4 слова у русских и белорусов, 5 — у болгар и 6 — в ответах украинцев. Из этих слов совпадающими у всех оказались время, всегда. Слово *день* есть у русских, болгар и украинцев, а *ночь* — только у русских и украинцев. Самое низкое число совпадений отмечено в сравнениях реакций белорусов с остальными народами. В ядре белорусского языкового сознания не репрезентирован характерный ряд для других славян образ *дня*, но представлен отсутствующий у других образ *вечера*, а также *лета*. У болгар не повторяющимися в других списках оказались реакции *конец*, *начало*, а в ответах украинцев — *будущее*, *вечность*. У англичан среди ассоциатов времени выступили такие слова, как *недостаточно* (not enough), *дорогое (expensive), меньше (less), больше (more)*, а у французов — *задержка (delai), неопределенность (infini), идти, двигаться (avancer), часы (montre)*.

В качестве примера восточной ментальности можно привести представление японцев о времени. Для большинства японцев «время» - это процесс от отделения лепестка сакуры от цветка и до падения на землю.

В отношении стимула *Пространство* респонденты испытывали затруднения в ответе. У славян такие ассоциаты не были выведены в отдельную группу и вошли в группу *Семья* (дом, семья), *Группу единичных понятий (*город), *Качества* (большой, много), *Природа* (солнце, земля), *Ценности* (жизнь). У французов стимул *пространство* вызывал ассоциации свобода передвижения (pas de contraires), теснота (encore plus d'espace), дышать (respirer); у англичан — существовать (to be), обнаружить, открыть (discover), двигаться (run). Мы заметили, что осознание пространства предполагает личную координату как точку отсчета (измерения пространства).

Интересны наблюдения за восточной традицией осмысления пространства на примере японцев. В большинстве случаев сознание японца идет «от простого к сложному», «от маленького к большому». Слово «пространство» очень сложно для японского понимания и распадается в сознании японцев на три категории: вселенная; мир; пространство. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что японцам исторически свойственна боязнь больших открытых пространств. Маленький человек на открытом пространстве беззащитен перед силами природы и жестокостью людей. Именно поэтому классическое понятие «пространство» в понимании японцев – это

внутреннее помещение японского дома. Несмотря на то, что классическое японское жилище было построено из бамбука и тростника и имело бумажные стены и двери, именно такое замкнутое и изолированное от внешнего мира помещение, где ночью вся семья спала на полу тесно прижавшись друг к другу, было для японцев олицетворением пространства (микровселенной). Для японца дом - это живое *пространство*, которое со временем пропитывается его энергетикой, чувствами и даже мыслями. Пространство в более широком смысле этого слова для японца*, пространство-мир* — это *храм.*

Исследования разных культурных общностей через сравнение образов их языкового сознания является особенно актуальным в настоящее время, когда расширяющиеся межэтнические контакты обнажают различия в сопоставляемых фрагментах образа мира народа. Как известно, эти различия — особенно при поверхностном сходстве культур — могут приводить к серьезным коммуникативным сбоям, выступать в качестве помех и барьеров, разрастаясь в некоторых случаях до конфликтов.

Опираясь на идеи С.В. Лурье [5] и К. Касьяновой [3] о существовании в образе мира этнических констант (основополагающих ценностей), помогающих сохранить нравственный потенциал культурной общности и являющихся основой для его обогащения, можно предположить, что в языке каждого народа существует группа слов, раскрывающих его основные представления об устройстве окружающего мира — этнические инварианты. Такие ключевые слова овнешняют эти ключевые для определенной культуры ценности, а значит, могут выступать в качестве основы для ее исследования. Сопоставление ядерных слов помогает проанализировать общее и специфическое в видении мира представителей разных культурных общностей.

Нам представляется, что концепт дейксиса, представляющий собой устойчивую конфигурацию трех концептов (личного, темпорального, пространственного), относится к тем понятиям, которые в ассоциативо-вербальной сети формируют ядро языкового сознания, формируя наибольшее число связей [2, с.191-206.]. По мнению Т.Н. Ушаковой, «ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [9, с. 16.]. С точки зрения структуры, по мнению А.А. Залевской, лексические единицы, входящие в ядро, представляют собой вершины в системе иерархий, организующих весь лексический состав языка [1, с.112.]. Когнитивная интерпретация дейксиса на основе результатов ассоциативного эксперимента позволяет исследовать универсальное и выявить национально специфическое в способах создания образа мира в сознании индивида - представителя определенной лингвокультуры. Успешность подобного изучения функционирования языковых средств в контексте исследования языкового сознания различных этносов вдохновляет нас на продолжение исследований в этом направлении.

Литература

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. — М., 2005.

2. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000.
3. Касьянова К. О русском национальном характере. — М.: Академический Проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
4. Леонтьев А.Н. Психология образа. // Вести МГУ, сер. 14, Психология, № 2. — М,1979.
5. Лурье С.В. Историческая этнология — М., 1997.
6. Сабуркина Н.В., Сонин А.Г. Общее и различное в языковом сознании славянских народов (некоторые результаты анализа славянского ассоциативного словаря) // Язык. Сознание. Культура. — М..-Калуга: 2005.
7. Стернин И.А. Функциональный компонент значения слова в языковом сознании // Язык. Сознание. Культура. — Эйдос: 2005.
8. Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В. Знаковые опосредователи мышления // Исследование речевого мышления. — М.: Наука, 1985.
9. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000.
10. Русский ассоциативный словарь // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. — М., 1994-1998. Кн.1-6.
11. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский // Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. — М., 2004.

А.А. Курченко
г. Москва, Россия

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ ЛАКУН

Статья посвящена изучению неконгруэнтности национальных образов мира, которая является основным барьером в межкультурной коммуникации. Исследование способов преодоления такого рода барьеров в межкультурной коммуникации – одна из ключевых задач современной теории и практики межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: национальный образ мира, лакунарность, межкультурная коммуникация

Alexandra Kurchenko
Moscow, Russia

COGNITIVE APPROACH TO THE LACUNE THEORY ELABORATION

The article deals with the problem of incongruence of national world images investigation connected with the basic barrier in the course of intercultural communication. One of the key tasks in the intercultural communication theory and practice nowadays is to find the way to overcome such barriers.

Key words: national world image, lacunarity, intercultural communication

В процессе исследования особенностей языкового сознания представителей различных лингвокультурных общностей и выявления областей лакунарности в качестве объекта и средства научного исследования основной областью анализа является межкультурная коммуникация (далее – МКК). Процесс МКК является необходимым условием выявления участков неконгруэнтности

образов мира коммуникантов, зафиксированных в их языковом сознании и имеющих свою собственную лексикализированную форму. В рамках МКК теория лакун может применяться в качестве инструмента изучения а) степени и характера несовпадения образов сознания участников межкультурного общения; б) степени и характера непонимания фрагментов неавтохтонного вербального и невербального опыта; и в) стратегий совмещения образов «своего» и «чужого» сознания при выборе тактик достижения понимания в процессе МКК. Язык непосредственно влияет на формирование личности носителя культуры через зафиксированные в языке национальное мировосприятие, национальную логику, национальное самосознание и национальные нравственно-ценностные критерии. Несовпадения в когнитивных базах и национальных языковых картинах мира являются причиной непонимания в МКК. Исследование способов преодоления такого рода барьеров в МКК – одна из ключевых задач современной теории межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, а также теории и практики перевода.

При исследовании основных положений теории лакун, необходимо отдельно остановиться на вопросе научного определения данного понятия – «лакуна». Этот вопрос до сих пор остается актуальным. Причиной тому является отсутствие единого взгляда на природу данного феномена. В результате такого неопределенного положения, большая часть дефиниций «лакун» представлена в виде метафор или образных сравнений. Обобщая данные, полученные при исследовании феномена лакуны, можно прийти к выводу, что в современной лингвистике существует два подхода к осмыслению сущности лакун. Первый, «узкий подход», заключается в понимании лакун как результата отсутствия какой-либо единицы языкового уровня в одном из сопоставляемых языков. Второй подход рассматривает лакуны в более широком смысле, как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях. Другими словами, под языковой лакунарностью понимаются области языковой неконгруэнтности, причиной существования которых является отсутствие в одном из сопоставляемых языков или культур явления, свойственного другому языку или культуре. Культура и внешняя действительность играют ключевую роль в формировании менталитета народа, особенностей его мировосприятия, формируют его когнитивную базу, лексикализированной формой которой является национальный язык, участвуют в формировании национальной языковой картины мира. Язык, являясь частью культуры народа, является так же и вербализатором его национально-культурной специфики. Кроме того он наделен способностью влиять на развитие культуры и человека как носителя ментально-когнитивных представлений о национальной культуре, в рамках которой сформировалась его языковая личность. Первые попытки системного исследования феномена языковой лакунарности и разработки теории лакун были предприняты именно в области лингвокультурологии (в рамках дихотомии «язык - культура»). Лакуны рассматривались как следствие избыточности или неполноты лингвокультурологического опыта представителей той или иной национальной культуры.

Проанализировав теорию лакун, основные ее положения можно свести к следующему:

1. процесс интракультурного / интеркультурного общения - это процесс конфликтный в силу различий в объеме личностного и этнического опытов, вербальных и невербальных;

2. процесс межкультурного общения можно рассматривать как диалог – диалог сознаний;

3. в ходе диалога оспариваются чужие когнитивные и эмотивно-аксеологические позиции и установки, защищаются свои «точки зрения» и предпринимаются попытки совместить и согласовать чужое и свое, исходя из недооценки чужого и переоценки своего;

4. в диалоге чередуется принятие и понимание с неприятием и непониманием, недооценка с переоценкой;

5. лакуны - это базовые элементы национальной специфики лингвокультурной общности, существующие в текстах и затрудняющие их понимание представителями другой культуры;

6. лакуны амбивалентны: они, с одной стороны, атрактивны как все оцениваемое в качестве непонятного, странного или экзотического, ошибочного, а, с другой стороны, деструктивны, ибо являются причинами непонимания.

Разработка теории лакун стала одним из первых шагов на пути понимания и определения сущностных характеристик лакун. Теория лакун И.Ю. Марковиной – Ю.А. Сорокина в большей мере ориентированна на данные, получаемые в рамках культурологии, а не лингвистики, т.к. данная теория существует в рамках дихотомии «язык – культура», но современная антропоцентричная научная парадигма требует включения в эти отношения человека как носителя национально-специфических когнитивных баз и национальных языковых картин мира. Таким требованиям в большей мере соответствует современная когнитивная лингвистика, в центре исследований которой находиться человек мыслящий, человек, включенный в отношения с объектами и явлениями окружающей его действительности. Исследования такого рода отношений лежит в основе развития современной когнитивной лингвистики.

Когнитивная типология лакун может быть представлена двумя группами лакун:

1. внутриязыковые лакуны - лакуны, являющиеся результатом отсутствия в ПЯ полного соответствия той или иной лексической единице ИЯ, но при этом характеризующееся наличием семантически близких единиц в рамках определенной лексико-семантической группы;

2. межъязыковые лакуны - лакуны, являющиеся результатом полного отсутствия лексического соответствия единице ИЯ в ПЯ.

Важным условием успешного исследования вопроса языковой лакунарности является исследование дихотомии «язык – сознание» в ее неотрывной связи с объективной действительностью (национальной действительностью или пространственно-временным континуумом). На ранних этапах становления национального языка пространственно-временной континуум (или внешний мир) формирует менталитет народа, его национальный характер, который отражается и фиксируется в национальном языке. В дальнейшем же язык сам начинает «навязывать» определенные вербализованные черты и стереотипы национально-специфического мышления, обеспечивая тем самым преемственность. Национальная специфика мышления обуславливается как объективной действительностью, так и национальным языком. Исследуя данную взаимосвязь можно прийти к пониманию того, что лежит в основе феномена языковой лакунарности, и определить способы преодоления проблем, связанных с данным феноменом, в процессе МКК.

Принимая во внимание то, что язык является способом фиксации и отражения когнитивных моделей и структур, заложенных в языковом сознании представителей различных лингвокультурных общностей, можно предположить, что языковая лакунарность, являющаяся причиной многих затруднений в МКК, обладает когнитивным характером. Следовательно, лакуны могут быть определены как результат несовпадения или отсутствия у индивида точного эквивалента определенной когнитивной модели или структуры, а сам процесс элиминации лакун как наиболее адекватная передача чужой когнитивной модели, структуры или схемы средствами родного языка.

Безусловно, отмечая важность структурно-функционального аспекта языкового сознания в формирования национальных языковых картин мира, нельзя забывать и о внешнем факторе, влияющем на процесс концептуализации объектов, явлений и отношений между объектами и явлениями внешнего мира, а следовательно на сам процесс формирования национальной языковой картины мира. Таким фактором является среда обитания этноса, его материальная культура, а также объективно существующие связи между объектами и явлениями внешнего мира. На более поздних этапах существования народа именно национальный язык и языковое сознание являются проводниками основных вербализированных стереотипов национально-специфического мышления. Прежде чем начинать рассматривать компоненты и функции сознания, следует отметить, что сознание – это сложная многоуровневая сущность, состоящая *из сенсорно-рецептивного, логико-понятийного, эмоционально-оценочного* и *ценностно-нравственного* компонентов, каждый из которых отвечает за определенную область в формировании национальной языковой картины мира.

Обратимся к *сенсорно-рецептивному компоненту*, в котором происходит формирование мироощущения, «мирочувствования» народа. Безусловно, с чисто физиологической точки зрения все люди на земле, независимо от этнической принадлежности и языка, на котором они говорят, воспринимают окружающий мир одинаково. Тогда встает вопрос о существовании такого большого количества несовпадений в восприятии акустических и визуальных импульсов, поступающих из внешнего мира. Например, русская лягушка говорит *ква-ква*, а японская - *kero-kero;* в русском языке есть и *синий* и *голубой*, а в английском эти два концепта сведены в один – *blue*. Для того что бы ответить на этот вопрос нужно обратиться к тому факту, что процесс концептуализации сенсибилий происходит не в головном мозге, а в сознании, где воспринятые импульсы по-разному интерпретируются. Таким образом, представители разных культур могут по-разному расставлять акценты.

Если мы обратимся к вопросу цветообозначения в различных культурах, то заметим, что в данном процессе важную роль играют коннотативные отношения и прототипические связи, так как человеческое сознание стремится найти определенные точки соотнесения, референции в процессе лексикализации. Вот почему в русском языке существует *цвет морской волны, серебряный, болотный, землистый, молочный, слоновой кости, бирюзовый, песочный, малиновый, пепельный, лимонный, золотой* и т.д.; в английском - *turquoie, golden, coffee-coloured, ash-grey, orange, sky-blue*; в немецком - *aschgrau, türkis, silbern, kafeebraun, elfenbeinern*, *golden* и т.д.

Следовательно, можно предположить, что на нейрофизиологическом уровне головной мозг человека, независимо от его этнической принадлежности, воспринимает поступающие извне импульсы одинаково. Но в процессе концептуализации в сознании представителей той или иной культуры данные импульсы могут быть по-разному интерпретированы, что и будет зафиксировано в их лексикализированной форме.

Еще одним важным компонентом, отвечающим за формирование национальной логики, является *логико-понятийный компонент*. Процесс концептуализации не универсален, он обладает культурно-специфическими чертами. Каждой культуре свойственны определенные черты, свойства, доминирующие в менталитете народа. Такого рода черты принято называть культурно-этническими доминантами.

В немецком языковом сознании одной из таких доминант является лексико-семантическое поле *аккуратность,* представленное в национальном языке следующими концептами:*adrett* – durch ordentliche, sorgfältige, gepflegte Kleidung und entsprehende Haltung äußerlichansprechend (известный своей манерой держаться и аккуратной, тщательно ухоженной одеждой);*akkurat* – auf ordentliches Aussehen von etwas bedacht und daher besonders sorgfältig, genau (что-л. тщательно обдуманное и поэтому аккуратно и добросовестно выполненное);*pedantisch* – von kleinlicher, übertribener Genauigkeit (чрезмерно придирчивый и аккуратный);*penibel* – genau und sorgfältig (in einer bereits als übertrieben empfundenen Weise) (скрупулезный и исполнительный в чрезмерном виде); *sauber* – von sorgfältiger Sauberkeit und Reinlichkeit (чистый и опрятный); *sorgfältig* – mit großer Sorgfalt, von Sorgfalt zeugend (тщательно выполненный).

Теперь обратимся к концепту *порядок* немецкого языкового сознания:

die Disziplin – das bewusste Einhalten von bestimmten Vorschriften, Verhaltengsregeln; das Sichunterwerfen unter eine bestimmte Ordnung (сознательное соблюдение определенных предписаний и правил поведения; подчинение определенному порядку);*die Ordnung* – Einhaltung der Disziplin, bestimmter Regeln im Rahmen einer Gemeinshaft (соблюдение дисциплины и определенных порядков в обществе);*die Rangordnung* – Abstufung innerhalb einer festgelegten hierarchischen Orgnung im Hinblick auf den Grad, die Bedeutung einer Person (иерархическая классификация по принципу роли и значения человека);*die Regel* – Übereinkunft, Vorschrift für ein Verhalten, Verfahren (соглашение, предписание как себя вести и действовать);*die Regelung* – das Regeln; Art, wie etwas geregelt wird (правило; способ урегулирования чего-л.);*die Reihenfolge* – geordnete Aufeinanderfolge (упорядоченная последовательность);*die Zucht* – straffe Unterordnung unter eine Autorität oder Regel (строгое подчинение правилам или чьему-л. авторитету).

Если мы обратимся к английскому языковому сознанию, то отметим, что важную роль в нем играет концепт *home*, тесно связанный с концептами *privacy* и *freedom.* Доказательством тому служит большое количество производных понятий: *home-coming, homesickness, homey, homeliness, home-keeping, homeward* и т.д. Следует отметить, что концепт *дома, домашнего очага* в английском языковом сознании очень близок концепту *Родина* в русском языковом сознании (*англ. homeland*).

Еще одной важной доминантой английского менталитета, зафиксированной в национальном языке, является понятие воспитанности и культуры поведения в обществе. Доказательством тому служит большое количество понятий, используемых для определения воспитанного человека:
civilized – pleasant, charming and without roughness of manner or style (приятный, вежливый, с хорошими манерами).*cultivated* – showing good education, manners etc. (с хорошими манерами и образованный). *cultured* – having or showing good education, and especially an interest in art, music, literature etc. (с хорошими манерами и образованием, проявляющий особый интерес к искусству, музыке и литературе).*decent* – proper, socially acceptable; not causing shame or shock to others (правильный, социально приемлемый, не шокирующий других).*well-bred* – comming from a family of high social class, especially in having good manners (человек из семьи с высоким социальным статусом, выделяющийся хорошими манерами).

Данные примеры иллюстрируют национально-культурную специфику процесса концептуализации окружающей действительности. Несмотря на кажущуюся эквивалентность, концепты в языковых сознаниях носителей разных культур могут быть по-разному интерпретированы, в них могут быть по-разному расставлены акценты, что может создать большую сложность в процессе межкультурной коммуникации.

Любая национальная языковая картина мира не могла бы считаться полной без категории оценки. За процесс формирования субъективного отношения нации к внешнему миру отвечает эмоционально-оценочный компонент. Иногда данный компонент можно рассматривать в его связи с ценностно-нравственным компонентом, так как они отвечают за один и тот же пласт знаний в языковой картине мира, за область «мирооценки».

Еще одним важным компонентом языкового сознания, о котором уже ранее упоминалось, является *нравственно-ценностный компонент*. Данный компонент отвечает за формирование той области национальной языковой картины мира, в которой зафиксирован многовековой коллективный жизненный опыт народа. Главное отличие данного компонента от эмоционально-оценочного заключается в том, что данные оценки более сложные как по форме, так и по содержанию. Исследуя данный компонент необходимо обращаться ко всему жизненному опыту и народной мудрости, зафиксированной в национальном языке того или иного народа.

Фразеология и идиоматика различных языков как наиболее специфически окрашенная область языкового сознания – это ключ к пониманию нравственно-ценностных ориентиров представителей других культур, к пониманию установившихся в данном обществе представлений о морально-нравственных и ценностных приоритетах.

Подводя итог, можно отметить, что исследование когнитивных компонентов и функций языкового сознания является одним из главных ключей к пониманию сущности такого важного для межкультурной коммуникации понятия как языковая лакуна. Процесс межкультурной коммуникации, который можно представить в виде диалога двух и более национальных языковых картин, является одним из главных инструментов выявления лакун в языке. Требования

современного мира заставляют ученых все чаще обращаться к исследованию национально-культурных особенностей, зафиксированных в национальных языках.

Литература

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: учеб. пос. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2011.

2. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. 3.Мальцева Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. – М.: Русский язык, 2008.

4. Марковина И.Ю. Влияние национальной специфики языка и культуры на процесс межкультурного общения // Речевое общение: проблемы и перспективы. М., 1983.

5. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. – 24-е изд. – М.: Русский язык, 1995.

6. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.

7. Сиротина Т. А. Большой современный немецко-русский словарь. – М.: изд. БАО-Пресс, 2005.

8. Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Семантика и прагматика текста. Барнаул, 1998.

9. Longman dictionary of English language and culture. – Addison Wesley Longman, 2003.

10. Longman idioms dictionary. – Longman, 2002.

11. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. – 4. Aufl. – Dudenverlag, 2010. – Band 10.

12. Duden. Das Synonymwörterbuch. – 4. Aufl. – Dudenverlag, 2010. – Band 8.

13. Shemann H. Deutsche Idiomatik: die deutsche Redewendungen im Kontext. – 1. Aufl. – Stuttgart: E. Klett Verlag für Wissen und Bildung, 1993.

Евгения Кутасина
г. Рига, Латвия

ЗНАЧЕНИЕ МНОГОЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В контексте общей дидактики и исследования целей, длительности и результатов овладения иностранным языком в последние 20 – 25 лет наблюдается сдвиг парадигмы. В прошлом, в центре внимания находились исследование и отбор изучаемого материала, а также проверка и оценивание результатов. Сегодня мы можем говорить об усилении интереса к использованию опыта и навыков студентов, приобретенных ими в процессе изучения родного, одного, двух и более иностранных языков, как, например, это происходит в латвийском социуме, где коммуникативная компетенция индивида имеет комплексный характер.

Ключевые слова: многоязычие, языковая компетенция, мультилингвальный подход, оптимизация

Jevgenija Kutasina
Riga, Latvia

THE SIGNIFICANCE OF MULTYLINGUAL ENVIRONMENT FOR TEACHING GERMAN AS A FOREIGN LANGUAGE

In the context of general didactics and investigation of aims and purposes, as well as continuity and results of foreign language learning during the recent 20-25 years the foreign language teaching paradigm has changed. As in the past the focus was the study and selection of the material, as well as testing and evaluation of results, nowadays we are faced with the growing interest to the use of the experience and skills of the students which they have acquired in the course of studying their native language, two or more other languages, just as it is in the Latvian society where the individual's communicative competence can be characterized as a complex phenomenon.

Key-words: multilingualism, linguistic competence, multilingual approach, optimization

В контексте общей дидактики и исследования целей, длительности и результатов овладения иностранным языком в последние 20 – 25 лет наблюдается сдвиг парадигмы. В прошлом, в центре внимания находились исследование и отбор изучаемого материала, а также вопросы проверки результатов. Сегодня мы можем говорить о более сильной концентрации преподавателей иностранных языков и лингвистов на аудитории и отдельных учащихся, как субъектах процесса изучения языка. Это приводит к тому, что на практике используется опыт и навыки, приобретенные студентами в процессе изучения родного язык и одного, двух и т.д. иностранных языков.

Понятие «многоязычия» относится, с одной стороны, к способности и умению отдельного человека использовать более одного языка. С другой стороны, термин обозначает существование нескольких языков в определённой социальной общности, на территории одного государства, региона и /или в государственных учреждениях. В социолингвистике соответственно различают понятия *мультилингвизм (multilingualism/ Mehrsprachigkeit*), в которое включают культурный контекст и *полиязычие / полилингвизм (plurilingualism/ Vielsprachigkeit)*. В «*Общеевропейских компетенциях владения иностранным языком» также предлагается не употреблять эти два термина как синонимы:* „Plurilingualism differs from multilingualism, which is the knowledge of a number of languages, or the co-existence of different languages in a given society. Multilingualism may be attained by simply diversifying the languages on offer in a particular school or educational system, or by encouraging pupils to learn more than one foreign language, or reducing the dominant position of English in international communication. Beyond this, the plurilingual approach emphasizes the fact that as an individual person's experience of language in its cultural contexts expands…" (CEFR, 4).

При попытке перевести plurilingualism/ Vielsprachigkeit и multilingualism/ *Mehrsprachigkeit* на другие языки сразу же возникает проблема, так как *viel* это *много*, а *mehr* – сравнительная степень наречия *viel*, т.е. *более, больше*. Обращение к латинским терминам также не может помочь четко разграничить термины: *multus = viel= много, plurus = более, больше,* то же и с русским термином *полиязычие,* ведь *поли,* произошло от греческого *polys = много*. Все это осложняет их понимание и употребление, а включение в понятие мультилингвизма культурного аспекта по сути ничего не

меняет. Преподавание языка это не только обучение словам, их формам и связям в предложении, но и культуре, отражением и носителем которой этот язык является. Более понятными оба термина становятся из следующей цитаты, в которой мультилингвизм определятся как употребление нескольких языков одним или более лицами в какой-то социальной группе, а полилингвизм относится к обществу с несколькими (официальными) языками, члены которого владеют только одним из языков: „Im Folgenden soll unter Mehrsprachigkeit die Verwendung mehrerer Sprachen durch eine Person oder innerhalb einer Gruppe bezeichnet werden. Eine mehrsprachige soziale Gruppierung besteht überwiegend aus Personen, die sich mehr oder weniger vollkommen in mehreren gemeinsamen Sprachen ausdrücken können. Dies ist nicht gleichbedeutend mit einer vielsprachigen Gesellschaft, die mehrheitlich aus Mitgliedern bestehen kann, die jeweils nur eine der in der Gemeinschaft gesprochenen Sprachen beherrschen.“ (Das Europäische Forum für Mehrsprachigkeit).

В этом случае термин *полилингвальный* относится к обществу и его можно перевести как *многоязыковой, а именно многоязыковое общество,* а по сути, *общество, говорящее на разных языках*. И хотя для методики преподавания языков он имеет лишь опосредованное значение, нельзя забывать о его социальной и политической значимости. „Man könnte in dieser Diskussion den Standpunkt eines übertriebenen Strebens nach Sprachreinheit sehen. Ganz und gar nicht. Die Frage ist keine politisch neutrale. Die Erhaltung der Verwechslung zwischen einer aus mehrheitlich mehrsprachigen Personen bestehenden Gesellschaft und einer bestehend aus einsprachigen Gemeinschaften, welche untereinander nur durch eine abgeschwächte und minimalistische Fassung einer gemeinsamen Sprache kommunizieren, stellt politische Vorteile dar, die es naiv wäre nicht zu sehen. “ (Das Europäische Forum für Mehrsprachigkeit).

Итак, многоязычие исследуется с точки зрения социальной политики, социолингвистики, культуры и дидактики. Проблема в том, что, намеренно или ненамеренно, эти аспекты и их соответствующие категории смешиваются. И от этого страдает, в частности, дидактика, так как педагогические и методические аргументы зачастую замещаются социально-политическими, а иногда исключительно политическими соображениями.

Латвийскому обществу в целом и системе образования в частности доступны значительные языковые ресурсы. На разных родных языках латышском, латгальском, русском, белорусском, украинском, польском, говорят дома. Латышский используют для коммуникации на государственном уровне; латышский, русский, латгальский для регионального общения, а также общения в быту; английский, русский, немецкий для взаимодействия на международной арене. Наличие студентов с разными родными языками и одним иностранным позволяет преподавателям использовать эти знания, обучая их третьему, четвертому и т.д. языкам, что в свою очередь может мотивировать студентов изучать другие языки и другие культуры. Человек не хранит знания языков и культур в неких изолированных друг от друга отсеках, а формирует из всей совокупности лингвистических знаний и опыта коммуникативную компетенцию, в которой языки находятся во взаимосвязи и взаимодействии.

В последние годы Совет Европы озаботился мультилингвальным подходом к изучению языков. Он представляет собой развитие навыков и умений употребления нескольких языков в зависимости от ситуации, социального состава группы и т.д. и призван вырабатывать мультикультурную компетенцию для межкультурного взаимодействия. Эта компетенция не может рассматриваться как сложение или комбинация нескольких разных компетенций, сформированных при изучении родного языка и иностранного, а существует как единый комплекс компетенций пользователя. (CEFR, 4-5)

В соответствии с ситуацией индивид может гибко использовать различные компоненты этой компетенции, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие с определенным собеседником. Например, партнеры могут переключаться с одного языка или диалекта на другой, используя каждый умение говорить на одном языке и понимать на другом. Человек может применить знания нескольких языков, чтобы понять смысл текста или высказывания на «неизвестном» ему ранее языке, распознавая отдельные слова из общей интернациональной лексики или языков, которыми он владеет т.д. Даже поверхностное знание какого-либо языка может быть использовано, чтобы помочь договориться тем, у кого нет этих знаний, став посредником между лицами, не имеющими общего языка общения.

Внедрение концепции многоязычия создает потребность в новых способах обучения. Целью больше не является идеальное владение одним, двумя или даже тремя иностранными языками, взяв за основу носителя языка, безупречно владеющего родным языком. Вместо этого создается языковой репертуар, в котором найдется место для всех лингвистических знаний, навыков и умений реципиента. Это означает, что языки, предлагаемые в образовательных учреждениях, должны быть диверсифицированы, и что студентам любых специальностей должна быть предоставлена возможность развивать мультиязыковую компетенцию. Кроме того, если признать, что изучение языков является задачей, стоящей перед человеком на протяжении всей жизни, то стимуляция мотивации к получению нового языкового и коммуникативного опыта, приобретает особое значение. Новым восприятием роли языка в обществе 21 века, века глобализации является и понимание того, что сегодня новые знания могут быть приобретены иногда на одном языке, и необязательно родном, иногда на другом, иногда, попеременно чередуя несколько языков. Таким образом, существует два подхода к обучению коммуникации на первом, втором и т.д. неродном/ иностранном языке.

При первом подходе основным и самым главным является национальное государство и родной, а иногда только государственный язык. Билингвизм / мультилингвизм это проблема общества, а культурное многообразие игнорируется. Говорящие на других языках являются "чужими". Билингвальное образование сводится к преподаванию родного языка и литературы, основной целью языкового школьного образования провозглашается обучение национальному, т.е. государственному языку и одному иностранному, т.и. английскому. Цель обучения иностранному языку состоит в том, чтобы реципиент овладел им близко к языковой компетенции родного языка. Преподавание фокусируется в основном на обучении языку. В это обучение не включается бытовая

культура. Уделяется внимание в основном культурным достижениям (высокой культуре). Изучение иностранного языка означает элитарность, не для всех и дается не всем.

При втором подходе акцент делается на принадлежность к Европе, на языковое и культурное многообразие, на мультилингвизм. Причем мультилингвизм оценивается положительно, считается богатством, а не проблемой общества. Умение общаться на нескольких языках является нормой и не воспринимается как что-то неестественное. В образовательных учреждениях изучается несколько языков с акцентом на развитии коммуникативных навыков на этих языках. Даже невысокий уровень языковой компетенции приветствуется. Языковая подготовка имеет большое значение для мультикультурного образования и межкультурного общения. Обучение фокусируется на связях и различиях между языками и развивает общее понимание функционирования языков. Изучить иностранный язык в той или иной степени может любой.

Основной идеей дидактики многоязычия является поощрение студентов использовать языковые навыки, чтобы изучать другие языки, а ее центральным компонентом - обучение языкам в их взаимодействии.

Таким образом, планируемый с точки зрения многоязычия урок призван научить студентов видеть и понимать взаимосвязи и взаимовлияние языков. Это может быть сделано путем обучения студентов сознательно воспринимать, сравнивать, анализировать и проверять различные языковые явления. Конкретно это означает, что выбирая и объясняя учебный материал можно следовать межъязыковой стратегии преподавания.

Сегодня существует целое направление в дидактике - Intercomprehension = взаимопонимание, которое обозначает умение понимать незнакомый язык на основе знаний кого-либо другого родственного родного и/ или иностранного языка/ языков. Кристиан Олливер и Маргарета в книге «Interkomprehension in Theorie und Praxis» Штрассер приводят более 100 определений этого термина. (Olliver *& Strasser 2013, Anhang). Вот только два из них:*

"When the project first began, the following working definition of intercomprehension was formulated: a broad approach to language teaching and language learning which embraces a positive view of linguistic and cultural diversity and which aims to motivate pupils to recognize and activate their explicit and implicit linguistic and cultural knowledge and skills in order to develop their general language competence.

The definition includes both the teacher and his/her role as a motivator in the language classroom and the learner and his/her efforts to exploit his/her overall linguistic and cultural competence.

As the project progressed, and based on the findings in the classroom, awareness - raising was singled out as the most essential facet of intercomprehension" (Aarsund et al. 2002, 5.0)

"Interkomprehension ist die Fähigkeit, innerhalb einer Gruppe miteinander verwandter Sprachen kommunizieren zu können. [...] In erster Linie geht es um die mündliche Kommunikation. Es ist allgemein bekannt, dass die Vertreter zweier miteinander verwandter Sprachen sich verstehen können, ohne die Sprache des Partners zu beherrschen. [...] Ein zweiter Aspekt der Interkomprehension ist die Fähigkeit, Sprachen derselben Sprachfamilie lesen zu können. [...] Besonders wichtig ist die dritte Eigenschaft der Interkomprehension, das schnelle Erlernen einer verwandten Sprache zu erleichtern. "

(Chilmonczyk 2002, S. 367)

Европейские ученые пошли еще дальше и создали неологизм EuroCom = Eurocomprehension (Klein & Stegmann 2000; Kischel 2002). Это направление дидактики разрабатывает методы, позволяющие быстрее и эффективнее освоить иностранный язык, и основано на более или менее близком сходстве европейских языков. Однако надо отметить, что для преподавателя, опирающегося на эту методику, интерес представляют и расхождения в значении лексических единиц, их коннотации и дистрибуции, а также в синтаксическом оформлении высказывания. Некоторые исследователи видят идеальную модель такого обучения в диалоге между людьми, говорящими каждый на своем (родном) языке, однако понимающими друг друга. Безусловно, такая методика развивает пассивные навыки и прежде всего навыки чтения. Но то, что при таком подходе эти навыки можно сформировать достаточно быстро, объясняет особый интерес Европейского Союза к методу «Intercomprehension». Так в рекомендациях по разработке языковых программ написано: "…making it possible for learners to acquire partial competencies in languages related to those they know or have studied already (e.g. intercomprehension)" (Beacco et al. 2010). Этот метод интересен, плодотворен, в современном обществе оправдан и интенсивно разрабатывается для романских, германских и славянских языков (Behr 2005, Cilmonczyk 2002, Duke 2004, Klein et al. 2000, Oleschko 2011). Однако его применение требует от преподавателя хороших знаний нескольких языков. Проблема не в самом методе, а в термине, которым его называют. Трудность возникает, во-первых, при передаче его на другие языки, например, на русский. Оставить «компрехенсия»? Перевести «взаимопонимание»? Но уже в немецком языке, в дидактике которого термин часто используется, слово „Komprehension" в отличие от французского и английского „compréhension" не имеет значения „понимание", а означает обобщение, объединение чего-либо в одно целое „Zusammenfassung, Vereinigung von Mannigfaltigem zu einer Einheit" (Duden 2011). Во-вторых, этот термин передает цель метода, а не его суть, но целью любого обучения языкам является понимание и взаимопонимание. В данном случае, видимо, имеет смысл говорить о мультилингвальном подходе к обучению языкам. Такой термин, хотя и состоит из двух слов, но передает содержание и смысл метода и хорошо ложится на другие языки: *multilingual approach/ multilingualer Ansatz/ multilingvālā pieeja*.

По сути, мультилингвальный метод представляет собой перенос уже полученных знаний на изучаемый материал и его целью является оптимизация. (Heuser 2001: IV, 335). Такие переносы возможны, прежде всего, в лексике. Легко узнаются реципиентами латинские и греческие слова, встречающиеся во многих европейских языках (интернационализмы): Station, Intonation, Union, Charakter, Chor и т.д. Не вызывает трудностей распознавание в немецком языке слов, заимствованных из современного английского языка (Baby, Job, Management) и слов, общих для германских языков (Wasser, Apfel, helfen), а также немецких заимствований в латышском языке (Amt – amats, Säge – zāģis, bauen – būvēt, Dienst – dienests, Kasten – kaste, Pfanne – panna, rechnen - rēķināt, Schinken – šķiņķis, Schere – šķēres, Wert – vērts) или в русском (Rucksack – рюкзак, Absatz – абзац, Bruderschaft –

брудершафт, Klößchen – клецки и т.д.) Например, студенты не только понимают, но и без труда переводят следующее предложение:

Anna trinkt Tee, Kaffee mit Milch, Wasser oder Saft und isst Brot mit Butter und Schinken.

Trinkt – англ. *drink* ; Tee - латыш. *tēja*; Kaffee - латыш. *kafija*; Milch - англ. *milk*; Wasser - англ. *water*; oder - англ. *or*; Saft - латыш. *zapte*, хотя и означает в разговорном латышском *варенье*, но в сочетании с глаголом *пить* идентифицируется однозначно как *сок*; und - латыш. *un*; isst - англ. eat, латыш. *ēst*; Brot – англ. *bread*; Butter – англ. *butter* и Schinken - латыш. *šķiņķis***.**

Пониманию сложных и производных слов также помогает знание других языков, например, суффиксов: **-abel –** transportabel, **-los –** herzlos (англ. heartless), **-lich –** täglich (англ. daily); приставок: **miss**- Missetat (англ. misdeed), Missmanagement; **ein**- einbauen (латыш. iebūvēt); сложных слов: Kurort, alkoholfrei, nikotinfrei и т.п.

Идентификация функциональных слов - местоимений, предлогов, союзов, отрицаний представляет определенную трудность, так как их можно понять только вместе с другими элементами предложений, а это значит, что студент должен видеть структуру текста. Например, приведенные ниже предложения студент поймет, если сможет соотнести местоимение ***Sie*** с подлежащим предыдущего предложения **Anna,** а отрицание ***nicht*** с **nur zwei** (Monate) т.е. очень мало, чтобы хорошо говорить и писать на английском языке.

Anna lernt **nur zwei** Monate Englisch. ***Sie*** kann noch ***nicht gut*** sprechen und schreiben.

Анализируя предложения, студент исходит из того, что основные синтаксические структуры в немецком, английском и латышском языках сходны, т.е. имеют подлежащее, сказуемое, дополнение, что в последующем предложении действующее лицо замещается личным местоимением и т.д.

Hans **ist** mein **Freund./** He is my friend./ Viņš ir mans draugs.

Er **ist freundlich./** He is friendly./ Viņš ir draudzīgs.

Er **lernt/** he learns./ Viņš mācās.

Er lernt **Grammatik./** He learns grammar. / Viņš mācās gramatiku.

Englische Grammatik lernt Hans **in der Schule. /** English grammar Hans learns at school/ Angļu valodas gramatiku Hans mācās skolā.

Hans **wacht** um 7.00 Uhr **auf. /** He wakes up at 7:00 clock.

Er **hat** viel **zu** tun./ He has a lot to do.

Морфология в немецком языке сложнее, чем в английском, потому что немецкие существительные и прилагательные имеют род и склоняются, а глаголы спрягаются по лицам и числам. Однако студенты, зная о существовании системы склонений и спряжений в латышском и/ или русском языках, справляются с этим достаточно быстро. Единственное отличие, на которое следует сразу обратить их внимание, это то, что в немецком языке склоняется в основном артикль: Hans liest de**n** Text./ Hans geht mit de**m** Kind in de**n** Park. Причем и неопределенный артикль, и притяжательные местоимения изменяются так же, как определенный артикль: Hans geht mit seine**m** Kind in eine**n** Park.

Трудности с узнаванием и заучиванием основных форм неправильных глаголов также преодолеваются относительно быстро. Такая группа глаголов есть и в английском, а формы некоторых даже похожи: brechen – brach – gebr**o**chen/ break – broke – br**o**ken;
bringen – bra**cht**e – gebra**cht** / bring – brou**ght** – brou**ght.**
Если говорить о формах времени, то интерес представляет немецкий перфект. Для его образования применяются два вспомогательных глагола "haben" и "sein" + причастие прошедшего времени: Ich **habe gesproch**en. / Ich **bin gekomm**en. И если формы перфекта с "haben" можно соотнести с английскими формами Present Perfect Simple (I have spoken.), то формы перфекта с "sein" хорошо соотносятся с формами сложного настоящего времени латышского языка (saliktā tagadne). Они образуются только при помощи глагола "būt "(быть), так как в языке нет глагола "иметь" (Es esmu atnācis.)
Параллели есть и в фонетике. Правописание и произношение немецкого языка, т.е. соотношение букв и звуков, ударение, интонацию студенты усваивают без особых трудностей. Основой и в немецком, и в латышском языке служит латинский алфавит, причем большинство букв произносится так же, как и в латышском языке. В приведенном ниже алфавите буквы, которые произносятся по-другому, нежели в латышском или английском, а так же не существуют в этих языках, выделены жирным шрифтом, и над ними надо работать отдельно. Например, над буквой **Z**, которая всегда в немецком языке произносится [ts], как в слове "pizza".

ABCDEFGHIJKLMNOP**Q**R**S**TU**VW**X Y**ZÄÖÜ (ß)**

Ударение в немецком языке ставится обычно на первый слог. Но есть и интересные исключения. Например, "Stud**e**nt". В этом слове ударение, как и в русском языке, падает на второй последний слог. В слове "Fotogr**a**f " ударение в латышском языке на первом слоге, в русском и в английском на втором, а в немецком на последнем третьем.
Интонация в немецком вопросительном предложении без вопросительного слова такая же, как и в английском языке.
Последнее, на что следует обратить внимание студентов это соответствие звуков в английском и немецком языках, так как это может помочь им в узнавании знакомых слов.

Deutsch	Englisch
T (*t*täglich)	**D (d**aily**)**
CH (ma**ch**en**)**	**K (m**ake**)**
F/FF/PF (Schi**ff**/ A**pf**el/ he**lf**en**)**	**P/PP** (shi**p**/a**pp**le/hel**p)**
S/SS/ (Wa**ss**er)	**T** (Wa**t**er)

Как видно из приведенных выше примеров, мультилингвальный метод развивает знание языков во взаимосвязи и дает возможность не только использовать уже имеющиеся знания для изучения нового языка, но развивать и реорганизовывать знания родного, первого, второго и т.д. языков. Так многие студенты, начинающие изучать немецкий язык, с удивлением узнают, что слово **Kurort** = *курорт/ kūrorts* означает место лечения, а не место отдыха. Просто они не соотносят его с английским *cure*.

Студенты, для которых латышский родной язык, удивляются, что оказывается буква „h“ после гласных букв еще в начале 20 века служила в латышском языке, так же как и в немецком, для обозначения долгих гласных.

Безусловно, мультилингвальный метод требует от преподавателя не только хорошего знания нескольких языков, но и тщательной подборки или разработки упражнений на соответствия/ несоответствия в этих языках определенных языковых явлений и не заменяет существующей методики преподавания отдельных языков, а служит лишь дополнением, так как не учитывает все аспекты изучения языка.

1. Aarsund, K., Holm-Johansen, U., Larsen, S. et al. (2002): ILTE. Intercompréhension in language teacher education. (Available on: www.kleven.org/ilte/report/report_part5.html).
2. Balboni, Paolo E. (2005): L'intercomprensione tra le lingue romanze: unproblema di politica lingusitica. In A. Benucci (Hrsg.), Le lingue romanze: una guida per l'intercomprensione(S. 3-14). Torino: UTET libreria.
3. Bär, Marcus (2004): Europäische Mehrsprachigkeit durch rezeptive Kompetenzen: Konsequenzen für die Bildungspolitik. Aachen: Shaker.
4. Bär, Marcus (2009): Förderung von Mehrsprachigkeit und Lernkompetenz. Fallstudien zu Interkomprehensionsunterricht mit Schülern der Klassen 8 bis 10. Tübingen: Narr.
5. Beacco, J-C., Coste, D., van de Ven, P-H., Vollmer, H. (2010): "Language and school subjects - Linguistic dimensions of knowledge building in school curricula", Council of Europe, Strasbourg.
6. Behr, Ursula (2005): Sprachenübergreifendes Lernen im Russischunterricht – wie geht das? Praxis Fremdsprachenunterricht, 5/05, 43-48.
7. Cilmonczyk, Romuald (2002): Zur Interkomprehension der deutschen und der nordischen Sprachen aus der Sicht polnischer Lerner. In G. Kischel (Hrsg.), EuroCom. Mehrsprachiges Europa durch Interkomprehension in Sprachfamilien. Tagungsband des internationalen Fachkongresses im europäischen Jahr der Sprachen 2001, Hagen, 9.-10. November 2001, Editiones EuroCom (S. 367-384). Aachen: Shaker.
8. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge University. (Available on: http://assets.cambridge.org/052180/3136/sample/0521803136ws.pdf)
9. Degache, Christian (2003): Romance cross-comprehension and language teaching: a new trend towards linguistic integration in Europe. The Galanet project solution. In: Communications presented at The International Conference. Teaching and Learning in higher education: new trends and innovations. Universidade de Aveiro (Portugal), 13-17 April 2003. (Available on: www.galanet.eu/publication/fichiers/dc2003a.pdf).

10. Doyé, Peter & Meißner, Franz-Joseph (Hrsg.) (2010): Lernerautonomie durch Interkomprehension: Projekte und Perspektiven. Tübingen: Narr.
11. Duden (2011). Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Duden-Verlag
12. Duke, Janet et al. (2004): Die sieben Siebe des EuroCom für den multilingualen Einstieg in die Welt der germanischen Sprachen. In: Klein, Horst G. / Rutke, Dorothea (Hg.): Neue Forschungen zur Europäischen Interkomprehension. Aachen: Shaker Verlag. S. 109-134
13. Das Europäische Forum für Mehrsprachigkeit. (Available on: www.observatoireplurilinguisme.eu).
14. Heuser, Herbert (2001): Transfer. In: Lexikon der Psychologie in fünf Bänden. Heidelberg/B Berlin: Spektrum.
15. Hufeisen, Britta (2003): L1, L2, L3, L4, Lx - alle gleich? Linguistische, lernerinterne und lernerexterne Faktoren in Modellen zum multiplen Spracherwerb. In: Baumgarten, Nicole. Böttger, Claudia. Moltz, Markus & Probst, Julia (Hgg.): Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung - das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag. Bochum: AKS, 96-108.
16. Klein, Horst G., Stegmann, Tilbert D. (2000): EuroCom – Die sieben Siebe: Romanische Sprachen sofort lesen können. Aachen: Shaker Verlag.
17. Kischel, Gerhard (2002): EuroCom - Mehrsprachiges Europa durch Interkomprehension in Sprachfamilien. Tagungsband des internationalen Fachkongresses zum Europäischen Jahr der Sprachen 2001. Hagen, 9.-10. November 2001. Aachen: Shaker.
18. Müller-Lancé, Johannes (2003): Der Wortschatz romanischer Sprachen im Tertiärsprachenerwerb. Lernerstrategien am Beispiel des Spanischen, Italienischen und Katalanischen. Tübingen: Stauffenberg.
19. Oleschko, S. (2011). Interkomprehension am Beispiel der germanischen Sprachen. (Available on: www. /uni-due.de/imperia/md/content/prodaz/ intercomprehtnsion20110412.pdf)

В.В. Лопатинская
г. Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ЯЗЫКУ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

В статье проанализирована специфика межкультурной коммуникации на английском языке как языке международного общения. Обоснована необходимость формирования межкультурной компетенции специалистов как необходимого условия успешности межкультурного делового

общения. Рассмотрены некоторые подходы к обучению английскому языку для подготовки будущих специалистов к общению с представителями различных культур.

Ключевые слова: межкультурное деловое общение, межкультурная компетенция, эмпатия, обучение иностранным языкам

Viktoriia Lopatinskaia
Moscow, Russia

SOME PECULIARITIES OF A SPECIALIST'S INTERCULTURAL COMPETENCE FORMATION IN THE COURSE OF TEACHING ENGLISH AS THE LANGUAGE OF INTERNATIONAL COMMUNICATION

The article deals with the analysis of intercultural communication peculiarities when English is used as an international language. The necessity of forming intercultural competence of specialists as a prerequisite for the successful intercultural business communication is presented as well as some approaches to teaching English to train future professionals for communication with representatives of different cultures.

Keywords: intercultural business communication, intercultural competence, empathy, teaching foreign languages

Формирование и развитие умения вести профессиональное общение на иностранном языке является неотъемлемой частью вузовской подготовки современного специалиста. Это требование времени, характеризующегося изменением роли и качества международной коммуникации, глобализацией экономики и развитием коммуникационных технологий.

Межкультурное деловое общение является особым видом профессиональной деятельности и выступает средством выполнения специалистом профессиональных функций на уровне диалога культур. Такое общение требует от специалиста как собственно профессиональных знаний, так и знания языков стран-партнеров, специальной профессиональной лексики на иностранном языке, а также знания по теории коммуникации, знание национально-культурных особенностей стран-партнеров.

Специфика английского языка состоит в том, что он является не только официальным языком ряда стран, но и языком международного общения. Эта особенность ведёт к изменениям в самом языке, выражающимся в упрощении и адаптации к родному языку говорящих на нём иностранцев. В результате таких трансформаций нормативным с точки зрения носителей языком пользуется лишь небольшая часть общего количества говорящих. Как отмечает М. Бернс: "Беспрецедентное распространение английского языка в мире приводит к тому, что возникают все новые его разновидности, формирующиеся под воздействием других языков и культур и отражающие элементы неанглосаксонского менталитета, моральных ценностей, культурно-исторических реалий, традиций, норм поведения. Примечательно, что если прежде, изучая английский язык как иностранный, студент ставил перед собой цель устно и письменно общаться без переводчика с носителем английского языка, то теперь более вероятны такие коммуникативные ситуации, когда для обоих собеседников английский язык, являясь языком-посредником, будет в равной степени неродным" [1, С.8].

Успешность межкультурного делового общения существенно зависит от национальных особенностей общающихся. И сбои в коммуникации могут происходить не столько из-за языковых ошибок, сколько из-за того, что представители разных культур будут говорить, писать, общаться на иностранном языке, опираясь на собственные культурные нормы. Национальная специфика проявляется, в частности, в речевой деятельности, в том числе в языковой и структурной специфике коммуникативных актов; формах использования невербальных средств общения; различных способах организации взаимодействия между партнерами; манерах восприятия и реакции на сообщения собеседника; вариантах реакции представителей разных наций на вербальное и невербальное поведение носителей иной культуры [11, С.101]. М. Хайд, например, обнаружил, что хорошо владеющие иностранным языком шведы «молчат» в ходе беседы иначе, чем британцы [16, С.171]. Если для обоих собеседников английский язык является иностранным, ситуация усложняется – при общении они могут ожидать друг от друга реакций, характерных для их родной культуры или для культуры Великобритании и США, так как изучая иностранный язык, они были ориентированы на культуру именно этих стран. В результате коммуникация нарушается, так как человек, даже хорошо владеющий английским языком, думает и чувствует себя не так как представитель страны изучаемого языка.

Процесс подготовки студентов к межкультурному деловому общению является двуплановым: с одной стороны, в ходе изучения языка как аспекта культуры, а с другой – при использовании языка как средства деятельности, максимально приближенной к будущей профессиональной деятельности. Учитывая особенности английского языка в эпоху глобализации, при обучении будущих специалистов межкультурному деловому общению именно на английском языке, вероятно, следует разграничить язык как хранитель культуры и язык как средство коммуникации (в частности, в профессиональной сфере) [10, С.64]. Традиционно при обучении английскому (как и любому другому иностранному) языку особое внимание уделяется знакомству с культурой стран изучаемого языка (Великобритании и США). Однако изучающим его в дальнейшем придется общаться не только (а, может быть, и не столько) с представителями англоязычных стран и носителями англосаксонской культуры, но и представителями других народов, для которых эта культура не является родной. Таким образом, необходимо рассматривать подготовку к межкультурной коммуникации именно на английском языке как языке международного общения более широко, знакомить будущих специалистов с культурными особенностями разных народов мира. Процесс такой подготовки должен быть направлен на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов, воспитание уважения к представителям других культур, а результатом обучения должна стать межкультурная компетенция.

Межкультурная компетенция специалиста входит в область предметно-профессиональной компетенции, предполагает владение основами иноязычного общения, элементами знакомства с проявлениями иноязычной культуры, умение использовать эти знания в профессии, учитывать этно- и социокультурный тип личности своего партнера. Межкультурные знания и действия являются базой для формирования профессиональной компетентности. Понятие «межкультурная

компетенция», его структура рассматривались как в зарубежной так и в отечественной исследовательской литературе.По мнению Дж. Летонена, для успешной коммуникации в неродной культуре нужна не только терпимость к проявлению культурных особенностей и информированность о некоторых культурных фактах, необходимо знать язык, историю страны, искусство, экономику, общество, т.е. обладать всесторонними знаниями о культуре этой страны [6]. Немецкий исследователь К. Кнапп рассматривает межкультурную компетенцию как «способность достигать взаимопонимания с представителем других культур и коммуникативных сообществ так же успешно, как и с представителем своей собственной культуры …» [5]. Исследователь А. Фантини выделяет три аспекта межкультурной компетенции: способность устанавливать и сохранять позитивные отношения с представителем другой культуры, способность эффективно общаться с минимальной потерей и искажением информации, достижение необходимой степени согласованности и сотрудничества [4].

М. Байрам подчеркивает специфичность процесса вторичной социализации, необходимой для развития уже приобретенной культурной компетенции и перехода её в «межкультурную компетенцию, дополнительно заключающую в себе способность анализа и принятия других культур» [2, С.15]. Рассматривая составляющие межкультурной компетенции, М. Байрам включает в неё способность преодолевать непонимание, возникающее в процессе взаимодействия, объяснять ошибки интеракции; желание и готовность получать знания о другой культурной действительности и способность, оперируя этими знаниями, проникать в иноязычную культуру, интерпретировать и соотносить явления в своей и чужой культуре, критически оценивать свою культуру, принимая специфику чужой культуры; любознательность и открытость по отношению к другим людям; готовность принять иные суждения, преодолевать этноцентрические установки и предрассудки.

Говоря о компонентном составе межкультурной компетенции, А.П. Садохин считает, что ее содержание можно разделить на три группы знаний: аффективные, когнитивные и коммуникативные. Данный вид компетенции определяется автором как «совокупность социокультурных и лингвистических знаний, коммуникативных умений и навыков личности, с помощью которых она может успешно общаться и взаимодействовать с носителями других культур на всех уровнях межкультурной коммуникации» [13, С.127]. Рассматривая проблемы межкультурной коммуникации, И.И. Халеева полагает, что «языковая личность» может успешно функционировать при условии, что у нее для этого имеется определенная глобальная компетенция, включающая восемь составляющих: лингвистическая компетенция, лингвострановедческая компетенция, социолингвистическая компетенция, дискурсивная компетенция, стратегическая компетенция, социокультурная компетенция, социальная компетенция, учебная компетенция [15].

Представленные определения и модели межкультурной компетенции позволяют сделать вывод о структуре межкультурной компетенции. Межкультурная компетенция включает в себя особенности мышления, отношения, знания и умения, относящиеся как к родной, так и к изучаемой культуре. Только при гармоничном сочетании этих компонентов можно говорить о сформированности межкультурной компетенции личности. В структуру профессиональной межкультурной компетенции

будущих специалистов представляется целесообразным включить следующие составляющие: этнографическая – владение информацией о материальной и духовной культуре народа, особенностях быта и нравов и т.п.; социолингвистическая – знание национально-культурной специфики иностранного языка, знание языковых структур, лексических и стилистических средств, связанных со спецификой национальной культуры, знание особенностей и условностей межкультурного профессионального общения; социокультурная – знание социокультурного контекста, правил и социальных норм, правил речевого и неречевого поведения, характерного для партнеров по коммуникации, знания о национальном характере, мировоззрениях; предметно-профессиональная – владение целостной системой знаний и умений в профессиональной сфере, общая культура специалиста.

Межкультурная компетенция включает в себя не только определенный объем знаний о другой культуре, готовность и способность выбирать адекватный способ общения с представителем другой культуры, но и рефлексию собственных ценностей, определенную внутреннюю позицию индивида по отношению к культурным различиям, которые должны быть оценены позитивно. Поэтому необходимо выделить в содержании понятия «межкультурная компетенция» также два взаимосвязанных аспекта – рефлексивный и эмоциональный**.**

Овладение всеми этими компонентами поможет студентам не только понять и правильно определить социокультурный статус партера по коммуникации, специфику его опыта и взглядов, но и обеспечит возможность подготовки к анализу и интерпретации инокультурного коммуникативного поведения, поможет достигнуть взаимопонимания в межкультурном общении, а также приобщиться к культурным ценностям другого народа и обогатить собственный культурный опыт.

Необходимо также отметить значимость межкультурной компетенции в достижении целей подготовки будущих специалистов, вытекающую из её целеполагающих функций, основными из которых являются:

общеобразовательная функция, предполагающая получение информации о другой культуре, более глубокое освоение родной культуры посредством соприкосновения с чужой и взаимодействия с ней, развитие мотивационно-познавательной сферы обучающихся;

воспитательная функция, ориентированная на обогащение индивидуального культурного опыта человека, на формирование ценностного отношения к национальным культурам, на приобщение к общечеловеческому культурному опыту, на устранение предрассудков и формирование таких качеств как открытость, толерантность, эмпатия;

прагматическая функция, которая заключается в обучении иноязычному общению, в том числе знакомстве с национально-культурной спецификой и фактами, обуславливающими различия в формах общения, и направлена на укрепление контактов с другими народами;

профессиональная функция, выражающаяся в подготовке студентов к непосредственной коммуникации с носителем языка в их будущей профессиональной деятельности. Организация профессиональной деятельности в той или иной сфере обладает в разных нациях определенной спецификой, которая актуальна при обучении будущих специалистов деловому общению на

иностранном языке. Можно упомянуть, например, отношение к времени, проявляющееся в соблюдении/нарушении сроков деловых обязательств, национальные особенности характера, отражающиеся в подходах к организации труда, и другие. Данная функция предполагает приобретение лингвистических знаний, относящихся к избранной сфере будущей профессиональной деятельности, а также страноведческой информации и, обеспечивающих полноценную коммуникацию в ситуациях межкультурного профессионального делового общения. Овладение межкультурной компетенцией позволит правильно вести себя при разговоре с представителями иноязычной культуры, верно понимать те или иные факты коммуникативной действительности, адекватно реагировать на коммуникативное поведение делового партнера.

По нашему мнению межкультурная компетенция специалиста – это готовность и способность к межкультурному профессиональному общению, основанная на сформированности представлений об общечеловеческих ценностях, ориентации на них в сфере межкультурной коммуникации на основе эмпатии, позволяющая осознать национально-культурные особенности объекта культуры, увидеть общее и различное между контактирующими культурами и добиться взаимопонимания. Межкультурная компетенция является неотъемлемым компонентом профессионально-коммуникативной компетенции, содержит профессиональный компонент, основу которого составляют межкультурные профессиональные умения.

Обучение межкультурному профессиональному общению включает различные компоненты: овладение лексикой (в том числе профессиональной), грамматикой, речевыми образцами иностранного языка; понимание различий в оценке истории своей страны и стран-партнёров; знакомство с различиями в стиле жизни и нормах делового поведения; осознание и преодоление сложившихся стереотипов в отношении собственной культуры и культуры других стран; личностные изменения в результате межкультурного обучения. Задача преподавателя при этом –донести до студентов те особенности мировоззрения их потенциальных партнеров, с которыми им придется общаться, те сходства и различия, которые будут способствовать или препятствовать их профессиональной коммуникации. Удачной и наиболее отвечающей задачам обучения английскому языку как языку международного общения, можно считать форму обучения иностранному языку «учиться, обучая», используемую в Европейских странах. При использовании метода «тандема» представители различных культур объединяются в пары или группы, в которых обучают друг друга своим культурам в процессе изучения иностранного языка [8]. Такое обучение помогает обучающимся применить полученные знания и навыки как в сфере языка, так и в сфере межкультурной коммуникации, увидеть сходства и различия общения с представителями разных культур.

В одноязычных группах можно использовать игры, в которых обучающиеся перевоплощаются в носителей иной культуры и ощущают уже не недостатки, а достоинства «чужого» мировосприятия. Методические возможности игр используются в обучении этике речевого поведения, социально-бытовой, профессионально-производственной и других сферах делового общения. Использование ролевой игры помогает развивать умения анализа и сравнений культурных явлений, формировать

коммуникативную культуру как неотъемлемую составляющую межкультурной компетенции. Проигрываемая роль задает стереотип речевого и неречевого поведения. Ролевое построение игры дает возможность задать ситуацию общения с представителями разных культур. Эта особенность ролевой игры помогает ознакомить студентов с особенностями речевого и неречевого поведения, характерных для разных народов; в то же время, таким образом развивается толерантность, психологическая гибкость будущего специалиста, готовность к адекватному восприятию чужой культуры. На примере конкретных ситуаций общения в ходе ролевых игр студенты овладевают формулами речевого этикета, знаниями норм, ценностей и образцов поведения, принятых в иных культурах, и тут же закрепляют их и органично реализовывают в межкультурном общении.

При формировании межкультурной компетенции в процессе обучения необходимо принимать во внимание особенности английского языка как языка международного общения, учитывать связанные с этим сложности и использовать преимущества. Формирование межкультурной компетенции может помочь решить задачу подготовки будущих специалистов к коммуникации с представителями различных культур; к адекватному восприятию типичных ситуаций межкультурного общения; анализу информации об культурных особенностях потенциального делового партнера; способности обеспечить в межкультурном общении адекватное восприятие информации со стороны партнеров, при сохранении собственной социокультурной идентичности. Описанная выше структура межкультурной компетенции может служить основой для приобщения будущих специалистов к новой для них действительности, что будет способствовать преодолению межкультурных барьеров в профессиональной коммуникации.

Литература

1. Berns M. Didactic and Pragmatic Approaches To English Language Teaching. Assumptions // English Unites the World. Proceedings of the International Conference. - Saratov: Saratov University Press, 2002.
2. Byram M. and Cain A. Civilization/ Cultural Studies: An experiment in French/ English schools. // Byram M. and Fleming M. (eds.) Language and Learning in Intercultural Perspective:- Approaches through Drama and Ethnography.-Cambridge; Cambridge University Press, 1998. - P.32-75.
3. Byram M., Zarate S. Investigating Cultural Studies in Foreign Language Teaching.- Clevedon, Philadelphia, cop. 1991.
4. Fantini A. Exploring Language, Culture and World View. // Interspectives: A Journal on Transcultural and Peace Education.-Vol.1, 1992- P.13-16.
5. Knapp, K. Intercultural Communication in EESE [Электронный ресурс; режим доступа]: http://www.cs.uu.nl/docs/vakken/bci/programma/intercult.html (дата обращения: 07. 12. .2009).
6. Lehtonen, Jaakko. Globalization, National Cultures, and the Paradox of Intercultural Competence [Электронный ресурс]. URL: http://viesti.jyu.fi/laitos/lehtonen/globalization.html (дата обращения: 03.11.2011).

7. M. Hyde. Intercultural competence in English language education// Modern English teacher. – Vol.7. – 1998. – №2. – P.7-11.
8. Бердичевский А.Л. Современные тенденции в обучении иностранному языку в Европе [Электронный ресурс; режим доступа]: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/ryzr/rzr2002-02/28_371(дата обращения: 19. 10. 2014).
9. Воевода Е.В., Обучение иностранным языкам в контексте международной коммуникации // Среднее профессиональное образование. – 2009. – №8. – С. 14-17.
10. Воронцова Е.А. Проблема языкового и культурного общения в цивилизации XXI в. Образование и культура России в изменяющемся мире. - Новосибирск, 2007. - С. 61-64
11. Громова Н.М. Деловое общение на иностранном языке: методика обучения. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010.
12. Лопатинская В.В., Фролова О.А. Методология формирования межкультурной личности специалиста. М.: РГТЭУ, 2012.
13. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. X. – 2007. – № 1. – С.125 – 139.
14. Тодорова В.И. Особенности межкультурной и коммерческой коммуникации в свете современных социально-экономических требований профессиональной деятельности менеджеров. // Сборник научных трудов. Выпуск №444. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1999. - С. 161-170.
15. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи М., Высшая школа. – 1990.
16. Цветкова Т.К. Теоретические основы построения курса обучения английскому языку как языку межкультурного общения. // Сборник научных трудов. Выпуск № 444. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1999. - С. 170-180.

В.И. Иванова, И.В. Тивьяева,
г. Тула, Россия

ОБУЧЕНИЕ АСПИРАНТОВ ИНОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Интеграционные процессы в науке обусловили возрастающую потребность в изложении результатов отечественных исследований международному научному сообществу. В статье предложена методика подготовки аспирантов гуманитарных специальностей к ведению научной коммуникации на английском языке.

Ключевые слова: иноязычная коммуникация, научный дискурс, зарубежная публикация, методология исследования, структура статьи, обучение аспирантов.

Viktoriya Ivanova, Irina Tivyaeva
Tula, Russia

TEACHING SCIENTIFIC COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGES TO POST-GRADUATE STUDENTS AS AN URGENT TASK IN TERMS OF SPECIALISTS OF HIGHER QUALIFICATION TRAINING

Integration processes in science led to the increasing need for presenting the results of domestic research to the international scientific community. The paper proposes a method of training of post-graduate students of the humanities to take part in the process of scientific communication in English.

Keywords: foreign language communication, scientific discourse, foreign publication,research methodology, the structure of the article, post-graduate training.

Объективной реальностью развития мирового сообщества в настоящее время являются интеграционные процессы, протекающие, в том числе, и в научной сфере. Российские исследователи, несомненно, вносят вклад в формирование глобальной научно-образовательной среды. Но следует признать, что в различных международных рейтингах, отражающих научные успехи государств, Россия пока не входит в число лидеров, значительно уступая по многим параметрам таким сильным соперникам, как США и Китай. Такое положение дел мы склонны связывать, в первую очередь, не со скромными успехами отечественных ученых, а с тем фактом, что российская наука практически не представлена на международной арене. Существует насущная потребность в изложении результатов отечественных исследований международному научному сообществу. Языком международного общения, в том числе и в научной сфере, является английский язык: на нём издаётся значительное количество международных научных журналов.

Кроме того, в последние годы наличие публикаций в зарубежных изданиях становится критерием оценки научной состоятельности учёного и критерием оценки эффективности научной деятельности вузов. 30 апреля 2014 г. вступило в силу распоряжение Правительства РФ № 722-р, известное как «дорожная карта». Это план мероприятий, цель которых «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» [2]. В данном распоряжении ставится задача повышения эффективности и качества услуг в сфере высшего образования и науки, при этом ожидаемые результаты включают среди прочих рост востребованности исследований и разработок, проводимых в организациях высшего образования. В качестве показателей эффективности используется число публикации отечественных исследователей в зарубежных базах данных.

Отметим, что подобный подход вызвал бурные дебаты и непонимание со стороны некоторых отечественных учёных. Как отмечает академик РАН В.Е. Захаров, «оценка мастерства и продуктивности научного работника – очень деликатное дело, требующее весьма квалифицированного подхода» [1]. По мнению учёного, нельзя использовать чисто формализованный подход, например, количество напечатанных автором статей. Есть учёные, публикующие по статье в неделю, но уважением среди коллег не пользующиеся. А есть другие, годами работающие над трудной проблемой, публикующиеся редко, но их результаты оказываются потом очень важными. Индексы цитирования, в особенности индекс Хирша, имеют значение, но они

не являются совершенным показателем оценки научной состоятельности автора. Некоторые авторы попадают соавторами в значительные работы, в которые их вклад более чем скромен. Некоторые работают в столь узкой области знания, что ожидать на их статьи множество ссылок невозможно.

Подобное мнение разделяется и другими соотечественниками. Выскажем в подобной ситуации довольно прагматичную точку зрения. Если наличие публикаций в зарубежных базах цитируемости выбрано в нашей стране в качестве одного из критериев прохождения процедуры аккредитации высшим учебным заведением (оставим пока в стороне причину выбора и объективность данного критерия), следует, очевидно, стремиться к его выполнению. Кроме того, нельзя не признать, что научная публикация была, есть и остаётся одним из самых действенных механизмов популяризации результатов научных изысканий.

Однако, проведённый нами Анализ публикационной активности ряда вузов центральной части РФ за период с 2008 по 2012 гг. (по данным РИНЦ) показал, что количество зарубежных публикаций профессорско-преподавательского состава составляет в среднем 3-5% от общего количества публикаций. Соответственно, подавляющее большинство научно-педагогических работников на сегодняшний день не готовы к осуществлению англоязычной научной коммуникации, как устной, так и письменной. Причиной этому, как показывают опросы, является не недостаток научных разработок, а то, что подготовка по иностранному языку, которую получает аспирант, к сожалению, не обеспечивает в должной мере эту готовность.

Подготовка аспирантов к сдаче кандидатского минимума традиционно заключалась преимущественно в обучении чтению и пониманию специальной литературы на иностранном языке. То есть, ранее не ставилось целью овладение английским языком в объеме, необходимом для участия в научном дискурсе и поддержания дискуссии. Сегодня же становится ясным, что быстрая и органичная интеграция молодых российских исследователей в мировое научное сообщество невозможна без оперативной реакции со стороны методистов и педагогов-практиков, приоритетом которых должна являться разработка комплексного и системного подхода к подготовке аспирантов к ведению научной коммуникации на английском языке.

В связи с вышесказанным, на кафедре лингвистики и перевода Тульского государственного университета, ведущей подготовку аспирантов гуманитарных предметных областей к сдаче кандидатского минимума по иностранному языку, были выделены актуальные задачи иноязычной подготовки кадров высшей квалификации в соответствии с целевыми ориентирами современной отечественной науки:

- выявить и обосновать новые требования к иноязычной подготовке аспирантов на основе анализа зарубежных публикаций гуманитарного профиля;
- разработать методику, результатом реализации которой станет готовность аспирантов к созданию научных публикаций на английском языке;
- реализовать данную методику в процессе подготовки аспирантов к сдаче экзаменов кандидатского минимума.

В соответствии с поставленными задачами работа осуществлялась в несколько этапов: 1) определение тематических разделов; 2) изучение требований публикациям; 3) сопоставительный анализ с отечественными традициями изложения результатов научных исследований.

На первом этапе работы был проведён анализ статей, входящих в крупнейшие реферативные базы данных Scopus, Web of Science, являющиеся универсальными инструментами для отслеживания цитируемости научных публикаций, а соответственно, демонстрации авторитета учёного в международном научном сообществе. В ходе анализа были изучены требования к публикациям; выявлены отличия в плане методологии и принципов подачи материала от требований русскоязычных научных журналов.

Приведём следующий пример. Авторитетные отечественные журналы по лингвистике (Вопросы языкознания, Вестник МГУ, Вестник МГЛУ и др.) не выдвигают требований к содержанию и структурированию статьи. Для сравнения возьмём журнал Functional Linguistics издательства Springer(http://www.functionallinguistics.com/authors/instructions/research). Там прописаны четкие требования по структуре статьи, причем секции должны идти в строго определенном порядке:

Overview of manuscript sections for Research articles Manuscripts for Research articles submitted to *Functional Linguistics* should be divided into the following sections (in this order):

2. Title page
3. Abstract
4. Keywords
5. Background
6. Methods
7. Results and discussion
8. Conclusions
9. List of abbreviations used (if any)
10. Competing interests
11. Authors' contributions
12. Authors' information
13. Acknowledgements
14. Endnotes
15. References
16. Illustrations and figures (if any)
17. Tables and captions
18. Preparing additional files

Рукописи, не соответствующие чётко данной структуре, редакцией не рассматриваются.

Кроме вышесказанного, на данном этапе были определены основные профили научных журналов, индексируемых в указанных базах, в соответствии с их тематической направленностью. Так, в классификационную систему Scopus входят 24 тематических раздела, из которых к области гуманитарных наук относятся следующие:

- *Искусствоведение и гуманитарные науки (*Arts and Humanities*)*
- *Науки о поведении и нейрокогнитивистика (*Behavioural and Cognitive Neuroscience*)*
- *Бизнес и менеджмент (*Business and Management*)*
- *Когнитология (*Cognitive Science*)*
- *Экономика и финансы (*Economics and Finance*)*
- *Исследования в области образования (*Educational Research*)*
- *Языки и лингвистика (*Language and Linguistics*)*

- *Психология (Psychology)*
- *Социальные науки (Social Sciences)*

Каждый журнал выдвигает собственные требования к рукописям, однако можно выделить ряд норм, являющихся общими для большинства англоязычных научных изданий. Основные из них перечислены ниже:

- *Статья содержит результаты оригинального научного исследования.*
- *Данные результаты не публиковались в других периодических или иных научных изданиях.*
- *Эксперименты, тесты и другие исследовательские мероприятия были проведены в строгом соответствии с отраслевыми техническими стандартами и получили детальное описание в рамках статьи.*
- *Выводы являются логичными и обоснованными.*
- *Автор статьи не нарушает этические нормы, принятые в научном сообществе.*
- *Структура статьи тщательно продумана и позволяет максимально кратко, но без ущерба для смысла изложить основные цели и задачи, методику, теоретическую и практическую значимость исследования, основные выводы и результаты.*
- *Статья написана на стандартном английском языке и тщательно отредактирована. Форма изложения материала соответствует нормам научного стиля.*
- *Статья соответствует тематике журнала и отвечает всем требованиям редакции, в т.ч. связанным с оформлением и форматированием.*

Соблюдение (или несоблюдение) указанных требований является критерием принятия статьи к публикации, поэтому имеет немаловажное значение в подготовке аспирантов к ведению письменного научного дискурса.

Второй этап работы по обучению аспирантов иноязычной научной коммуникации заключался в оценке исходного уровня владения ими английским языком, в первую очередь, владения лексикой и грамматическими навыками. Для этой цели нами была разработана критериально-диагностическая база, включающая опросник и дидактический банк контрольных материалов и процедур.

При оценке уровня владения аспирантами английским языком мы взяли за основу Общеевропейскую шкалу языковой компетенции. Диагностика языковой компетенции показала, что большинство обучаемых находилось на уровне A1-A2, тогда как для ведения профессиональной научной коммуникации требуется достижение как минимум уровня B1.

Третий этап работы заключался непосредственно в реализации методики обучения аспирантов, направленной на развитие у обучаемых нормативно правильного и функционально адекватного владения основными коммуникативными умениями и навыками говорения, аудирования, чтения и письма с целью ведения иноязычной научной коммуникации. Методика была апробирована в процессе занятий по подготовке к экзаменам кандидатского минимума. Она содержит три ключевых составляющих. Первая - это теоретическая (вводная) часть, включающая научно-методические семинары для аспирантов гуманитарных специальностей: «Основы научных исследований в

лингвистике», «Методика написания научно-исследовательской статьи», «Специфика научной коммуникации на английском языке». Вторая составляющая - чтение и анализ научных статей, составление глоссариев по теме исследования. Третья - разбор грамматических особенностей англоязычных научных публикаций.

В рамках формирования умения анализировать и усваивать лексический материал аспирантам предлагалось составление глоссариев по отраслям наук (табл.1), включающих до нескольких сотен лексических единиц. Ниже представлены примеры глоссариев, несомненная польза которых в том, что они позволяют систематизировать лексический материал, таким образом способствуя его усвоению.

Таблица 1

ПРИМЕРЫ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГЛОССАРИЕВ	
Для области наук 22.00.00 – Социологические науки	
Antisocial behavior	антисоциальное поведение
Authority	власть
Collective entity	коллективное образование
Community	сообщество
…	**…**
Для области наук 23.00.00 – Политические науки	
Authority	власть, полномочия
Ban	запрет, запрещать
Draft (law)	законопроект
Early elections	досрочные выборы
…	…
Для области наук 08.00.00 – Экономические науки	
Annual	годовой
Average	средний
Balance sheet	баланс
Blue chip company	компания с первоклассной репутацией
…	…
Для области наук 12.00.00 – Юридические науки	
Abuse of power	злоупотребление полномочиями
Amend (a law)	вносить поправки/дополнения (в закон)
Commit a crime	совершить преступление
Constitutional rights	конституционные права
…	…

По итогам работы был проведён контроль знаний аспирантов: повторный тест на проверку знания грамматического материала; повторный тест на проверку знания общенаучной лексики; тест на проверку знания специальной лексики; тест на проверку навыков чтения и понимания оригинального текста по специальности; написание аннотации к научной статье. То есть, контроль включал проверку как приобретённых лексико-грамматических навыков, так и знания англоязычной научной терминологии в своей предметной области. Итоги контрольных мероприятий показали наличие у обучаемых несомненного прогресса и повышения уровня владения языком до желаемого, что позволяет сделать вывод об эффективности предложенной методики.

Результаты проводимой работы можно разделить на два блока: учебный (образовательный) и научно-методический.

Первый включает усвоение методологических особенностей построения иноязычной научной коммуникации и формирование языковых навыков у аспирантов: усвоение принципов построения англоязычной научно-исследовательской статьи; получение представления об особенностях английского научного стиля; изучение профессиональной терминологии; выход на международный уровень научных публикаций (опубликовано 2 статьи – предметные области социология и психология; 4 статьи представлены к публикации). Этот результат нельзя назвать скромным, так как во-первых, методика была реализована пока только в течение одного учебного года (сейчас её реализация продолжается); во-вторых, период ожидания рецензирования статьи может занимать до полугода, поэтому быстрых результатов ждать не следует; в-третьих, занятия по подготовке к сдаче экзаменов кандидатского минимума по иностранному языку проводятся преимущественно с аспирантами первого года обучения, научная деятельность которых на данном этапе, как правило, сводится к поиску и обработке диссертационного материала, что не позволяет им представить научному сообществу полноценную исследовательскую статью, поэтому количественных результатов предлагаемой методики стоит ожидать в долгосрочной перспективе.

Принципы, положенные в основу предлагаемой методики, носят универсальный характер и могут быть адаптированы для научных специальностей любого профиля, а также при обучении навыкам научной коммуникации на других иностранных языках.

Что касается научно-методических итогов, они следующие: разработка методических рекомендаций по редактированию текста англоязычной научной статьи; разработка комплекса контрольно-измерительных материалов (тестов); подготовка к публикации учебного пособия для аспирантов гуманитарных специальностей; публикация научных статей в сборниках ВАК РФ (опубликованы 2 статьи по методологии проводимой работы); презентация докладов на научно-практических конференциях.

При проведении работы по обучению аспирантов иноязычной научной коммуникации мы столкнулись со следующими проблемными моментами.

1) Слабый базовый уровень владения английским языком у большинства аспирантов (школьная + вузовская подготовка): наряду с изучением иноязычной научной терминологии,

обучением навыкам ведения дискурса при ограниченном количестве часов, отведённых на аспирантскую подготовку, приходится восполнять пробелы в языковой подготовке.

2) Смена коммуникативных ориентиров: привыкший за годы обучения в школе, вузе к пассивному восприятию информации на иностранном языке, аспирант должен адаптироваться к новой роли активного участника научной коммуникации.

3) Методологические отличия в плане построения научного исследования в зарубежных научных журналах (как было сказано выше).

4)Достаточно высокая (в большинстве случаев) оплата научной публикации в зарубежных журналах, входящих в реферативные научные базы.

5) Недостаточный опыт зарубежных публикаций (а то и отсутствие такового) у отечественных исследователей; относительно неожиданное и новое для российского научного сообщества определение наличия публикаций в реферативных базах в качестве обязательного критерия научной состоятельности учёного.

6) Неравное положение «технарей» и гуманитариев: тогда как значительное количество русскоязычных журналов естественно-научного профиля индексируется в международных реферативных базах, среди журналов гуманитарной направленности таких единицы.

7) Новизна лингвистических исследований – сложность «конкуренции» с учёными - носителями языка в проведении оригинальных, содержащих реальную научную новизну, лингвистических исследований. Выигрывают исследования, проводимые в сравнительном, сопоставительном ракурсе с родным языком либо работы по русской филологии, литературе, сравнительному языкознанию, славистике, то есть, что будет действительно интересно и ново для зарубежного научного сообщества

8) Разница в самой методологии проведения лингвистических исследований: например, гораздо более широкое использование зарубежными исследователями корпусов текстов, баз данных, специального программного обеспечения, а также естественно-научных методов исследования, как на этапе планирования отдельных исследовательских процедур, так и в процессе обработки результатов исследования.

В заключение следует отметить, что проводимая работа, несмотря на перечисленные трудности, призвана содействовать решению задач, стоящих перед российской наукой на современном этапе ее развития, связанных, в частности, с презентацией отечественных разработок международному научному сообществу, развитием программ академической мобильности и повышением публикационной и изобретательской активности российских исследователей на международном уровне в целом.

Литература

1. Захаров В.Е. Открытое письмо руководителю Федерального агентства научных организаций России М.М. Котюкову // http://rascommission.ru/index.php/statements/94-zakharov-letter.

2. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 N 722-р «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на

повышение эффективности образования и науки"» //
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162797/

Е. М. Маркова
г. Москва, Россия
г. Трнава, Словакия

УЧЕТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСЛАВЯНСКОМУ

Работа выполнена в соответствии с грантом KEGA № 019 UCM-4/2014
Využitie interdisciplinárnej kooperácie pri príprave nových učebných materiálov

В статье на материале русского и чешского языков рассматриваются культурноконнотативные различия вторичных номинаций. Метафорическое переосмысление зоонимов, в частности, отмечено, этнокультурной спецификой и может быть репрезентировано в учебниках по русскому языку для иностранцев в виде картинок, наглядно иллюстрирующих эту специфику. В статье демонстрируются примеры подобной образной репрезентации вторичных наименований в двух славянских языках.

Ключевые слова: вторичные номинации, этнокультурное сознание, культурные коннотации, русский язык как инославянский, чешский язык.

Elena Markova
Moscow, Russia – Trnava, Slovakia

LINGUISTIC CULTURAL PECULIARITIES OF LEXIS IN TERMS OF TEACHING RUSSIAN AS THE OTHER SLAVIC LANGUAGE

In the given article on the material of the Russian and Czech languages the cultural connotative differences in the secondary meanings are taken into consideration. The metaphoric nominations of zoonymes are usually marked by ethnic cultural specificity and may be represented in textbooks in Russian Language for foreign students in the form of pictures, vividly illustrating this specificity. The author demonstrates the examples of the given metaphoric representations of secondary nominations at the teaching Russian to the Czech audience.

Key words: secondary nominations, ethnic cultural consciousness, cultural connotations, Russian language as foreign Slavic, the Czech language.

При культурологическом подходе к изучению языковых фактов нас интересует бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вся совокупность ее семантических переосмыслений и культурно-исторических наращений, что вербализуется и в переносных значениях данной единицы, и во фразеологии, в паремиях. «Обыденному» значению слова оказывается противопоставлено его «мифологическое» или «символическое» значение. Даже при сравнении близкородственных языков, какими являются сопоставляемые нами русский и чешский, при формально-семантическом тождестве многих наименований нередко обнаруживаются различия в ассоциациях, связанных с ними.

При вторичном использовании языкового знака в качестве номинанта он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем

или иным этносом, манифестирует собой ту или иную оценку. В результате вторичные номинации становятся репрезентаторами этнокультурной специфики, которая связана с общим для разных культур образом. Следствием этого является асимметрия в реализации культурных кодов, которая демонстрируют своеобразие видения окружающего мира разными народами, их различную концептуализацию окружающей действительности, особенности ассоциативных связей и представлений.

Много эталонов, при этом не всегда совпадающих в разных славянских языках, среди номинантов «растительного» кода. Так,схранившаяся во многих славянских языках с праславянского периода лексема *дуб* получила в них и ряд общих символических значений. Она прежде всего связана с обозначением здоровья, крепости человека: рус. *здоровый, сильный, крепкий как дуб*, чеш. *silný jako dub, zdravý jako dub, může duby kácet* (букв. «он может дубы корчевать») (ср. с рус. *может руками подковы гнуть*), а также с символикой глупости (ср. рус. *дуб дубом, дубина стоеросовая, дубинноголовая,* чеш. *má dubovou hlavu* «твердолобый», *dubová palice / hlava* «дубовая голова, башка»; *hloupý jako dub*; *jako když mluvíš do dubu* (рус. говоришь как со стенкой), *mlčet jako dub* (рус. *молчать как рыба*). Однако у них имеются и расхождения: в чешском отсутствует ассоциация холода и смерти с дубом, присутствующая в рус. *задубеть* «замерзнуть» и *дать дуба* «умереть», но эксплицирована ассоциация крепко спящего или неподвижного человека с дубом *spát jako dub* (рус. *спать как убитый*), *dubový spánek* (букв. «дубовый сон») (рус. *крепкий сон*), *stát jako dub* (рус. *стоять как столб, как истукан*).

С пихтой, обозначаемой в чешском языке лексемой *jedle* (рус. *ель*), ассоциируется стройность и высокий рост молодых мужчин: *hoch jako jedle* «статный парень», *urostlý jako jedle* «рослый как пихта». Вместе с тем пихта в чешской лингвокультуре связана не только с положительной оценкой, но имеет и пейоративную коннотацию в выражении: *je vedle jak ta jedle*, эквивалентное рус. *его дело – крышка / труба*; *у него все накрылось*, отсутствующую в русском корреляте.

Лексемы, репрезентирующие артефактный код в явлениях вторичной номинации, также нередко демонстрируют культурную асимметрию. Чеш. *šídlo* («шило») не только денотативно отличается от рус. *шило*, т. к. помимо значения «колющий инструмент» обозначает еще и стрекозу (на основании метафорического переноса), но и во вторичной номинации стало названием непоседливого, слишком подвижного ребенка (то же, что рус. *юла*). Чеш. *trouba* различается с его коррелятом в русском языке *труба* тем, что может служить обозначением олуха, болвана, тупицы. Вместе с тем рус. *труба* символизирует безнадежное дело, что представлено выражением *его дело – труба*, несвойственным чешскому языку.

Ассоциации, обеспечивающие перенос наименования, строятся не только на сближении каких-л. признаков сравниваемых объектов, они могут иметь и звуковой характер. Так в чешском языке возникло выражение *mám opici* «быть в запое», в данном случае чеш. *opice* «обезьяна» оказалось созвучным глаголу *opit se* «напиться», что нашло подкрепление еще и в образной мотивировке: пьяный человек напоминает своим видом обезьяну. Благодаря звуковой ассоциации *миллион-лимон* миллион рублей у русских получил название *лимон*, у чехов подобные ассоциативные связи возникли со словом *meloun* «дыня, арбуз».

Подобные культурноконнотативные различия имеют не только типологическую и лингвокультурную значимость, они должны быть представлены в учебниках по русскому языку для иностранцев как яркое, образное свидетельство специфики мировидения разных народов. На сегодняшний день основной компетенцией, формируемой при изучении РКИ, является межкультурная компетенция. В этом плане вторичные номинации, почти всегда отмеченные этнокультурной спецификой, обладают большим потенциалом. Презентированные в рисунках в учебниках по РКИ, они могут стать хорошей иллюстрацией этнокультурных различий и способствовать тем самым формированию межкультурной компетенции.

Взгляд на этимологически общие лексемы с точки зрения культурологической, символической позволяет углубить и понимание такого явления, как межъязыковая омонимия (точнее, межъязыковая молисемия, поскольку речь идет здесь о дальнейшем семантическом развитии лексем, восходящих к одной прафоре). Асимметрия в плане содержания в данном случае будет охватывать не денотативный компонент значения, а его прагматическую составляющую, вербализующую лингвокультурную специфику.

Проиллюстрируем это на примере сопоставления вторичных наименований зоонимов в двух славянских языках: русском и чешском языках.

Напр., при денотативном сходстве зоонима *коза* (чеш. *koza*) он характеризуется различной этнокультурной маркированностью в русском и чешском языках, что находит отражение во фразеологии обоих языков. В русской лингвокультуре этот образ в основном характеризует бойкую, вертлявую, и в то же время ловкую девушку, женщину (*как коза / козочка*; *прыгать, скакать как коза*), человека, принужденно и неохотно идущего куда-л. (*как коза на веревочке*), тупой, непонимающий взгляд (*смотреть как в афишу коза*), безжалостное телесное наказание (*драть как Сидорову козу*), ненужность кому-л. чего-л. (*нужен как козе баян*). *Козел* (и его «женский» вариант *коза*) используется в русской культуре и в функции оскорбления. Для чешского лингвистического сознания образ козы ассоциируется прежде всего с неуклюжестью (*jde / chodí jako koza na ledě* «идет/ходит как коза на льду», ср. в рус. *как корова на льду*), глупостью, бестолковостью (*mluví jako koza před smrtí* «говорит как коза перед смертью»; *je (s kym) řeč jako s kozou na ledě* «с ним говорить как с козой на льду»; *rozumět jako koza petrželi* «понимает как коза в петрушке», ср. в рус. *как свинья в апельсинах*), сластолюбием (*je mlsný/-á jako koza* «он/она сластена как коза»), несуразностью (*sluší mu jako koze / svini čepec* «это ему идет как козе / свинье шапка», ср. с рус. *как корове седло*), старостью (*stará koza*).

Конь/лошадь в обоих лингвокультурах связаны с тяжелой работой, ср. рус. *работать как лошадь*, чеш. *dřit jako kůň*. Однако национально специфичными являются определители, с которыми связаны эти зоонимы: рус. *как ломовая лошадь*, чеш. *jako pivovarská kobyla*. К тому же слово *кобыла* употребляется русскими скорее с негативной коннотацией в значении «здоровая, сильная девушка, женщина». Любящий женщин мужчина называется у русских *котом мартовским*, у чехов – *mlsný kocour* (букв. «любящий полакомиться кот»), при этом также выделяется одинаковый образ, но разные его конкретизаторы.

В чешской культуре корова ассоциируется не только с женской полнотой, как и у русских, но и с громким криком, что объективировано во фраземе *řvát jako kráva* «громко кричать, издавать рёв, орать во всё горло». В этой связи можно вспомнить русское сравнение *ржать как лошадь* (о громком, глупо-радостном хохоте и смехе), отсутствующее в чешском.

Если верблюд связан в сознании русских с человеком, несущим много тяжелых сумок: *нагруженный как верблюд*, а также с много выпившим человеком: *напиться как верблюд*, то в чешском языковом сознании этот образ связывается прежде всего с человеком, испытывающим очень сильную жажду: *má žízeň jako velbloud* (букв. «он хочет пить как верблюд»).

В разных славянских языках фразеологизмы нередко образуются по одной модели, но с разными образными компонентами, несущими этноспецифическую нагрузку. Так, фраземы, выражающие значение «сильно преувеличивать», «раздувать незначительный факт, придавая ему большое значение», построены по одной модели в сравниваемых языках: «делать из мелкого насекомого большое животное», но с разным образным наполнением. В русском языке данную денотативную ситуацию вербализует фразеологизм *делать из мухи слона*, а в чешском – *udělat z komára verblouda* (хотя возможны и варианты: *vola / slona*). Значение «в темноте все одинаковы» выражается с помощью разных зоологических мотивов: в рус. *ночью все кошки серы* и чеш. *potmě je každá kráva černá* («в темноте каждая корова черная»).

Имеющий много дел человек ассоциируется у русских с образом белки: *крутиться как белка в колесе*. В чешском языковом сознании в таком случае возникает другое сравнение - с перепелкой: *běhat jako křepelka*. Тот, кто врет, выкручивается, сравнивается русскими с угрем: *выкручиваться как угорь*, а у чехов – с дождевым червем: *kroutit se jako žížala*.

Нелюдимого, одиноко живущего человека в русской культуре представляет образ медведя или волка: *жить как медведь в берлоге, одинокий как волк*. У чехов данная ситуация связана с образом суслика: *žít jako sysel v díře*.

Про человека с плохим почерком русские скажут*: пишет как курица лапой*. В этой ситуации чешское языковое сознание апеллирует к образам кота (с курицей их связывают наличие коготков на лапах) или дятла: *drápat jako kocour, psát jako datel*. Крепко спящий человек в русском языковом сознании связывается с сурком: *спать как сурок*, в чешском – с удодом: *spat jako dudek*.

Русское сравнение *облизываться как кот на сметану* находит аналог с образом другого домашнего животного в чешском языке – собаки: *chodit kolem něčeho jako mlsný pes* (букв. «ходить вокруг чего-л. как сластолюбивая собака»). Плохо разбирающийся в чем-то у русских образно выражен сравнением *как свинья в апельсинах*, у чехов – *jako pes slabikáři* (букв. «как собака в букваре») или *jako koza petrželi* («как коза в петрушке»).

Наблюдения над тем, как быстро отряхивает с себя воду гусь, вызвали к жизни русское сравнение *как с гуся вода*, употребляемое по отношению к человеку, который не обращает внимания на критику других. В чешской культуре такой человек ассоциативно связан с образом быстро отряхивающейся от воды собаки: *otřepat se jako pes*. К любящей путешествовать женщине у русских применима

логоэпистема *лягушка-путешественница*, чехи употребят в таком случае выражение *být přeletavá jako motýl* (букв. «летает как бабочка»).

Образ рыбы, беззвучно открывающей рот, ассоциативно связан в русской культурной традиции с человеком, который ничего не может сказать от удивления: *открывать рот как рыба*. У чехов образ рыбы конкретизирован: это наиболее популярный в Чехии карп – *otvírat ústa jako kapr*. При этом образ рыбы ассоциируется в чешском языковом сознании со здоровьем, свежестью, бодростью, ловкостью, что вербализовано устойчивыми сравнениями: *zdravý jako ryba* (ср. с рус. *здоровый как бык*), *čilý / čerstvý / mrštný jako ryba* (букв. «бодрый, свежий, ловкий как рыба») и нетипично для русских. Обидевшийся на что-л. человек русскими сравнивается с индюком, а также с мышью: *надуться как индюк, надуться как мышь на крупу*, чехи сравнивают такого человека с голубем: *nafouknout se jako holub*. Животных, называемых данными зоонимами, отличает нахохлившийся вид, что и послужило основой сравнений. Образ голубя вообще является очень актуальным в чешской лингвокультуре, о чем свидетельствует наличие значительного количества пословиц и поговорок, основанных на этом образе. Русская пословица *лучше синица в руках, чем журавль в небе* имеет построенную по той же модели, но с другими образными компонентами синонимичную паремию *lepší vrabec v hrsti nežli holub na střeše* (досл. «лучше воробей в горсти, чем голубь на крыше») [4, 5]. О беспокойном, ерзающем на месте человеке чехи скажут: *točí se jako holub na báni* (букв. «крутится как голубь на куполе»), у русских в данном случае оказывается актуализированным образ ужа: *вертится как уж на сковородке*.

Больше сравнений в чешском языке, чем в русском, и с образом мухи, напр., *zabít dvě mouchy jednou ranou* (ср. с рус. *сразу двух зайцев убить*), *být/cítit se (slabý) jako moucha* (букв. «чувствовать себя слабым как муха»), *je tam lidí jako much* (ср. с рус. *людей как муравьев*). Специфическим в чешском языке является и сравнение замерзшего, окоченевшего человека с дроздом (а также баранкой): *být (zmrzlý) jako drozd / preclík* (русские в этом случае скажут: *замерз как цуцык*).

Таким, образом, анализ лексем, получивших дальнейшее смысловое развитие во вторичной номинации, отмеченной зачастую этнокультурной спецификой в разных славянских языках, не только служит яркой демонстрацией межкультурных различий, углубляет наши представления о смысловой асимметрии в близкородственных славянских языках, позволяет по-новому подойти к проблеме межъязыковой омонимии, но и имеет лингводидактическое значение, нацеливая на то, что, занимаясь изучением другого славянского языка, нужно смотреть на него с точки зрения иной лингвокультуры, несмотря на языковое родство и общность значений многих первичных номинаций.

Литература

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М., 2005.
2. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. – Санкт- Петербург, 2003.
3. Česko-ruský slovník (Za ved. L. Kopeckého a J. Filipce), 2-é vyd. T. 1-2. – Praha-Moskva, 1976.
4. Česko-německý frazeologický a idiomatický slovník. Olomouc, 1999.

5. Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frázísouznačných, blízkých a příbuzných. – Praha, 2007.
6. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. – Olomouc, 2002.
7. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.

Е.Б. Морозова
г. Москва, Россия

ОБРАЗЫ ЧАШИ ГРААЛЯ И КОПЬЯ СУДЬБЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Литература о «магическом фашизме» составляет значительную часть современного отечественного и зарубежного масскульта. Постнацистский миф стал сегодня активно развивающейся индустрией, влияющей на интересы массового читателя, восприимчивого к упрощенной картине мира. В статье анализируется принцип мифологической трансформации, с помощью которого мифологемы Чаши Грааля и Копья Судьбы изображаются в новом свете.

Ключевые слова: нацистский миф, символизм, мифологема, Третий рейх, Чаша Грааля, Копье Судьбы

Evgeniya Morozova
Moscow, Russia

IMAGES OF THE HOLY GRAIL AND SPEAR OF DESTINY IN THE MODERN MASS LITERATURE ABOUT THE THIRD REICH

The literature about the “magic fascism” forms a significant part of modern international mass culture. Post-Nazi myth has become a highly developed industry which meets the interests of the current reader, receptive to a simplified made-up world. The article analyzes the principle of this mythological transformation. Using this method the authors describe the symbols of the Holy Grail and the Spear of Destiny in a new way.

Key words: Nazi myth, mythologem, symbolism, the Third Reich, the Holy Grail, the Spear of Destiny.

Возросший интерес россиян к нацистской тематике сегодня очевиден для историков и социологов. Третий рейх и его лидеры стали одной из ведущих тем отечественного и международного масскульта, в котором сочетаются магическое, оккультное начало с отдельными историческими фактами, вырванными из общей картины прошлого. Представляемые таким образом читателю литературные проекты являются массовым мифом, повествующим о сверхъестественной природе нацизма (оккультный миф о Третьем рейхе или «магический фашизм»).

Однако данный массовый миф не ограничивается литературой. Легко проникнув в российскую телеиндустрию, со временем он стал основой для документального кино, в котором нацистские вожди изображаются в роли адептов дьявола, прибегают к черной магии, общаются с духами. Для

исследователя важным является вопрос, почему «магический фашизм» остается востребованным направлением в современном обществе, и к каким художественным или иным методам прибегают его авторы, чтобы создать свои литературные произведения, пользующиеся большой популярностью у читателя.

Особенность анализируемого нами массового мифа заключается в том, что он является не первичной стадией создаваемой мифологической структуры, но результатом мифологизации мифа нацистского. Нацистский миф по большей части политический, пропагандистский, в то время как мистический образ Третьего рейха, создаваемый в современной массовой литературе, – миф постнацистский, который является не орудием государственной или партийной пропаганды, а плодом авторской фантазии, своего рода «мифом о мифе». Здесь важно подчеркнуть, что миф – в том числе массовый – предлагает людям упрощенную картину мира, искажая ее своей прямолинейностью, что отчасти – наравне с невежеством масс – служит объяснением востребованности подобных литературных проектов в России.

Авторы оккультного мифа, пытаясь привлечь интерес непросвещенных людей, стремятся привнести в свои книги все новые и новые мифологические сюжеты. Отдельный содержательный пласт «магического фашизма» связан с легендой о Чаше Грааля, восходящей к христианским апокрифам, Евангелиям и получившей богатое развитие в средневековой артуриане.

В массовом мифе мифологема Грааля довольно далека от христианства. Адольф Гитлер, в одной из книг творца массового мифа Г.У. фон Кранца определяет эту святыню следующим образом: «<…> Грааль <…> вовсе не является христианской святыней. Легенда о том, что это чаша с кровью Иисуса Христа, была придумана позднее. На самом деле Грааль гораздо более древнего происхождения, чем христианство, ему не менее десятка тысяч лет». Лидер нацистов уверен в арийском происхождении Грааля. Отождествляя его с арийской архаикой, Гитлер присваивает арийское происхождение и рыцарям Круглого стола, заявляя, что «арийскую святыню» они «хранили именно в силу своего происхождения, а не в силу христианской веры». Противопоставляя «чистую кровь» ариев христианству, Г.У. фон Кранц изображает Гитлера в образе разрушителя старого христианского мира и создателя нового, править которым призваны люди, в чьих жилах течет «чистая кровь» – истинные арийцы. Разрушительное начало в лидере нацистов показано в его ненависти к христианству как слабой религии, осуждающей насилие: «”Добродетели Грааля, – говорит Гитлер Г.У. фон Кранца, – были присущи всем арийским народам. Христианство добавило сюда лишь семена вырождения, такие как прощение оскорблений, самоотречение, слабость…”». Применяемая в данном случае автором *псевдомифологическая трансформация* превращает реликвию из христианской в нацистскую, что сопровождается соответствующей заменой смыслов: Грааль становится символом «чистой» в расовом смысле религии, дохристианские добродетели которой представлялись нацистам более совершенными, так как не имели никакого отношения к христианству – религии слабых.

Несколько в ином виде мифологический образ Грааля изображается в книгах Лина фон Паля. Автор, описывая поиски Грааля, производимые «Аненэрбе», черпает информацию из сюжетов

кельтской мифологии и знаменитого рыцарского романа «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Л. фон Паль не дает однозначного ответа, что же, по его мнению, представляла собой священная реликвия. Беря за основу кельтскую мифологию, он изображает образ Грааля прежде всего как мифологический символ изобилия. Опираясь на книгу В. фон Эшенбаха, фон Паль выдвигает еще одну версию: Грааль – это камень, якобы сокрытый в замке альбигойцев Монсегюр. После этого повествование о реликвии перетекает из мифологической в совершенно иную плоскость – историческую. Самостоятельно додумывая взятые им сюжеты из «Парцифаля», фон Паль обращается к Альбигойским войнам (1209 – 1255). Связь Грааля с ересями и его роль в истории катаров фон Паль пересказывает по книге Отто Рана «Крестовый поход против Грааля» (1933). Еще перед своим вступлением в СС О. Ран занимался историей альбигойских войн и выдвинул довольно смелое предположение, что христианская реликвия находится в цитадели катаров – замке Монсегюр. Эти выводы Ран и изложил в своей книге, которая сейчас, благодаря тесному переплетению в ней различных мифов и легенд, а также заимствований из того же «Парцифаля», активно используется авторами книг о «магическом фашизме».

Причины, по которым «Аненэрбе» обратилось к поискам Грааля, не совсем ясны до конца. Л.фон Паль в своей книге «Аненербе. Оккультный демарш СС» приводит версию, что поиски инициировал глава СС Генрих Гиммлер, мечтавший заполучить в свои руки христианскую святыню. «У Гиммлера к христианству было особое отношение. Он считал, что реликвии этого вероучения накопили магическую силу, которую можно поставить на службу рейху. Само христианство он воспринимал как еще одну очень древнюю церемониальную магию, <…> таковой оно и является, наследовав древние восточные обряды и просто заменив верховное божество и его окружение <…> Для него эта подмена значения не имела: ведь за христианским богом скрывался древний языческий Вотан». В данном случае очевиден пример подмены мифологий. Грааль опять лишается христианских смыслов и превращается в магическое оружие, инструмент насилия, которое Гиммлер планирует использовать в мировой войне. Чисто прагматическое отношение Гиммлера к древним символам обнажает особенности нацистского менталитета, который не в состоянии оценить всю сложность и величие духовной красоты христианства и нацелен только на извлечение практической выгоды из любого знания. Культурная и мировоззренческая примитивность нацизма объясняется в рамках фэнтези, где по законам жанра центральной сюжетной линией являются поиски артефакта, наделенного великой силой. Сюжетный элемент фэнтези призван заинтриговать читателя, ведь поиск мощного древнего артефакта действительно мог изменить ход войны, а вместе с ней и ход истории.

Наряду с Граалем существовало также еще одно Орудие Страстей – Копье Судьбы (Копье Лонгина). Этим копьем один из римских воинов нанес «удар милосердия» распятому Христу. Сюжеты о копье распространены в голливудских фильмах, телесериалах и даже компьютерных играх. Копье Лонгина упоминается в трилогии американского фантаста Гарри Гаррисона «Путь короля» (1994), а также в романе австрийского писателя-экспрессиониста Густава Майнрика «Ангел западного окна» (1927). В оккультном мифе о Третьем рейхе образ священного копья стал популярен после выхода в свет скандально известной книги Тревора Равенскрофта «Копье Судьбы» (1972).

Свою оккультную версию нацизма Равенскрофт основывал на исследовании Вальтера Йоханнеса Штайна «Мировая история в свете Святого Грааля» (1928), посвященном анализу книги фон Эшенбаха «Парцифаль». Штайн доказывал, что все характеры и герои этого знаменитого рыцарского романа были экстраполированы автором из Франкского королевства периода IX в. Согласно Штайну, «Парцифаль» фон Эшенбаха – это зеркало прошедшей эпохи, отражающее историческую ретроспективу государства франков во времена Каролингов.

В мифе Равенскрофта лидер нацистов вполне серьезно воспринимал Копье Лонгина в качестве средства к достижению мирового господства. Еще в юности Гитлер увидел копье в венской сокровищнице Габсбургов и попал под его «дьявольскую» силу. Копье как символ власти, переходившее от одного правителя к другому и обеспечивавшее своему владельцу славу и величие, теперь оказалось в руках молодого Адольфа Гитлера, которому было суждено стать новым преемником идеи безграничной власти и занять свое место в бесконечной череде мировых властителей. «На стоявшего рядом Адольфа Гитлера оно [копье] повлияло ужасным магическим образом. Его лицо побагровело, а глаза странно блестели. Он качался из стороны в сторону, охваченный жуткой эйфорией. От него словно исходило какое-то сияние, как будто призрачный зыбкий свет. Его тело и лицо, казалось, преобразились, словно в его душу вселился могучий дух <…> Не превратился ли этот недавний оборванец из ночлежки в того, кого в Библии называют Люцифером?». Гитлеровская жажда разрушения и отождествление его с черными силами послужили инструментами демонизации фюрера. По мысли Равенскрофта, именно копье привело Гитлера к власти, сделало из него вождя новой империи. Такой подход, пусть и прибегая к противоестественному, во-первых, объясняет успешное политическое восхождение Гитлера к власти в 1930-е гг., а во-вторых, перекладывает вину за преступления национал-социализма на сверхъестественные силы, что в очередной раз поднимает все еще актуальный вопрос об ответственности людей за преступления против человечества.

Как и в случае с Граалем, лидер нацистов вовсе не отождествлял Копье Судьбы с христианством, считая эту религию «дьявольским порождением иудаизма». Равенскрофт делает попытку понять психологию Гитлера, который считал, что он, как и многие бывшие обладатели копья, пытается достичь высшей цели, одного существования которой достаточно, чтобы оправдать любую жестокость: «Задыхаясь от волнения он [Гитлер] снова и снова читал процитированные выше слова Гегеля и понимал всю значимость длинной вереницы обладателей Копья Судьбы. До боли остро он почувствовал свое великое предназначение и ключом к успеху станет для него копье из сокровищницы! Ключом для его всемирно-исторической миссии!».

Тему демонизации развивает в своей книге российский автор оккультного мифа Антон Первушин: «Западные демонологии утверждают, что Гитлер, будучи в Вене, подписал договор с дьяволом, и тот в обмен на бессмертную душу вручил будущему фюреру власть над миром». Заключительным штрихом этого образа становится признание самого фюрера: «Воздух стал столь удушливым, что я едва был в силах дышать. <…> Я стоял один, весь дрожа, перед колеблющейся

фигурой сверхчеловека – опасный и возвышенный разум, бесстрашное и жестокое лицо. С почтительной опаской я предложил ему свою душу, чтобы она стала инструментом его воли».

Неомифология о Третьем рейхе сегодня превратилась в активно развивающуюся индустрию. Каждый год из-под пера авторов выходят все новые и новые книги о «магическом фашизме» с целью манипулирования массовым сознанием. Остается открытым вопрос, верят ли сами авторы в создаваемые ими мистификации, или же они преследуют исключительно коммерческие интересы. Хотя большая часть создаваемых ими неомифологем остается неизменной, а подчас некоторые авторы буквально копируют тексты друг друга, главным с точки зрения культурологического анализа по-прежнему остаются не сами мифологемы, а различные способы их интерпретации и трансформации. Библейские мифологемы Грааля и Копья Судьбы, реализованные во взятых нами текстах с помощью псевдомифологической трансформации и подмены, актуализируют полярность нацистской идеологии и христианства, представляют нацизм как форму неоязычества.

Литература

1. Воробьевский Ю.Ю. Аненербе - оккультный меч Рейха. М, 2004.
2. Кранц Г.У. фон. Аненэрбе. «Наследие предков». Секретный проект Гитлера. СПб., 2008.
3. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М., 2001.
4. Мифология. Энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 2003.
5. Паль Л. фон. Аненербе: оккультный демарш СС. СПб., 2008.
6. Паль Л. фон. Оккультные тайны Третьего рейха. СПб., 2007.
7. Первушин А.П. Оккультный Гитлер. Убийца богов. СПб., 2008.
8. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.
9. Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. М., 2008.
10. Пруссаков В.А. Гитлер без лжи и мифов. М., 2007.
11. Равенскрофт Т. Копье Судьбы. СПб., 2006.
12. Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2004.
13. Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993.
14. Stein J.W. Weltgeschichte im Lichte des Heiligen Gral. Stuttgart, 2003.

Г.В. Овчинникова
г. Тула, Россия

МАРИНА ЦВЕТАЕВА В ПРАГЕ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В.К. ЛОССКОЙ И А. ТРУАЙА)

В предлагаемом сообщении представлен пражский период жизни и творчества Марины Ивановны Цветаевой по материалам воспоминаний В. Лосской и А. Труайа. Вероника Константиновна Лосская, профессор Сорбонны, посвятила большую часть своих исследований

творчеству и биографии Марины Цветаевой. В книге Анри Труайа ощутим дух писателя. Оба автора отмечают огромную любовь Марины Цветаевой к Праге.

Ключевые слова: переписка, воспоминания, поэзия

Galina Ovtchinnikova
Tula, Russia

MARINA TSVETAEVA IN PRAGUE (ACCORDING TO THE MEMOIRS OF the memoirs V.K. LOSSKI and A. TROYAT)

This article represents Marina Tsvetaeva period of life and art in Prague according to the reminiscence of V.Losski and H.Troyat. Veronika Losski, Sorbonne professor, dedicated most of her researches to the masterpiecies and biography of Marina Tsvetaeva. Henri Troyat makes the reader feel the author's spirit. Both authors mention Marina Tsvetaeva's love to Prague.

Key words: correspondence, memories, poetry

Marina Tsvétaéva à Prague
(d'après les mémoires de Véronique Losski et d' Henri Troyat)

Le présent compte-rendu présente une période de vie et d'oeuvre de Marina Tsvétaéva à Pague selon les mémoires de Véronique Losski et d' Henri Troyat.Véronique Losski, professeur de la Sorbonne, a consacré ses recherches à l'oeuvre et à la biographie de Marina Tsvétaéva. Le livre d'Henri Troyat est fait par l'écrivain. Les deux auteurs parlent d'un grand amour de Marina Tsvétaéva pour Prague.

Mots clés: correspondance, mémoires, poésie

Тема предлагаемого сообщения обусловлена местом проведения данного научного семинара и незабываемыми встречами с Мишель Труайа, дочерью А. Труайа, и с Вероникой Лосской в Париже, в Доме поэзии, на спектакле Николая Струве, который в основу сюжета положил переписку Марины Цветаевой (в прекрасном исполнении Стефани Шварцброд) и Константина Родзевича.

Константин Родзевич был университетским сокурсником Сергея Эфрона, но в жизни, по мнению А. Труайа, далеко «непоэтичным» человеком и был полной противоположностью Сергея и Марины. Она сравнивала его со статуей рыцаря Брунцвика на Карловом мосту и посвятила ему стихотворение «Пражский рыцарь», называя его «караульным на посту разлук», веками слушающим влюбленных, рыцарем с золотым мечом и пажеской прической, той самой, как и у нее. Страсть Цветаевой к Родзевичу очевидна и в «Поэме Горы», и в «Поэме Конца». Воспевая неизбежность краха каждой человеческой любви, Марина страдает от того, что, любя и любимая, рассталась с ним в полный разгар любви, разбив и свою, и его жизнь.

В самой же Праге семья Эфронов прожила неполный год, с осени 1923 года по весну 1924 года. Как отмечает Вероника Константиновна Лосская, Марина Цветаева ежедневно посещала места, тогда кипевшие жизнью русской эмиграции, центром которой были церковь святого Николая на Староместской площади и гостиница «Беранек» . В просторных гостиничных залах проходили культурные вечера, организованные обществом «Чешско-русское объединение», возглавляемым

Анной Тесковой, впоследствии ставшей самой близкой и верной подругой поэтессы. В своих письмах Тесковой из Франции в Чехию Цветаева подробно писала о том, как была очарована Прагой и просила прислать ей в Париж фотографии «моего рыцаря» и общий вид города, «моря крыш с Пражскими мостами». Пражский период остается одним из самых ярких в творчестве и в жизни Цветаевой: в чешской деревне Вшеноры родился её сын, и неслучайно она позже назовет Тарусу, Коктебель, Вшеноры местами своей души, по которым её и соберут.

В 1925 г. М.Цветаева покидает Чехию: уезжает в Париж, в котором проживет 14 лет, но по воспоминаниям В.Лосской, Марина Ивановна с любовью всегда вспоминает Чехию, а квартиру в этом доме, по улице Шведской, на Смиховском холме снимет затем В. Набоков.

Ю.А. Панькина
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ПЕРЦЕПЦИИ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРТЕКСТУАЛИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В предлагаемой статье на основе сопоставительного анализа рассматриваются способы адаптации латиноязычных интертекстуализмов при переводе трагедии И.В. Гёте «Фауст» с немецкого языка на русский. Устанавливается, что произведённые преобразования в различных переводах одного и того же драматического произведения являются отражением доминантных черт индивидуальных переводческих концепций, обусловливающих коммуникативно-прагматический потенциал вторичных текстов.

Ключевые слова: интертекстуализм, цитата, пародия, прецедентное имя, перевод, драматическое произведение

Yuliya Pankina
г. Moscow, Russia

TO THE QUESTION OF LATIN INTERTEXTUALISMS' PERCEPTION IN THE PROCESS OF TRANSLATION FROM GERMAN INTO RUSSIAN

This paper deals with the contrastive analysis of methods of latin intertextual inclusions adaptation while translating "Faust" by J.W. Goethe from German into Russian. It is found that transformations made in different translations of the same dramatic work are the results of individual translation concepts, which determine communicative and pragmatic potential of secondary texts.

Key words: intertextual inclusion, quote, parody, precedent name, translation, dramatic work.

В последнее время одним из наиболее акуальных направлений лингвистических исследований становится изучение проблемы интертекстуальности. Следует сразу подчеркнуть, что мы отталкиваемся от той точки зрения, которая различает две модели интертекстуальности — широкую (литературоведческую) и узкую (лингвистическую) [Чернявская, цит. по Игнатович: с. 12-13, 2011], и в данной статье речь пойдёт о последней.

На сегодняшний день изучению места и роли интертекстуальных включений в различных типах текста посвящено немало работ (Ю. Кристева, Ж. Женетт, Ю.Н. Караулов, М.Л. Малаховская, И.П. Смирнов, В.Е. Чернявская, О.Д. Вишнякова, А.А. Гусева, М.В. Игнатович и др.). В то же время с дальнейшим развитием лингвистики и переводоведения появляются всё новые горизонты исследования подобных прецедентных феноменов. Так, например, аспекты функционирования интертекстуальных вкраплений в драматических произведениях И.В. Гёте, обладающих обширным вертикальным контекстом (подробнее об этом термине см. работы О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенета), и чей язык обусловлен социально, религиозно и философски [Соболева, 2002], представляются недостаточно изученными с точки зрения их культурологической адаптации при переводе на другой язык, где существенной проблемой оказывается вопрос о прагматическом потенциале интертекстуального включения и фактор инокультурного адресата (подробнее об этом см. работы Н.Д. Арутюновой, С.В. Тюленева), вынуждающий переводчика искать оптимальные способы межъязыковой адаптации интертекстуального элемента в целях достижения коммуникативной релевантности (см. подробнее труды А. Нойберта) переводного текста потенциальному иноязычному адресату, поскольку концептуальная система последнего неизбежно имеет отличия от оной адресанта исходного текста. «В ряде работ интертекст рассматривается в терминах анализа концептуальных и семиотических основ художественного произведения, с учетом проблемы согласования концептуальных систем автора и его адресата (читателя или слушателя и зрителя) [Вишнякова; 2002], направленного на адекватную интерпретацию творческого замысла и достижение высокой степени понимания между коммуникантами [Там же]. Ю.М. Лотман указывает на исключительную сложность данной проблемы, обусловленной необходимостью выработки общего кода для участников коммуникации и связанной с вопросом реализации целого ряда факторов: «Даже утверждение, что оба участника коммуникации пользуются одним и тем же естественным языком (английским, русским, эстонским и т. д.), не обеспечивает тождественности кода, так как требуется еще единство языкового опыта, тождественность объема памяти. А к этому следует присоединить единство представлений о норме, языковой референции и прагматике» [Лотман: с. 13-14, 1999]. Исследователь подчеркивает тот факт, что «совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой весьма относительной степени. Из этого неизбежно вытекает относительность исходного и полученного текстов» [Там же]. По мнению ученых, в этом же плане может быть рассмотрен и включенный в словесно-художественную ткань интертекст, выявление или «опознание» которого требует от адресата (читателя или слушателя) высокого уровня образованности, начитанности, а также определенного литературного чутья, позволяющего определить наличие зачастую скрытого, имплицитного присутствия следов «чужого слова» в литературно-художественном произведении.

Интертекстуализм в пространстве художественного текста, по данным исследователей, функционируя на разных уровнях, может принимать любую форму, выделяясь автором из общей текстовой «массы» с помощью различных приёмов, например, особым графическим оформлением данной единицы в зависимости от той коммуникативно-прагматической цели, которая стоит перед

создателем оригинального текста (интересны примеры подобного рода у ряда современных исследователей феномена интертекстуальности как переводческой проблемы, в частности, в исследовании М.В. Игнатович приводится следующий пример: *Ruby's song: "Vunce again I am Fallink in luf/ Vy iss it I now am blue colour?/ Vot is the action I should take this time/ I can't help it. Hiya. Big boy",* который сопровождает комментарием: «Данный пример — пародия на песню Марлен Дитрих «Fallen in love again» из фильма «Blue Angel». Песня подверглась пародии, потому что актриса исполняла её с характерным немецким акцентом. Вышеприведённый пример представляет собой имитацию немецкого акцента при исполнении англоязычной песни. Терри Пратчетт пытался изобразить фонетическую сторону песни, чтобы добиться комического эффекта» [Игнатович: с. 21-22; 2011]).

Иногда появляется необходимость кодирования интертекста знаками другого языка, что в ряде контекстов служит необходимым стилеобразующим фактором при создании речевого портрета персонажа, передаче национально-культурного колорита и изображении хронотопа произведения и др. К ним мы относим различные речевые жанры, от цитат, упоминания прецедентных имён, пародий и др. до церковных песнопений, зачитываемых персонажем отрывков из каких-либо литературных источников и т. п. на языке, отличном от языка всего произведения.

В данной статье посредством сопоставительного анализа прослеживаются способы перцепции латиноязычных интертекстуализмов в русских переводах трагедии И.В. Гёте *Faust: der erster Teil* («Фауст», часть первая), выполненных Н.А. Холодковским и Б.Л. Пастернаком; с помощью социокультурного комментирования (см. работы С.Г. Тер-Минасовой) с привлечением ряда соответствующих комментариев специалиста-гётеведа А. Аникста характеризуются особенности прагматического воздействия данного типа интертекстуальных включений на их реципиента.

При сопоставлении выделено три способа передачи подобных интертекстуализмов при переводе трагедии с немецкого на русский язык:

19. Прямой перенос;
20. Перевод / пояснение;
21. Объективация фразы-первоисточника (при наличии в исходном тексте кальки с латыни).

Рассмотрим выявленные приёмы подробнее:

1. Прямой перенос: латиноязычные интертекстуализмы оригинала сохраняются в одном или обоих переводах в неизменном виде. Данный приём превалирует в религиозно обусловленных высказываниях и выступает как способ сохранения культурно-специфичной информации: латынь — язык католичества, и оба переводчика учли данную реалию при прагматической реконструкции перевода. Рассмотрим конкретные примеры. В сцене *Studierzimmer* (Кабинет Фауста / Рабочая комната Фауста) ученик читает вслух отрывок из Ветхого завета: *Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.*

Согласно комментариям А. Аникста, данное выражение, означающее *«И будете, как бог, распознавать добро и зло»,* «дьявол-искуситель в образе змея говорит Еве, советуя вкусить плод с дерева познания добра и зла» [Аникст: с. 196; 1973].

В сцене *Dom* (Собор) переводчики сохранили в первозданном виде песню хора:

Chor: Dies irae, dies illa Solvet saeclum in favilla. (Orgelton.) / (Звуки органа)

Chor: Judex ergo cum sedebit, Quidquid latet adparebit, Nil inultum remanebit.

Chor: Quid sum miser tunc dicturus? Quem patronum rogaturus? Cum vix justus sit securus.

Chor: Quid sum miser tunc dicturus?

Согласно примечаниям к переводу Н.А. Холодковского, данная песня означает следующее: *«День гнева, этот день разрушит мир, превратив его в пепел... Когда воссядет судия, то откроется всё сокровенное, и ничто не останется без возмездия... Что я скажу тогда, несчастный, какого покровителя я буду умолять, когда и праведник едва спасётся?»* [Гёте: с. 271; 2009]. Смысловое содержание данных текстовых единиц на внутреннем уровне текстовой коммуникации имплицитно адресовано главной героине Гретхен, сами же эти единицы служат своеобразным «аккомпанементом» к изобличающим, обвинительным изречениям Злого Духа, обращённым к ней, в рамках рассматриваемой сцены; на внешнем же уровне оно направлено на реципиента текста: данная песня хора содержит намёк на исход последующих финальных событий в её трагической судьбе, и у хорошо понимающего латынь реципиента возникнут соответствующие прагматические отношения к сообщаемому. При отсутствии данного фонового знания (латыни) у адресата произведения, что на сегодняшний день является распространённым явлением в русской экстралингвистической реальности, подобный приём в первом и во втором случаях приведёт ко «криптологизации» (см. подробнее исследования М.В. Игнатович) интертекстуализма, то есть к непониманию его смысла и, соответственно, к нейтрализации коммуникативного эффекта. Социокультурный комментарий, конечно, спасает положение при чтении драмы, однако, при её звучании с театральной сцены становится бессмысленным.

В сцене *Strasse* (Улица), Мефистофель восклицает: *Sancta simplicitas!* Данное восклицание *(Святая простота!)* даже в оригинальной латинской форме является очень узнаваемым в русской культуре, поэтому становится очевидно, почему переводчики решили оставить его в неизменном виде.

- Перевод / пояснение: подобный приём встречается при передаче прецедентных имён собственных: в сцене *Zwinger* (На городском валу) — в первой части единственной здесь ремарки:

  In der Mauerhöhle ein Andachtsbild der ***Mater dolorosa****, Blumenkruge davor.*

В углублении крепостной стены изваяние ***скорбящей божией матери****, перед нею цветы в кувшинах* (Пер. Б.Л. Пастернака) (Ср. пер. Н.А. Холодковского: *В нише стены статуя* ***Mater dolorosa****, перед ней вазы с цветами*).

В сцене *Walpurgisnacht* (Вальпургиева Ночь) встречается латинское наименование персонажа – *Servibilis* (только у Б.Л. Пастернака дано пояснение — *Подлиза*). В обоих случаях манипуляции, произведённые Б.Л. Пастернаком, являются удачными примерами адаптации подобного рода прецедентных феноменов. Сохранение их латинской формы в переводах Н.А. Холодковского усложняет текст, сужая таким образом круг реципиентов вторичного текста.

- Латинизм появляется в одном из переводов как объективация первоисточника, фраза таким образом наделяется дополнительной прагматической функцией.

В сцене *Studierzimmer* (Кабинет Фауста / Рабочая комната Фауста) автор использует кальку с латыни:

Die Zeit ist kurz, die Kunst ist lang (Время (жизнь) коротко, искусство — долго (вечно)).

Н.А. Холодковский при переводе воспроизводит латинский прототекст (см. подробнее исследования Л.В. Полубиченко) данного высказывания: *Ars longa, vita brevis est (Жизнь коротка, искусство — вечно).* Данное латинское изречение является узнаваемым среди образованной части русскоязычной аудитории, поэтому «криптологичность» в результате подобного перекодирования в рассматриваемом случае проявляется «избирательно».

Б.Л. Пастернак не прибегает к вышеописанной аппроксимации, а просто интерпретирует исходное высказывание с немецкого языка на русский, руководствуясь собственными интенциями: добавляет эмоционально-оценочное вводное слово *к несчастью* и применяет высокостилевую метафору во второй части: *Но жизнь, к несчастью, коротка, а путь до совершенства дальний.*

В анализируемой трагедии встречается даже латиноязычный интертекстуализм-пародия: в сцене *Hexenküche* (Кухня ведьмы) описываются колдовские действия ведьмы, выражающиеся в напыщенных церемониях, что, согласно комментариям А. Аникста, имплицитно пародирует церковную мессу. Высказывание Мефистофеля о магических ритуалах ведьмы:

Sie muss als Arzt ein Hokuspokus machen,
Damit der Saft dir wohl gedeihen kann.

Словосочетание *ein Hokuspokus machen*, означающее «фокусничать», то есть «манерничать, вести себя неестественно, непросто» (согласно словарю Ожегова), согласно этимологической теории из работы Карльхайнца Дешнера (Karlheinz Deschner) возникло случайно в результате непонимания церковными прихожанами латинского языка, на котором велась служба католическим священником: «Hoc est enim corpus meum <…> Подразумевалось тело Иисуса Христа. Люди в церкви, которые не понимали по-латыни, слышали только что-то вроде Hokuspokus. Так затем <…> было создано это заклинание» (перевод с немецкого наш – прим. авт.). В этом же источнике сообщается, что данное

выражение часто употреблялось Гёте «для церковной церемонии, посвящения в Сикстинской Капелле» (перевод с немецкого наш – прим. Авт.).

Примечательно, что оба переводчика не сохранили данную пародию, интерпретировав её по-своему, ср.: Н.А. Холодковский:

Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье пойдет не впрок.

Б.Л. Пастернак:
Пусть думает, что без приправы
Действителен не будет сок.

Следует отметить, что на сегодняшний день данное выражение довольно распространено в русской разговорно-обиходной речи.

Сопоставительный анализ русских переводов трагедии *Faust: erster Teil* («Фауст», часть первая) показал, что латиноязычные интертекстуализмы в немецкоязычной трагедии «Фауст» представляют собой особую группу языковых знаков, во-первых, изображающую экстралингвистическую реальность, в которой разворачиваются драматические диалоги, во-вторых, создающую речевой портрет персонажа, неслучайно основная масса латинских выражений произносится остроумным Мефистофелем., в-третьих, помогает автору реализовать собственные коммуникативные интенции на внешнем уровне текстовой коммуникации.

Выявленные типы манипуляций с подобного рода интертекстуализмами при переводе имеют не только плюсы, но и минусы: с увеличением числа латиноязычных вкраплений текст становится доступен лишь хорошо образованному реципиенту, следовательно, сужается круг его адресатов.

Литература

- *Вишнякова О.Д.* Язык и концептуальное пространство. М., 2002.
- *Игнатович М.В.* Культурная адаптация интертекстуальных включений при переводе произведений английской литературы XX века (на материале романов Т. Пратчетта и их переводов на русский язык). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2011.
- *Гете, И.В.* Фауст: трагедия / И. В. Гете. – М.: АСТ, 2009. – 748 с. – (Золотая классика). (Н. Холодковский)
- *Гете, И.В.* Фауст: трагедия / И. В. Гете. – М.: «Молодая гвардия», 1973. – 398 с. (Б. Пастернак)
- *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
- *Соболева Е.И.* Социальная и религиозно-философская обусловленность языка И.В. Гёте в трагедии «Фауст» и её переводах. Дисс. канд. филол. наук. Краснодар, 2002.
- *Deschner K.* Ist Kirchenbeschimpfung überhaupt möglich? Oben ohne, Rowohlt Verlag, 1997.

Т.Г. Попова
г. Москва, Россия

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются проблемы перевода и межкультурной коммуникации. Язык и культура взаимосвязаны в коммуникативных процессах. Эта связь проявляется не только в семантике и дифференциации языка по разным параметрам, но и в том, что именно культура обусловливает национальную специфику коммуникативного поведения человека. Культурологическая концепция перевода связана с проблемами межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация**,** язык и культура, перевод, семантика

Tatiana G. Popova
Moscow, Russia

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF TRANSLATION

The article deals with the problems of translation and intercultural communication. Language and culture are interrelated in the communicative processes. This relationship is evident not only in the semantics of the language and linguistic differentiation according to various parameters, but also that it is culture that determines national specificity of communicative behavior. Culturalogical conception of translation is connected with problems of intercultural communication and cognitive linguistics.

Keywords: intercultural communication, language and culture, translation, semantics

Проблемы межкультурной коммуникации находятся в фокусе внимания многих исследований. В своем выступлении я хотела бы затронуть проблемы МК и переводоведения и, таким образом, рассмотреть роль интеракции языка и культуры как культурологической реальности в процессе перевода, который остается важнейшим средством межкультурной коммуникации.

Различия культур отражаются в различных языковых картинах мира, на основе которых строятся высказывания в различных языках. В каждой культуре существуют свои артефакты, которые являются чуждыми и малопонятными для других культур. Исследование культурной специфики может внести существенный вклад в осмысление не только собственно культурологических, но и языковых явлений. Данное обстоятельство объясняется тем, что изучение культуры через анализ языка представляет собой, несомненно, ценный практический и теоретический материал в плане расширения наших знаний о действительности, окружающей нас.

Конец XX – начало XXI столетия в лингвистике отмечено провозглашением в качество основополагающего того положения, что изучение языка может считаться адекватным лишь при описании его функционирования в процессе коммуникации. Язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой.

Перевод как процесс опосредованной двуязычной коммуникации

Перевод как вид творческой деятельности, неразрывно связанный с языком, и предполагающий внутреннее соприкосновение двух языков и двух культур, помогает проникнуть в мир культуры того или иного народа, взглянуть на духовные ценности глазами представителя той или иной культуры и может стать неотъемлемой частью духовного воспитания и становления наций. Вместе с тем, переходя из одного культурного пласта в другой, культурные архетипы определяют динамическое, поступательное развитие самой культуры.

Слово «перевод» относится к числу общепонятных слов, однако как термин, который используется для обозначения специального вида человеческой деятельности, требует терминологического определения.

Под термином «перевод» как одним из видов сложной речевой деятельности, обычно понимается либо сам *процесс перевода*, т.е. процесс, совершающийся в форме психолингвистического акта и состоящий в том, что речеязыковое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном языке (ИЯ), пересоздается на другом языке (ПЯ), либо *результат деятельности переводчика*, результат этого процесса, т.е. новое речеязыковое произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ.

Объектом теории перевода является процесс перевода как система опосредованной двуязычной коммуникации, которая формируется и функционирует в надсистеме совместной деятельности разноязычных монолингвов. В основной своей части перевод является психологическим, или психосемантическим, процессом, поскольку три его стадии имеют психологическую, скрытую от наблюдения природу: понимание текста, «осмысливание» его от форм исходного языка и выбор формы языка перевода.

При переводе необходимо выполнить две важные задачи: почерпнуть из культурной жизни другого народа некое достояние и как можно бережнее донести его до отечественного читателя или слушателя. Контакт языков осуществляется через реконструкцию полной модели языкового процесса восхождения от языковых фактов через национальный язык к языку как к процессу, следовательно, «трансформация реконструируемых фактов по процессуальной логике другого языка есть сущность взаимодействия языков.

Профессиональный перевод представляет собой умение конвертировать языковые формы одного структурного типа в другой тип через восхождение к языку как процессу.

Перевод как взаимодействие культур

Стремительное развитие новых технологий, в том числе информационно-коммуникативных, интеграционные процессы в экономике, политике, науке, образовании способствуют взаимопроникновению культур. Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные

традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности.

Общение людей осуществляется в пределах определенной культуры с использованием того или иного этнического языка, языковой картины мира. Сознание носителя национальной культуры формируется в процессе овладения определенной национальной культурой на основе свойственных ей образов и представлений. Национально-культурные факторы существенно влияют на элементы языкового кода каждого идиоэтнического языка, формирующие языковые картины мира и отличающиеся от концептуальных.

Попадая в другую национально-культурную и языковую среду, человек попадает в другой мир ценностей и правил, а также норм общения, которые необходимо знать и учитывать для полноценного общения с представителями других лингвокультур. Именно на основе правил проще выстроить систему «грамматики» самобытности народа [Popova 2009. S. 86].

Термин «правило» в данном контексте используется в широком смысле. Поиск таковых правил неизбежно влечет за собой попытку понять и охарактеризовать культуру народа, т.е. совокупность моделей поведения, традиций, образа жизни, идей, верований и ценностей той или иной социальной группы.

Язык, являясь средством общения людей, представляет собой систему знаков особой природы, выступающих основным инструментом выражения мысли и средством общения людей между собой. Язык понимается нами как условие для осуществления мышления и как средство, позволяющее хранить и передавать мысли, уже сформулированные в процессе мышления.

В настоящее время можно наблюдать усиленный поиск духовных опор в языке: предпринимаются попытки через язык по-новому осмыслить прошлое, осознать свое место в настоящем. В связи с этим необходимо отметить, что представления о языке неотделимы от представлений об отношении человека к миру в ту или иную эпоху, от характерного для нее миропонимания. То, что возможны коммуникация и взаимопонимание людей, говорящих на различных языках и принадлежащих к различным культурам, свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимообогащения культур различных народов.

Язык и культура взаимосвязаны в коммуникативных процессах. Эта связь проявляется не только в семантике и дифференциации языка по разным параметрам, но и в том, что культура обусловливает национальную специфику коммуникативного поведения человека. Культура имеет свое отражение в речи и языке. В речи почти все социально-культурные факторы находят свое опосредованное отражение. Речь чутко реагирует на все противоречивые явления культуры. Язык же включает в свою систему лишь часть речевых единиц, в которых отразились факты национальной культуры.

Итак, язык, являясь средством общения, не только позволяет сообщать и хранить информацию о любых явлениях реального и ирреального мира, но и отражает все изменения,

происходящие в сознании людей. Национальные особенности проявляются не только в образе жизни людей, в их материальной и духовной культуре, но и в языке, в том числе, и в лексике.

Перевод призван удовлетворять определенную общественную потребность. Говоря иными словами, перевод имеет свое общественное предназначение: он призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации.

Процесс перевода предполагает сознательное установление соотношений между данными исходного языка (ИЯ) и переводящего зыка (ПЯ). Перевод является процессом воссоздания единства содержания и формы подлинника. Словарные дефиниции необходимо соотносить со знаниями человека не только о языке, но и со знаниями человека о мире.

Таким образом, в контексте межкультурной коммуникации происходит контакт не только языковых систем и их речевых манифестаций, но также и соприкосновение разных культур. Говоря иными словами, перевод является не только взаимодействием языков, но также и взаимодействием культур, поэтому процесс перевода пересекает не только границы языков, но и границы культур.

Перевод призван удовлетворять определенную общественную потребность. Говоря иными словами, перевод имеет свое общественное предназначение: он призван обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации.

Процесс перевода предполагает сознательное установление соотношений между данными исходного языка (ИЯ) и переводящего зыка (ПЯ). Перевод является процессом воссоздания единства содержания и формы подлинника. Словарные дефиниции необходимо соотносить со знаниями человека не только о языке, но и со знаниями человека о мире.

Норма языка как определяющий фактор

Владение нормами языка перевода является определяющим фактором, который обуславливает правильность и адекватность перевода, его высокую оценку носителем языка, на который осуществляется перевод. Поэтому важным фактором процесса перевода является недопущение интерференции языковых норм родного языка на иностранный язык.

Сложившаяся литературная норма не исключает вариантности отдельных языковых средств, но в стандартизованном литературном языке варианты обычно выполняют различные стилистические функции. При этом единицы лексического уровня языка могут быть связаны отношениями вариантности не только в синхронии, но и в диахронии.

В среде людей, объединённых общей профессией, рано или поздно возникает профессиональный жаргон, объединяющий наиболее часто используемую данной социальной группой лексику. Жаргон является одним из типов социальных диалектов языка, возникающий из потребности отдельных общественных и возрастных групп обособить себя и выделиться среди других языковыми средствами. Выделение вызывается особенностями жизни этих коллективов стремлением к самоутверждению, их психологией, своеобразием их субкультуры. В целом жаргон

предпочитает не спокойную, нейтральную лексику, а эмоционально-экспрессивную, стилистически сниженную, зачастую грубую и оскорбительную, а также фразеологизмы.

Приведем примеры, иллюстрирующие, каким образом в метафорических единицах и их значениях отражаются специальные фоновые знании, относящиеся к определенным областям человеческой деятельности. Так, в значении метафор «black ink», «red ink» и дериватов данных ФЕ «(to be) in the black», «to go into the red», «to put in the red», «to come/get out of the red» отражены экстралингвистические знания о том, что в бухгалтерии ранее было принято записывать прибыль черными чернилами, убытки – красными. На настоящий момент эта профессиональная практика несколько видоизменялась: красным цветом отмечаются исправления со знаком «минус». Однако для профессиональных бухгалтеров расшифровка понятий, обозначаемых фразеологизмами «black ink», «red ink», не представляет труда. Для большинства же людей, не знакомых с бухгалтерией, механизм метафорического смыслового сдвига при образовании перечисленных ФЕ остается в большей степени скрытым.

Адекватное декодирование значения ФЕ «poor debtor» также возможно только на основе специального юридического знания, которое отражено словарной дефиницией с глоссой «US, law»: «one, who, being imprisoned in a civil action for debt, is under the laws of several states entitled to be discharged after a short period, on proof of poverty, etc.» (OED). Без специального знания о приложении метафорического образования «poor debtor» к строго определенной ситуации, связанной с заключением в тюрьму за долги, в силу кажущейся прозрачности внутренней формы, возможна ложная интерпретация значения ФЕ. Подобным же образом, из-за кажущейся ясности значения, вне приложения к конкретной экстралингвистической ситуации возможна ложная интерпретация значения ФЕ «poverty trap».

Истинное значение этого фразеологизма «положение, когда в бедной семье, ранее жившей на пособие по безработице, кормилец находит работу и начинает получать заработную плату, которая ниже бывшего пособия по безработице» ревизуется только применительно к ситуации, связанной с получением пособия по безработице. Вне данного экстралингвистического знания значение ФЕ «poverty trap» могло бы быть определено, например, как «невозможность подняться выше уровня нищеты». Этот признак действительно присутствует в структуре значения фразеологизма, но является всею лишь частью этой структуры, не отражая всей полноты значения. Полное значение ФЕ «poverty trap» реализуется только благодаря знанию об отражении узко определенной экстралингвистической ситуации.

Таким образом, общение людей осуществляется в пределах определенной культуры с использованием того или иного этнического языка, языковой картины мира. Сознание носителя национальной культуры формируется в процессе овладения определенной национальной культурой на основе свойственных ей образов и представлений. Национально-культурные факторы существенно влияют на элементы языкового кода каждого идиоэтнического языка, формирующие языковые картины мира и отличающиеся от концептуальных.

Литература

1. Popova Tat'jana G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009., god. 15., sv. 1. – 3. – S. 86-96.

Tatiana G. Popova, Yelena V. Kurochkina,
Moscow, Russia

METAPHOR AS A MENTAL AND LANGUAGE MECHANISM

The study developed and assessed reliability and validity of linguistic-cultural and linguistic-cognitive analysis of metaphor as a way of development of a new meaning of a word. The study is devoted to the description of a metaphor as a method of conceptualization. Based on English, American and Russian literature, we have studied 799 metaphorical utterances which thought to be important as a language of emotion. As a result of the analysis 147 conceptual metaphors were generated which show that most of our ordinary conceptual system is metaphorical in nature. Large percentage of the basic conceptual metaphors, naming concepts of death and love is reflected in the studied poetry.

Keywords: literary text, cognitive linguistics, metaphor, individual style of an author.

The language we use when we talk to our friends is not the same as the language we use to write a letter of complaint or a message of making a date. Language varies depending on the people using it, the task at hand, and the society in which it all takes place.

While some linguists pay attention to syntax – the rules of word order or phonetics and morphology – the sounds that make up words, here we will be looking at what language can tell us about people as individuals, as members of different groups, and about people communicate and interact with other people using metaphors.

Is the expression of the information storage peculiarities inherent to the memories of native speakers of different languages and culture bearers? We will try to answer the pointed question taking into consideration that metaphor and simile are the most commonly used figures of speech in everyday language. The field of expressing emotions and emotional pressure brings an element of artistry in our everyday life, which is connected with a wide usage of metaphors in our speech.

'The mind is an ocean', 'the city is a jungle' and ‘a heart of stone’ are metaphors. Thus, a metaphor is an expression that describes a person or object by referring to something that is considered to possess similar characteristics. A metaphor is not only a mode of uncommon word usage and literary world modelling; it reflects individual creative peculiarities in subjective world content of poetic visions.

A language reflects the surrounding reality with the help of isomorphic means, that is through a person’s attitude to the surrounding world, and through the perception and description of the world. One cannot overestimate the role of metaphor in constructing the linguistic world view (picture of the world). However, metaphor, as a language phenomenon, does not make a fragment of the world view, but fills all its

space, which can be attributed to the fact that metaphor is a means of reality cognition, of structuring the experience of interaction with the outer world.

Language traditions are reflected in figures of speech in the most vivid way. Metaphors are often used in literature, as they are closely connected with the artistic world view. Moreover, the very interpretation of a work of literature and the attitude to it is often expressed by reference to metaphor.

The purpose of a metaphor is not just in nominating a thing, but in its expressive description. Olga Arutyunova (1979) believes that the essence of metaphor is "transposition of identifying (descriptive and semantic diffusive) lexis, meant for denoting the object of speech, into the sphere of predicates, meant for denoting its features and properties".

The metaphor is "a mental and language mechanism" [Tatiana Popova 2009 (a)], representing interaction or comparison of two entities based on the resemblance, analogy between them, i.e. discovering their similarities. The role of metaphor in representation knowledge can be seen in an ancient method of scientific cognition, which was in relating, comparing entities of different kinds.

All this makes it possible to notice, to discern a thing behind another one, on the face of it quite different, and in this way to extend cognition process. The cognitive function of the metaphor consists in mastering the abstract by means of the concrete, the unobservable by means of the perceptible.

Metaphor appears in our speech requiring emotional impact. "Those concerned with the emotional pressure on the addressee are not only among writers, columnists or public figures, they are among common society members. The community of the purpose brings about the community of the language devices used. The field of the expression of emotions and emotional pressure brings an element of artistry, and as a result metaphor, in our everyday speech" [Telija, 1988].

The source domain is normally represented by concrete notions, denoting people's interaction with reality, such as spatial orientation, while the target domain consists of notions inaccessible for direct physical experience.

In fact, semantic similarity takes place not only between two notions of the two domains but also between the relations of these notions. This invariant content represents an image scheme (a repeated experience model, abstracted of particular details) characteristic of both domains. For example, the life of a person can be metaphorically conceptualized as a journey, which can be represented as "life is a journey". There exists correspondence between the relations of notions in one domain and those in the other. For example, a "traveler" is related to his "destination" in the same way as a person which is related to his life goals.

Metaphor is an important component of the individual style of the author of a literary work. At the same time it shows the subjective attitude of an author to the surrounding reality. It serves the purpose of characterizing the personage.

The author of a literary work is a typical representative of his linguistic community, which is reflected in an individual way of the author's representation of conventional metaphors and in the content and structure of the key concepts of artistic consciousness.

The semantic node, presented in the definite sequence of its revealing through central links, embodies a text in the way of its content. The means of connection of the key links in a semantic node is a plot perspective, to create which the author's subjective metaphors are used. Those metaphors refer to an individual, not a collective, world view. This type of metaphors is opposed to language metaphors, based on traditional nominating relations corresponding to the national symbols or to a certain prior experience of communicants.

The inherent part of poetic metaphors is coexistence of two meanings, which provides a figuratively aesthetic function. Figurative basis of a literary work is formed by means of a chain conceptual metaphor, which means superimposition of one image on another, when one image evokes the associations about another one [Popova 2013 (a), (b)].

For the first time the interpreted metaphor represents "a combination of the known, accepted in the language, with the unknown. Consequently, it implies the comparison of entities by their similarity. When a word is used metaphorically the similarity can refer to various characteristics of entities: to their shape, different features, functions, emotional impact, etc."[Popova, 2003].

The language mechanisms of metaphorical transfer realization in a literary work are quite various. Metaphorical expressions are used:

1) to name a thing;
2) to use a noun in a predicative- qualifying function;
3) to use a verb and verb phrases in a predicate function;
4) to use adjectives and adverbs;
5) in genitive word combinations;
6) in adverbial constructions;
7) in comparative constructions with the form markers "as", "as if";
8) in set expressions.

Polyfunctioning means simultaneous realization of nominating and pragmatic functions. The nominating function is realized by the way of transferring semantic information. The pragmatic function is connected with transferring the figurativeness of metaphor. Besides, "a metaphor performs style generative, text generative and genre generative functions" [Popova 2014].

Sphere of emotions expressing and emotional pressure adds an element of artistry along with metaphor to the everyday language. Metaphor is not so much that principle of unusual word usage and artistic world shaping. It reflects individual and creative features in the subjective content of the poetic visions world.

As follows from the conducted analysis of English language poetry of the 20th century the most commonly encountered concepts reflected poetry which we have studied are concepts of death and love.

Our research shoes us that we can speak about the following main productive types of metaphoric concepts: “basic metaphors”, “specific-level metaphors” (or in different wording root, constant, conventional, general poetic and so on) and occasional - “image metaphors” (individually authorial).

The former, grouping around key concepts of the outside world are characterized by the unambiguity of the author’s idea and reader’s perception. They express constant, systemic nature of the image analogy between the compared notions and possess the sign of invariance. The invariance principle means the functioning of universal mechanisms of the image analogy determination in a human mind. Occasional metaphoric concepts reflect unconventional perception of the world by an author, strenuously appeal to the reader’s imagination.

Conclusions:

A metaphor is an expression, often found in literature, that describes a person or object by referring to something that is considered to have similar characteristics to that person or object. The metaphorical semantics consists of several interconnected elements. They are the direct meaning of the word, the image, created as a result of comparing, new conceptual content and a new nomination, originating as a result of the comprehension of the metaphor.

The conceptual metaphor acts as a tool of the speech influence on a reader (listener), aimed at emendation and modification of his(her) world model by involving him(her) in the poetic world model of the artist, its perception and interpretation. The conceptual metaphor is a chain trope, during its implementation one image provokes another by association.

Metaphor is considered as a mental language mechanism, which affects creation of a world view. In the study the metaphor is considered not only as a means for figurativeness creation but from the point of view of those cognitive structures which underlie metaphorical process as well. The data for study indicates that one or a group of connected basic and/or image metaphoric concepts underlie the majority of poetic texts. The composition and number of the metaphoric concepts making groups are individual. As a result of detalization, stylistic devices and expressive means they turn into individual poetic image.

References

1.Arutyunova, N.D. (1979). Language metaphor (syntax and lexis). Linguistics and poetics. Moscow.

2. Popova, T.G. (2009) (a). Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, Croatia,2009., god. 15., sv. 1. – 3, 86-96.

3. Telija, V.N. (1988). Metaphor in the language and text. Moscow.

4. Popova, T.G. (2013) (a). Metaphor in Cross-Culture// The 19 International Conference of the International Association for Intercultural Communication Studies (IAICS)and Far Eastern Federal University “Exploring Diversity To Reach Understanding Across Cultures. Vladivostok, 34-48.

5. Popova, T.G. (2013) (b). Language Conceptualization // The Seventh Annual Conference of the Global Communication Association “ The Communication Galaxy: Discoveries, Boundaries and Opportunities”. Ottawa, Canada, 123-147.

6. Popova, T.G. (2003). National-cultural semantics of a language and cognitive-sociocommunicative aspects. Moscow.

7. Popova, T.G. (2014). Language as a reflection of means of conceptualization // Language and Law. Moscow, 27-36.

Т.Г. Попова, Т.В. Петренко
г. Москва, Россия

СТЕРЕОТИПЫ КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ О РАЗЛИЧНЫХ ГРУППАХ

*Аннотация***.** В работе на примерах гендерных стереотипов показан алгоритм анализа стереотипов как результата повторяющихся эмоциональных акцентов, вызывающих устойчивое отношение субъекта к фактам и явлениям реального мира. На базе русской, американской, немецкой и английской литературы выявлены и проанализированы гендерно маркированные слова.

*Ключевые слова***:** стереотип, организация информации, гендерные стереотипы, маркированные слова, коммуникация, культура, когниция

Tatiana G. Popova, Tamila Petrenko,
Moscow, Russia

STEREOTYPES AS A MEANS OF ORGANIZATION OF VARIOUS GROUPS INFORMATION

In this paper an algorithm for the analysis of stereotypes as a result of repetitive emotional accents, causing a steady relationship of the subject to the facts and phenomena of the real world is shown. on the basis of Russian, American, German and English literature gender-marked words are identified and analyzed.

Keywords: stereotype, organization of information, gender stereotypes, marked word, communication, culture, cognition

В современной лингвистической парадигме культура рассматривается как сочетание в себе реальности и избранного тем или иным этносом – носителем той или иной культуры – социально релевантного кода. Частью этого кода становятся стереотипы. Стереотипы играют особую роль в процессах национальной самоидентификации и идентификации, самооценки и оценки.

Наличие стереотипов как результата повторяющихся эмоциональных акцентов, вызывающих устойчивое отношение субъекта к фактам и явлениям реального мира, служит основой ассоциативного мышления человека [Burn, Shawn Meghan.2001:17]. В коммуникативной деятельности данная цепь процессов приводит, в частности, к функциональной переориентации единицы номинации. Стереотипы представляют собой способ организации информации о социальных и национальных группах. В основе этого способа лежат когнитивные принципы обработки социальной информации, социальные и историко-экономические процессы межгруппового взаимодействия.

Номинативные языковые единицы отражают окружающий человека мир не столько сами по себе, сколько в процессе функционирования, когда максимально полно отражаются их сущностные характеристики. При этом значительную роль приобретают именно определенные стереотипы, которым

подвержены процессы порождения и восприятия, как целого высказывания, так и отдельных его составляющих.

Механизм ассоциативных реакций базируется на актуализации стереотипов в сознании человека. Значит, таким образом, мы можем сказать, что структура коммуникативного значения слова представляет собой его ассоциативную структуру, располагающуюся в основном на периферии значения, в сфере его коннотаций. Данный процесс затрагивает периферию значения и формируется на основе обыденного, бытового сознания человека. Именно наличие стереотипов как результата повторяющихся эмоциональных акцентов, вызывающих устойчивое отношение субъекта к фактам и явлениям реального мира, служит основой ассоциативного мышления человека [Brinkman 1971:35; Lorber S., Farrell 1991:101]. В коммуникативной деятельности данная цепь процессов приводит, в частности, к функциональной переориентации единицы номинации.

Гендерные стереотипы представляют собой упрощенные, схематизированные, эмоционально четко окрашенные устойчивые образцы поведения мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности. Это представление не зависит от личных особенностей тех или иных представителей.

Таким образом, гендерный стереотип – это взгляд и оценка, которые, как правило, основаны на гендерных предубеждениях, а не на рациональном знании. Гендерные стереотипы исторически сформировались в традиционной патриархальной культуре, которая отводила главную роль в социальной, экономической и политической жизни мужчине. Традиционно мужчине приписывается энергичность, активность, властность, логичность, целеустремленность.

Речь идет о чертах, которые необходимы для поддержания жизнедеятельности общества в политической, экономической, юридической, законодательной, исполнительной, военной и т.д. сферах, а также для руководства и взаимодействия в коллективе. Тогда как женщине отводится роль домохозяйки» и «матери», «хранительницы домашнего очага», мужчине отводится роль «кормильца» и «защитника».

Таким образом, мы приходим к заключению, что гендерные стереотипы направлены на поддержание стабильности и упорядоченности общественной системы. Соответственно, первая функция гендерных стереотипов связана с поддержанием мужской и женской иерархии. Вторая функция гендерных стереотипов связана с когницией / познавательным процессом. Гендерные стереотипы могут служить образами-схемами, управляющими процессом восприятия информации и ее обработки в сознании человека.

При определении гендерных отношений определяющими являются социальные факторы. Все это отражается в коннотативном потенциале значения слов, обозначающих эти группы. Можно выделить бинарные оппозиции, стереотипно приписываемые мужчине – женщине. Первая группа бинарной оппозиции – это логичность – интуитивность, абстрактность – конкретность. Прежде всего, мужественность соотносится с логичностью, а женственность – с интуитивностью. Ко второй группе оппозиции гендерных стереотипов можно отнести инструментальность – экспрессивность, сознательность – бессознательность.

В каждом обществе и в каждой культуре существуют различные роли мужчины и женщины в соответствии с их полом. «Быть мужчиной» подразумевает играть определенную социальную роль, «быть женщиной» — играть другую социальную роль. Эти социальные роли, определяемые по половому признаку, являются установками ожидания, которые определяют, как мужчина и женщина должны действовать согласно нормам, принятым в том или ином конкретном обществе и в той или иной конкретной культуре.

К тому же, каждая культура определяет те или иные характерные особенности, соответствующие определенному полу. Маскулинность и феминность являются психологическими характерными свойствами, связанными с теми ролями, которые играют мужчина и женщина. У каждой личности наблюдается «смешение» биолого-психологических признаков своего и противоположного пола. Современная психология выделяет по четыре полоролевых типа, свойственных мужчинам и женщинам: мужественный, женственный, андрогинный (двуполый) и недифференцированный.

Гендерные стереотипы включают гендерные роли. Таким образом, термин «гендерные стереотипы» (Gender based stereotypes) следует отличать от понятия «гендерная роль», означающего набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин. Появление гендерных стереотипов обусловлено тем, что модель гендерных отношений исторически выстраивалась таким образом, что половые различия располагались над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины.

Гендерные роли зависят от ситуации, места, времени, социального статуса участников, из возраста, характера отношений между коммуникантами, жизненного опыта и т.д. Что касается стереотипов, то они распространяются на всех представителей пола и в любых обстоятельствах. В английском языке есть обширный диапазон средств, которые позволяют по-разному описывать мужчин и женщин. Слов, описывающих женщин с плохой стороны (например, то, что она распутна), в 6 – 10 раз больше, чем слов, при помощи которых можно сказать плохо о мужчинах.

Нам от рождения присуща склонность к категоризации, проводящейся на основе отличительных особенностей внешних стимулов (как людей, так и ситуаций). Такая разбивка основных элементов окружающего мира по категориям начинается уже в детстве и составляет суть процесса когнитивного развития. Детство представляет собой период быстрого схематичного развития и совершенствования. Половые стереотипы влияют на наше поведение по отношению к другим людям и, следовательно, могут вызвать ответные действия, соответствующие нашим ожиданиям.

Таким образом, в результате взаимодействия врожденных стратегий обработки информации и прижизненно сформированных под влиянием социума и языка, формируются особые когнитивные структуры, которые, соответственно, структурируют процесс обработки информации. Кодировка упрощается, когда мы просто корректируем уже имеющуюся схему, а не создаем новую. Следовательно, лучше всего запоминается информация, соответствующая усвоенной нами схеме.

Вместе с тем, мы должны отметить, что есть определенные условия, при соблюдении которых с большей вероятностью запоминается также и та информация, которая со схемой не согласуется.

Прежде всего, человек должен заметить эту информацию. Следующим условием усвоения поступающей к нам информации, которая не согласуется со схемой, является то, что человек должен иметь мотивацию для попыток объяснить ее несоответствие. Третьим условием является то, что человек должен объяснить несоответствие информации сложившейся ситуацией или случайными искажениями.

Все наши рассуждения относительно запоминаемости информации, соответствующей и не соответствующей гендерной схеме, подводят нас к мысли о важности эффекта устойчивости. Ведь даже если мы и запоминаем противоречащую схеме информацию, это вовсе не означает, что мы обязательно изменим свои стереотипы. Это обстоятельство, как нам представляется, может быть объяснено тем, что природа схем такова, что они сохраняют свою прочность и при столкновении с доказательствами, их опровергающими.

Литература

1. Brinkman H. Die Deutche Sprache. Gestalt und Leistung. – Dusseldorf: Schwann, 1971. – 939 S.
2. Burn , Shawn Meghan. The social psychology of gender. – New York, 2001. – 319 p.
3. Lorber S., Farrell S. The Social Construction of Gender.- Cambridge, 1991. – 493 p.

Ernesta Račiene
*Vilnius, Lit*auen

SPRACHE UND KULTUR IM GLOBALISIERUNGSPROZESS

Das Ziel des Beitrages ist es, am Beispiel der Mediensprache zu zeigen, wie das Litauische auf den Globalisierungsprozess reagiert und zu testen, ob die Entwicklungsdynamik des Litauischen mit allgemeinen sprachlichen Vernetzungsprozessen übereinstimmt. Im Beitrag wird auch der Versuch unternommen, den Zusammenhang zwischen Kultur und Sprache zu verdeutlichen. Die Untersuchungsmethoden sind empirisch und analytisch, man stützt sich auf die neuesten Beobachtungsdaten der letzten zehn Jahre.

Sclüsselwörter: Globalisierungsprozess, Sprache, Kultur, Mediensprache, Kontakt mit anderen Sprachen

Ernesta Račienė
Vilnius, Lithuania

LANGUAGE AND CULTURE IN THE PROCESS OF GLOBALIZATION

The aim of this paper is to show on the example of media language the Lithuanian linguistic respond to the globalization process and to test whether the dynamic development of Lithuanian conform to common linguistic networking processes. In the article the attempt is made to clarify the relationship between culture and language. The research methods are the empirical and analytical ones, based on the observational data of the last ten years.

Key-words: globalization process, language, culture, Media language, contact with other languages

Einleitendes

Sprachenvielfalt im Globalisierungsprozess, Auswirkungen der Globalisierung auf Sprachen und nationale Kulturen, Probleme der Wechselbeziehungen der Sprachen Europas, Einfluss des Englischen auf das Deutsche und andere Nationalsprachen – all dies sind in der deutschen Sprachwissenschaft vielfach diskutierte Fragen (vgl. Publikationen des Duden-Verlages zum Thema Deutsch 2000, 2002, 2005, Munske 2013, Burkhardt 2013, Hoberg 2013 u.a.). Der Wandel der litauischen Gegenwartssprache unter den Bedingungen der Globalisierung und intensiver Integrationsprozesse stellt auch ein aktuelles Problem dar. Es ist wichtig zu unterscheiden, welche Veränderungen das Resultat der sprachinternen Gesetze sind und welche von den sprachexternen Faktoren abhängen. In der Sprache widerspiegelt sich der Kulturwandel eines Volkes, denn die Sprache folgt der Kultur, und wenn sich kulturelle Änderungen einstellen, so ändert sich auch die Sprache. In den letzten Jahrzehnten ist im Litauischen besonders aktiver Gebrauch von Fremdwörtern festzustellen, was durch viele psychologische und soziale Gründe bedingt ist. Die politischen, wirtschaftlichen und sozial-kulturellen Veränderungen, die durch die neue Situation in unserem Lande hervorgerufen werden, beeinflussen die nationale Kultur und vor allem die Sprache als ihr wichtigstes Ausdrucksmittel. Jede Sprache repräsentiert eine besondere und eigene kulturelle, regionale, nationale Befindlichkeit und ermöglicht unsere gesellschaftliche Identifikation. Die Übernahme von Elementen fremder Kultur, die sich in der Sprache als fremdsprachliche Infiltration manifestieren, kann eine gewisse Gefahr für die einzelnen kulturellen Identitäten und für die Sprachen selbst darstellen. Die Fragen des Sprach- und Kulturwandels stehen im Mittelpunkt der Forschung litauischer Linguisten, die sich besonders mit dem Problem von Entlehnungsprozessen in der litauischen Gegenwartssprache befassen (vgl. Publikationen von V. Rudaitienė, E. Račienė, J. Girčienė, L. Vaicekauskienė u.a.).

Im vorliegenden Beitrag werden einige Verwendungstendenzen von Fremdwörtern in der litauischen Mediensprache betrachtet und unter interkulturellem Aspekt mit den Erscheinungen in der deutschen Sprache verglichen. Die Hauptquellen für litauische Daten sind die öffentlich gesprochene Sprache im litauischen Rundfunk und Fernsehen (im Text werden nach Belegen die üblichen Abkürzungen der Radio- und TV-Sender angegeben; Zahlen bedeuten das Datum, wann der sprachliche Fakt vernommen wurde) und geschriebene Sprache der Periodika (siehe Quellenabkürzungen), der Korpus der litauischen Gegenwartssprache (KLG) (*Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas* http://donelaitis.vdu.lt). Als Quelle für Beispielsätze aus der deutschen Presse wurde die Wortschatz-Datenbank „Wortschatzlexikon“ der Universität Leipzig benutzt. Die Illustrationsbeispiele werden gewöhnlich verkürzt.

1. Litauisch im Kontakt mit anderen Sprachen

Sprache ist für jedes Volk das höchste Kulturgut. Sprache ist nicht nur der Ausdruck der nationalen Identität, die Grundlage für das Leben der Nation, sondern auch einer der wichtigsten Bestandteile der Kultur. Sprache als Teil der ethnischen Kultur zeichnet sich dadurch aus, dass sie die wesentlichen Merkmale der Gesamtheit der Kultur beinhaltet, durch sie wird das System der Werte, die gesellschaftlich verwurzelte Beziehung zu der Welt präsentiert (vgl. Schaller 2000, Linke 2008).

Verschiedene soziale und kulturelle Faktoren üben Einfluss auf die Transformation der grundlegenden Werte aus. Der Globalisierungsprozess führte zu den Veränderungen im Leben der litauischen Nation, zum sozialen Wandel. Besonders großen Einfluss üben ständig entstehende neue Technologien, intensive Integration Litauens in die EU und in andere wirtschaftliche politische Strukturen, geopolitische Veränderungen, internationaler Informationsaustausch aus. Mit den Veränderungen im Leben der Nation ändern sich auch ihre Werte oder Einstellungen der Menschen dazu. Werte und ihre Transformation manifestieren sich in der Sprache eines jeden Volkes, so auch in der litauischen Sprache. Die Sprache erfüllt ihre Funktion, indem sie verschiedene Seiten des menschlichen Lebens, alle Tätigkeitsbereiche widerspiegelt. Alle Formen des sozialen Lebens sind mit der Sprache verbunden. Die Entwicklung der litauischen Sprache hängt auch mit dem Wandel des Lebens der Nation und der grundlegenden Werte zusammen.

Im Prozess der Globalisierung entstanden Veränderungen in den Beziehungen zwischen dem Litauischen und anderen Sprachen. Besonders groß ist der englische Spracheinfluss geworden und in vielen Lebensbereichen weicht allgemein die Landessprache der internationalen (englischen) Sprache. Die Untersuchungen zeigen die Vorherrschaft des Englischen in einigen Bereichen der Bildung und Wissenschaft, des Unternehmens, der Musik, der Werbung. Soziale Bedingungen sind für litauische Sprache ungünstig, denn in Litauen gilt das Englische als Prestigesprache, und deswegen ist es sehr schwer, sich seinem Einfluss zu widersetzen. Zugleich steigen die Geringschätzung der eigenen Sprache und die damit verbundene sprachliche Verwahrlosung des Litauischen. Unter dem Einfluss des Englischen wandelt sich die litauische Sprache. Das Englisch ist abstrakter als das Litauisch, und man beginnt durch den englischen Einflusses abstrakter zu sprechen. Litauische Wörter sind konkreter, und konkrete Wörter sind genauer. Viele Entlehnungen verringern die Genauigkeit des Ausdrucks. Im Litauischen steigt die Zahl der Entlehnungen, die anstatt von litauischen Wörtern verwendet werden und besonders über Übersetzungen aus dem Englischen ins Litauische kommen. Die Bilanz der litauischen und fremden Wörter wird gestört, die übersetzten, meistens aus dem Englischen übernommenen Wortbedeutungen verändern das lexikalische System der litauischen Sprache. Das semantische System des Litauischen wird dem Englischen angenähert. Die Eigenart des Litauischen und die Tradition des Wortgebrauchs werden verletzt, englische Sprachmuster werden in die litauische Sprache übertragen. Das führt zur Bildung einer Mischung von Sprachen, die als eine nachteilige Sprachentwicklung betrachtet werden kann. Die Sprache ist nicht nur ein Kommunikationsmittel, sondern auch die Form des menschlichen Denkens und die Grundlage der Gesamtkultur. Wenn wir die Sprache entstellen, entstellen wir zugleich auch den Gedanken, den Blick auf die Welt, verlieren die Fähigkeit, die Phänomene des Lebens authentisch zu bewerten. Jede Sprache erstellt ein anderes Weltbild, drückt die Weltsicht, die eigene Vorstellung von der Welt aus. Die Sprache jedes Volkes widerspiegelt die Welt nicht direkt, sondern durch die von diesem Volk wahrgenommene Weltinterpretation. Die Realität wird nur durch die für diese Sprache spezifischen Mittel zum Ausdruck gebracht. So kann man behaupten, dass jede Sprache eine spezifische Widerspiegelung der Welt darstellt, und die Lexik, besonders die Wortbedeutungen, sind eines der wichtigsten Bereiche des Weltbildes.

2. Wandel im lexikalischen System

Bedeutungswandel ist eines der Hauptmerkmale der Entwicklung von Lexik. Die meisten Wörter einer Sprache bleiben in der semantischen Hinsicht nicht unverändert. Die Bedeutungen werden erweitert oder eingeengt, sie werden von einem Begriffsbereich in das andere übertragen, sie erhalten eine andere stilistische Konnotation. Die Erweiterung des Bedeutungsumfangs ist eine der Quellen von Wortschatzbereicherung (Schippan 1992, 253). Es ist die Ausnutzung dieser stilistischen Möglichkeiten, die existieren und potentiell in der Semantik des Wortes verankert sind. Es ist jedoch wichtig, dass dieser Prozess sich durch die Verwendung von sprachinternen Potenzen vollzieht. Jetzt aber geschieht häufig die metaphorische Übertragung mit Hilfe der Fremdsprachen, was von dem Unvermögen zeugt den Reichtum seiner eigenen Sprache auszunutzen. Der Bedeutungswandel der Wörter sollte außerdem als Ausdruck der Kultur der Sprecher, als Erscheinung der Transformation dieser Kultur betrachtet werden (vgl. Račienė, Rudaitienė, 2008, 209-224; Rudaitienė, 2006, 363-367).

Eine besonders deutliche Tendenz ist es, den seit langem üblichen Internationalismen und auch den litauischen Wörtern neue Bedeutungen, die der litauischen Sprache untypisch sind, zu verleihen. Diese Bedeutungen basieren auf den Bedeutungen der entsprechenden englischen Wörter. Die Verwendungstradition des Wortes wird entstellt. Die Verwendungsfälle von *deleguoti* (*delegieren*) und *amnestija* (*Amnestie*) können diese Tendenz illustrieren. Nach den Normen des Litauischen kann man nur Personen *delegieren* und nicht die Funktionen, Pflichten, Kompetenzen usw. Also ist das internationale Wort *deleguoti* (*delegieren)* mit den Wörtern, die keine Person bedeuten, ungebräuchlich. Wegen der Bedeutung des entsprechenden englischen Wortes *delegate* wird das oben genannte internationale Wort in der Bedeutung *suteikti (verleihen), perduoti (übergeben)* verwendet, z. B.: *Apskričių reforma vykdoma skubotai, neaišku, kokios funkcijos deleguotos* (= perduotos) *savivaldybėms* (Funktionen werden an Selbstverwaltung delegiert) „Lietuvos rytas“ tv 2010-03-21. *Sveikatos apsaugos ministerijai deleguota* (= suteikta) *teisė parengti pinigų banką* (an das Gesundheitsministerium wurde das Recht delegiert...) LTV 2011-06-06.

Nach dem Beispiel der englischen Sprache wird *Amnestie* nicht nur Personen, sondern auch Gegenständen, Erscheinungen gewährt, z.B.: *nelegalaus verslo amnestija (Amnestie des illegalen Unternehmens)* BTV 2010-03-01, *skolų amnestija (Amnestie der Schulden)* LTV 2010-04-15, *šešėlinių pinigų amnestija* (*Amnestie des Schattengeldes*) TV3 2010-03-01.

Die deutschen Beispiele der Verwendung von *delegieren* und *Amnestie* zeigen die gleiche Bedeutungserweiterung, die wohl auch unter dem Einfluss des Englischen stattgefunden hat: *Er legte dem neuen Schulleiter ans Herz, auch einmal Aufgaben zu* ***delegieren*** *www.np-coburg.de* 2011-01-19; *Also wählen wir Parteien,* ***delegieren*** *unsere Stimme einer professionellen Organisation www.20min.ch* 2010-12-18; *Eine gezielte* ***Amnestie*** *für Finanzdelikte sei als politisch zu riskant eingestuft und verworfen worden www.news.ch* 2011-01-16.

Die Sprache jeder Nation ist einzigartig. Also kann man nicht alle Wörter oder ihre Bedeutungen von anderen Sprachen, z. B. dem Englischen, übernehmen und in der litauischen Sprache legitimieren. Man

kann bemerken, dass verschiedene Völker bei der Übernahme derselben Fremdwörter ihnen unterschiedliche Bedeutungen verleihen. Zum Beispiel, das Adjektiv lateinischer Abstammung *originalus, -i* hat im Englischen nicht nur die im Litauischen verwendeten Bedeutungen 1. tikras, neperdirbtas (echt, unverarbeitet); 2. prk. savitas, savotiškas (eigentümlich, eigenartig, unverwechselbar); sondern auch „pirmasis, pirminis, pradinis; autentiškas; naujas, naujoviškas“ (ursprünglich, authentisch, neu, innovativ). Das Adjektiv lateinischer Abstammung *aktualus, -i* enttspricht im Englischen der im Litauischen verwendeten Bedeutung „zu einem Zeitpunkt wichtig“ und auch der Bedeutung von Adjektiven *faktinis, -ė, faktiškas, -a* „basierend auf Fakten, sicher, unausgedacht“. Also ist es sehr wichtig, ob das internationale Wort in dieser Bedeutung genutzt wird, in der es seit langem im Litauischen verwendet wird. Wenn die Grenzen der Wortbedeutung gebrochen werden, führt es unvermeidlich zu Zweideutigkeit, manchmal zu Missverständnissen.

In der litauischen Sprache steigt die Zahl der Anglizismen, die anstelle der litauischen Wörter oder der üblichen Internationalismen verwendet werden, wie z. B. in den Fernsehse- und Radiosendungen oft gehöhrte *autsitas, dedlainas, defaultas, dženderinis, draftas, emeilas, imidžas, ofšoras, draftas, ofšoras, overdraftas, linkas, skryningas u.a.*, z. B.: *Autsitas* (= Pailginta darbo savaitė) *yra tik keliose Europos šalyse (verlängerte Arbeitswoche)* LTV 2009-01-06; *Koalicijos sutarties pasirašymo dedlainas* (= galutinis terminas) *lapkričio 6 d.* (*Endtermin der Unterzeichnung von Koalitionsvertrag)* LRT 2012-11-02; *Kitais metais mes galime patirti defaultą* (= nemokumą), *valiutos devalvavimą (Zahlungsunfähig werden)* „Lietuvos rytas“ tv 2010-01-24; *Reikia susipažinti su opozicinių partijų siūlymų draftu* (= planu, projektu) *ekonominei krizei įveikti* (*Enfwurf der Vorschläge für Überwindung der Wirtschaftskrise*) „Lietuvos rytas“ tv 2010-01-24; *Reikia nutiesti šešis elektros linkus* (= šešias elektros jungtis) *į Rytus* (*elektrische Vergindungen nach Osten*) LRT 2012-11-22; *Būtinas įvykių politinis skryningas* (= vertinimas) (*politische Evaluierung*) LTV 2009-04-07.

Diese Tendenz kann man auch im Deutschen feststellen, wo solche Anglizismen nicht nur in der gesprochenen, sondern auch in der geschriebenen Mediensprache ganz häufig vorkommen, z.B.: *Die von der Regierung selbst gesetzte* ***Deadline*** *bei der Suche nach einem Standort für ein drittes Asyl-Erstaufnahmezentrum läuft mit Monatsende ab* www.oe24.at 2011-01-19; *Diese Tagung kann über die jahrelangen Versäumnisse beim* ***Gender*** *Budgeting nicht hinwegtäuschen* www.oe-journal.at 2011-01-17; *Die Stadt hofft, mit ihrem Radwegenetz und dem Faltblatt ihr* ***Image*** *als Naherholungsregion aufpolieren zu können* www.haz.de 2011-01-07; *Habe nun endlich den* ***Link*** *zum ehemaligen Dynamospieler Gerd Weber* www.mdr.de 2011-01-11; *Die Themen dieser Ausgabe: 12 unentdeckte Aktien-Stars - Exklusives* ***Screening*** *von 5000 Unternehmen* www.boerse-online.de 2010-12-24.

In der litauischen Sprache nimmt die Zahl der internationalen Wörter zu, die litauische Lexik aus dem Gebrauch verdrängen. Ständig werden internationale Verben verwendet, wie z. B.: *generuoti (generieren), identifikuoti (identifizieren), inspektuoti (inspizieren), komunikuoti (kommunizieren), koreliuoti (korrelieren), realizuoti (realisieren), subsidijuoti (subventionieren), traktuoti (betrachten), stigmatizuoti (stigmatisieren), simlikuoti (simplifizieren), trivializuoti (trivialisieren) u.a.* Viele von diesen Verben sind ungewöhnlich und verletzen auch litauische Sprachnormen. Es entstehen immer neue solche Verben im

Litauischen, obwohl es litauische Entsprechungen oder mehr geläufige entsprechende Internationalismen gibt, z.B.: *Defliacijos augimas nėra tvarus, todėl neindikuoja* (= nerodo) *ekonomikos gerėjimo* (Deflation *zeigt* keine Wirtschaftsverbesserung) BTV 2009-12-13. *Seimas indoktrinavo* (= įteisino; įdiegė) *Statybos įstatymo pataisas* (*Seimas indotrinierte Baugesetzänderungen*) LRT 2012-11-20. *Politikai neturėtų intervencijuotis* (= kištis) *į STT darbą* (*Politiker sollten sich nicht einmischen*) LTV 2009-05-04; *Mes pozicionuojame* (= pristatome) *Kauno oro uostą kaip pigių skrydžių bendrovę* (*Wir positionieren den Flughafen von Kaunas als kostengünstige Fluggesellschaft)* LTV 2010-03-08. *Kodėl egzistuoja principas stigmatizuoti* (= niekinti) *visuomenę?* (*Gesellschaft wird stigmatisiert*) LRT 2012-12-06.

Im Deutschen sind solche Verben sehr häufig, denn das Wortbildungsmuster der verbalen Ableitung von fremdsprachlichen Basen mit den Suffixen -ier, -isier, -ifizier ist sehr aktiv und produktiv (vgl. Duden-Grammatik 2005, 718), z. B.: *Dies mindert die Möglichkeiten für österreichische Unternehmen am dynamisch wachsenden Markt zu* ***partizipieren*** *und sich so im europäischen Spitzenfeld zu* ***positionieren*** www.pressetext.at 2011-01-21; *Es ist an der Zeit, dass wir Eigentumsrechte akzeptieren und aufhören Vermögende zu* ***stigmatisieren*** www.bernerzeitung.ch 2010-12-22; *Eine starke Motivation war auch, die Kinder nicht dem links-gutmenschlichen GEW-Personal auszuliefern und staatshörig* ***indoktrinieren*** *zu lassen* www.jungefreiheit.de 2011-01-08; *Das Vertrauen in die amerikanische Zentralbank ist hingegen immer noch intakt, dies* ***indizieren*** *die Reaktionen der Finanzmärkte auf den grosszügigen Zinssschnitt* www.net-news-global.de 2011-01-13; *Probleme im Ausländerbereich immer zu tabuisieren und dann zu* ***trivialisieren*** *war wohl doch keine so tolle Strategie* www.bernerzeitung.ch 2010-12-22.

Fremdsprachliche Verben werden leicht in das System der deutschen Sprache integriert und zeichnen sich durch hohe Verwendungsfrequenz aus (z. B. 2328 Verwendungsfälle des Verbs *positionieren* im Wortschatz-Datenbank der Universität Leipzig) (http://wortschatz.uni-leipzig) (Zugriff: 23. 08. 2014)

Natürlich werden internationale Wörter als passende Entlehnungen für das Litauische betrachtet. Ohne internationale Wörter wäre der Umgang mit anderen Nationen nicht möglich, doch ihre Verwendung sollte nicht die Tür in die anvertraute Welt des litauischen Sprechens verschließen. Die litauische Sprache als nationaler Wert ist zu fördern, das Prestige der litauischen Sprache soll erhöht werden.

3. Manifestationen des Kulturwandels in der Sprache

Kultur, vor allem ihr ethnischer Teil, stellt den grundlegenden nationalen Wert dar, die Überlebensbasis eines jeden Volkes, auch des Litauischen, dar. Nach Wladimir W. Mironow, kann die Kultur als Werte-(Zeichen-)System, als Text interpretiert werden. Eine Kultur wird im Ergebnis des Prozesses der Entschlüsselung ihrer Codes erkannt, die in der lebendigen Sprache fixiert sind und spezifische Besonderheiten ihrer Herausbildung und Entwicklung, ihrer Geschichte in sich tragen. Die Erkenntnis der Kultur, die sich auf die lebendige Sprache gründet, ist notwendig mit der Erkenntnis nicht nur ihrer Struktur, sondern auch der inneren Sinnspezifik verbunden, die mit ihrer realen Geschichte zusammenhängt (vgl. Mironow 2013, 284-285).

Globalisierung ist einer der Faktoren, die die Grundlagen der traditionellen Kultur der Völker zerstören. Jedes Volk, das Identität schätzt, widersetzt sich der Globalisierung, der Nivellierung. Globalisierung der

heutigen Welt manifestiert sich in der Regel als eine weltweite Ausbreitung der westlichen Kultur. „Wenn wir die Kultur als semiotisches System oder als TEXT interpretieren, können wir eine Analyse der Transformationen durchführen, die sich gegenwärtig in ihr unter der Einwirkung durch die globalen Veränderungen des Kommunikationssystems vollziehen“ (Mironow 2013, 285). Transformationsmanifestationen der Kultur sind auch in der litauischen Sprache festzustellen (vgl. Rudaitienė, 2006, 363–367; Račienė, Rudaitienė, 2008, 209–224). Fremde Lexik befestigt sich in der litauischen Sprache als Realienbezeichnungen, die aus anderen Kulturen, vor allem westlichen, übernommen werden. Die Einstellung zu der litauischen ethnischen Kultur ändert sich, eigene Kultur wird geschmälert. Vor allem junge Menschen neigen dazu, Feste und Bräuche anderer Völker, die den litauischen Traditionen fremd sind, anzunehmen. Man entfernt sich von der alten baltischen Kultur. In Litauen hat man begonnen, *St. Patricks Tag* „*Halloween*“, *Valentinstag* zu feiern, es gibt Litauer, die *Padėkos dieną* (Thanksgiving day) feiern. Eigene Feste werden mit dem spanischen Wort *fiesta* bezeichnet. *Siesta* ist eine mediterrane Tradition. Wenn wir Mittagsruhe/Mittagsrast als *siesta* bezeichnen, anstatt *perpietė, pogulis* zu gebrauchen, *priešpiečius (Mittagessen)* oder *pusryčius (Frühstück) lanču, lenču (lunch)* nennen, so drücken wir Traditionen und Bräuche ganz anderer Nationen aus. Zum Vergleich kann man analoge deutsche Beispiele anführen: *Ein idealer Zeitpunkt für die* ***Siesta*** *ist die Zeit nach dem Mittagessen zwischen 13.00 und 15.00 Uhr», empfiehlt die in Weimar tätige Kinderärztin* www.n24.de 2011-01-13; *Also saßen wir beim* ***Lunch*** *in der Polizeikantine und haben drei Stunden darüber gesprochen - die beiden Männer, die über diesen einen Fall am besten Bescheid wissen* www.falter.at 2010-12-30.

Westliche Sprachen bildeten die Grundlage für die Entstehung der für litauische ethnische Kultur fremden Loblexik. Als ein expressives Lobwort wird häufig der aus dem Englischen übernommene Latinismus *super* verwendet, z.B.: *super atliktas darbas (super Arbeit)* LNK 2012-08-13, *super gražu stadione* (super schön auf dem Stadion) LRT 2012-08-12, *superidėja* (Superidee) LRT 2012-08-07, *superklausimas* (Superfrage) BTV 2011-09-02, *supernuolaida* (Super-Rabatt) LNK 2011-07-30, *superpograma* (Super-Programm) LRT 2012-08-16, *superprojektas* (Super-Projekt) TV3 2011-08-07, *superinis koncertas* (super Konzert) LRT 2012-08-20, *superinis verslas* (super Geschäft) TV3 2011-06-18. In der deutschen Sprache ist das Wortbildungsmuster mit *super-* auch besonders produktiv und aktiv: *superschnell, superelegant, supermodern, supergünstig, superkonzentriert, superklassisch, superkompakt, superlieb, superteuer, supernett, superwohl, superschnuckelig, supersüß, superhart u.v.a.* Nach dem Beispiel des Englischen hat der Latinismus *seksualus, -i (sexy*) im Litauischen auch neue Bedeutungen bekommen, solche wie *mielas(lieb), malonus (nett), gražus (schön), dailus (gut ausehend), žavus (charmant), šaunus(cool), puikus (großartig), nuostabus (fantastisch), patrauklus (attraktiv)* u.a. ir kt. Der Anglizismus *sexy* erfährt im Gegenwartsdeutsch enorme Bedeutungserweiterung, seine Häufigkeit in der Pressesprache ist sehr groß (5105 Verwendungsbeispiele im Wortschatz-Datenbank der Universität Leipzig) (http://wortschatz.uni-leipzig) (Zugriff: 25. 09. 2014), und er verdrängt solche heimischen Wörter wie „angenehm, anziehend, aufreizend, betörend, bezaubernd, entzückend, hübsch, lieb, liebenswert, reizvoll“ u.a. (etwa 20 heimische deutsche Wörter).

Es steigt die Zahl der für litauische Kultur fremden übersetzten Grußwörter, Glückwünsche und Ausdrücke, z.B.: *hello!* (= sveikas!), aus der englichen Umgangssprache *hai* (angl. hi), *geros sėkmės* (vgl. engl. *good luck*), *turėk gerą dieną* (vgl. engl. *have a good day*), *turėk gerą laiką* (vgl. engl. *have a good time*), *turėk gerą savaitgalį* (vgl. engl. *have a good weekend*).

Die Globalisierung wird von Pragmatismus, Konsum begleitet. Dies wirkt sich auf die Werte-Bildung aus. Die Entfaltung des Pragmatismus in der Gesellschaft zeigt der aktive Gebrauch der sogenannten Marktlexik in der litauischen Sprache. Als Beispiel kann man das internationale Wort *produktas* (lot. *productus* – pagamintas) anführen. Nach dem Vorbild der englischen Sprache ersetzt dieses Wort das litauische Wort *kūrinys* (Werk), pvz.: *Atpigo meno produktai(Kunstprodukte sind billiger geworden)* LTV 2012-04-03 . *Dabar dažnai nuvertinami kultūros produktai* (Kulturprodukte) LTV 2012-02-10. *Jie* [aktoriai] *nuoširdžiai ir sunkiai dirbdavo visą savaitę, todėl ir parengdavo gerą produktą (Schauspieler haben gutes Produkt vorbereitet)* LR (TVA) 2012 8 11. *Knygų mugėje unikalus produktas – knyga slaugantiems ligonius namuose (Buch als unikales Produkt)* LRT 2013-02-21. Sogar Menschen werden als Produkte bezeichnet , pvz.: *Abi mūsų dukterys – angliškos kultūros ir anglų kalbos produktas* (Unsere Töchter sind das Produkt der englischen Kultur und Sprache) LR (TVA) 2011 43 53. *Baltarusijos prezidentas – unikalus politinis produktas* (Der Präsident Weißrusslands it ein unikales politisches Produkt) LTV 2011-05-02. Der Internationalismus *Produkt* wird auch im Deutschen sehr häufig verwendet und als Synonym von vielen einheimischen Wörtern, darunter auch Kunstwerk, Leistung, Machwerk, Werk, Schöpfung bezeichnet, z. B.: ***Produkt*** *seines musikalischen Abenteuers: das legedäre Album "Graceland", für das Simon 1987 den Grammy "Album des Jahres" einheimst* www.general-anzeiger-bonn.de 2011-01-04*; Aus einem alten Eichenfachwerk entstand dieses* ***Produkt*** *künstlerischen Schaffens* www.mt-online.de 2011-01-12; *Saddam ist wie Bin Laden ein* ***Produkt*** *der miserablen und ständig verfehlten Aussenpolitik der USA* www.news.ch 2011-01-16*; Kultur sei kein* ***Kunstprodukt****, sie könne nicht "gemacht" werden* www.oe-journal.at 2011-01-17.

Ein weiteres Beispiel für den Pragmatismus der Gesellschaft, schnelles Lebenstempo ist auch die sinkende Verwendung des Verbs *kurti* (schaffen). Radio- und Fernsehsendungen, verschiedene Strategien, Programme, Vorträge werden *gemacht (daromi)*. Sogar Festspiele, Konzerte, Aufführungen, Musik, Lieder macht man oft. Natürlich ist es einfacher zu machen als zu schaffen, weil das Schaffen eine höhere Stufe der menschlichen Tätigkeit ist. Es wird vorgeschlagen sogar Freude zu *machen*, z. B.: *Pasidaryk draugų, ir verslas klestės* (mache dir Freunde und das Unternehmen wird florieren) LTV 2010-11-06. In der englischen Sprache wird der übliche Ausdruck *to find a friend* durch den neuen Ausdruck *to make friends* verdrängt. Die ganze Zeit hat man das Geld verdient (*pinigus už(si)dirbti)*, jetzt hört man immer häufiger den Ausdruck *Geld machen* (*daryti pinigus)*, z.B.: *Aš organizuoju paramą arba darau pinigus (Ich organisiere Unterstützung oder mache Geld)* LTV 2011-03-15. Vgl. auch die analoge Verwendung des Verbs *machen* im Deutschen, z. B.: Musik machen, Geld machen, Job machen; *Als ich erfuhr, dass Isabelle Carré schwanger war, sagte ich ihr, dass ich schon immer mal einen Film über eine schwangere Frau* ***machen*** *wollte* www.pnp.de 2011-01-19*; Wenn Ärzte und Schwestern gut gelaunt ihren Job* ***machen*** *und wirklich in Kontakt mit den Patienten treten, profitieren alle davon* www.noz.de, 2011-01-16.

Der übertriebene Konsum, Streben nach materiellem Gewinn fördert den moralischen Niedergang der Menschen, man beobachtet Manifestationen der moralischen Krise. Betroffen sind solche grundlegenden Werte des litauischen Volkes wie Ehrlichkeit, Respekt, Wahrheit, Fleiß, Verantwortung für seine Worte, Handlungen, Lebensstil. Es beginnt Aggression, Respektlosigkeit, Schmälern des anderen Menschen zu dominieren, ethische Normen werden lässig betrachtet oder ignoriert. Litauische Sprache, besonders ihre Lexik passt sich diesen Erscheinungen an. Beim Sprechen oder beim Schreiben bemüht man sich schärferes Wort zu verwendet, Emotionen zu beeinflussen, z.B.: *Ministrai guodžiasi, kad juos išdūrė arba pakabino* (Minister wurden *ausgestochen oder aufgehängt* = umg. betrogen) LTV 2011-02-11.

In der öffentlichen gesprochenen und geschriebenen Sprache nehmen herabwürdigende, sogar erniedrigende Wörter zu, z. B.: *FNTT vadovai – puspročiai* (Leiter von FNTT sind Halbverrückte) LNK 2012-02-19. *Į valstybinį sektorių papuola bepročiai arba vagys* (Im öffentlichen Sektor sind Verrückte oder Diebe) LR 2010 254. *Laikas baigti su tuo subinlaižiavimu* (Schluss mit dem Arschlecken) init 2009-03-17. *Konstitucinis Teismas – tai ne bokštinis kranas, kuris vienu kabliu visą Seimą iš smirdančios mėšlo krūvos galėtų ištraukti* (stinkender Haufen Scheiße) LR 2010 260. *Šitiems politiniams banditams reikėtų baigti spekuliuoti mergaitės likimu* (diese politischen Banditen) LNK 2012-05-22. Es entsteht immer neue Lexik, die litauische Ethik und die Etikette der litauischen Sprache verletzt, z.B. *politikos kūdra* (Teich der Politik) LR 2012 175, *politinė plūrzė* (politisches Schlamassel) LTV 2012-02-26, *politinis turgus* (politischer Markt) LR 2011 82, *politinis tvaikas* (politischer Gestank)LR 2012 128, *valdžios lovys* (der Trog der Macht) LR 2011 18.

Abwertende Einstellung wird auch bei der Verwendung der Wörter in der übertragenen Bedeutung zum Ausdruck gebracht. Um sich schärfer, beleidigender, verletzender, frecher auszudrücken, verwendet man medizinische Termini, z. B.: *Kai kurie Seimo nariai ir toliau demonstruoja savo politinę impotenciją* (einige Parlamentsmitglieder zeigen ihre politische Impotenz) LRT 2012-07-29; *Ar tai tikrai nuoširdi kova su alkoholizmu, o gal nuoširdus valdžios vyrų debilizmas?* (Debilismus der Machthabenden) LR 2011 47; *Ne visi politikai yra idiotai* (nicht alle Politiker sind Idioten) LR 2012 5; *Vyriausybės nariai elgiasi kaip politiniai autistai* (Regierungsmitglieder verhalten sich wie politische Autisten) init 2009-05-06; *Mes neturime skleisti įtarumo ir paranojos* (Wir sollen nicht Misstrauen und Paranoia verbreiten) LTV 2010-10-15; *Mūsų Vyriausybės nariai linkę į šizofreniją* (Mitglieder unserer Regierung sind anfällig für Schizophrenie) LTV 2010-02-28; *Negalima vieną dieną kažką rašytis su vienais, o jau tos pačios dienos vakare pasirašyti su kitais – tai politinė prostitucija* (politische Prostitution) LR 2010 51.

Wie die unten angeführten Beispiele zeigen, ist eine ähnliche Tendenz auch in der deutschen Sprache zu verzeichnen: *Diese Koalition fliegt vor allem nicht auseinander, weil Die Grünen eben keine linke Partei mehr sind, obwohl sich dieser Irrglaube in Teilen der Bevölkerung hartnäckig hält und weil sie all die* ***Scheiße****, die die CDU verzapft, mitmachen* www.fr-online.de 2010-12-31*;* Geißler bissig: „Diesen Eindruck hat die Bevölkerung von vielen in der Politik: lendenlahm und impotent.“ www.focus.de 2014-08-23; *Lantos sagte weiter, er würde Schröder gern einen "politischen Prostituierten" nennen, "jetzt, da er von Putin (dem russischen Präsidenten) dicke Schecks kassiert. Aber die Prostituierten in meinem Wahlbezirk*

fühlen sich beleidigt." www.sueddeutsche.de 2010-05-17; *Ein Finazminister stellt sich vor die Öffentlichkeit und bezeichntet die "Notverstaatlichung" als gutes Geschäft für Ö. Und der Kanzler lächelt* ***debil*** *dazu* www.profil.at 2011-01-20; *Aus dem Loyalen wurde ein politischer* ***Autist*** www.tt.com *2011-02-02.*

Fleiß, Arbeit gehörten für Litauer immer zu Grundwerten. Litauer schätzten immer fleißige Menschen. Im *Wörterbuch der litauischen Sprache* finden wir viele Bezeichnungen des fleißigen Menschen: *darbštuolis, -ė, darbininkas, -ė, darbuočius, darbuolis, -ė, darbštukas, -ė, darbius, -ė, darbišius, -ė* ir kt. Litauer verhöhnten Faulenzer und verspotteten nie tüchtige, pflichtbewusste Menschen. Diejenigen, die ein Gefühl für litauische Sprache haben, werden nie solche Menschen als *darbomanas, -ė (wörtlich: Arbeitssüchtige)* bezeichnen, was auch ironische Konnotation hat, oder *darboholikas (vgl. alkoholikas = Alkoholiker), wobei* krankhafte Abhängigkeit, krankhafter Fleiß betont wird. Das Konzept der Arbeit selbst wird erweitert, auch seine Bezeichnung ändert sich. Z. B.: synonymisch verwendet werden Ausdrücke *sekso paslaugos (Sexdiensleistungen, Sexdienste)* ir *sekso darbas (Sexarbeit)* LR (RV) 2011 1. Als Synonyme verwendt man auch Bezeichnungen *prostitutė (Prostituierte) und sekso darbininkė* (*Sexarbeiterin)* LR (RV) 2011 1. Immer häufiger verwendt man Begriffe *verslas (Unternehmen), verslininkas, -ė (Unternehmer, Unternehmerin).* Das Konzept des Unternehmens wird erweitert, es entstehen neue Arten der Unternehmen und ihre Bezeichnungen, z. B.: *smulkusis verslas (Kleinunternehmen), stambusis verslas (Großunternehmen), vidutinis verslas (mittelständisches Unternehmen), kaimo turizmo verslas (ländliches Tourismus-Geschäft)* LR (GB) 2012 28, *lošimo verslas (Glücksspiel-Geschäft)* LR 2010 12, *narkomanijos verslas (Drogen-Geschäft)* LR 2012 198, *pažinčių verslas (Bekanntschaften-Geschäft)* LR (TVA) 2012 29 9, *prostitucijos verslas* (*Prostitution- Geschäft* LR (RV) 2011 1. Auch solche Erscheinungen wie *spekuliacija (Spekulation), sukčiavimas (Betrug) u.a.* werden als *verslas (Unternehmen, Geschäft) bezeichnet.* Es entstehen neue Begriffe, die als Masskierung, Euphemismen für diese konkreten negativen Erscheinungen verwendet werden, z. B.: *nelegalus verslas (illegales Unternehmen)* LR 2012 163, *šešėlinis verslas (Schattenunternehmen)* LR 2010 4; *juodoji buhalterija (schwarze Buchhaltung)* LR 2009 14, *juodieji pinigai (schwarzes Geld)* LR 2009 10, *nešvarūs pinigai (schmutziges Geld)* LR 2011 6, *šešėliniai pinigai (Schattengeld)* LR 2012 7. Unehrliche, oft auch hinterhältige Taten nennt man *juodosios technologijos* (schwarze Technologien) LR 2011 58.

Schlussfolgerungen

Die Analyse der Belege des Litauischen im öffentlichen Gebrauch lässt Folgendes festhalten:

1) die litauische Sprache wandelt sich unter dem Einfluss des Englischen als eines der wichtigsten Globalisierungsfaktoren, ihr Prestige sinkt;
2) die Zahl der Entlehnungen, die aus dem Englischen oder über das Englische kommen, steigt, das Gleichgewicht des Gebrauchs von litauischem und fremdem Wortgut wird gestört;
3) das semantische System der litauischen Sprache wird dem Englischen angenähert, dadurch wird die Eigenart des Litauischen beeinträchtigt;

4) die Analyse der Belege zeigt Übereinstimmungen bei der Erweiterung der Bedeutungsstrukturen und im Gebrauch derselben Internationalismen im Deutschen und im Litauischen;
5) die neuen, oft aus dem Englischen übernommenen Bedeutungen von Internationalismen verdrängen häufig aus dem deutschen und litauischen Sprachgebrauch heimische Wörter, was zu solchen negativen Erscheinungen wie Verarmung der Sprache, kulturelle Assimilation und Nivellierung führen kann;
6) es ist notwendig, die litauische Sprache als nationalen Wert zu pflegen, das Ansehen des Litauischen zu erhöhen;
7) die Einstellung zur ethnischen litauischen Kultur ändert sich, Realien und Bräuche der westlichen Kultur werden angenommen;
8) Globalisierung mit den damit verbundenen sozialen und kulturellen Veränderungen beeinflusst litauische nationale Werte, darunter solche Grundwerte wie Ehrlichkeit, Respekt, Wahrheit, Fleiß. Pragmatismus, Konsum, Grobheit, Aggressivität, Verachtung des Menschen entfalten sich. Das widerspiegelt sich in der Lexik der litauischen Sprache und ist mit den Erscheinungen in der deutschen Lexik vergleichbar;
9) Globalisierungs- und Integrationsprozesse sind unaufhaltsam. Doch jede Nation ist für die Welt so viel interessant wie sie einzigartig ist. Die Kultur jeder Nation ist ein Bestandteil der gesamten Weltkultur, aber man kann diese Welt sich nicht ohne bewusste Grenzen vorstellen. Unter den Bedingungen der Globalisierung spitzt sich das Problem der Universalität und Nationalität der Kultur generell zu. Das litauische Volk ist auch für andere Kulturen offen, aber Offenheit gegenüber anderen Kulturen sollte auf Ethnizität bezogen werden. Litauische Kultur, Sprache und andere Grundwerte sowie ihre Identität sollten aufbewahrt und gefördert werden. Das litauische Volk soll seine Grundwerte nicht verlieren, aber es soll auch sich nicht abgrenzen von allen menschlichen Werten, von den allgemeinen moralischen Grundlagen, um die Kultur anderer Völker zu verstehen. Man muss von anderen Kulturen das übernehmen, was litauische Kultur und Sprache bereichert und nicht ärmer macht.

Quellenverzeichnis

LR – *Lietuvos rytas* (dienraštis).

LR (GB) – *Lietuvos ryto* priedas „Gyvenimo būdas“.

LR (RV) - *Lietuvos ryto* priedas „Rytai – Vakarai“.

LR (S) – *Lietuvos ryto* priedas „Sostinė“.

LTR (TVA) – *Lietuvos ryto* priedas „TV antena“.

Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas. Verfügbar unter: http://donelaitis.vdu.lt [Zugriff: 25.09.2014].

Wortschatz-Datenbank der Universität Leipzig. Verfügbar unter: http://wortschatz.uni-leipzig [Zugriff: 25.09.2014].

Literaturverzeichnis

1. Burkhardt, A. 2013. Die „Anglizismen-Frage aus der Sicht der GfdS. In: *Sprachreport*, Heft 1-2, 29. Jahrgang, S. 38-42.
2. *Duden. Die Grammatik. 7., völlig neu erarbeitete und erweiterte Auflage*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2005, S. 718.
3. Eichhoff-Cyrus, M., Hoberg, R. (Hrsg.) 2000. *Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall?* Mannheim, Leipzig,Wien, Zürich: Dudenverlag.
4. Girčienė, J. 2004. *Skoliniai ir bendrinė kalba*. Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla.
5. Hoberg, R. (Hrsg.) 2002. *Deutsch-Englisch-Europäisch. Impulse für eine neue Sprachpolitik*. Mannheim, Leipzig,Wien, Zürich: Dudenverlag.
6. Hoberg, R. 2013. Anglizismen und Sprachloyalität. In: *Sprachreport*, Heft 4, 29. Jahrgang, S. 2-5.
7. Kilian, J. (Hrsg.) 2005. *Sprache und Politik. Deutsch im demokratischen Staat*. Mannheim, Leipzig,Wien, Zürich: Dudenverlag.
8. *Lietuvių kalbos žodynas* 1969. Vilnius: Mintis, T.2.
9. Linke, A. 2008. Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung. Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation. In: Kämper, H., Eichinger, L. M. (Hrsg.) *Sprache-Kognition-Kultur*. Berlin, New York: de Gruyter, S.24-50.
10. Mironow, W. W. 2013. Der Kommunikationsfaktor in der Entwicklung der Kultur und der Philosophie. In: Volodina, M. N. (Hrsg.) *Mediensprache und Medienkommunikation im interdisziplinären und interkulturellen Vergleich*. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, S. 283-298.
11. Munske, H. H. 2013. Was ist Sprachloyalität? In: *Sprachreport*, Heft 3, 29. Jahrgang, S. 29-31.
12. **Račienė, E., Rudaitienė, V.** 2008. New lexis – an expression of transformation of Lithuanian culture. In: Carlsburg, G.-B von (Hrsg.) *Bildungs - und Kulturmanagement. The management of education and culture.* Frankfurt am Main: *Peter Lang*, Band 15, S. 209-224.
13. **Rudaitienė, V.** 2006. Globalisation and transformations of Lithuanian culture In: *Citizens and Governance for Sustainable Development,* Vilnius: Technika, S. 363-367.
14. Rudaitienė, V. 2012 Vertybių transformacijos apraiškos lietuvių kalboje. In: *Societal Innovations for Global Growth*, No. 1(1), S. 1121-1135.
15. Schaller, H.-W. 2000. Diskurs und Diskursnetze: Überlegungen zu *den American Studies* in der heutigen Zeit. In: Klein, E., Knapp, K., Neumann, F.-W., Schaller, W.-H. (Hrsg.) *Kulturkommunikation Anglistik in der Remediatisierung der Informationsgesellschaft.* Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, S. 15-34.
16. Schippan, Th. 1992. *Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer, S. 253.
17. Vaicekauskienė, L. 2007. *Naujieji lietuvių kalbos svetimžodžiai: kalbos politika ir vartosena*, Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla.

И.А. Рубанникова
г. Москва, Россия

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Коммуникация, являясь формой языкового контакта представителей разных культур, предполагает стремление к достижению адекватного понимания, независимо от того, какие конечные цели ставят перед собой собеседники, вступая в акт коммуникации. Особая роль принадлежит их статусу и ситуации общения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, диалог культур, методологическая основа, концепция.

Irina Rubannikiova
Moscow, Russia

DIALOGUE OF CULTURES AS THE METHODOLOGICAL BASIS OF TEACHING INTERNATIONAL COMMUNICATION

Communication, as a form of language contact between the representatives of different cultures, based on the purpose to achieve an adequate understanding no matter what ultimate goals have been set by the interlocutors at the beginning of the act of communication. Their status and the situation of communication are of great importance.

Key words: intercultural communication, dialogue of cultures, methodological basis, concept

Развитие многостороннего сотрудничества с зарубежными странами, организациями и проведение совместных мероприятий, партнерство в подготовке кадров порождают необходимость обучения будущих специалистов готовых к адекватному взаимодействию с представителями иных культурных сообществ. Растущие потребности в профессионалах с высоким уровнем социокультурной компетенции диктуют ориентацию образовательной политики высшей школы на взаимосвязь профессии, культуры и зыка, сближение профессионального, социокультурного и языкового образования. Иностранный язык является неотъемлемой частью профессиональной подготовки современного специалиста. Высшей ступенью овладения студентами иностранным языком считается сформированность коммуникативной иноязычной компетентности, неотъемлемой частью которой является социокультурная компетенция. Концепция коммуникативного обучения, определяющая сегодня стратегию подхода к преподаванию иностранного языка в высшей школе, строится на признании того факта, что успешная коммуникация требует изучения « языка через культуру».

Значительный вклад в исследование проблемы интеграции культуры в процесс обучения иностранным языкам внесли Е.М.Верещагин, Ж.Л.Витлин, В.Г. Костомаров, Р.Ладо, К.М. Левитан, Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Д. Райхштейн, В.В.Сафонова, П.В.Сысоев, С.Г. Тер-Минасова, Г.Д. Томахин, А.Холлидей. Изучению проблем развития социокультурной компетенции как необходимому фактору эффективной межкультурной коммуникации посвящены исследования

Н.В.Барышникова, Г.В.Елизаровой, Р.П.Мильруда, Ф.П.Фурмановой, И.И.Халеевой, В.Д.Ширшова и др.

В современном мире проблема взаимопонимания между народами становится наиболее актуальной, поэтому очень важно избегать трудностей из-за столкновения культур, обусловленных различным историческим, политическим, социальным развитием. В настоящее время установление и развитие международных и межкультурных контактов одна из острейших социальных задач во всех сферах общественной жизни мирового сообщества. Изучение иностранных языков и их использование как средство международного общения невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей языкоа, их менталитета, национального характера, образа жизни, обычаев, традиций и т.д. Только сочетание двух знаний – языка и культуры партнеров по мировому сообществу позволяет создать необходимые условия для успешной, эффективной, полноценной коммуникации. Проблема межкультурного взаимодействия, взаимовосприятия, взаимовлияния в настоящее время тесно связана с концепцией диалога культур. Актуальным представляется диалог культур в деловом общении. Коммуникация, являясь формой языкового контакта представителей разных культур, предполагает стремление к достижению адекватного смыслового понимания речи независимо от того, какие цели ставят перед собой собеседники, вступая в коммуникативное общение: одну и ту же цель или же разные в зависимости от положения, обстановки в определенных ситуациях.

В последнее десятилетие исследования, посвященные феномену человеческого языка, вышли за рамки чисто лингвистического анализа. Процесс поиска ответа на вопрос «Что такое язык?» привел к появлению различных концепций, соотносящих язык и общество, язык и культуру. Тезис о неразрывной связи языка и культуры, составляющий основу современной культурологии создал теоретический стержень, вокруг которого строится культурологическая концепция языка.

Как отмечает Алан Ченки, язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами. Структура языка отражает известные функциональные критерии, основанные на употреблении языка как коммуникативного орудия. Несмотря на произвольность отношений между многими языковыми формами и их значениями, отношение часто бывает иконичным. Как средство коммуникации между членами общества, язык отражает многие аспекты данной культуры. Значит, структура языка является порождением двух важных факторов: один – внутренний (т.е. ум индивидуального говорящего), другой – внешний (а именно культура, общая с другими говорящими на том же языке) [Ченки 1997, 341].

Культуры развиваются и достигают кульминации только в комплексе при своем внутреннем сохранении и накоплении. Закон дифференцированного единства не означает, что культуры могут потерять свою индивидуальность и смешаться, напротив, это подчеркивает самобытность и исключительность каждой культуры. На фоне комбинированного влияния двух факторов – способности культур к смешиванию и объединению происходит диалог культур.

Говоря о диалогической сущности культуры, В.С. Библер отмечает: «Каждая культура есть некий, «двуликий Янус». Ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных

мирах, столь и внутрь, в глубь себя, в стремлении изменить и дополнить свое бытие» [Библер 1991, 187].

Культура по В.С. Библеру – это культура «втягивания» всех прошлых и будущих культур в единую цивилизационную лестницу, понять культуру возможно в ее всеобщности, которая мыслится не как нечто уже заданное, наличное, извечно действительное, а как мир возможностей, бесконечно возможный. Современный диалог культур актуализирует всеобщий смысл самого феномена «культура». В современной трактовке диалогическая сущность культуры четко прослеживается и актуализируется: культура есть форма общения (диалога) культур; культура есть там, где есть две культуры; культура – грань культур, момент их взаимоначинания и взаимостановления как культуры [Библер 1991,43].

Следовательно, современное обучение иностранному языку ориентировано на овладение иноязычной культурой, накопленной человечеством. Иноязычная культура есть часть всеобщей культуры, передаваемая из поколения к поколению. Чтобы передать определенную культуру, надо знать и понимать само явление культуры. Сознавая сложность определения культуры и многообразие тенденций ее исследования, необходимо обратить внимание на деятельностный подход к анализу культуры, имеющий значение для обучения.

Само по себе обучение имеет своей задачей формирование личности путем передачи накопленной культуры, точнее - способов деятельности по ее использованию. Личность может усвоить лишь то, что является предметом сознания и способом деятельности. Культура не существует в закодированном виде. Обучение в данном случае представляется как способ ее существования, в котором она органически может быть востребована и передана человеком человеку. Это предполагает решение вопросов, связанных с формой передачи культуры и ее содержанием. Культура в любой форме ее фиксации может быть передана личности лишь в той мере, в какой она включена в социальный опыт передающего поколения. Относительная новизна данной проблемы для методики, с одной стороны, и сложность явления «культура», с другой, во многом объясняют пестроту мнений по вопросу взаимосвязанного обучения языку и культуре. Например, в одних случаях изучение иностранного языка увязывается с предметными знаниями, в других предлагаются модели, где основное внимание уделяется усвоению языка в контексте решения разного рода прагматических задач, в третьих акцент делается на актуализации мотивационных структур личности. Предлагаемый подход стремится к целостной интерпретации культуры как объекта обучения. При этом сама культура понимается широко, т.е. как уклад жизни народа со своей территорией и историей, своим видением жизни, своими способами производства, социальными институтами, искусством, религией, нравами, обычаями, традициями, культурным аспектом, под которым понимается речевой этикет, национальные жесты, коммуникативное поведение, а также социальное поведение носителей языка в различных ситуациях и т.п. Решающим условием овладения культурой считается ее среда. Поэтому методисты – исследователи и преподаватели – практики,

разрабатывая методику и осуществляя обучение иностранному языку, прибегают к разным способам моделирования и воссоздания культурной среды изучаемого языка.

Иностранный язык играет особую роль в осуществлении диалога культур, который стал одним из важнейших положений современных концепций образования высшей школы. Неоспорим тот факт, что знание культуры страны изучаемого языка представляет студентам больше возможностей для расширения их кругозора, а самое главное поддерживает интерес к изучаемому языку, следовательно, и мотивацию, что обеспечивает эффективность обучения и вызывает у обучающихся потребность в дальнейшем самостоятельном ознакомлении со страноведческим материалом.

Один из способов, широко практикующийся современной методикой, связан с использованием разнообразных материалов по страноведению. Иллюстрацией может служить модель, предусматривающая целенаправленное создание с помощью страноведческих текстов культурной иноязычной среды с последующей иноязычной социализацией и культурализацией личности студента. В структуре этой модели соответственно выделяются три последовательные фазы: когнитивная, коммуникативная и креативная.

В первой фазе учебной работы по циклу занятий с базовым страноведческим текстом планомерно создается иноязычная культурная среда. Она представляет собой иллюзорную, образную, многоплановую, динамичную, развивающуюся картину фрагмента действительности, формируемую в воображении студентов средствами иностранного языка на материале страноведческого текста. Ее центральное место занимают сюжеты и персонажи – будущие партнеры студентов по межкультурному общению. Следовательно, чрезвычайно важно как можно детальнее знать, представлять, чувствовать своих будущих собеседников, с их личностными жизненными идеалами, интересами, ценностями, целями, поведением и т.д. Основной способ создания подобной «картины мира» – когнитивная речевая деятельность, которая не сводится к литературоведческому анализу текста.

Главным партнером по учебному общению в данном случае является преподаватель: он вводит студентов в эту среду, обращая особое внимание на формирование у них личностного отношения ко всем значимым компонентам межкультурной коммуникации. Практика, показывает, что если преподносить знания о культуре страны изучаемого языка фрагментарно и не систематически, то нельзя достичь желаемого результата. Следовательно при изучении иноязычной культуры необходимо подбирать тот материал, который отражает страноведческую специфику. Желательно останавливаться на тех фактах национальной культуры, знания которых способствуют повышению уровня общекультурной и страноведческой образованности обучающихся.

Вторая фаза обеспечивает иноязычную социализацию личности студентов, делая их носителями социальных ролей и общественных отношений, свойственных культуре страны изучаемого языка. Для этого устанавливаются многообразные виртуальные контакты с представителями этой культуры. В подобных ситуациях студенты действуют чаще всего в роли представителей своей культуры, в связи с чем сам этот процесс иноязычного общения приобретает межкультурный характер.

Преподаватель регулирует исполнение ролей, соблюдение норм речевого и социокультурного поведения, внося в него необходимые коррективы. В совокупности моделируемые ситуации должны охватывать всю значимую тематику и проблематику, все значимые социальные и другие отношения, актуальные для данной культуры.

В заключительном цикле занятий на базе страноведческого материала большое внимание уделяется иноязычной культуре, которая связана в своей основе с развитием индивидуальности личности обучающегося средствами иностранного языка. Эта задача решается путем вовлечения студентов в творческую речевую деятельность, в ходе которой они выражают личностное содержание своего внутреннего мира, свои ценности, убеждения, интересы, намерения, мнения, оценки, отношения.

Студенты, участвуя в межкультурной коммуникации, создают свои произведения – сообщения, рассказы, презентации, выступая с ними в реальных и воображаемых ситуациях иноязычного педагогического общения. Они включаются далее в креативную речевую деятельность в роли «субъективных объектов». В итоге возникает активное восприятие друг друга, а сами участники образовательного процесса модифицируются в реальные субъекты вполне правдоподобного для них иноязычного общения. Участие в иноязычной коммуникации – это вживание в новую культуру, духовное освоение новых ценностей, выработка новых навыков общения. Реальному общению предшествует этап «опережающей коммуникации». В связи с этим большое значение приобретают стереотипы иноязычной культуры. Эти стереотипы, являясь результатом интеллектуальной, интерпретационной, духовной деятельности, отражают реальную жизнь и культуру. При этом культура порождает контркультуру и интерес к другой иноязычной культуре, к общегуманистическим ценностям. Диалог культур создает положительную основу для развития интернациональных чувств, толерантности, помогает студентам лучше узнать национально-культурные и социально-исторические достижения других народов и глубже осознать самобытность собственной культуры.

Литература

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991.
2. Декларация Мехико по политике в области культуры. М., 1984.
3. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М., 1987.
4. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж, 1996.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.,1987.
6. Телия В.Н. Наименование *родина* как часть социального концепта *patria* в русском языке // Языковая категоризация. М., 1997.
7. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под редакцией А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М.,1997.

В.М. Середенко
г. Москва, Россия

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЯПОНСКИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

Статья посвящена изучению политического дискурса. Автор выявляет национально специфические черты публичных выступлений японских руководителей, устанавливая взаимосвязь структуры высказывания с целями коммуникации и социокультурной средой.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникация, репрезентация

Vladimir Seredenko
Moscow, Russia

THE WAY OF IDENTIFYING THE GENERATION AND PERCEPTION PECULIARITIES OF AN UTTERANCE BY JAPANESE POLITICIANS

The article deals with the study of political discourse. The author reveals the specific features of the national public speaking of Japanese leaders, in correlation with the structure and the goals of communication statements, as well as socio-cultural environment peculiarities.

Keywords: political discourse, communication, representation

В настоящее время многие исследователи всё чаще заявляют о целесообразности применения дискурсивного подхода при анализе коммуникативных процессов и явлений, в том числе и политических, ввиду того, что язык стал рассматриваться не только как средство репрезентации значений, но и как средство коммуникации, деятельность. Анализ политического дискурса подразумевает использование совокупности различных методик и техник интерпретации различных текстов и высказываний применительно к конкретным общественно-политическим обстоятельствам и культурно-историческим условиям. Изучение политического дискурса направлено на выявление взаимосвязи структуры речевой деятельности с социокультурной средой её порождения и обладает специфическими тематическими, предметными и методическими характеристиками. Самой показательной постструктуралистской теорией в рамках дескриптивного подхода является теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, данная теория основана на идее формирования дискурсом социального мира посредством значений [1, с.101-107].

Проследим за особенностями лексико-семантических средств открытого выступления. Прежде всего, рассмотрим, как реализуется волевая составляющая оратора – уверенность. Проявляется это в степени категоричности, которую демонстрирует оратор, направляя усилия на достижение цели, а именно в модальности долженствования. В речи активны конструкции, которые подчеркивают уверенность, личностное начало говорящего:

…やってまいりたいと思っております *«я настаиваю на…»,*

… は必要です *«мы должны»,*

日本 … 重要である *«Япония должна»,*

必要があるとは確信しています*«я уверен в том, что, нам необходимо и т.п.»*

Однако наряду с модальностью долженствования встречается и модальность желания и возможности:

おわびを申し上げたい *«я хотел бы извиниться»,*

引き続き、今後、力を尽くしていきたいと考えております*«мне бы хотелось продолжать работать не покладая сил»,*

大変ありがたいと思っております*«хотелось бы выразить».*

Подобные конструкции ослабляют силу волеизъявления выступающего.

Кроме того, наличие вводных слов и выражений также ослабляет интенсивность речи:

…と思います *«думаю»,*

明らかに *«очевидно»,*

恐らく *«вероятно».*

Однако количественно показатель, который отражает соотношение «должен – хочу», 3/1, то есть превышают волевые характеристики долженствования. В речи часто используются конструкции, подчеркивающие категоричность высказываний оратора:

そもそもそんな事実は存在しない *«нет никаких конкретных оснований»,*

その方向性を変えてはならない *«нельзя менять курс»,*

…と … を混同してはなりません *«нельзя путать».*

Отмечается выраженная тяга к глагольности речи, что способствует движению, придает речи большую действенность:

方針を取る*«взять курс»,*

「日本新生」に取り組んでいく *«стремиться к возрождению Японии»,*

増大しています*«продолжает расти»,*

むしろこれは局面を転換しなければならない*«настало время изменить текущую ситуацию».*

Для публичного выступления в Японии издавна были характерны некатегоричность, неопределенность, расплывчатость, туманность, уклончивость. Несмотря на очевидное влияние европейской риторики, ставящей во главу угла лаконичность, логичность, простоту и понятность речи, традиция выражать свое мнение в некатегоричной, ненавязчивой, императивно смягченной, многословно-обтекаемой, синтаксически усложненной форме все еще сохраняется. Для открытого политического выступления характерно и присутствие специфических фигур бюрократического языка, когда отсутствие полноценного содержания скрывается за внешне приличными обтекаемыми выражениями. Например:

выражение 検討する – **«рассмотрим»** употребляется в том случае, когда следовало бы сказать, что в данном направлении ничего предприниматься не будет,

困っている若者に自立を促し、手を差し伸べます。そのための、若者を支援する新法も検討します。

Мы протянем руку помощи и поддержим молодых людей, которые испытывают трудности. Для этого мы также ***рассмотрим*** *новый закон, в поддержку молодежи [2].*

выражения適当な措置を取る – «принять надлежащие меры» и 適切に対応する – «реагировать надлежащим образом» употребляются, чтобы не говорить, что конкретные меры для решения проблемы неизвестны:

外交関係に関するウィーン条約は、外交公館の「安寧の妨害または威厳の侵害を防止する**適当な措置」を取る**「特別の責務」が受け入れ国にある、と定めている。

Венская конвенция о международных отношениях определяет, что в принимающей стране у дипломатического представительства есть особый долг ***принимать надлежащие меры*** *для того, чтобы остановить нарушение общественного спокойствия или ущемление достоинства [3].*

引き続き、これは防衛省で**適切な対応をし**ていただきたいという風に考えております。

Я думаю, что впредь на это ***надлежащим образом*** *будут* ***реагировать*** *в Министерстве Сил Обороны Японии; (из интервью премьер-министра Японии Ёсихико Нода на пресс-конференции http://sankei.jp.msn.com/politics/news/120104/plc12010414170013-n3.htm)*

выражение 当分の間 – «в течение определенного периода времени» используется, когда конкретные сроки либо неизвестны, либо их вообще невозможно установить:

私ども自身ももう少し与野党の胸襟を開いて、どういうあり方が良いのかということを議論して決めてこなければいけなかったのではないかなと思いますが、今の政治状況を考えますと、これからどういう形であれ、**当分の間**、ねじれの状況が続くわけであります。

Я думаю, что, может быть, нам нужно было бы и самим еще немного раскрыть душу правящей партии и оппозиции, обсудить как было бы лучше, и на основе этого принять решение и действовать. Однако, если думать о нынешней политической ситуации, какой бы не была форма, эта искривленная ситуация будет продолжаться ***в течение определенного периода времени*** *[4].*

Открытое выступление довольно бедно выразительными средствами. Наиболее универсальными из них являются интонация, темп, смена тембра голоса, жесты, мимика и телодвижения. В качестве языковых средств выразительности часто используются повторы – слова, конструкции, формы сказуемого.

В силу свойственного японской культуре глубокого уважения к традиции в стиле устного публичного выступления большое внимание уделяется соблюдению канонов, умению найти подобающие случаю выражения, способности учитывать реакцию собеседника.

このような大事なときに、小渕前総理が志半ばにして、不運にも病に倒れられましたことは誠に痛恨の極みであります。今は一日も早いご回復を心よりお祈り申し上げるものであります。

В такое сложное для нас время, крайне прискорбными является то, что бывшего премьера Обути на пути к реализации его цели к несчастью поразила болезнь. И сейчас мы от всего сердца молимся за его скорейшее выздоровление [4].

Ценится не только оригинальность мысли, но и соблюдение традиционных норм языковой этики и эстетики. Не случайно, существует немало пособий по произнесению приветствий, поздравлений, речей. Впрочем, в последнее время все более распространяются и нормы европейской риторики, императивом которой являются яркость, точность, лаконичность, оригинальность и выразительность речи. Тем не менее стиль устного публичного выступления изобилует штампами, клише, стереотипными выражениями, особенно характерными для начала и конца развертывания речи:

В завершение своей политической речи, я искренне прошу…

…を心からお願いし、私の所信表明とさせていただきます。

На этой ноте я закончу свое вступительное высказывание…

最初のごあいさつにさせていただきたいと思います。

Рассчитываю на Ваше понимание, спасибо.

よろしくお願い申し上げます。

На этом позвольте закончить свою программную речь.

わたしの所信表明を終えます。

Исходным для всякого речевого высказывания является мотив. Возникновение субъективного побуждения к цели обычно означает начало сложного процесса ситуативного развития мотивации, в результате которого оценивается возможность и определяется способ достижения необходимого результата. Процесс принятия решения является центральным на всех уровнях переработки информации и психической регуляции в системе целенаправленной деятельности. Это волевой акт формирования последовательности действий, ведущих к достижению цели, и одновременно когнитивный процесс, в ходе которого производится выбор между возможными опциями и сценариями. Автор как активный субъект, осознавший свои цели, должен выбрать стратегию их реализации. В целом, выбор соответствующей стратегии полностью зависит от способности автора привнести в нее элементы воздействия.

Рассмотрим применение комплексной методики политического дискурс-анализа на конкретном примере. Проанализируем политическую речь премьер-министра Наото Кана. Данный текст является образцом институционального политического дискурса (премьер-министр, одно из первых лиц государства, олицетворение власти). Сюжетной составляющей рассматриваемого дискурса является план основных политических задач нового кабинета министров.

Узловой точкой дискурса, вокруг которой организуются основные смыслы («послание», «Россия», «Украина», «отношения»), является решение ряда политических задач (социальная система безопасности, финансовые реформы). Социально-историческим фоном дискурса являются политические неудачи предыдущего кабинета министров. Доминирующей в смысловой структуре

текста является дихотомия «свой - чужой», характерная для политического дискурса. Она четко проявляется в коммуникативных стратегиях позитивной самопрезентации и негативного представления «другого»:

長きにわたる閉塞（へいそく）状況を打ち破ってほしい、多くの方々のこの強い思いにより昨年夏、政権交代が実現しました。しかしながらその後、「政治とカネ」の問題、さらに普天間基地移設を巡る混乱により、当初いただいた政権への期待が大きく揺らぎました。私も前内閣の一員として、こうした状況を防げなかった責任を痛感しています。鳩山由紀夫前首相は、ご自身と民主党の小沢一郎前幹事長に関する「政治とカネ」の問題、そして普天間基地移設問題に対する責任を率直に認め、辞任という形で自らけじめをつけました。

Бывший премьер-министр Юкио Хатояма публично сознался в причастности его и бывшего генерального секретаря Демократической Партии Японии (ДПЯ) Ичиро Озава к «финансово-политическим» проблемам, а также признал ошибку в вопросе военно-воздушной базы Футенма и ушел с поста с целью несения политической ответственности [5].

Идентичность адресанта формируется вокруг ключевого знака «Япония». Япония и японская власть в лице премьер-министра не разделяются, подразумевая единую позицию власти и народа. Употребляя в своей речи местоимение 1-го лица (我が国の外交を展開します – «Я буду проводить международную политику…», 丁寧に進めていきます – «Я настроен приступить…», …も進めます – «Я также буду работать над тем, чтобы…»), премьер-министр говорит от всего правления, подчеркивая свою ответственность за ситуацию, что подтверждается следующим высказыванием:

これまで述べてきたように、私の内閣が果たすべき使命は20年近く続く閉塞状況を打ち破り、元気な日本を復活させることです。その道筋は、この所信表明演説で申し述べました。後は実行できるかどうかにかかっています。

Как я уже сказал, миссия моего правительства состоит в преодолении тупикового положения, которое продолжается уже почти 20 лет, и восстановить Японию, сделав ее мощной державой [5].

На уровне локальной семантики основной стратегией порождения высказывания премьер-министром Наото Каном является презентация своей позиции, реализуемая с помощью аргументации, направленной на ее легитимацию, реализуемая при помощи тактики демонстрации сильного лидера, уверенного в своей правоте: 強く認識しています – «Я хорошо осведомлен…», 丁寧に進めていきます – «Я настроен приступить…», 具体的な結論を出していきます – «Я намерен принять решение…», 問題に力を注ぎました – «Я взялся за дело…», 厳命した – «Я отдал строгое распоряжение…». Цель презентовать себя в качестве сильного лидера реализуется в сравнении прошлого и настоящего положения Японии:

これまで日本において国家レベルの目標を掲げた改革が進まなかったのは、**政治的リーダーシップの欠如**に最大の原因があります。

Отсутствие политического лидерства было *главной причиной того, почему японские реформы, содержавшие цели на национальном уровне, не достигли своих высот в последующем [6].*

Тактика сильного лидера влияет на порождение высказывания особым способом. Для этого изменяется модальность повествования – используются отрицательные инфинитивные конструкции и конструкции с модальными глаголами. Фразы приобретают ритмический характер, появляются повторы: 行政を変革しなければなりません – «мы должны провести реформу системы…», 改革を続行しなければなりません – «Мы должны продолжать реформы…», 改革を推し進めます – «Мы должны продолжать продвигать реформы…», これまで推進してきた無駄遣いの根絶を一層徹底します – «мы должны усилить дальнейшее устранение убытков…», この取り組みを続行します – «Мы должны поддерживать наши усилия…».

На реализацию этой тактики работает также ссылка на авторитетное лицо, которым является профессор Ёносуке Нагаи, написавший шедевр «Цена мира»: «Из обсуждений с профессором Нагаи я понял, что…»

В конце выступления Наото Кан демонстрирует тактику разделения ответственности, побуждая сограждан принять участие в политическом дискурсе.

こうしたリーダーシップは、個々の政治家や政党だけで生み出されるものではありません。国民の皆様にビジョンを示し、そして国民の皆様が「よし、やってみろ」と私を信頼してくださるかどうかで、リーダーシップを持つことができるかどうかが決まります。

Сколько бы я ни доказывал, мое руководство зависит от того, смогу ли я донести свое видение Японии до сограждан, и смогут ли они, поверив в меня, дать старт на осуществление этого видения [7].

Приведенный пример комплексного анализа открытого выступления демонстрирует возможность более полного обнаружения цели высказывания и средств ее достижения. Рассмотрение смысловой структуры текста с помощью разнонаправленных подходов (риторического, семантико-стилистического, когнитивного и дискурсивного) позволяет объективно судить о его внутренней цельности и так называемой валидности - являются ли используемые в нем посылки и способы убеждения непротиворечивым комплексом.

Литература

1. Мартынова Ю. А. Проблема выбора метода исследования при изучении «Языка власти» // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Социология. Политология, вып. 4.
2. Из программной речи премьер-министра Японии Таро Асо на 170-й сессии парламента. [Электронный ресурс]. // URL.: http://www.kantei.go.jp/jp/asospeech/2008/09/29housin.html (дата обращение 16.04.2012г.).
3. Заявление премьер-министра Японии Ёсихико Нода на Японо-Южнокорейской встрече на высшем уровне [Электронный ресурс] // URL.: http://3coco.org/a/modules/d3pipes/index.php?page=clipping&clipping_id=1690 (дата обращение 16.04.2012г.).

4. Из материалов пресс-конференции с полномочным министром кабинета министров Фурукава. [Электронный ресурс]. // URL.: http://www.cao.go.jp/minister/1109_m_furukawa/kaiken/2011/1209kaiken.html
5. Из инаугурационной речи премьер-министра Японии Йоширо Мори [Электронный ресурс]. // URL.: http://www.kantei.go.jp/jp/morisouri/mori_speech/2000/0405danwa.html (дата обращение 16.04.2012г.).
6. Из инаугурационной речи премьер-министра Японии Наото Кана. [Электронный ресурс]. URL.:ttp://www.nikkei.com/news/interview/genre/article/g
7. Из инаугурационной речи премьер-министра Японии Наото Кана. [Электронный ресурс]. // URL.: http://www.nikkei.com/news/interview/genre/article/g=

В.В. Степанов
г. Москва, Россия

ГИБРИДИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСОВОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье даётся общее представление и обоснование понятий «гибридизация», «гибрид», «гибридность» в культурологии и лингвистике. Рассматриваются взаимное влияние различных терминосистем и языковая интерференция, в особенности лексические заимствования, на материале специальной лексики современного финансового дискурса в английском и русском языках.

Ключевые слова: лингвистика, культурология, гибридизация, гибридность, специальная лексика, дискурс, финансы

Vladimir Stepanov
Moscow, Russia

HYBRIDIZATION OF THE SPECIAL VOCABULARY OF MODERN FINANCIAL DISCOURSE IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

This article gives an overview of the concepts and rationale "hybridization", "hybrid", "hybrid" in cultural studies and linguistics. We consider the interplay of various terminological systems and linguistic interference, especially lexical borrowing on the material of special vocabulary of the modern financial discourse in English and Russian..

Keywords: linguistics, cultural studies, hybridization, hybrid, special vocabulary, discourse, finance.

В настоящее время понятия «гибрид», «гибридность» и собственно «гибридизация» активно применяются в самых разных областях научного знания, привлекая всё больший интерес исследователей. Изначальная принадлежность биологической терминологии не помешала им органично войти, в том числе и в гуманитарный обиход, особенно культурологии и лингвистики. Для них актуальность данных понятий обусловлена стремлением осмыслить и оценить происходящие процессы развития в культуре и языке. В этом отношении гибридизация встаёт в один ряд с другими

неоднозначными понятиями эпохи: глобализацией, индигенизацией, мультикультурализмом, этноцентризмом и т.д.; в то же время, популярные в прошлом веке привычные понятия, такие как раса и национальность, стали сейчас малоэффективными для научного применения, по крайней мере, в своих прежних значениях [Audinet: 2004; Bartoletti: 2001; Rubdy, Alsagoff: 2013].

Естественным образом, взяв за основу своё первоначальное определение из биологии, для которой это результат скрещивания двух организмов, разнородных в наследственном отношении, т. е. принадлежащих к разным видам или породам, термин «гибрид» и его производные приобрели в гуманитарных науках ценностно-идеологические коннотации, которые позволяют выявить некоторые важные процессы порождения новых смыслов [Злыднева: 2014; Ужаревич: 2014].

Определения «гибрида» многочисленны. Его определяют и как «объект, образованный таким сочетанием двух и более объектов, при котором в результате слияния последних сохраняются свойства исходных составных частей», и как «частный случай перевода, при котором возникает новое образование на основе прежней матрицы». Речь в данном случае идёт о понимании и необходимом продуктивном непонимании в культуре в силу различных кодов двух участников коммуникации, которые задают многомерность конечному тексту [Злыднева: 2014]. В свою очередь, основным свойством гибрида признана «гибридность», наличие «оппозиции», «множества и целого», а основной характеристикой – «бинарность» [Ipsen: 2004].

Наконец «гибридизация», т.е. создание гибридов, определяется в общем виде как «соединение явлений, которые считаются разными, разделёнными», и представляет собой «межкатегориальный процесс» [Pieterse: 1993]. В отношении каждой конкретной области гуманитарных знаний данное определение будет уточняться. Так, к примеру, в культурологии это: «смешение, взаимопроникновение, переработка элементов различных культур в определенном социальном контексте» [Тульнова: 2009].

Стоит отметить, что изначально концепция именно «гибридности» по отношению к языку была применена крупным русским мыслителем, филологом, литературоведом – М.М. Бахтиным, который предложил и использовал в своих работах такие термины, как «гибридная конструкция», «гибридизация», «гибридный», что во многом способствовало популяризации данных терминов как в лингвистике, так и в других областях гуманитарного знания, в том числе в упомянутых исследованиях постколониализма, несмотря на существование большого количества близких по значению альтернатив [Ужаревич: 2014, Hannerz: 2000].

Помимо собственно «гибридизации» в гуманитарной практике встречается большое количество аналоговых лексических обозначений, среди которых: «аккультурация», «транскультурация», «бастардизация», «смешение (mixing)», «контаминация (blending)», «слияние (melding)», «объединение (merging)», «синкретизация», «креолизация», «метиссаж», «метисация» и т.п. Несмотря на попытки проведения чёткого разграничения значений предлагаемых терминологических единиц, на данный момент большинство исследователей признаёт «гибридизацию» и «гибридность» в качестве наиболее употребительных терминов, объединяющих в себе значения остальных [Hannerz: 2000, Pieterse: 2009, Stockhammer: 2011].

В культурологии начало изучение гибридности и гибридов культуры связывают с исследованиями вопросов постколониализма на примере культур сообществ, переживших длительные периоды колониализма. Основополагающей работой общепризнанно считается «The Location of Culture» известного автора Хоми К. Бабы (Homi K. Bhabha), в которой он привёл обоснование гибридности любой культуры, как результата мировой циркуляции людей, артефактов, знаков и идей, указав на то, что концепт гомогенной национальной культуры, где происходит согласованная передача исторически сложившихся традиций, находится в процессе серьёзного переосмысления, а также отметил, что «процессы гибридизации особо проявляются в периоды исторических трансформаций» [Bhabha: 2004].

В ходе подобных трансформаций новые, чуждые элементы встречают активное сопротивление со стороны превалирующего «культурного континуума», однако его природа так и не была кем-либо полноценно объяснена; равно в исследованиях по теме не дано ясное обоснование выделения превалирующей культуры как таковой и её «чистоты». Тем не менее, случающиеся этапы временной «изоляции культуры», вынуждающей её полагаться в большей степени на свои ограниченные ресурсы, всё же дают возможность оценить их в сравнении с другими [Ipsen: 2004].

Безусловно, утверждать об отсутствие оснований для выделения отдельных культур в принципе нельзя, поскольку существование культурных различий человеческих сообществ не подвергается сомнению, однако чёткого проведения границ между ними достичь невозможно, поскольку любая отдельная культура непрерывно «эволюционирует» по отношению к себе и другим культурам. На основании этого всё больше закрепляется тезис о том, что любая современная культура является гибридной или носит следы гибридизации, без которой эволюционное развитие культур невозможно. Ожидаемо, культуры развитых индустриальных стран отличаются высокой степенью и активными процессами гибридизации [Ipsen: 2004].

Однако для поддержания и развития данного эволюционного процесса требуется продолжение культурного взаимодействия и обмена, что обуславливает необходимость активного «культурного вмешательства» в «чужие», более однородные культуры. Глобализация, в таком случае, может быть определена, как процесс и результат распространения наиболее гибридизированных культур. В свою очередь, язык, будучи продуктом культуры [Тер-Минасова: 2007] обладает гибридными свойствами по умолчанию, поэтому явление гибридизации в языке стало предметом всестороннего изучения лингвистики.

Итак, относительно кратким и достаточно общим определением культурной гибридизации на наш взгляд может служить следующий вариант: «взаимосмешение и интеграция (амальгамирование) раздельных культурных явлений (феноменов), особенно отражающих этническое и национальное своеобразие». В свою очередь, лингвистическая интерпретация гибридизации может быть сформулирована примерно следующим образом: «процесс, при котором отдельные разнородные (диспаратные) языковые единства или процессы создают (генерируют) новое единство или процесс (гибрид), не являющийся чисто составным (композиционным), но сохраняющий некоторые свойства его исходных составляющих» [Stockhammer: 2011].

Приведённые дефиниции конечно оставляют много вопросов относительно того, насколько чётко можно определить границу между «разными» явлениями и категориями, в силу нарастающей глобализации, а также поскольку само существование гибридов стирает различия между ними [Pieterse: 1993]. Тем не менее, несмотря на широту и разнохарактерность описываемого явления представляется возможным обозначить и изложить общую схему вариантов гибридизации в культуре и языке, взяв за основу утвердившееся представление о них как о системах знаков [Реформатский: 2006, Ipsen: 2004], а также необходимые для этого условия наличия разных по своей принадлежности элементов и объединяющей основы:

- гибридизация разнородных между собой элементов в однородной системе;
- гибридизация однородных элементов разнородных между собой систем в одной из них;
- гибридизация разнородных элементов разнородных между собой систем в одной из них.

Соответственно, элементы (культурные / языковые единицы) зависят от того уровня/аспекта системы, который затрагивается в процессе гибридизации. Так языковая гибридизация может проявляться на всех уровнях от фонетического до синтаксического и включать формальный, семантический, функциональный, этимологический и коммуникативный аспекты. Показательно, что формальная гибридизация, приводящая к появлению языковых образований путём совмещения частей исходной формы двух и более языковых единиц, непосредственно пересекается с семантической гибридизацией, т.к. задействует их семантические компоненты [Stockhammer: 2011].

В то же время, семантическая гибридизация, которая играет важную роль в процессах словообразования и обязательно содержит идиоматический компонент, не распространяется на случаи полисемии и омонимии, поскольку они по сути представляют собой «объединённые» альтернативы значения/формы, «разделяемые» в определённом контексте, в отличие от настоящих семантических гибридов, сохраняющих свою неделимость. В свою очередь, к этимологическим гибридам относят языковые единицы, которые при сохранении своей оригинальной формы получили новые структуру и значение или другие инородные элементы, заимствованные из другого языка. Соответственно, этимологическая гибридизация особенно свойственна новым для языка переводным понятиям [Stockhammer: 2011].

Стоит отметить, что подобное разграничение свидетельствует не об автономности приведённых видов гибридизации, а об их вариативности, проявляющейся в потенциальной возможности совмещения и дополнения друг друга. Более того, ввиду неразрывной связи языка и культуры [Тер-Минасова: 2007] гибридизация в одной из этих систем может быть рассмотрена аналогично другой и наоборот, поэтому далее процессы гибридизации анализируются на примере одной из них, а именно английской и русской языковых систем.

Теперь определим второе заглавное понятие настоящей статьи – «специальная лексика». В большинстве случаев можно ограничиться отсылкой к классическому словарю лингвистических терминов, который приравнивает «специальный» к терминологическому, а терминология определяется как «совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания,

образующая особый сектор (пласт) лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [Ахманова: 2007]. Однако, для уточнения значения данного лингвистического термина, приведём ещё одно его определение: «Слова и словосочетания, которые называют предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека, и не являются общеупотребительными. В специальную лексику входят термины и профессионализмы» [Розенталь, Теленкова: 1976].

Из приведённых определений становится ясным, что специальная лексика выделяется лингвистами в отдельную лексическую группу, которая формируется «осознанным» образом, включает в себя термины и профессионализмы, а также противопоставляется общеупотребительной лексике. Соответственно, первый возможный способ рассмотрения случаев гибридизации проходит по линии «специальная / общеупотребительная лексика».

Наконец, наиболее неоднозначным и сложным для определения является понятие «дискурса». В данном случае объектом анализа выступает дискурс современной финансовой сферы, или финансовый дискурс, представляющий т.н. «институциональный дискурс», который определяют, в частности, как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [Карасик: 2002].

В рамках настоящей статьи представляется допустимым ограничится данным определением, с небольшим замечанием относительно того, что термин «дискурс» применяется здесь исключительно в лингвистическом понимании. В свою очередь под «современным» подразумевается непосредственное употребление отобранных языковых единиц в актуальный период времени, их присутствие в новых словарях и справочниках.

Именно такой формат, как «специальная лексика современного финансового дискурса», по нашему мнению, позволяет получить необходимый срез всей проблематики и проследить процесс формирования подобных языковых гибридов, которые окончательно закрепляются именно в институциональном дискурсе, речевом взаимодействии между профессионалами, определяющими форму и наполнение новых словообразований, а также их источник, которым зачастую служит специальная лексика другой области знаний. Таким образом второй возможный способ рассмотрения случаев гибридизации пройдёт по линии «специальная лексика одной / другой области знаний».

Наконец, очевидным разграничительным критерием является языковая принадлежность соответствующих единиц, которая в рамках данной статьи ограничивается английским и русским языками, поэтому третьим возможным способом рассмотрения случаев гибридизации станет «английская / русская специальная лексика». Далее следует описание конкретных примеров языковой гибридизации в современном английском и русском финансовом дискурсе, а именно единиц специальной лексики, на основе предложенной схемы. Отдельно будут рассмотрены случаи, которые нельзя однозначно отнести к одной из категорий.

1. «специальная / общеупотребительная лексика»:

Свидетельством гибридизации специальной и общеупотребительной лексики, в первую очередь, является наличие их дефиниции в одноязычных толковых словарях. Так Оксфордский словарь английского языка указывает одним из определений к общеупотребительному слову «angel»: «(also angel investor or business angel) a person who supports a business financially, typically one who invests private capital in a small or newly established enterprise» и далее «a financial backer of a theatrical production» [http://www.oxforddictionaries.com].

Очевидно, что в данном определении речь идёт о единицах специальной лексики финансовой сферы, поскольку словосочетания «angel investor» и «business angel» включают в себя распространённые термины «investor», «business» и указания в определении «financially», «financial». Другие общеупотребительные словари могут выделять данные специальные словосочетания в отдельные словарные статьи: «business angel – (informal) an investor in a business venture, esp. one in its early stages» [http://www.collinsdictionary.com].

В свою очередь, словари финансовых терминов указывают только специальные определения, без указания всего спектра других общеупотребительных значений соответствующего слова: «angel – a person who provides backing for a stage performance, such as play or musical, and receives a percentage dividend when the start-up costs have been covered», а также приводят производные терминологические образования: «angel network – a network of backers, organized through a central office which keeps a database of suitable investors and puts them in touch with entrepreneurs who need financial backing» [Dictionary of Banking and Finance: 2010].

Помимо собственно определений, некоторые специальные ресурсы дают дополнительный комментарий, поясняющий суть описываемого явления: «Angel investors give more favorable terms than other lenders, as they are usually investing in the person rather than the viability of the business. They are focused on helping the business succeed, rather than reaping a huge profit from their investment» [www.investopedia.com]. Соответственно, логичным будет предположить, что указанные гибриды появились путём метафоризации общеупотребительного английского слова «angel» с актуализацией одного из его основных значений, а именно: «a person who is kind or helpful» [http://www.oxforddictionaries.com].

Подобная практика является крайне продуктивным способом терминообразования и часто сопутствует процессу гибридизации. Рассмотрим аналогичные примеры гибридизации по тому же принципу: «seed / love money» и «bad debt / bank». Начнём с определений «seed money»: «money used for the establishment of an enterprise» [http://www.collinsdictionary.com]; «money allocated to initiate a project» [http://www.oxforddictionaries.com]. А также «seedcorn, seed money – venture capital invested when a new project is starting up» [Dictionary of Banking and Finance: 2010] и «seed capital – the initial capital used to start a business» [www.investopedia.com]. И определение «love money» уточняющее первый термин: «seed money or capital given by family or friends to an entrepreneur to start a business» [www.investopedia.com].

Получившиеся гибридные образования имееют яркий метафорический образ зёрнышка-капитала, которое сажают, «вкладывают» в «почву», т.е. проект, чтобы «вырастить» новое дело.

Показательно, что распространённый перевод данного термина на русский язык «посевной капитал» отражает скорее метафорический образ, а не исходное слово «seed». В свою очередь, «love money» не имеет адекватного варианта передачи на русский язык, поскольку она затруднена имплицитностью английского выражения, но представляется возможным пойти по тому же пути и предложить перевод метафорического образа оригинала, например, «капитал (от) чистого сердца», сохранив при этом его гибридную структуру.

Другие примеры в данной категории гибридизации «bad debt / loan» и «bad bank». Английские толковые словари дают практически идентичные определения: «a debt that cannot be recovered» [http://www.oxforddictionaries.com], «(finance) a debt that cannot be recovered» [http://www.collinsdictionary.com] и «a financial institution set up to hold and manage underperforming assets owned by other banks» [http://www.collinsdictionary.com]. Специальные словари дают более подробное описание: «a debt which will not be paid, usually because the debtor has gone out of business, and which has to be written off in the accounts» [Dictionary of Banking and Finance: 2010] и «a bank set up to buy the bad loans of a bank with significant nonperforming assets at market price» [www.investopedia.com].

«Плохой» долг и «плохой» банк в русском языке – типичные примеры случаев, когда перевод специальной лексики с помощью калькирования недопустим, поскольку он не просто не отражает смысла понятия, но искажает его, т.к. в оригинале актуализируется в основном значение «worthless, not valid» [http://www.oxforddictionaries.com], и эллипсис «bad (debt) bank» соответственно, которые требуют конкретизации в русском языке. Более репрезентативны варианты: «невозвратный / проблемный долг», «банк проблемных долгов / активов».

2. «специальная лексика одной / другой области знаний»:

Терминологические заимствования из других наук в финансах не редкость. В основном это касается смежных областей знания, в первую очередь – экономики. К таким относится «microfinance», определяемый как: «a type of banking service that is provided to unemployed or low-income individuals or groups who would otherwise have no other means of gaining financial services» [http://www.investopedia.com]. Приставка «micro-» применена здесь по аналогии с термином «microeconomics», микроэкономикой, изучающей взаимоотношения между хозяйствующими агентами, людьми, организациями в процессе их деятельности, в отличие от макроэкономики, изучающей последних в рамках отдельной страны или всего мира [http://banks.academic.ru/].

Также встречается много гибридных образований на основе информационных технологий, например: «digital money – a series of numbers that has a value equivalent to a sum of money in a physical currency», или «digital cash – a form of digital money that can be used like physical cash to make online purchases and is anonymous because there is no way of obtaining information about the buyer when it is used» [Dictionary of Banking and Finance: 2010]. Показательно, что определения гибридных терминов данной категории могут значительно различаться в специальных словарях и даже противоречить друг другу: «digital money» – «digital, strictly defined, refers to e-cash that is off-line, meaning you can conduct a transaction without interacting with a bank» [Dictionary of Finance and Investment Terms: 2010].

То же относится и к основанному на психологии финансовому термину «behavioural finance», у которого встречаются следующие дефиниции: «a psychological view of the way people take financial decisions» [Dictionary of Banking and Finance: 2010] и «a field of finance that proposes psychology-based theories to explain stock market anomalies» [http://www.investopedia.com]. Такой «разброс мнений» крайне характерен для подобных гибридных образований и может быть объяснён их семантической неустойчивостью или же когнитивным диссонансом авторов словарных статей.

3. «английская / русская специальная лексика»:

В современном русском финансовом дискурсе количество недавно заимствованных английских терминов достаточно велико, большую часть которых представляют термины-гибриды состоящие из русских и английских слов, например: «домашний / дистанционный банкинг (home banking)», «интернет-банкинг для частных клиентов» и т.п., под которыми подразумевают: «предоставление банковских услуг клиентам на дому или в другом удобном для них месте» [http://banks.academic.ru]. Показательно, что «банкинг» фактически дублирует в современном русском финансовом дискурсе уже имеющееся словосочетание «банковские услуги», что вызвано, в первую очередь, сильной английской интерференцией.

Так заимствованные аббревиатуры, как правило, не переводятся, или приводятся в оригинале с расшифровкой, например, «QE (Quantitative easing)», «программа QE» или «программа «количественного смягчения» (QE)». Определение данного термина: «нетрадиционная монетарная политика, инструмент кредитно-денежной политики, применяемой центральными банками для стимулирования национальных экономик в период кризиса» [http://investments.academic.ru/]. Возможны и случаи, когда аббревиатура является составной частью термина, к примеру, P2P lending (peer-to-peer lending), в русском: «P2P-кредитование», «peer-to-peer кредитование», также «person-to-person кредитование», «кредитование от человека человеку», или даже «социальное кредитование». Последнее прямо искажает значение термина: «выдача и получение займов физическими лицами напрямую, без использования в качестве посредника традиционных финансовых институтов» [http://banks.academic.ru/].

Большое количество гибридных вариантов перевода подобных терминов в русском финансовом дискурсе, с одной стороны, свидетельствует об острой необходимости упорядочения современной русской финансовой терминологии, с другой – о намеренном предпочтении двуязычных гибридов одноязычным единицам, т.к., применение составной единицы устоявшегося в западной практике термина, позволяет избежать искажений его значения и непонимания в коммуникации между специалистами.

Наконец, рассмотрим сложные примеры гибридизации одновременно общеупотребительной и заимствованной лексики в английском языке, не относящиеся в чистом виде к выделенным категориям. Среди таких гибридные сочетания «zombie bank» и «NINJA loan», также обладающие ярко выраженным метафорическим характером, чем вызвана их большая популярность у средств массовой информации, что в свою очередь обеспечило включение данных единиц специальной лексики в толковые словари английского языка: «zombie bank – a financial institution which is insolvent

but which continues to operate through government support» [http://www.oxforddictionaries.com] и «NINJA loan – (informal) a type of high-risk loan issued to borrowers with no income, no job, and no assets» [http://www.collinsdictionary.com].

В русском финансовом дискурсе калькированные варианты «зомби-банк» или «банк-зомби», как правило, сопровождаются пояснительным комментарием, в то время как в английском финдискурсе «zombie bank» или даже просто «zombies», что называется «говорят сами за себя», метафорически сравнивая финансовые учреждения с персонажами из американских фильмов ужасов. Само же слово «zombie» пришло в английский язык из Западной Африки, и стало общеупотребительным [http://www.oxforddictionaries.com]. Соответственно данный гибрид включает в себя элементы заимствованной, общеупотребительной и специальной лексики.

Гибридное образование «NINJA loan» дополнительно осложнено тем, что слово «NINJA является заимствованным, общеупотребительным и акронимом одновременно, аллюзивно задействуя образ ниндзя как скрытных лазутчиков-диверсантов и метафорически перенося его на ненадёжного заёмщика, которому сложно доверять, поскольку он не предоставляет значимых сведений о себе и в любой момент может скрыться от кредитора. Подобная «многослойная» гибридность делает передачу данного термина с сохранением всех его составляющих крайне трудной и потребует комментария при переводе, к примеру: «NINJA займ»* высокорисковый необеспеченный кредит от английского «no income, no job, and no assets» (без дохода, работы и активов) и японского «ниндзя».

Стоит отметить, что приведённые выше примеры наглядно демонстрируют гибридную природу современных глобальной культуры и глобального английского языка, который служит её проводником. В русском языке необходимость комментария в обоих случаях всё же больше вызвана новизной данных финансовых терминов, чем их культурной спецификой, поскольку и зомби, и ниндзя уже широко употребляются в русскоязычных произведениях массовой культуры и постепенно входят в толковые словари русского языка [http://dic.academic.ru].

Безусловно предложенная выше классификация и проведённый анализ не могут считаться однозначными и исчерпывающими, но они позволяют получить общее представление обо всём многообразии процессов гибридизации, а также об их значении для культурологической и лингвистической теорий в целом. Таким образом, в заключение настоящей статьи можно сделать следующие выводы:

- Понятие гибридизации имеет ярко выраженный междисциплинарный и многоплановый характер, объединяет в себе другие схожие по смыслу понятия и может быть рассмотрено разными способами;
- Процессы гибридизации и связных явлений естественны и составляют неотъемлемую часть языковой и цивилизационной картины мира;
- Основными причинами способствующими и усиливающими данные процессы служат значимые исторические, научно-технологические, экономические сдвиги и сопутствующая им смена общественных парадигм;

- В языке и в более широком поле культуры «гибридизацию» можно определить, как процесс взаимодействия и взаимовлияния разнородных элементов, приводящий к появлению «гибридов» – неделимых «бинарных» форм, «синтезирующих» новое значение, но сохраняющих некоторые свойства исходных составных частей;
- В культуре и языке процесс образования гибридов может происходить на всех уровнях и затрагивать самые различные аспекты как внутри этих систем, так и между ними;
- Языковая гибридизация в современной специальной лексике имеет ярко выраженный характер и сопровождается процессами метафоризации и заимствования;
- «Смешанная» природа гибридных терминологических единиц усложняет задачу их определения и понимания в одном языке, а также их передачу, перевод на другой язык.

В связи с вышесказанным необходимо ещё раз подчеркнуть необходимость и особую значимость продолжения исследований явления гибридизации во всей его концептуальной сложности, неразрешённой на данный момент, и вызванной, в первую очередь, отсутствием чёткой аксиоматической и терминологической систем, поэтому их всесторонняя разработка и согласование в отдельных и смежных областях научных знаний представляется крайне актуальным и осмысленным с точки зрения имеющейся перспективы.

Литература

1. Audinet, J. The Human Face of Globalization: From Multiculturalism to Mestizaje – Lanham: Rowman & Littlefield, 2004 – 154 p.
2. Bartoletti, R. Innovation in the global cultural industry, globalization and indigenization, Studi di Sociologia, 39 (2), 2001 – 147-159 p.
3. Bhabha Homi K., The Location of Culture – London: Routledge, 2004 – 440 p.
4. Hannerz, U. Flows, boundaries and hybrids. Keywords in transnational anthropology, Working Paper - Stockholm University, Department of Social Anthropology, 2000 – 25 p.
5. Ipsen, G. Hybridity and Heterogeneity: The Balance of Interpretation – S.E.E.D. Journal – Volume 4, No. 3, 2004 – 90 p.
6. Pieterse Jan N. Globalization as Hybridization – The Hague: Publications Office, Institute of Social Studies, 1993 – 31 p.
7. Pieterse, J. N. Globalization and Culture: Global Mélange, Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2009 – 196 p.
8. Rubdy, R., Alsagoff L. The Global-Local Interface and Hybridity: Exploring Language and Identity – Multilingual Matters, 2013 – 324 p.
9. Stockhammer Philipp W., Conceptualizing Cultural Hybridization: A Transdisciplinary Approach – Springer Science & Business Media, 2011 – 223 p.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс – Волгоград: Перемена, 2002 – 477 с.

11. Реформатский А.А. Введение в языковедение – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006 – 536 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007 – 286 с.
13. Злыднева Н. В. К типологии гибридности: человек-птица в поэтике авангарда // Гибридные формы в славянских культурах. Сборник статей Института славяноведения РАН. Отв. ред. Н.В. Злыднева – М.: РАН., 2014 – 456 с.
14. Ужаревич Й. Теория гибридности Михаила Бахтина и проблема литературных микроформ // Гибридные формы в славянских культурах. Сборник статей Института славяноведения РАН. Отв. ред. Н.В. Злыднева – М.: РАН., 2014 – 456 с.
15. Тульнова М.А., Гибридизация в языке и культуре как проявление процесса глобализации // Антропологическая лингвистика, выпуск 12: сборник научных трудов / Под ред. Н. А. Красавского – Волгоград: «Колледж», 2009 – 252 с.

Список использованной справочной литературы:

16. Dictionary of Banking and Finance. Fourth edition-London: Bloomsbury: A&C Black, 2010 – 384 p.
17. Downes John, Goodman Jordan E. Dictionary of Finance and Investment Terms – Hauppauge, NY: Barron's Educational Series, 2010 – 865 p.
18. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – Изд. 4-е, стер. – М: КомКнига, 2007 – 576 с.
19. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976 – 544 с.

Список использованных интернет-источников:

20. http://www.collinsdictionary.com
21. http://www.investopedia.com
22. http://www.oxforddictionaries.com
23. http://dic.academic.ru
24. http://banks.academic.ru
25. http://investments.academic.ru

С.А. Степанов, М.В. Полубоярова
г. Москва, Россия

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРА ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена анализу роли языка в отражении мира человека. В ходе исследования авторы приходят к заключению, что язык представляет собой универсальную систему знаков, потенциально способных выразить всё, что составляет реальный мир, описать любые предметы и явления

окружающей действительности. Однако различные языки одни и те же предметы и явления отражают по-разному.

Ключевые слова: язык, знание о мире, вербализация, культура.

Sergej Stepanov, Marina Polubojarova
Moscow, Russia

LANGUAGE AS A REFLECTION OF HUMAN WORLD

This article analyzes the role of language in the reflection of the human world. In the course of the investigation the authors come to the conclusion that language is a universal system of signs, potentially capable of expressing everything dealing with the real world and describe any objects and phenomena of the reality. At the same time different languages reflect and present the same objects and phenomena differently.

Key words: language, knowledge of the world, verbalization, culture

На современном этапе развития лингвистики наблюдается активная разработка целого ряда проблем, которые связаны со своеобразием конкретных языков. При этом язык нами понимается как условие для осуществления мышления и как средство, позволяющее хранить и передавать мысли, уже сформулированные в процессе мышления.

Перед исследователями выдвигается целый ряд вопросов и проблем, которые находят непосредственное отражение в изучении алломорфных и изоморфных характеристик, типологии разноструктурных языков.

Мы придерживаемся точки зрения Т.Г. Поповой (Попова 2006: 166), что «язык по сферам своего использования обладает столь же большой динамичностью, сколь динамична и разнообразна сама жизнь. Практическое освоение окружающего мира человеком непосредственно связано с его осмыслением и закреплением результатов мыслительной деятельности в форме естественного языка».

Таким образом, язык является «главным способом формирования и существования знаний о мире» (Попова 2009:276).

Действительно, сознание человека является формой отражения материального мира, что определяет объективную значимость содержания и структуру человеческого мышления и, как следствие, его материализованной формы – языка. Вместе с тем, язык является кодом, образующим часть культуры. Языки различаются по способам кодирования.

Носители языка по-разному моделируют объективную действительность в зависимости от своеобразия языковых категорий, присущих каждому конкретному языку. Мы можем утверждать, что язык является не только средством общения, но и системой, отражающей коллективный опыт определенного языкового коллектива.

В начале XX века идеи И.Гердера и В.Гумбольдта получили новое направление в русле зародившейся этнолингвистики (Ф.Боас, Э.Сэпир, Б.Уорф). Основной посыл в рамках этого подхода состоит в том, что главные ценностные ориентиры этноса оказывают важное влияние на

формирование языковой картины мира того или иного народа (гипотеза лингвистической относительности Сэпира - Уорфа).

В России эта проблематика нашла свое выражение в трудах Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни и др.

Язык представляет собой универсальную систему знаков, потенциально способных выразить всё, что составляет реальный мир, описать любые предметы и явления окружающей действительности. Однако различные языки одни и те же предметы и явления отражают по-разному.

В этой связи хотелось бы привести очень емкое замечание Э. Сепира (Сепир 1993:36), который подчеркивает, что «… границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают. В лучшем случае язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщённом уровне символического выражения… язык по своей сути есть функция рассудочная. Он смиренно следует за мышлением, структура и форма которого скрыты и лишь при определённых обстоятельствах могут быть истолкованы… язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль».

В контексте рассуждений Э. Сепира о границах языка и мышления можно сделать вывод о том, что язык – это орудие мышления, это то, что материализует мысль. Вместе с тем это не означает, что язык вторичен, а мышление первично, ведь без языка ни одна мысль не может быть чётко выражена.

Таким образом, основываясь на точке зрения Э. Сепира (Сепир 1993:36), мы можем утверждать, что любой язык – не только орудие, но и зеркало мышления. Каждый язык можно считать отражением внутреннего мира человека, позволяющим судить об этом мире.

Но язык вербализует не только мысли, но и образы, которые, как и мысли, являются образованием ментального мира человека. Поэтому подобное сопоставление представляется ещё более значимым.

Подтверждение нашим мыслям мы находим в фундаментальной работе С.Г. Тер-Минасовой (Тер-Минасова 2000:48-49), которая подчеркивает, что «если бы называние предмета или явления окружающего нас мира было простым, «зеркально-мёртвым», механическим, фотографическим актом, в результате которого складывалась бы не картина, а фотография мира, одинаковая у всех народов, не зависящая от их определённого бытием сознания, в этом… случае изучение иностранных языков… превратилось бы в простой, мнемонически-механический процесс перехода с одного кода на другой».

Ю. В. Рождественский (Рождественский 1990: 280) помимо языка, выделяет целый ряд знаковых систем, позволяющих судить не только о деятельности человека, но и о видении им мира – игры, обряды, меры, ориентиры, команды, танец, костюм, музыку и др. Но вместе с тем, лишь язык является универсальной системой знаков, которая тесно связан с мышлением и сознанием человека.

Описывая язык как отражение человека, мы придерживаемся точки зрения Т.Г. Поповой (Попова 2003: 38), которая в своем труде отмечает, что «весьма важным является выявление ментальной модели действительности, отраженной в языке, овладеть которым – значит овладеть специфическим образом мышления: мы можем мыслить о мире только в выражениях данного языка, пользуясь его концептуальной сетью. Поэтому разные языковые сообщества, пользуясь разными

инструментами концептообразования, формируют различные «картины мира», являющееся, по сути, основанием национальных культур».

Значение языка для изучения культуры и ее особенностей переоценить сложно. Понятие «культура» настолько сложно и многогранно, что оно с большим трудом поддаётся определению; причём существует порядка пятисот определений культуры. В языке находят свое отражение и одновременно формируются культурные представления и идеалы народа, а соответствующие языковые единицы служат пониманию этих аспектов культуры, иллюстрируя особенности мировосприятия, присущего носителям того или иного языка и той или иной культуры.

Каждое поколение принимает данный язык как продукт развития предыдущих поколений, в том состоянии, в каком он находится в данное время. «В этом смысле нет принципиального различия между языком и другими продуктами человеческой деятельности» (Леонтьев 1965:18).

Представляя собой определенный способ восприятия реальности, каждый язык по-своему членит мир в соответствии с установившимися языковыми нормами. В нем находят свое отражение историческое развитие этноса, нравы и обычаи народа, культурные традиции, которые преломляются и видоизменяются на каждом новом этапе развития данной лингвокультурной общности.

Как известно, любой живой, функционирующий язык (в том числе русский и английский) передаётся от поколения к поколению. Каждое поколение принимает данный язык как продукт развития предыдущих поколений, в том состоянии, в каком он находится в данное время. «В этом смысле нет принципиального различия между языком и другими продуктами человеческой деятельности» (Леонтьев 1965:18). Язык отражает действительность, вербализует концептосферу, благодаря ему передаётся не только опыт всего человечества, но и то, что в данной диссертации определяется как концептуальная картина мира.

А. А. Леонтьев представляет процесс познания как единство трёх моментов: «объект познавательной деятельности (и человек как часть этого мира); субъект познавательной деятельности, являющийся носителем известных психофизиологических особенностей, обусловливающих специфически необходимые формы познания, и, наконец, система общезначимых форм и способов внешнего выражения идеальных явлений, в частности – система знаков языка. Такое единство и осуществляется в деятельности» (Леонтьев 1965:20).

Таким образом, рассмотрев язык как отражение мира человека, мы приходим к выводу, что каждый отдельный человек создает свой неповторимый образ мира. Этот мир вбирает в себя черты коллективного миропонимания, характерные для определенной исторической, а также предыдущих эпох, с наложением социальной и биологической характеристик данной личности. Эти характеристики отражают его национальность, профессию, уровень образованности и тому подобное.

Литература

1. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. - М.: Наука, 1965. - 244 с.

2. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): Монография. – М.: Издательство МГОУ «Народный учитель», 2003. – 176 с.
3. Попова Т.Г. Язык, мышление, культура. Взаимосвязь понятий // Материалы международной конференции. - М.: МГУ им. МВ. Ломоносова, 2006. - С. 166 - 173.
4. Попова Т.Г Слово как способ языкового закрепления концептуальных объединений // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции (10-11 апреля 2009 года). – М.: РУДН, 2009. – С. 276 – 280.
5. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение: Учеб. пособие для высших учебных заведений. – М.: Добросвет; ЧеРо, 1999. – 286 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

Е.В. Тихонова
г. Москва, Россия

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР СОВРЕМЕННЫХ «МОЗАИЧНЫХ» СОЦИУМОВ

Статья освещает методику психолингвистического диагностирования латентных социальных конфликтов в «мозаичных» социумах на примере проведения свободного ассоциативного эксперимента с последующим выявлением содержания и структуры концепта «толерантность» на основании модели значения слова.
Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, мозаичные социумы, толерантность, модель значения слова, концепт

Elena Tikhonova
Moscow, Russia

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “TOLERANCE” IN THE CONTEXT OF DIALOGUE OF CULTURES OF THE MODERN “MOSAIC” SOCIETIES

The article deals with psycholinguistic technique of diagnosing latent social conflicts in the "mosaic" societies on the example of the free associative experiment followed by the identification of the content and structure of the concept of "tolerance" based on the model of the word meaning.
Keywords: free associative experiment, mosaic societies, tolerance, model of the word meaning, concept

Современный этап исторического развития, характеризующийся мощным иммиграционным потенциалом, неизбежно акцентировал усложнение этноконфессиональной структуры государственных социальных организмов. Логика социальной иерархии «мозаичных социумов», в свою

очередь, породила проблему самоопределения «новых граждан». Принятая в качестве официальной в ряде стран, политика мультикультурализма оказалась неспособной создать незыблемый фундамент для бесконфликтной интеграции «принимающей» и «принимаемой» частей населения европейских государств, Америки, Канады. Причиной подобного положения вещей, в первую очередь, послужил, ставший принципиально иным в XX в., характер иммиграционного потока, в котором в качестве переселенцев выступают не европейцы, а так называемые «видимые меньшинства» (иммигранты, являющиеся не европейцами и кардинально отличающиеся по своему фенотипу (например, цветом кожи) от «принимающего общества»).

Все чаще население «мозаичных социумов» высказывает опасения об их излишней этно-культурной фрагментированности, неспособности стать единым целым, поскольку каждая из «новых» этнокультурных групп стремится реализовать собственные ожидания от проживания на «новой Родине» в большей степени, нежели нацелена на интеграцию в «принимающее общество». Более того, наметилась тенденция к сознательному дистанцированию «новых иммигрантов» от культурных ценностей европейских и американских культур, выражающаяся, в том числе, и в избегании межэтнических браков, религиозной капсулированности. Именно последняя и вызывает основные опасения обществ «светского типа», к которым относятся большинство населений стран, проводящих активную иммиграционную политику. Полагая «религиозный компонент» бытия частью культуры каждой конкретной «религиозной» общины, «светские общества», оказались не готовы к восприятию принципов самоидентификации этноконфессиональных групп, ориентированных на инкорпорацию, как минимум, элементов собственного мировоззрения в общегосударственную социальную практику.

Под этноконфессиональными группами принято понимать замкнутые социальные структуры, объединенные не только единой религией, но и конкретным его направлением, толком или сектой. При этом, религия выступает для членов этноконфессиональных групп в качестве нормообразующей силы, вследствие чего, последние являются носителями конфессиональных принципов самоидентификации. Другими словами, иракцу-сунниту легче контактировать с турком-суннитом, нежели с иракцем-шиитом. Этноконфессиональные общины, зачастую, не ограничиваясь стремлением сохранить свой духовный мир, превращаются в общественные организации, соревнующиеся в борьбе за материальные блага [Баранова, 2004]. К носителями «этноконфессионального мировоззрения» традиционно относят мусульман, «закрытые» религиозные вероучения (езиды, сикхи и др.).

Стремление этнокультурных сообществ сохранить свою специфичность, которая определяется системой базовых знаний, мнений и верований, лежащих в основе формирования совокупности этнических и религиозных стереотипов и определяющих картину мира представителей данной этнокультурной общности, неизбежно порождает противоречия. Актуализируются полюса «свой - чужой», в качестве «чужака» при этом, воспринимается любой человек, находящийся за пределами данной социальной группы. Несоответствие поведения «иноверца» принятым внутри данной социальной группы правилам рассматривается в качестве маркера «чужого» и служит основанием для противопоставления «своему» (а в случае религиозных принципов самоидентификации – «своему как единственно правильному»). Таким образом, попытки познать «иные культурные ориентиры» через их

измерение образами «своей» этнокультурной реальности не могут не породить недопонимание, отсюда любая целенаправленная попытка побудить членов этнокультурного сообщества к принятию фрагмента “чужой” картины мира наталкивается на сопротивление. Самоидентификация, в данном случае, определяется наличием в картине мира членов различных общин аксиологических признаков, противопоставляющих одну этнокультурную общность другой.

Что касается российской действительности, этноконфессиональная структура населения России всегда характеризовалась глубокой мозаичностью, вместе с тем, российский социум имеет давнюю традицию мирного сосуществования с носителями иных, «не светских» принципов самоидентификации. Логика развития этнокультурного и конфессионального диалога на мировом уровне, тем не менее, не может не влиять на настроения россиян, иерархизацию их принципов самоидентификации. Анализу вышеуказанной проблематики и посвящена данная статья.

Большая часть населения России, равно как и европейских государств, следует этническим принципам самоидентификации. А потому, согласно выводу В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной, для россиян когнитивные структуры «*свой народ - чужой народ»* в процессе этнической самоидентификации, реализуются в различных формах (в том числе вербальной) и степенях агрессивности по отношению к чужому народу, которая определяет состояние межэтнической напряженности [Пищальникова, Рогозина, 2004, с. 122]. Нам представляется возможным, что конфессиональная самоидентификация индивида и конкретной этноконфессиональной общины так же сопровождается противопоставлением «свои» - «чужие». Отсюда, вербализация данного противопоставления способна продемонстрировать наличие / отсутствие агрессии по отношению к «чужому», зафиксировав, тем самым, уровень толерантности внутри социума.

На фоне растущей интолерантности, повышение уровня толерантности внутри полиэтничных и поликультурных государств представляется сегодня одним из наиболее значимых ориентиров их социальной и образовательной политики, поэтому, использование всех возможных подходов к исследованию феномена «толерантность» во всех его интерпретациях, представляется крайне актуальной задачей. В этой связи, исследование концепта «толерантность» на психолингвистическом уровне способно акцентировать как вербальные стратегии стабилизации этноконфессиональных отношений, так и диагностировать существующий уровень «толерантности» в конкретном государственном организме.

Концепт как инструмент изучения этнокультурных и индивидуальных особенностей личности представляется сегодня одним из наиболее востребованных «инструментов» лингвистики. Вместе с тем, существует целый ряд его трактовок. В когнитивной трактовке концепт - это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, 1996, с. 90]. То есть лингвокогнитология под концептом понимает «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат

познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007, с. 34]. Таким образом, концепт трактуется как индивидуальный смысл, отличный от коллективного. Несмотря на то, что вербализуются далеконе все концепты, так как часть из них воплощена в психике человека ментальными невербализованными репрезентациями (мыслительными картинками, образами и т.п.), в когнитивной лингвистике принято в качестве аксиоматичного утверждение о том, что будучи ментальной единицей, концепт может быть описан через анализ средств его языковой объективизации [Попова, Стернин, 2007].

Ю. С. Степанов, представитель лингвокультурологического подхода к концепту, определяет его, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а с другой стороны, как “то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей“ – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 42]. Будучи сегментарным по своей природе, лингвокультурный концепт, имеет чувственно-образное ядро, окруженное несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции и различающиеся по своему содержанию в соответствии с характером человеческой деятельности (напр., политическая толерантность, религиозная толерантность). Концептуальное поле, таким образом, включает в себя, несколько концептуальных слоёв-сегментов, которые отражают развитие концепта и его связи с другими концептами: научная, бытовая, административная, спортивная, медицинская, экономическая толерантность [Же Ли, 2007; Попова, Стернин, 2002].

Концепт понимается в лингвокультурологии как вербализованный культурный смысл. При этом, он сложнее, чем именующее его слово, так как содержит семантические обертоны, которые и определяют специфику национального восприятия концепта. Однако именно при восприятии слова (иногда - сверхсловной номинации, идиомы, метафоры), которое является именем концепта, в сознании человека возникает соответствующий концепт. С точки зрения лингвокультурологии, концепт не исчерпывается словарным значением ядерного вербализатора концепта, но словарное значение слова - «имени» концепта образует ядро данного концепта [Ефремов, 2004, с. 100]. Лингвокультурологическое понимание концепта как базовой единицы культуры, ее концентрата, акцентирует его национальнокультурную маркированность.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный концепты, таким образом, аккумулируют разнонаправленную интерпретацию с точки зрения сознания индивида: от индивидуального сознания к коллективному (культуре), и наоборот. Отсюда, по мнению И.С. Мерзляковой, когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры [Мерзлякова, 2008, с. 37], отсюда, концепт является, одновременно, и когнитивной и культурной единицей

С точки зрения чисто лингвистической трактовки, концепт – это конструкт, репрезентующий ассоциативное поле имени, но не тождественный ему, отражающий культурнообусловленные

представления человека о действительности. Соответственно, языковые знаки вербализуют лишь определенные признаки концепта; более того, даже вербализовав все признаки концепта, представить все содержание концепта невозможно, поскольку мыслительный процесс не может найти полное отображение в системе языка [Попова, Стернин, 2002, с. 38].

Концепт в качестве психолингвистического явления рассматривается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2001, с. 39]. Таким образом, основой концепта мыслится не столько его понятийное содержание, сколько план знаний: совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых и др.) элементов в психике человека. Другими словами, психолингвистика исследует не столько лексический или семантический планы концептов, сколько эмоции респондентов, их аксиологическую шкалу и ассоциации, связанные с тем или иным концептом [Ефремов, 2004, с. 99].

Совокупность вышеуказанных подходов, на наш взгляд, фундирует возможность использовани свободного ассоциативного эксперимента как метода психолингвистики для определения лексических вербализаторов концепта “толерантность”, с последующим определением структуры его компонентов и их иерархизацией.

Психолингвистическое диагностирование уровня толерантности в российской студенческой среде, проведенное нами, включало ряд этапов. На первом этапе нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие студенты первого-второго курсов ведущих российских вузов (НИУ ВШЭ, РЭУ, МГИМО, РУДН) в количестве 302 человека. Участники подбирались методом сплошной выборки, эксперимент проводился письменно (фиксировались реакции участников эксперимента на слово-стимул «толерантность»). На втором этапе результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента были типологизированы нами на основе разработанной В.А. Пищальниковой интегративной модели психологического значения смысла / концепта, демонстрирующую принципиально функциональное, динамическое соотношение между стабильными составляющими концепта:

Рис. 1. Схема концепта по В.А. Пищальниковой.

В приведённой схеме, представления регистрируют субъективные чувственные образы действительности, определяемые целом рядом факторов – начиная от гендерной принадлежности и

возраста, и заканчивая социальным статусом и образованием; понятие включает в себя наиболее существенные признаки предмета, явления или процесса; предметное содержание отражает вовлеченность предмета, явления в какой-либо вид деятельности; эмоции и оценки выражают определенные чувства индивида и положение предмета / явления на субъективной шкале «хорошо-плохо»; другие ассоциации – это единичные ассоциации, которые однозначно не интерпретируются с помощью известных культурных и лексикографических знаний [Лукашевич, 2004, с. 120].

Теоретическим обоснованием данной методики, по В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной, являются следующие положения: (1) члены одной этнокультурной общности существенно сходным образом вербализуют результаты познавательной деятельности в силу наличия системы этнических (конвенциональных) стереотипов и общности когнитивных структур – структур, возникающих при репрезентации стабильных ментальных содержаний стабильными языковыми элементами; (2) ментальные структуры, отражающие личностный перцептивный опыт, принципиально могут овнешняться различными языковыми элементами, но при этом познавательные схемы определенного уровня интеграции отражаются существенно сходным образом [Пищальникова, Рогозина, 2004, с. 123].

Следуя гипотезе, выдвинутой В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной, согласно которой: структура концепта отражает наличие и степень межэтнической напряженности, обнаруживающиеся в различном соотношении аксиологических и иных компонентов концепта, мы полагаем возможным выдвинуть собственную гипотезу: структура концепта отражает наличие и степень социальной напряженности по различным основаниям (религиозное, этническое, идеологическое), обнаруживающиеся в различном соотношении аксиологических и иных компонентов концепта, даже внутри единой этнокультурной общности в ситуации наличия существенных социальных противоречий. Иными словами, поскольку концепт представляет собой нежёсткую структуру, элементы которой имеют динамический характер связей с сознанием, в случае противопоставления отдельных групп внутри общества всему обществу по какому либо основанию, вербализация результатов познавательной деятельности, несмотря на наличие общих когнитивных структур, продемонстрирует иное динамическое соотношение между стабильными составляющими концепта, или же интегративные компоненты, объединяющие ассоциаты, полученные на слово-стимул, приобретут отрицательную коннотацию. Фундирует нашу гипотезу и заключение И.С. Мерзляковой, утверждающей, что содержание концепта, его взаимосвязи с другими концептами, зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей [Мерзлякова, 2008, с. 38].

уважение (58)	да (2)	люди (6)	национализм
уважение к нациям	эмоция	религиозные люди	национальность
уважение чужого мнения	безэмоциональный	всегда	цивилизация
терпимость (30)	неэмоциональность	нормальное	отсутствует
терпение (26)	нету	отношение	отсутствие
спокойствие (10)	братство	отношение (3)	херня
	скромность	скинхеды	чушь

воспитанность (11)	непонятие	воля	бред
друг	ерунда	демократия (2)	поведение
восприятие	равенство (5)	обходительность	трусость
рациональность	умный	сравнение	болезнь
воспитание (3)	мир	справедливость	взросление
способность	нужна	народы	взгляд
джентел	многонациональность	политика	ветераны
дружба народов	смирение	деградация	снисхождение
дружба (3)	честь	культура	порядочность
вежливость (5)	гордость	сдержанность (3)	взгляд
терпеть (2)	не всегда	неспособность	выбор
религия (5)	хорошо (2)	противостоять	возможность
церковь	ненависть	добро (3)	согласие
вера (3)	мужчина	объективность	стол
чужие	дипломат	такт	щедрость
прости (2)	необходима обществу	Америка	лояльность
негр (2)	нет	словарь	редкость (2)
черные	бывает	непосильный труд	слабость
человек (2)	Европа	понимание (5)	нужно всегда
дружелюбный	Швеция	чурки	джентельменство
человек	спокойствие	кавказец (2)	русские
подход к человеку	начальство	неплохая вещь	ложь
геи (6)	слушать	фашизм	дискомфорт
гомосексуализм (2)	выдержка	честность	черта
гомофобы	характер	иллюзия	нет необходимости
равноправие (2)		космополит	
раса (2)			

Для ограничения понятийного компонента анализируемых ассоциативных значений, нами были привлечены дефиниции термина «толерантность» из «Современного словаря иностранных слов» под редакцией Л.Н. Комарова, «Толкового словаря современного русского языка» Д.Н. Ушакова, «Словаря современных понятий и терминов» Н.Н. Бунимович и коллектив авторов: 1. терпимость, снисходительность к чему-либо [Современный словарь иностранных слов, 2001]; 2. способность и умение терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим мнением или характером [Ушаков, 2005, с. 1026]; 3. отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор [Словарь современных понятий…, 2002, с. 436].

В качестве репрезентантов понятийного компонента концепта «толерантность» участниками эксперимента были предложены (59 реакций, 19,5 %): терпимость (30), терпение (26), терпеть (2), снисхождение.

Большую часть зафиксированных ассоциатов, от всех полученных реакций, составили собой ассоциации – представления (160 реакций – 52 %): уважение (58), уважение к нациям, уважение чужого мнения, воспитанность (11), спокойствие (10), воспитание (3), дружба народов, дружба (3), вежливость (5), религия (5), церковь, вера (3), религиозные люди, дружелюбный человек, подход к человеку, равноправие (2), раса (2), национальность, национализм, братство, равенство (5), многонациональность, Европа, Швеция, Америка, слушать, взросление, взгляд, нормальное отношение, отношение (3), восприятие, воля, демократия (2), обходительность, сравнение, справедливость, народы, политика, культура, сдержанность (3), объективность, такт, понимание (5), космополит, лояльность, цивилизация, поведение, порядочность, взгляд, выбор, согласие, щедрость, черта, мир. Большинство ассоциаций-представлений может быть объеденено в группы, в соответствии с их интегративными признаками: 1. уважение к "иному", 2. воспитанность, 3. религиозная инаковость, 4. этническая принадлежность, 5. характер межполовых взаимоотношений, что, наряду с декларируемой готовностью к межкультурному, межэтническому, межрелигиозному взаимоуважению (наиболее частотной реакцией на слово-стимул стала ассоциация "уважение" (52 реакции – 17 % от всех ассоциатов, полученных в ходе эксперимента), свидетельствует о существовании определенной настороженности в отношении ряда факторов, свойственных функционированию "мозаичных" социумов (религиозному, этническому, моногендерным взаимоотношениям).

Ассоциации эмоции и оценки в структуре ассоциативного значения слова-стимула составили 19% (60 реакций): рациональность, чужие, негр, черные (2), геи (6), гомосексуализм (2), гомофобы, национализм, нету, скромность, непонятие, ерунда, нужна, нужна всегда, смирение, честь, гордость, не всегда, хорошо (2), ненависть, необходима обществу, нет, бывает, спокойствие, выдержка, характер, всегда, скинхеды, кавказец (2), деградация, неспособность противостоять, непосильный труд, чурки, неплохая вещь, фашизм, иллюзия, отсутствует, отсутствие, херня, чушь, бред, трусость, болезнь, редкость, слабость, джентлеменство, ложь, дискомфорт, нет необходимости. При этом, эмоции и оценки распределяются на положительные (нужна, скромность, нужна всегда, всегда, честь, гордость, хорошо (2), необходима обществу, джентлеменство), отрицательные (чужие, негр, черные (2), геи (6), гомосексуализм (2), гомофобы, национализм, нету, непонятие, ерунда, ненависть, нет, скинхеды, кавказец (2), деградация, неспособность противостоять, непосильный труд, чурки, фашизм, иллюзия, отсутствует, отсутствие, херня, чушь, бред, трусость, болезнь, редкость, слабость, ложь, дискомфорт, нет необходимости) и нейтральные (рациональность, смирение, бывает, спокойствие, выдержка, характер, неплохая вещь) непропорционально. Негативное восприятие феномена зафиксировано в 68 % реакций, безразличное или нейтральное – в 12,6 % реакций, и позитивное – в 15 % реакций.

Реакции-ассоциации, ввиду своей немногочисленности (29 реакций) в процентном отношении внесли в структуру концепта толерантность лишь 9,5 %: друг, способность, джентл, прости (2), да (2), эмоция, безэмоциональный, неэмоциональность, умный, мужчина, дипломат, начальство, люди (6), добро (3), словарь, честность, ветераны, возможность, стол, русские.

Полученные в ходе эксперимента результаты позволяют заключить, что динамическое соотношение составляющих концепта не претерпело существенных трансформаций (преобладающими

реакциями стали реакции-представления, а не эмоции и оценки), что могло бы свидетельствовать о достаточно высоком уровне взаимной толерантности. Но, наличие в ряду интегративных признаков для реакций-представлений понятий “религиозная инаковость”, “этническая принадлежность”, “характер межполовых взаимоотношений”, вкупе с преобладанием негативных и безразличных эмоций, в компоненте концепта “эмоции и толерантность”, могут рассматриваться в качестве маркеров потенциальных латентных социальных конфликтов и свидетельствуют о достаточно стремительном снижении уровня толерантности в среде российского студенчества. Более того, толерантность, судя по полученным в анкетах комментариям, рассматривается молодежью не как индивидуальная стратегия и “личное дело каждого”, а как стратегия социальная, групповая, требующая однозначного, зачастую радикального, претворения в жизнь (как бы она модально не окрашивалась информантами).

Литература

1. Баранова Е.В. Британский мандат и этноконфессиональные общины Ирака: дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. - Брянск, 2004.
2. Бунимович Н.Т. Словарь современных понятий и терминов / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. – М.: Республика, 2002. – 527 с.
3. Ефремов В.А. Теория концептов и концептуальное пространство // Известия Российского педагогического университета им.А.И. Герцена. – 2009. - № 104. – С. 96-106.
4. Же Ли Семантика концепта толерантность и способы его лексической репрезентации в русском языке // Лингвокультурология. – 2007. - № 1. - С. 104-114.
5. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. - С. 36-45.
6. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. - М.: Изд-во МГУ, 1996. - С. 90–93.
7. Лукашевич Е.В. Психолингвистический эксперимент как способ диагностики эмоциональной напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / Под. ред. Н.В. Уфимцевой. – М., Барнаул: Изд-во Алтайк. ун-та, 2004. - С. 129-137.
8. Мерзлякова И.С. Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры // Гуманитарный вектор. - 2008. - № 2. – С. 36-39.
9. Пищальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред Н.В. Уфимцевой. - М., Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. - С. 121-128.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. - 192 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.

12. Современный словарь иностранных слов / Под ред. Л. Н. Комарова.– М.: Русский язык, 2001. – 742 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. - М.: Академический проект, 2004. - 992 с.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Татьянченко Н.Ф. – М., 2005.

Н.В. Трунова
г. Москва, Россия

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ PRESENT SIMPLE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обозначены основы трактовки времени как онтологической данности, определены формы и способы его языковой репрезентации, рассмотрены функции форм грамматической категории времени в английском языке в ракурсе специфики временного картирования в культуре народа. Особое внимание уделяется художественным функциям простого настоящего, заключающимся в создании эффекта присутствия и иллюзии соучастия.
Ключевые слова: временная перспектива, функциональный потенциал, иллюзия соучастия

Natalia Trunova
Moscow, Russia

CREATIVE POTENTIAL OF PRESENT SIMPLE IN THE ENGLISH LANGUAGE

Time is reconized as an ontological phenomenon, represented by various language means, the main of which for the English language is the grammatical category of tense, which is constituted by the opposition Present: Not-Present. As a weak member of the opposition the Present simple possesses a wide range of meanings, its artistic function being that of creating the effect of being a participant of the described actions.
*Key word*s: temporal perspective, functional potential, illusion of being a co-creator

Время – всеобъемлющая категория, определяющая бытие. Разворачивающиеся широкие дискуссии относительно его природы в большинстве случаев не приводят их участников к консенсусу, поскольку каждая из сторон считает собственную аргументацию наиболее убедительной, оставляя выбор той или иной концепции на усмотрение научного сообщества. В настоящей работе в качестве исходной принимается точка зрения, согласно которой время определяется как объективная данность, являющаяся мерой всего и мерой самого себя.

Как фактор, во многом определяющий мироосознание, время необходимо должно иметь языковой репрезентант. Это не всегда и не обязательно грамматическая категория. Это может быть лексическая единица, маркирующая отнесенность события к некоторому временному отрезку (недавно, вскоре, потом). Это может быть опосредованная экспликация через соотнесенность с некоторым известным событием, эпохой, направлением в искусстве (битва при Ватерлоо, поэзия Серебряного века, постмодернизм). Это может быть языковой формант, не передающий понятийного

смысла, например, предлог. Однако в большинстве существующих языков миссия репрезентации времени возлагается на соответствующую грамматическую категорию.

Система темпоральных категорий английского глагола структурируется тремя составляющими: грамматической категорией времени, грамматической категорией вида и грамматической категорией таксиса, или временной соотнесенности. Собственно категория времени составляет ядро этого «триумвирата», поскольку она нейтральна по отношению к оттенкам смыслов времени в плане длительности протекания действия, его прерывности или повторяемости, предельности или последовательности. Её основным предназначением является передача временных значений в рамках трех, вычленяемых на основе эмпирических наблюдений над актуальным миром, времен: настоящего (того, что есть), прошедшего (того, что было) и будущего (того что будет). Причем будущее осмысливается не в плане модальности возможного (отметим сразу, что темпоральность и модальность суть разные языковые категории с разными семантическими константами и разными системами языковых репрезентантов), а как необходимо действительное в силу развития некоторых последовательностей причинно-следственных связей. То есть время наделяется векторной значимостью и линейной последовательностью (так называемая «стрела Эддингтона).

Стремление по возможности свести все языковые противопоставления к бинарным оппозициям (не столь уж и искусственное, если принять во внимание широко известную концепцию деконструкции вербального знака на непосредственно составляющие) позволило первоначальную оппозицию в рамках категории времени обозначить через противопоставление настоящего ненастоящему. В такой градации присутствует определенная логика: настоящее – это время проживания события, время присутствия в нем, время субъекта, совмещающее его действие и осмысление совершаемого действия. Другие временные планы, как ретроспекция, так и проспекция асимметричны времени их переживания, поскольку прошедшее уже прошло, оставив в сознании субъекта некоторую проекцию события, а будущее еще не свершилось, представляя в сознании субъекта незаконченный набросок события.

Для понимания природы смысловой многоплановости формы простого настоящего времени в английском языке это положение особенно важно, поскольку оно сразу маркирует эту грамматическую форму как слабый немаркированный член временной оппозиции, противопоставляемый, с одной стороны, маркированному прошедшему, с другой, – маркированному будущему. Как хорошо известно, в теории грамматики, слабый член любой грамматической оппозиции по содержательному наполнению шире любого противочлена и способен в условиях детерминирующего контекста (определенная грамматическая конструкция и определенное лексическое наполнение) принимать на себя их функции в смысле передачи значений как прошедшего, так и будущего (явление грамматической нейтрализации). Таким образом, широкий функциональный потенциал немаркированного компонента является системно заложенным.

Тот факт, что система темпоральных категорий в английском языке включает не только категорию времени, но также категорию аспекта и категорию таксиса, или временной

соотнесенности, постулируется уже на уровне учебной дисциплины «теории грамматики», то есть является научно обоснованным и доказанным. В качестве основного категориального значения временных форм настоящего, прошедшего и будущего определено значение фактивности представляемого ими действия. Равным образом хорошо изучены и систематизированы контекстуально возникающие смыслы и дистрибутивно обусловленные функции. Особое внимание уделяется случаям употребления Present Simple в контекстах будущего (придаточные предложения условия и времени и предложения со значением «ближайшего запланированного» будущего, глее форма Present Simple поддерживается лексическими маркерами будущего) и в контекстах прошедшего (структуры с глаголами отстранения: “I hear <that>…”, “they say <that>…”). Очевидно, что уровень анализа в этом случае ограничивается предложением-высказыванием. Что касается более высокого уровня – уровня текста, здесь все сводится к особенностям использования Historical Present, как в случае, приводимом ниже:

(1) *It is a bright summer day in 1947. My father, a fat, funny man with beautiful eyes and a subversive wit, is trying to decide which of his eight children he will take with him to the county fair. My mother, of course, will not go. She is knocked out from getting most of us ready: I hold my neck stiff against the pressure of her knuckles as she hastily completes the braiding and the beribboning of my hair* (A. Walker).

Здесь показано, что в сознании героини прошлое запечатлелось как застывшая на живописном полотне статичная ситуативная «картинка» или как момент, запечатленный на фотографии.

Для повествователя такое использование Present Simple создает иллюзию участия, для читателя – иллюзию присутствия. Оно характерно для коротких рассказов, поскольку объемные тексты других жанровых типов с разворачивающейся широкой панорамой событий, трудно укладываются в рамки настоящего. Однако функции этой глагольной формы в художественном тексте не ограничиваются только созданием эффекта «переноса во временном континууме», когда ситуация прошлого встраивается в рамки настоящего.

В исследованиях феномена времени разграничивается время актуальное и время перцептуальное. Могущие быть симультанными эти два типа отличаются тем, что показатели актуального (реального) времени неизменны и измеряемы, в то время как в перцепции время может растягиваться и сжиматься. Это «психологическое» время определяется скоростью мыслительных действий (в экстренных ситуациях сознание в секунды решает задачу, на которые в иных обстоятельствах могли уйти часы) и степенью эмоциональных переживаний. В нашем случае речь идет о времени художественном (1). В отличие от времени реального время художественное может быть обратимым, создавая ретроспективу повествования, может рисовать картину будущего как смещенного в настоящее или прошлое, события отдаленные во времени могут передаваться параллельно, создавая эффект раздвоения времени. Структурирование временной перспективы художественного текста становится, таким образом, композиционным приемом.

Универсальной грамматической формой повествования является форма Past Simple, поскольку любой художественный текст по сути своей есть рассказ о том, что произошло или могло произойти. Повествование в прошедшем времени подчеркивает когнитивные отличия между Я-

переживающим событие и Я-повествующим о событии. Кроме того, ретроспективное повествование есть фактор разграничения текста и дискурса (2). Таким образом именно Past Simple является точкой отсчета для всего, что описывается в тексте: и то, что было до этой сакраментальной точки, и то, что мыслится как возможное, прогнозируемое в проспекции. Нарушение временной согласованности в таком случае призвано выполнять определенные художественные функции, например, создавая полифонию, переключаясь на иную точку зрения или иной нарративный план, подчеркивая авторскую позицию (дигрессии такого рода характерны, например, для произведений У.С. Моэма), создавая эффект присутствия или передавая высокий потенциал эмоциональной насыщенности (3) ситуации, как, например, в хорошо известном эпизоде из романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»:

(2) *There was music in my neighbour's house through the summer nights. In his blue gardens men and girls came and went like moths among the whispering and the champagne and stars. <…> I watched his guests … <…> In the main hall a bar with a real brass rail was set up … <…> By seven o'clock the orchestra has arrived <…> The lights grow brighter as the earth lurches away from the sun <…> Laughter is easier minute by minute <…> The groups change more swiftly.* (Fitzgerald)

По аналогии с настоящим историческим (historical present), акцентирующим непосредственность переживаний прошлого, психологически обусловленную переносом импринта, следа событий, из долгосрочной памяти в оперативную (пример 1), форма временного сдвига, использованная в данном случае, может быть определена как настоящее изобразительное.

Вместе с тем, Present Simple может употребляться как самостоятельная повествовательная форма. На фоне общего количества художественной прозы случаи использования Present Simple как нарративной техники немногочисленны, однако не так и редки. Основу этого приема составляет феноменологическая концепция, опирающаяся на триаду «я – здесь – сейчас». Она заключается в признании я-воспринимающего как центра сущего, а бытия – как феномена сознания. То есть мир таков, каким я его вижу и существует так и тогда, как и когда (здесь и сейчас) я его себе представляю. В этом случае грамматическая форма Present Simple приобретает новую функцию изображения событий в их развитии, как наблюдаемого факта. Это «симультанное настоящее», которое содержательно и функционально отличается от настоящего исторического. Это отличие парадоксально по своей сути, поскольку, с одной стороны, симультанное настоящее раздвигает границы настоящего недлительного (specious present), с другой, - ограничивает временную перспективу жесткими рамками, не предполагающими ни того, что было или могло быть, ни того, что прогнозируемо, то есть может быть или будет.

Как использование любой иной нарративной техники или любого стилистического приема использование симультанного настоящего может иметь разные цели и помогает создавать неоднородные эффекты. Так, например, написанное в Present Simple начало романа М. Этвуд "The Handmaid's Tale" создает ощущение призрачной реальности, застывшей, недвижимой, не предполагающей какого-либо развития. В романе Дж. Дарлинг "The Taxi Driver's Daughter" никакого

ощущения призрачности не возникает, наоборот, реальность выступает и настойчиво «наступает» на читателя всей напряженностью ситуации:

(3) *Caris lies in the mud, staring up at her shoes hanging on the heavy branches of the oak tree. They look like gnarled fruit. Tears run down her cheeks. Slowly, she unclenches her fists and sits up. Her back is coated with thick mud. The park feels huge and empty* (Darling).

Жестокость подростков по отношению к более слабым, неумение защитить себя в трудной ситуации, одиночество, безысходность, болезненность переживаний эмоционально более действенно передаются как в непосредственно наблюдаемом событии, нежели в пересказе в прошедшем времени.

При повествовании в настоящем создается атмосфера «микрохронологии», в которой важны и подробно описываются все детали, в которой время последовательно и четко рисует развертывающиеся сцены событий. Анализ произведений разного жанра и стиля позволяет говорить о том, что Present Simple может представлять событие как настоящее «момента речи» или как «расширенное настоящее». Это так называемое «актуальное настоящее» (4). В тех случаях, когда формы Present Simple передают ситуации прошлого или воображаемого будущего, смысловой план перемещается в «виртуальное настоящее», в рамках которого размещаются сны, мечты, несбыточные планы.

Кроме указанных сугубо повествовательных эффектов, создаваемых употреблением формы простого настоящего при передаче осмысливаемых или переживаемых событий прошлого. Такая функциональная флуктуация формы создает также эффект кинематографический (можно, по-видимому, в равной мере назвать его и «сценическим»), то есть эффект сиюминутности происходящего, эффект проживания и переживания происходящего, эффект взаимодействия с читателем (как со зрителем), сообщая ситуации большой эмоциональный накал.

Отметим, что в современной английской (британской) художественной литературе прием использования простого настоящего времени как основной формы нарратива, причем, не только для изображения последовательности действий, но также для передачи воспоминаний героя о прошлом или его мысленного переноса в будущее, в описании снов и мечтаний, проигрывания ситуаций как прошлого, так и будущего, является рекуррентным.

Литература

1. Тураева З.Я. Категория времени: Время грамматическое и время художественное. – М., ВШ, 1979

2. DelConte M. A Further Study of Present Tense Narration// Journal of Narrative Theory, Vol. 37, November, 3, 2007

3. Урумашвили Е.В. Прагматические функции временных форм глагола в художественном тексте (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Автореф. Дисс…канд. Филол. наук . – Екатеринбург, 2011

4. Хван Чжи Хюн Вариативность аспектуально-темпоральной семантики при функционировании форм настоящего времени русского глагола. Автореф. Дисс канд. Филол. наук. – С-Пб, 2003

О.В. Трунова
г. Москва, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ

Жизнеспособность языковой системы обеспечивается «сводом законов» ее существования. Она иерархична и структурно подчиняется принципу изоморфизма. Её актуализационные признаки отступают от внутренних законов системы этого типа и приобретают свойства ризоморфной среды, характеризующейся фрагментарностью, монтажностью, ассоциативностью, возможностью разнонаправленного смыслового расширения.

Ключевые слова: система, изоморфизм, ризома, языковой закон

Olga Trunova
Moscow, Russia

FUNCTIONAL RECONFIGURATION OF SYSTEMIC RELATIONS IN LANGUAGE

Basic principles of language system organization are hierarchy and isomorphism. Its functional capacity is governed by a set of inherent laws which expose a tendency to weaken their force in actual speech and formatted texts. In this case other compositional principles start working, creating a rhizome ***which acquires peculiar characteristics of arrangement and obtains the ability of content expansion.***

Key words: system, isomorphism, rhizome, language law

Традиционно (и не без оснований) языковая система определяется как сложная сущность, формируемая кластерами объектов (единиц), объединяемых по критерию равнозначности в рамках образуемого ими регистра (уровня) и приводимая в действие согласно встроенному в нее репертуару алгоритмов (законов и правил) их взаимодействия. Внутренняя структура языковой системы организуется в полном соответствии с универсальными принципами ее существования, обозначенными почти столетие назад в общей теории систем в концепции ее основателя, австрийского биолога Л. фон Берталанфи [1]. Это принцип последовательной иерархизации и принцип изоморфизма, принцип системной зависимости (предопределенности).

Эти понятия не были абсолютно новыми для научной парадигмы XIX века. На иерархические отношения в системах разного порядка, как свойство эволюционной природы, свидетельствующее о развитии системных единиц в сторону усложнения, указывал французский философ середины XVIII века Ж.О. Ламетри [2]. Отмечается также, что понятие изоморфизма, впервые использованное в естественных науках в начале XIX века немецким ученым Э. Митчерлихом для обозначения высокой степени совпадения формы кристаллов химических сред [3], в силу универсальности явления подобия перешло в область математики, где оно употребляется в отношении тождества числовых

систем. Несколько позднее оно было заимствовано в лингвистику польским ученым Е. Куриловичем как показатель однотипности отношений единиц в рамках одного уровня [4]. Дальнейшее расширение и уточнение содержания термина было дано Э.А. Макаевым, понимавшим под изоморфизмом не только однотипность структурной модели языковых единиц разных уровней, но также однотипность их дистрибутивных характеристик [5].

Такое толкование принципов упорядоченности языковой системы подтверждается изучением ее фактологиии и утверждается в лингвистической парадигме прошлого столетия как основополагающий исходный постулат развития концепции ее структурной организации, обеспечивающей адекватность системы выполняемым ею функциям и объясняющей её raison d'être. По-видимому, единственным существенным расхождением во взглядах на составляющие языковую структуру уровни является позиционирование уровня высшего по отношению к сентенциональному (синтаксическому) – уровня текста. При этом обычно опираются на работу Э. Бенвениста [6], по случайности и недосмотру упуская из виду, что французский лингвист ведет речь не об уровнях языковой структуры, а об уровнях *лингвистического анализа*, где первое представляет собой факт языка, а второе является единицей методологического аппарата. В этом случае остается в забвении и еще один немаловажный факт, на который четко указывает Ф. де Соссюр, разграничивая язык и речь, как форму его актуализации [7]. Речь, соответственно, может быть устной – в форме высказывания, и письменной – в виде графически оформленного текста. При этом модели устного высказывания и фиксированного на любом из доступных носителей текста имеют существенные отличия, обусловленные функциональными характеристиками речевого произведения и обеспечиваемые функциональными свойствами языка.

Как явление многомерное и многоплановое язык становится объектом разных областей научного знания. Очевидно, что чем больше ракурсов вовлекаются в его рассмотрение, тем глубже наука проникает в сущность языка, и тем большими функциями он наделяется. Вместе с тем, нетрудно заметить, что все вновь открываемые или приписываемые языку функции в основном представляют собой, расширение и разветвление, конкретизацию и детализацию однажды выявленных и определяемых рангом наиболее существенных функций, таких как номинативная, когнитивная, коммуникативная и идеационная (по М. Хэллидею [8]), или функция оформления мысли. Трудно сказать, которой из них должно отдать приоритетную первую позицию в этом перечислении, поскольку каждая значима чрезвычайно. Правда, если следовать одной из безоговорочно принимаемых и признаваемых дихотомий Ф. де Соссюра, все перечисленные выше функции суть речевые показатели. Они выявляются и определяются не через внутренний ингерентный языку как объекту фактор, а в преломлении к прагматическим потребностям его пользователя.

Язык по своей природе есть репрезентант. Соответственно, его фундаментальная функция – это функция репрезентативная [9], по неясной причине оставшаяся в стороне от исследований в рамках господствующих тенденций функциональной лингвистики. Между тем, именно эта функция обеспечивает языку способность «рисовать» ту картину мира, изучение которой находится в центре

сегодняшней лингвистической парадигмы. Заметим, что любая картина, и та, которая написана маслом, и та, которая передается языком, создается человеком, художником. А художник, как однажды устами своего героя Бэзила Холлуорда сказал Оскар Уайлд, вкладывает в свое произведение слишком много самого себя. Точно так же, рисуя словесный портрет окружающего мира, члены определенного этноса передают присущее именно им мироощущение и мироосознание. Эта идея в конце XVIII века была сформулирована в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, считавшего, что мысль, образ мыслей народа – Geist (с позиций современного состояния научного знания это не столько «дух», сколько «осмысление мира») воплощается в его языке.

Отметим попутно, что в этом постулате сокрыта одна из важнейших причин, по которым разные языки «рисуют» разные картины мира. Язык – это не фотоаппарат, который просто фиксирует объект, который что направлен объектив. Воспринимая мир, человек одновременно оценивает его. Именно на этой стадии, стадии оценивания начинаются расхождения, потому что здесь вычленяется значимость объекта, его «пригодность/непригодность», «полезность/бесполезность», «нужность/ненужность», то есть весь его аксиологический потенциал, в преломлении к реалиям физического существования, к социальным конвенциям, культурным традициям и потребностям индивида. Не представляя собой одно-однозначного соответствия, языковая картина мира как его модель не может быть абсолютной и полной, то есть всегда находится в состоянии «дорисовывания», или «перерисовывания», что объяснимо непрерывным характером процесса осмысления и переосмысления реальности. При этом как диагностическое, основанное на эмпирике, так и прогностическое, подчиняющееся логике выводного знания, мироосмысление являются равно значимыми.

В своем функционировании язык регулируется определенными законами [10]. Важно иметь в виду, что законы могут быть внутренними, имманентными и внешними (внутренняя и внешняя лингвистика, согласно концепции Ф. де Соссюра). Кроме этого законы следует отличать от закономерностей. Законы языка объективны, устойчивы (неизменны), не подвержены вмешательству «человеческого фактора», в то время как закономерности, будучи лишь относительно устойчивыми проявляются в изменениях и могут нарушаться в силу субъектного преломления. Подтверждением этому является рассмотренный выше принцип изоморфизма, детерминированный действием закона аналогии. Как его диалектическая противоположность выступает закон необходимого разнообразия [11], определяющий возможность передачи одного и того же смысла с использованием разных языковых средств, то есть обеспечивающий вариативность в силу выявленного С. Карцевским такого свойства языкового знака как асимметрия [12], проявляющегося также в сжатости информационных структур при больших объемах содержательного наполнения. В последнем случае в силу вступает действие закона компрессии, который действует на всех уровнях языковой структуры.

Функционально значимым является закон (внутреннего) перераспределения, определяющий возможность переноса функциональной нагрузки с одного компонента структуры на другой. Так, например, в выражении проспективности с использованием формы Present Simple в английском

языке (The competition starts tomorrow) основная нагрузка переносится с грамматической структуры на лексическую единицу.

Еще один важный языковой закон – закон компенсации. Его действие можно продемонстрировать следующим явлением исторических изменений в системе английского языка. Перенос ударения с последнего слога на первый привел к редукции конечных гласных, нивелировав таким образом падежные окончания существительного. Результатом этого стала утрата грамматической категории падежа, категории онтологической по своей природе, призванной передавать характер, в первую очередь, пространственных отношений между объектами. В силу значимости существа этих отношений в языковой системе необходимо должны иметься средства их передачи. И они нашлись: нагрузка перешла на предложную систему как компенсаторный компонент.

Организация языковых единиц в более сложные структурные образования, опять-таки согласно принципу изоморфизма, регулируется законом сочетаемостной избирательности. Этот закон, как и положено закону, действует на всех языковых уровнях. Так, идея «высоты» для разных объектов передается разными лексемами: tall man, high forehead, big crop, lofty style (лексический уровень). На уровне грамматики этот закон выявляется в в облигаторности моделей Adj – N и V – Adv (speak English well и speak good Endlish). Стоит отметить, что сочетаемостные свойства лексических единиц подчиняется закону концептивной конгруэнтности. Это значит, что слова могут структурировать словосочетания только тогда, когда совместимыми являются представления о некоторых объектах и признаках [13].

Еще один закон также в большей степени приложимый к лексическим единицам – закон давления ряда. Его суть состоит в том, что система (любая система, не только система языка) не толерантна к иновключениям. Так заимствованные слова либо адаптируются к условиям системы (процесс ассимиляции), либо вытесняются ею. Такая судьба постигает и устаревшие формы выражения (архаизмы).

Подводя промежуточный итог, систематизируем «свод законов» языковой системы, которые обеспечивают ей выполнение всех её функций от прямой номинации до прагматики скрытых смыслов:

- закон аналогии и закон компрессии служат обеспечению возможности передачи неисчисляемых смыслов ограниченным количеством языковых единиц;
- закон перераспределения и закон необходимого разнообразия регулируют порядок функциональной загруженности языковых единиц;
- закон сочетаемостной избирательности и закон концептивной конгруэнтности определяют степень «отмеченности» (нормативности) языковых структур;
- закон давления ряда и закон компенсации обеспечивают системе подвижное равновесие. (*бинарная компановка законов случайна*).

Из сказанного следует, что системность характеризуется наличием упорядоченных совокупностей взаимосвязанных, взаимозависимых единиц, имеющих строго определенное предназначение. Языковая система является нелинейной, неэлементарной, по-видимому, закрытой,

но способной в силу действия организующих ее законов к ограниченной самоорганизации, опосредованной преломлением в реализации пользователем. Такое заключение проистекает из сопоставления концепции языка, представленной Ф. де Соссюром, с основными положениями общей теории систем.

Новое направление в развитии концепции системности языка начинается с последней четверти прошлого столетия, когда Ж. Делёз и Ф. Гваттари опубликовали статью под названием «Rhizome» [14]. Научная общественность не сразу (и не до конца) приняла изложенные в работе постулаты нового направления научной парадигмы – постструктурализм. Причина была простой: они, по существу, нарушали и разрушали общепринятые, устоявшиеся каноны интерпретативных практик. Казалось, что деструктивизм разрушал привычный взгляд на системность. За рамками развернувшихся дебатов осталось осознание возможности существования разных (организованных иначе, чем системы, подчиняющиеся принципам изоморфизма, функционирующих иначе, иначе представляющих реальность) систем. Как многие научные открытия, открытие этих ученых опережало свое время.

Поскольку предназначением философской науки является изучение наиболее общих существенных принципов и законов реальности и познания, философы обращаются к разным областям научного знания, что создает объективные предпосылки сопоставительного анализа физических, социальных, психических и иных объектов и систем. Роль эмпирического опыта в этом случае огромна. Еще более значима роль аналитического мышления, реализующего функцию переноса известных фактов в область иного предметно-понятийного поля.

Центральным звеном терминосистемы Ж. Делёза и Ф. Гваттари является термин «ризома», заимствованный из ботаники и дендрологии и перенесенный «на иную почву» – в область философии, филологии и лингвистики. Представляющийся невозможным по причине принадлежности указанных дисциплин разным областям научного знания (естественнонаучное vs гуманитарное) перенос является тем не менее вполне обоснованным в силу действия универсальных принципов и законов системной организации. Прежде всего, внутренний ресурс системного образования (исходных единиц и способов их комбинаторики) любой природы (органической, физической, социальной, художественной) ограничен. Множественность получаемых комбинаций (языковых смыслов, природных явлений, жизненных ситуаций, музыкальных мелодий) предопределяется их вариативностью и комбинаторикой.

Ризоморфная среда организована иначе, чем изоморфная. Она гетерогенна. В ней отсутствует централизация и нет последовательного соподчинения (иерархии уровней). Она фрагментарна и реверсивна. Соединение фрагментов непрогнозируемо. В ряде случаев отмечается отсутствие упорядоченности, что входит в противоречие с природными принципами существования. Поэтому можно выдвинуть гипотезу упорядоченности ризомы, но упорядоченности иного, отличного от привычных схем порядка (смотрите, например работу «Порядок из хаоса» [15]). Вместе с тем, для нее характерна асимметрия и наличие сетевых связей (принцип полевой организации). Получается, что сохраняя немногие из признаков изоморфной системы, ризоморфная система имеет собственные

присущие ей показателями. Самый очевидный пример ризоморфной среды – интернет-система. По принципу ризомы работает наше сознание. По принципу ризомы мы ведем дискуссии. Несомненно, антиципация этой идеи содержится в трудах Ф. де Соссюра, в его вычленении речевой деятельности как особой актуализационной системы. Если речь представляет собой спланированное, обусловленное возможностями линейной актуализации произведение, то речевая деятельность нелинейна. Признаки изоморфизма и ризоморфизма одинаково характерны для социальной среды. Относительно языка можно говорить о наличии связующего звена между отстраненной от пользователя системой – собственно языком и текстом как уровнем ее актуализации. Таким образом, репрезентативный и экспланаторный и аппликативный потенциал, содержащийся в метафоре Ж. Делёза и Ф. Гваттари оказывается чрезвычайно высоким. Не случайно эта концепция используется в новом научном направлении – синергетике, науке о нелинейных самонастраивающихся системах. .

Итак, ризома – это понятие научной парадигмы постструктурализма, определяющее нелинейный способ организации объекта (системы), оставляющий открытой возможность для внутренней имманентной подвижности и оставляющий люфт интерпретационной полифонии. В этом плане характер языковой системы в отношении к ее речевой актуалтзации выявляется в противопоставлениях «изоморфизм / поли- и гетероморфизм», «сбалансированность / неравновесность», «иерархичность / коллажность», «моноцентризм / полицентризм», «системная определенность / интерпретационная обусловленность», «вариабельность / множественность интерпретаций (обеспечивающая возможность смыслового расширения)».

В преломлении к интерпретации художественного текста как актуализационной формы языка смысловое расширение раскрывается в двух модусах: через ассоциативный ряд автора текста и через ассоциативный ряд интерпретатора. Первый, прибегая к определенным иновключениям, структурирует интертекстуальные связи, второй, раскрывая их содержание, по существу создает новый текст, так как вкладывает в них смысл, сообразный собственному опыту, или тезаурусу. Так тексту сообщается многомерность и обеспечивается его открытость. Однако даже основоположники этой идеи расходились во мнениях относительно сущности явления многомерности. Например, Ж. Деррида под многомерностью понимал наличие неких «невыразимых смыслов, порождаемых внутренней противоречивостью текста» [16]. Р. Барт трактовал многомерность как фрагментарность выражения однопорядковых сущностей [17]. У. Эко имел в виду возможность приращения смысла при интерпретации текста читателем, допускающей (не бесконечную) вариативность [18].

Понимание обеспечивается в первую очередь адекватностью метода объекту интерпретации. Это значит, что выбор метода не может быть случайным. В рамках концепции постструктурализма – это метод деконструкции, достаточно часто воспринимаемый как прием, разрушающий целостность произведения. Такое толкование термина представляется неправомерным. Принимая метод как аналитически адекватный, отечественный философ, филолог и культуролог М. Н. Эпштейн приводит следующую аргументацию: «Деконструкция предполагает, что в структуре находится нечто, отличное от самой структуры, некий генератор ее внутренних саморазличий, нечто не-структурное или сверхструктурное. Именно поэтому деконструкция не есть просто разрушение структуры,

"деструкция" <…> Де-кон-струировать, в сущности, означает выявить "кон" в структуре как отличное от самой структуры, как прибавку к ней, как то, с чем она. Структура всегда с чем-то, что не есть структура, и это есть ее неотъемлемое качество, кон-структивность, кон-струкционность. Конструкция есть процесс создания структуры, который запечатлевается в самом результате [19]. Деконструкция подразумевает глубинный анализ смыслов, заложенных в произведении через выявление их сетевых связей.

Характерные для ризоморфной среды нелинейные сетевые связи и монтажные соединения проявляются в тексте чередованием эпизодов, повторами, возвратами, дигрессиями. Такая расстановка нарративных планов характерна не только для произведений, выдержанных в духе постмодернизма, но и для многих других направлений. Текст при этом, вопреки видимой (или кажущейся) линейности и однонаправленности своего развертывания становится многомерным и объемным. При его восприятии создается глубокий панорамный фон, отдельные моменты которого могут выходить на передний план, перебивая траекторию развития сюжета.

Таким образом, на уровне речевой актуализации языковой системы происходит «смена порядков», или реконфигурация системных отношений, заключающаяся в изменении статусных характеристик системы: переход от изоморфизму к ризоморфизму среды, что уже само по себе является достаточным аргументом для признания за текстом статуса речевой единицы.

Переход к ризоморфизму приводит к нарушению некоторых из обозначенных выше законов, в частности, закона аналогии, закона сочетаемостной избирательности и закона концептивной конгруэнтности. В нарушение закона концептивной конгруэнтности создаются все стилистические приемы: эпитет, метафора, зевгма, оксюморон, эналлага. Приемы выдвижения вступают в противоречие с законом компрессии.

Указанные положения свидетельствуют о необходимости более глубокого изучения характера отношений в ризоморфной среде (на материале художественного текста) и механизмов, обеспечивающих переход от структкр изоморфных к ризоморфным.

Литература:

1. *Берталанфи Л. фон* Общая теория систем – критический обзор. [интернет ресурс] URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html
2. Ламетри Ж.О. Система Эпикура / в сб. Ламетри Ж.О. Сочинения. – М.: Мысль, 1976. – 402с.
3. Калужский М.Л. Общая теориия систем // Курс лекций. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. – 144с.
4. Курилович Е. Очерки по лингвистике. — Биробиджан: ИП "ТРИВИУМ", 2000. – 456с.
5. Макаев Э.А. Система и уровни языка. М., наука, 1969 261 с.
6. Э. Бенвенист Уровни лингвистического анализа // (Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - С. 129-140
7. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.— 432 с.

8. Halliday, M.A.K. 1973 *Explorations in the Functions of Language*, London: Edward Arnold, 143 p.
9. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка Москва: Прогресс, 1993. – 501 с.
10. *Ярмина Т.Н.* Английское просторечие и социолингвистика. [электронный ресурс] URL: http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&funk=viewpage&pageid=989
11. *Ashby W.R.* Introduction to Cybernetics. Chapman & Hall, 1956
12. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака. [электронный ресурс] URL: http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/karcevskiy/dualizm.html
13. Трунова Внутренние законы языковой системы // Казанская наука, 2012 № 13. – с. 224 - 227
14. Делез Ж. Гваттари Фю Ризома / в переводе Я. Свирского [электронный ресурс] URL: http://vk.com/doc184482549_189854454?hash=fad6578b6e212adfe0&dl=98694f379ecda7539e
15. Пригожин И. Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс. 1986. – 432 с.
16. Деррида Ж. О грамматологии [электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derr_gr/index.php
17. Barthes R. Introduction a l'analyse structurale des recits. [электронный ресурс] URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/comm_0588-8018_1966_num_8_1_1113
18. Эко У. Открытое произведение. – СПб, Симпозиум, 2006. — 496 с.
19. Эпштейн М. Философия возможного [электронный ресурс] URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fv211.html

А.А. Хабаров
г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

В статье анализируется понятие предикативности в свете предикационной концепции языка. Системное моделирование языковых процессов позволяет вывить универсальное и национально специфическое в языке и речи.

Ключевые слова: предикативность, системность, предикационная концепция языка

Artyom Khabarov
Moscow, Russia

ON THE QUESTION OF SYNTACTIC ORGANIZATION OF NATIONAL LANGUAGES LINGUISTIC STRUCTURES

This article analyzes the concept of predication in the light of the predicational concept of language. Systematic modeling of language processes enables universal and nationally specific phenomena identification in language and speech.

Keywords: predicativity, consistency, predicational concept of language

В современной лингвистике бытует достаточно разнообразное количество научных положений и концепций, в той или иной степени трактующих отношения характеризации между заключенными в кодовые символы того или иного языка «смыслами» и их соответствиям определенным реалиям бытия, то есть содержанию категории предикативности, а также особенностям реализации предикативного отношения на материалах языков различной типологии. Исторически, ряд отечественных и зарубежных лингвистов под влиянием традиционных лингвистических универсалий, бытующих в разные периоды времени, давали данной категории устойчивые дефиниции, упрочнившиеся в науке о языке. К примеру, выдающийся отечественный лингвист, академик В.В. Виноградов, указывал: «…Предикативность, отнесенность содержания к реальной действительности, проявляющаяся в совокупности таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как основной и вместе с тем первичной грамматически организованной единицы, выражающей *отношение* говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль» [2, с.317]. Однако следует заметить, что в данном утверждении речь идет о законченном характере мысли, и предложение рассматривается как знаковая единица. Относительно универсальное толкование приводится и в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой: «Предикативность (сказуемость) (англ. predicativity) – выражение отношения содержания высказываемого к действительности как основа предложения»[1, с.346]. В.А. Курдюмов, создатель предикационной концепции языка [6], нового направления на стыке лингвистики и философии, постулирует тезис о том, что «…предикативность есть лингвистическая категория, выражающая конвенциональное отношение (соответствия) между набором формально необходимых признаков предложения как знаковой единицы и его коммуникативной автономностью в потоке речи (как высказывания)» [5]. В свете представлений о динамической природе языка понятие предикативности приобретает отточенную и универсальную формулировку, оперируя которой, становится возможным проведение анализа языковых явлений (синхронических состояний языка) при помощи реконструкции соответствующих языковых явлений в динамике их отношений, а также осуществление системного моделирования языковых процессов, что в общем виде позволяет составить комплексное описание языка как процесса (совокупности процессов порождения-восприятия, реализуемых в форме бесконечных многомерных последовательностей бинарных предикативных структур), показать универсальность, структурность и экзистенциональность языковых процессов. По мнению исследователей процессов порождения и восприятия речи, предикативность может быть определена как «бытийность» высказывания, т.е. привязка содержания высказывания к действительности, а именно, к временным и пространственным характеристикам производимой некоторым лицом (агентом) активности» [4, с. 26].

В данном контексте следует отдельно упомянуть комплексное исследование структуры языковых процессов и возможностей их структурного моделирования, проведенное Г.Ю. Яковлевым в русле предикационной концепции, где, в частности, модальная организация (идеального) языкового процесса представляется как «…соотношение модуса (внутренней речи), диктума (проговариваемого языка) и адреса (национального (этнического) социально-ориентированного языка); порождение или

восприятие высказывания – заполнение недостающего компонента модальной организации языкового процесса; диктум (в дальнейшем) может делиться на топик и комментарий, тему и рему, подлежащее и сказуемое (то есть, воплощать предикативное отношение/категорию предикативности – *прим. автора*) в зависимости от привязки к модусу и адресу…» [10, с.94-95]. Иными словами, предикативность играет ключевую роль в совокупности понятий процессуальности языка как «объективного соотношения структур модуса (предицирующего), адреса (предицируемого) и диктума (собственно предикации), эксплицитное или имплицитное выражение которых определяет характер любых языковых проявлений»[10, с.143].

Таким образом, опираясь на предложенные выше интерпретации категории предикативности, мы можем констатировать следующее утверждение: предикативность в качестве основного свойства предложения выражает определенную коммуникативным замыслом говорящего связь либо отношение между совокупностью характеристик (признаков), описанных в предложении, и способностью другого коммуниканта (адресанта) к восприятию мысли адресата, то есть адекватному, целостному отображению в сознании мысли, которую передавал ему адресат при помощи закодированного сигнала (т.е., с точки зрения (коммуникативной) лингвистики, на каком-либо человеческом языке) в процессе производства речи (в диахронических рамках соответствующего коммуникативного действия/акта речевой деятельности). Традиционно в современной лингвистике понятие предикативности ассоциируется с возникновением предикативного отношения, возникающее между субъектом и предикатом мысли, которое формально проецируется в сознании рецепиента при декодировании полученного сигнала (сообщения) в виде «абстрактной» связи, метафорично, в виде клубка невидимых нитей, связывающих созданные говорящим образы/понятия в единое, перманентно устойчивое (на определенном этапе) воплощение коммуникативного замысла.

Следует отметить, что установление предикативного отношения между мыслительными сущностями (концептами) – естественный механизм человеческого мышления, находящий описание в виде «логического суждения», «психологическое суждение», «замыкание нервных связей между нейронами в коре головного мозга» и т.д. Данный тезис, несмотря на свою относительную многозначность и вариативность, на наш взгляд, имеет наиболее универсальное описание именно в предикационной концепции, в русле которой языковые явления, категории и единицы рассматриваются как процессы или результаты процессов последовательного структурного преобразования, а язык – как совокупность предикационных цепей; основой динамики языка (предикации) являются бинарные предикативные структуры (топик-комментарий).

Современная лингвистическая наука, несомненно имеет мультидисциплинарый характер, поэтому в ходе своего развития непрерывно «впитывает» в себя достижения, полученные в других смежных областях научного знания. В частности, с психологической точки зрения, предикативное отношение – это субъективная реальность, иными словами оно может совпадать или не совпадать с реальными отношениями обозначаемых в суждении сущностей. Данный тезис может быть подтвержден при рассмотрении предикативного отношения с позиций когнитивной лингвистики, где под предикацией понимается «воплощение мыслительного акта…в предложении-высказывании она

(предикация – *прим. автора*) ориентирована на когнитивную функцию». Ориентирование на когнитивную (познавательную) функцию предполагает выделение *предикационного акта,* представляющего собой «минимальный познавательный акт выявления признака у предмета, «открытие» этого признака, совершаемое субъектом восприятия в процессе его вербального выражения». Другими словами, суть предикации сводится к тому, что одни концепты предполагают другие для своей характеристики. В данном ключе особый интерес представляют практические выводы, предложенные Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой, репрезентирующие (синтаксические) концепты в качестве типовых синтаксических структур, которые отражают в концептосфере человека связи и отношения явлений и объектов реальной действительности: «Та типовая пропозиция, которая зафиксирована конкретной структурной схемой простого предложения, и есть в нашем понимании синтаксический концепт, некоторой отношение, уловленное говорящими как типовое (отношение бытия, инобытия, небытия и др.)» [3, с.7] Таким образом, синтаксические концепты находят воплощение в виде определенных синтаксических структур (конструкций) того или иного национального и формируют его семантико-синтаксическое пространство.

В ряде своих работ мы последовательно предпосылки становления в современном науке о языке позиций *интегрального* подхода к рассмотрению языковых явлений и процессов, в дальнейшем, в рамках которого актуально выдвигать вопрос о разработке общей теории системности языка в свете представлений о его процессуальной природе. В данном случае речь идет о применении «синтезированного» категориального аппарата, гармонично сочетающего достижения когнитивного и коммуникативного направлений в сфере научных интересов психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, нейролингвистики и других (смежных) отраслей научного знания, позволяющего адекватно и корректно верифицировать полученную языковую модель на материалах национальных языков.

В настоящее время познание природы языковых структур, к сожалению, ограничено формальным описанием морфологических структур национальных языков и особенностями их функционирования в системе сложившихся синтаксических отношений. Несмотря на большое разнообразие методологий к описанию устройства языка в целом и его категорий в рамках дедуктивного, индуктивного подходов и других методов современной философии языкознания, в преобладающем большинстве случаев можно выявить некую закономерность: большинство грамматистов последовательно описывают природу языковых структур преимущественно с позиций морфологии, хотя явления морфологического уровня представляют ни что иное как следствия явлений и процессов синтаксического уровня, что давно доказано на материале языков самой различной типологии. На современном этапе развития лингвистической мысли все большее число ученых склоняются к мнению, что «синтаксически обусловленная китайская морфология есть морфология позиционная: это одновременно и морфология, и синтаксис» [4]. В свете представлений о динамической природе языка данное утверждение, бесспорно, может быть применимо к национальным языкам самой различной типологии.

Для описания проблемы синтаксической конструктивности языковых структур необходимо дефинировать понятие «элементарная предикативная конструкция». Элементарная предикативная конструкция состоит из глагола-сказуемого определенного семантического типа или прилагательного (прилагательное в роли сказуемого предложения выступает намного реже) и зависящих от него и предсказываемых его типовой семантикой обязательных элементов. Ее следует рассматривать как сочетание слов, связанных с глаголом-сказуемым непосредственной связью, которая в свою очередь определяется через понятие валентности. Большинство вербоцентрических концепций в современном языкознании вершиной синтаксических («от-предикативных») конструкций признает глагол, поскольку глагол с большей определенностью чем имя предсказывает свое окружение за счет присущих ему валентностей.

Не все элементы, входящие в состав простого предложения, будут учитываться при выделении той или иной конструкции. Выделяя и описывая основные предикативные конструкции национальных языков, необходимо использовать понятия «обязательного» и «факультативного» элемента. Синтаксические конструкции национальных языков противопоставлены друг другу набором сильноуправляемых элементов. При выделении конструкции мы исключаем факультативные элементы и служебные слова (которые либо определяют отношения между конструкциями – союзы, либо характеризуют всю конструкцию в целом – модальные частицы).

Проблема выделения обязательных и факультативных элементов в составе синтаксических конструкций, формирующих тип языка и его структурно-функциональные характеристики, не является новой в общем языкознании. В свое время к ней обращался А.М. Пешковский: «Под сильным управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом с одной стороны и словарной или грамматической стороной глагола с другой стороны есть необходимая связь» [7, с. 30-36.]. А.А. Холодович считал по этому поводу, что определение основной конфигурации предложения заключается в «экстрагировании словесных рядов с недостаточным окружением и усечением избыточных в отношении глагольного ядра окружений до оптимального уровня. Что же касается слабого управления, то если сочетание глагола с существительным выражают не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого, ясно, что оно всеобще , что оно приложено к любому глаголу… Вот такую зависимость существительного или предлога от глагола мы и будем называть слабым управлением» [9, с. 200-210].

В работе «Опыт теории подклассов слов» А.А. Холодович писал: «Каждое ядро может иметь окружение с переменным числом членов. Назовем число членов в окружении мощностью окружения... каждое ядро может иметь окружение разной мощности. Из всех этих окружений данного ядра одно и только одно является оптимальным. Все прочие окружения - либо избыточны, либо недостаточны». Что же касается оптимального окружения, то А.А. Холодович предлагает для него следующую формулировку: « это то окружение, для понимания которого нет необходимости ни в знании определенной ситуации, ни в знании определенного контекста. Уменьшение такого

окружения хотя бы на один его член делает его недостаточным». И далее: «Оптимальному окружению можно дать и другое, вероятностное определение, которое является более строгим. В этом случае оптимальным будет такое окружение, вероятность появления которого при данном ядре приближается к единице».

Л. Теньер по этому поводу указывает, что «синтаксические связи устанавливают между словами отношения зависимости… Каждая связь объединяет некоторый вышестоящий элемент с нижестоящим», а также вводит понятие актанта и сирконстанта [8]. Л. Теньер дает актантам семантическое определение, подчеркивая, что первый актант осуществляет действие, второй актант является объектом этого действия, а третий – адресатом: «Актанты различаются по своей природе, которая в свою очередь связана с их числом в глагольном узле. Вопрос о количестве актантов, таким образом, является определяющим во всей структуре глагольного узла».

В русле современных лингвистических концепций периодически постулируется факт того, что граница между обязательными и факультативными элементами в составе типовых синтаксических конструкций (между сильным и слабым управлением, между оптимальным и избыточным/недостаточным окружением, между актантами и сирконстантами) не всегда очевидна. На основании этого основным критерием разграничения обязательных и факультативных элементов конструкции можно выбрать предсказуемость элемента значением того слова, от которого он зависит и частотность употребления элемента.

Говоря о степени семантической близости элемента к сказуемому или к другому элементу (предсказуемость), следует отметить, что факультативные элементы конструкций можно присоединить к сказуемому любого типа, поскольку у них нет тесной семантической связи с определенной группой предикативов. Второй критерий выбора обязательных элементов, частотность их употребления в предложении, учитывается путем непосредственного анализа предложений. Тем не менее, при выделении обязательных и факультативных элементов предикативной конструкции мы принимаем эти критерии за основу, поскольку любая классификация языковых явлений (вопрос о разграничении обязательных и элементов — это вопрос классификации) «не требует той формально логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий. Она только требует правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений».

Следует сказать, что синтаксическая конструктивность речи – это понятие преимущественно структуралистическое, и рассмотрение динамической природы языка через «сетку» категориального аппарата словоцентрических концепций во-первых, противоречит предикационному характеру и процессуальной природе языка вообще, как считают некоторые лингвисты, а во-вторых, приписывает языку аналитическую природу как данность, как его фундаментальную основу.

На наш взгляд, ключевую позицию в системном описании языковой сущности должно занимать именно явление предикации (и ее производных – предикативности языковых единиц, предикативной связи, предикативного отношения, предикативных структур, предикативного поля и т.д.) в качестве наиболее универсальной, базовой категории в структуре категориального аппарата

науки о языке и инструментария лингвистического исследования. В свете современных лингвистических теорий структурный облик синтаксической организации национальных языков складывается в результате взаимодействия (в соответствии с принципом непрерывного «движения-развития», преобразования) синтактики, семантики и прагматики, и это, в свою очередь, требует комплексного, синтезированного подхода и в выработке критериев описания языковых структур различных национальных языков.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Советская энциклопедия, 1969.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Березин Ф.М. История советского языкознания. Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1981.
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Воронеж. гос.ун-т, 1999.
4. Курбакова С.Н. Языковой дейксис в речевой коммуникации (основы интерактивной теории языкового дейксиса) / Автореф. дисс ..... докт. филологических наук. - М., 2009.
5. Курдюмов В.А. Предикативность как лингвистическая категория и сложное отношение // Сборник статей. М.: ВАЭФП 1994, № 28.
6. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М.: ВУ, 1999.
7. Пешковский А.А. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1934
8. Сергеева В.И. Лингвистическая сущность предикации// Сборник науч. трудов. Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин, гос.ун-т, 1984.
9. Теньер Л. Актуальное членение предложения / Зарубежная лингвистика. Сборник статей. – М.: Наука, 1999.
10. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории.- Л.: Наука, 1979.
11. Яковлев Г.Ю. Принципы системного моделирования языковых процессов. Монография. М.:ВУ, 2008.

А.Е. Хлебина
г. Прага, Чешская Республика

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ЭМИГРАНТ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО В ЧЕХОСЛОВАКИИ, 1922—1925 ГОДЫ

Само определение «русский писатель-эмигрант» предполагает драму: существует убеждение, что русский писатель, пишущий исключительно на родном языке, либо живет прошлым, а потому не способен плодотворно трудиться за пределами своей родины, либо продолжает трудиться, но, получив признание новой аудитории, перестает быть собственно русским писателем. Судьба литераторов, эмигрировавших после 1917 года, уже только по этой причине была драматичной: Тургенев, Гоголь и Гончаров, писавшие свои бессмертные сочинения за **границей,** всегда имели возможность вернуться домой; у русских эмигрантов начала XX века дома больше не было.

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880—1925), заслуживший в 1910-е годы звание «короля русского юмора», покинул пределы России 1 ноября 1920 года во время эвакуации Русской армии. Вместе с ним на борту грузового парохода «Modig» из Севастополя в Константинополь отправились его коллеги по редакции севастопольской газеты «Юг России». Скорее всего, на том же судне отправился в эмиграцию и писатель Евгений Николаевич Чириков, трудившийся в годы «крымского сидения» в той же редакции. Вот как он описывал свои переживания три недели спустя: «Тяжело покидать родину, и долго я колебался, прежде чем сесть на корабль и покинуть Севастополь, это последнее звено, связывавшее меня с родными берегами. Бежать, но куда? Голос чувства шептал в одно ухо: “оставайся!”, а голос рассудка шептал в другое ухо: “беги!” <…> …Голос рассудка твердо говорил:

— Да, не во имя корысти, а во имя спасения несчастной родины и своего народа ты пером и словом боролся с большевизмом, но разве эта “писательская и политическая девственность твоей гражданской души помешает фанатическому и глупому невежеству расправиться с тобой как с врагом народа”? И приходил на память римский тиран Тиберий: хотя обычай запрещал предавать смертной казни девственниц, но это нисколько не помешало Тиберию, который перед казнью приказывал палачам каждую девственницу предварительно изнасиловать!..

И я бежал…

Уже стемнело, когда чужой корабль медленно двинулся в чужую страну. Я стоял на борту и грустно смотрел на мигавшие мне прощальным трепетом огни города, огни моей дорогой родины, где остались дорогие и близкие мне люди, где оставалась прожитая мною жизнь. Навернулись слезы… А спустя час корабль уже был в открытом море и мчал нас в тьму неизвестности. Спустя час я превратился в русского бродягу без дома, родины, без родного человека»[i].

Испытывал ли подобные чувства Аркадий Аверченко, мы не знаем, свое отплытие на чужбину он описал иначе: «…Я был на пароходе, куда меня приняли с распростертыми объятиями. Это, действительно, правда, а не гипербола, насчет объятий-то, потому что, когда я, влезши на пароход, сослепу покатился в угольный трюм, меня внизу поймали чьи-то растопыренные руки.

На пароходе я устроился хорошо (в трюме на угольных мешках); потребовал к себе капитана (он не пришел); сделал некоторые распоряжения относительно хода корабля (подозреваю, что они не были исполнены в полной мере) и, наконец, распорядился уснуть.

Последнее распоряжение было исполнено аккуратнее всего...»[ii]

Трудно ожидать от сатирика искренних слез и жалоб, кроме того, данный текст должен был оправдать ожидания читателей, таких же беженцев, уставших от собственных бедствий. И здесь нет ни слова о том, как в целом относился Аркадий Аверченко к факту своей эмиграции. Поскольку дневников он не вел, судить о его мыслях мы можем только по текстам публикаций. Впрочем, они тоже носили юмористический или сатирический характер, а также должны были соответствовать требованиям военной цензуры.

Около двух лет, предшествовавших Исходу, Аверченко на страницах газет безжалостно высмеивал коллег и знакомых, сбегающих за границу. Опустим политическую сторону вопроса, выражавшуюся

в общей мысли «нет повода для паники», очевидно, соответствовавшей требованиям цензора, и обратимся к культурным последствиям эмиграции в представлении писателя Аверченко.

Всего за шесть дней до отбытия из Севастополя, 25 октября (7 ноября) 1920 года, в «Юге России» вышел фельетон Аверченко «Оторвыши», позже дополненный и вошедший в сборник «Записки Простодушного» под названием «Трагедия русского писателя».

«Русский пароход покидал крымские берега, отплывая за границу», на его борту стоял герой фельетона, русский писатель, и приносил клятвы родине в том, что покидает ее временно, что всегда будет ее помнить. Прожив год в Париже, герой сел «написать рассказ о своей дорогой родине», но не сумел вспомнить, где находится Дерибасовская и что означает слово «замерзавец» — «человек, который быстро замерзает»? А что такое рабиновка — водка или «еврейская фамилия: Рабиновка — жена Рабиновича»? Спустя еще год он сел написать «о наша славненькая матучка Руссия», и вот что у него получилось: «Была большая дождика. Погода был то, что называй веритабль петербуржьен! Один молодой господин ходил по одна улица, по имени сей улица: Крещиатик. Ему очень хотелось manger. Он заходишь на Конюшню сесть на медведь и поехать в restaurant, где скажишь: garson, une tasse de рабинович и одна застегайчик avec тарелошка с ухами…»

Завершало сцену мрачное авторское резюме: «Тихо, исподволь, незаметно мстит “матучка Руссия” тем, кто на цыпочках отошел в прекрасную, сытую даль от горячечного одра ея…»[iii]

Не прошло и недели с этой публикации, а ее автор уже сам бежал «от горячечного одра», но не в Париж, а пока в Константинополь, где о «прекрасной, сытой дали» большинству приходилось только мечтать.

Писатель провел в Константинополе полтора года. Вместе с актером Владимиром Свободиным он организовал успешный театр-кабаре «Гнездо перелетных птиц», дававший представления в залах русских ресторанов. Аверченко выступал перед жующей публикой наравне с остальными артистами, получая, по слухам, солидную долю от выручки заведения. Апофеозом этой деятельности можно было бы назвать постановку комической оперы из средневековой жизни «Кунигунда», где Аркадий Тимофеевич исполнял партию злодея-отравителя. К сожалению, текст произведения пока найти не удалось, известно только, что оно пользовалось у зрителей огромным успехом.

В то же время Аверченко очень активно сотрудничал с константинопольскими русскими изданиями — газетой «Presse du soir» и журналом «Зарницы». Работал он очень много: бывали периоды, когда его публикации выходили ежедневно.

Весной 1922 года русский Константинополь стал разъезжаться. Русская армия была выведена в разные места Болгарии, Королевства сербов, хорватов и словенцев; постепенно, по мере получения виз, уезжали многочисленные гражданские беженцы. В апреле Аверченко получил болгарскую визу и отбыл в Софию. Свой долгий путь из Петрограда в Прагу он опишет спустя полтора года в дополненной «Автобиографии», опубликованной на чешском языке в его первом и единственном прижизненном собрании сочинений.

В Чехословакии Аркадий Аверченко оказался не случайно. Прямо о причинах своего переезда в Прагу писатель не сообщал нигде, и только ряд архивных документов и публикаций позволяют приблизительно восстановить ход и связь событий.

Чешскому читателю имя Аркадия Аверченко было прекрасно известно еще до начала Первой мировой войны. Чешская публика узнала его едва ли не одновременно с русской: первый сборник рассказов писателя в чешском переводе Станислава Минаржика вышел в 1910 году (Spisů A. Averčenka dil I. — Knihovna slovanských autorů // V Praze — Smíchově, 1910), одновременно с первым петербургским сборником. В 1914 году была выпущена книга рассказов Аверченко «Забавные персонажи и истории» (Veselé figurky a příhody // Praha, Hejda & Tuček, 1914), которую проиллюстрировал знаменитый в Праге художник Йосеф Вениг[iv]. В 1918 году пражским издательством «Vaněk a Votava» был выпущен чешский перевод знаменитой «Экспедиции сатириконцев в Западную Европу» с иллюстрациями не менее знаменитого в те годы Отакара Зейбрлика.

«Аркадий Аверченко у нас, в колонках чешских газет и книжных изданиях, уже давно известный и дорогой гость, — сообщала газета “Moravskoslezský deník” вскоре после прибытия писателя в ЧСР. — Он обжился у нас за несколько лет до того, как был по политическим причинам изгнан из советского рая и приговорен к горькой судьбе беженца. Прошло уже 12 лет с тех пор, как Станислав Минаржик издал объемный томик его юморесок, тем самым представив читателю новое имя, звучавшее затем все чаще <…> Затем, как и в России… Аверченко приобрел и у нас множество поклонников. Юмористические журналы публиковали его бойкие, бегло набросанные юморески, в фельетонах ежедневных газет появлялись его оптимистические сценки, выходили книжные сборники, к примеру, сборник в серии „Всемирная библиотека“ или серии „Библиотечка „Златой Праги““, при этом издатели и переводчики даже не заботились не только о разрешении автора, но и о каком-либо гонораре. Характерным штрихом пробежало в последние дни в прессе сообщение о том, что Аркадий Аверченко подписался в посвящении на книгу с чешским переводом своих произведений: „…от ограбленного автора“»[v].

Главную роль в переезде Аверченко в Чехословакию, а затем — и в его делах вплоть до кончины и даже после нее, сыграл Венцеслав (в русском варианте — Вячеслав Францевич) Швиговский (12 (25).07.1875 — 11.10.1957). Он родился в городке Глинске Ровенского уезда в семье чешских переселенцев. С 1902 года активно публиковался в чешских и русских газетах, а в 1910 году переехал в Киев, где развернул активную издательскую деятельность для потребностей российских чехов, в частности, в 1911—1918 годах издавал газету «Чехослован». В годы Первой мировой войны состоял во всех чешских объединениях и кружках Киева, принимал активное участие в формировании Чешской дружины, поддерживал связи с украинскими политическими деятелями и в результате в 1919 году в качестве заместителя председателя украинской дипломатической миссии был отправлен в Чехословакию. После недолгой дипломатической службы обосновался в Праге, где смог вернуться к профессии журналиста.

В то время Чехословацкая Республика нуждалась в создании положительного имиджа за рубежом и, соответственно, информационного агентства и радиокомпании с иновещанием. Министерство иностранных дел в 1921 году учредило издательство «Orbis» и информационную службу «Central European press», сокращенно «Centropress», для издания иноязычных государственно-пропагандистских СМИ[vi]. Швиговский стал одним из инициаторов создания этого агентства и возглавлял его на момент прибытия в Прагу Аркадия Аверченко.

По различным документальным свидетельствам можно сделать вывод, что Аркадию Тимофеевичу не просто позволили въехать в Чехословакию на гастроли — его пригласили как знаменитого писателя, который должен был трудиться над международным имиджем страны. Необходимо уточнить: безусловно, переезд Аверченко в Прагу был связан с реализацией Русской акции помощи чехословацкого правительства, но он не был принят как беженец, и пособий, как другие русские писатели, от государства не получал — он получил возможность заработать.

Со Швиговским Аверченко мог познакомиться как во время своего пребывания в Киеве в октябре 1918 года, так и во время работы в константинопольской «Presse du soir», регулярно публиковавшей новостные заметки, полученные от пражского «Славбюро». Так или иначе, в анкете на получение чехословацкой визы в графе «Поручитель» стоит имя и подпись Венцеслава Швиговского. Он же стал на все последующие годы литературным агентом Аверченко, которому писатель посылал подробнейшие отчеты не только о полученных гонорарах, но и обо всех гастрольных поездках — буквально из каждого города, где останавливался. Вторым близким человеком, опекавшим Аверченко в Чехословакии с первого дня до последнего, стал журналист и редактор, в то время подчиненный Швиговского, Константин Павлович Бельговский (1895 — 1945).

Подтверждением того, что деятельность Аверченко в ЧСР была подчинена политическим интересам, может стать и содержимое папки с газетными вырезками о писателе, хранящейся в архиве Министерства иностранных дел. Его имя аккуратно отслеживали в прессе, но не с даты прибытия в страну, как бывало с другими знаменитостями, а с момента выдачи въездной визы в апреле 1922 года. В частности, новость об этом событии была опубликована 30 апреля в крупных газетах «Lidové noviny» и «Národní politika».

По приезде в Прагу последовала череда гастрольных выступлений вместе с артистами константинопольского «Гнезда…» Раисой Раич и Евгением Искольдом, причем, последний не только выполнял функции импрессарио, но и играл в пьесах Аверченко. В Праге к ним присоединились актеры Михаил и Надежда Минины. В перерывах Аркадий Тимофеевич много писал, в том числе, для газеты «Prager presse». Это было крупнейшее издание концерна «Orbis», выходившее на немецком языке. Данная газета предназначалась не столько пражской немецкоязычной публике, сколько читателям из других стран, а следовательно, именно эта работа отвечала задачам, для выполнения которых был нужен известный писатель.

В «Prager presse», начиная с 17 сентября 1922 года, Аверченко вел рубрику «Аверченко и мир» («Awertschenko und die welt»), причем, получив гонорар за еженедельную колонку на год вперед, материалы он поставлял довольно нерегулярно, в основном, из-за многочисленных гастрольных

поездок. В этой рубрике писатель продолжил свою любимую тему, начатую еще в Петрограде — стал комментировать сообщения в прессе. Несмотря на заявленный глобальный формат, большинство заметок так или иначе содержали ироничные замечания в адрес большевиков, некоторые были переводами актуализированных старых фельетонов, написанных еще в Петербурге в годы Великой войны.

Имя переводчика этих текстов нам неизвестно, одно можно сказать с уверенностью — это был не Аркадий Аверченко. В речи героев своих фельетонов и пьес он щедро использовал иностранные слова, однако, как выяснилось, основательно не знал ни одного иностранного языка. Спустя два месяца после кончины писателя, в газете «Národní politika» от 24 мая 1925 года была опубликована заметка чехословацкого консула в Берлине Юлиуса Скарландта «Воспоминание о знаменитом русском человеке» («Vzpomínka na znamenitého ruského člověka»). Она повествует о визите Аверченко к консулу во время берлинских гастролей, в самом начале 1923 года — примерно через шесть месяцев после прибытия в Прагу. Из нее мы можем узнать несколько интересных подробностей.

Во-первых, примечателен сам факт, что консул написал и опубликовал данные воспоминания, отмечая, что «и наша берлинская газета „Zahraniční Čechoslovák“ публиковала переводы его (Аверченко — *А.Х.*) небольших, замечательных юморесок!» — что еще раз подтверждает большую популярность произведений Аверченко среди чешских читателей, в том числе, за пределами Чехословакии.

Во-вторых, Юлиус Скарландт подробно сообщает о коммуникационных трудностях: «Чем большей была моя радость, тем большими были сначала трудности с пониманием. Аверченко заговорил по-русски, а я тогда еще русский язык не очень хорошо понимал, а при упоминании о мировых языках милый Аркадий крутил головой, сообщая, что владеет только русским. Но спустя короткое время мы вполне прилично разговорились. Аверченко старался вставлять в свою медленную русскую речь чешские слова, я, в свою очередь, старался говорить так, чтобы он понимал смысл сказанного, так что в итоге мы поняли друг друга очень хорошо».

В-третьих, мы получаем еще одно подтверждение того, что симпатия и благодарность в адрес Чехословакии, появлявшаяся во многих произведениях того периода, были искренними, поскольку звучали при каждом удобном случае. Консул вспоминал, что Аркадий Тимофеевич ему сообщил, «как счастлив в Чехии, какая у нас замечательная литература, музыка, изобразительное искусство, природные красоты и — пиво, короче говоря, Аркадий Аверченко со своим добродушным лицом с несходящей улыбкой расплывался в похвальбе, какие мы в Чехии чудесные парни». При этом в доступной в настоящее время частной переписке, где писатель мог бы себе позволить многое, он ни разу не выразил другого мнения.

И, в конце концов, писатель не преминул похвастаться приобретенными связями. В ответ на вопрос: «А что Вам, мастер, у нас нравится больше всего?» «его милая улыбка расцвела на максимум, а из его губ через мгновение выплыло предложение на чешском языке, мастерски выговоренное по слогам: „Ve-přo-vá s knedlíkem a zelím! Jedl jsem nejlepší u Jaroslava Kvapila...“ („Сви-ни-на с кнедликами и капустой! Лучшую я ел у Ярослава Квапила…“ — *А.Х.*)».

Ярослав Квапил (1868—1950), выдающийся чешский поэт, драматург, переводчик, либретист и театральный режиссер, в это время возглавлял драматическое отделение пражского Городского театра на Королевских Виноградах — второго по значимости после Национального театра. Он был одной из ключевых фигур чешского театра того времени, и неформальное знакомство с ним было для Аркадия Аверченко серьезным поводом для гордости. 29 ноября 1922 года в Виноградском театре состоялась премьера его комедии «Игра со смертью». В репертуаре театра этот спектакль по пьесе Аверченко остался единственным. Тем не менее, он прошел 15 раз, что можно считать триумфом.

В записной книжке Аркадия Тимофеевича сохранились заметки о получении гонораров, свидетельствующие о сотрудничестве писателя с бардом, актером, сценаристом, драматургом и режиссером Карелом Гашлером, в то время — руководителем кабаре «Lucerna». В прошлом Гашлер был оперным исполнителем, но лишился места в Национальном театре в 1916 году по политическим причинам, после чего стал зарабатывать на жизнь собственными песнями. Они были настолько популярны в Праге, что Аверченко вскоре после приезда в Прагу, упоминая их, шутливо доказывал свою адаптацию к новой национальной среде: «В Чехословакии я живу как сыр в масле. Я люблю чехов, чехи мне отвечают взаимностью. Я ем кнедлики, пою гашлеровские песенки и говорю “má úcta” (“Мое почтение!” — *А.Х.*) так хорошо, что вокруг все оборачиваются…»[vii].

Карел Гашлер был одним из основателей и ведущих исполнителей первого пражского кабаре «Červená sedma» («Семерка червей»), к моменту появления в городе Аверченко перешедшему в разряд легенд. В годы его расцвета, то есть в 1910-е, до начала войны, на подмостках «Седмы» шли пьесы «Злодеи» и «Пасхальный гость» по мотивам рассказов Аверченко. Позже Карел Гашлер возглавит пражский театр «Комедия», и 17 марта 1924 года на его сцене состоится спектакль «Пьесы Аверченко» с участием автора. В постановке на чешском языке Аверченко будет единственным русским актером. Он исполнит роль русского поклонника, с разговорником в руках добивающегося расположения чешской замужней женщины.

Как видим, Аркадий Аверченко активно старался влиться в новую культурную среду, с первых дней пытался освоить новый язык. Известно даже, что он не просто выхватывал слова из речи, а брал уроки.

Кем ощущал себя сам Аверченко?

«— Какой я теперь русский писатель? — цитировала его слова в 1925 году рижская газета “Сегодня”. — Я печатаюсь главным образом по-чешски, по-немецки, по-румынски, по-болгарски, по-сербски, устраиваю свои вечера, выступаю в собственных пьесах, разъезжаю по Европе, как завзятый гастролер…»[viii]

Другой интересный вопрос — как воспринимали его произведения чешские читатели и критики. Оказывается, они вполне соглашались с этой точкой зрения, но не считали «нерусскость» недостатком Аверченко. Вот что написал в некрологе о его творчестве переводчик Йосеф Гостовски:

«Из небольшого ряда русских юмористов и сатириков Аркадий Аверченко — наименее самобытный и в то же время — наименее русский. Этот факт мы осознаем яснее всего, если расположим рядом следующие имена: Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов, Аверченко. У него нет глубины Гоголя,

масштабности Щедрина, тонкости и концентрированности Чехова. Аверченко не олицетворяет восходящую линию русского юмора и сатиры — им русский юмор и сатира разлились в широкое русло без глубины с множеством ничего не стоящего песка. Но в этом песке порой сверкает золотое зернышко, тяжелое, настоящее, с неизменной ценой! — Не удивительно, что у него много плевел, а зерна меньше — писал слишком много... Для Аверченко характерна одна вещь: у нас, чехов, он приобрел гораздо большую популярность, чем дома в России. В России его ценили больше всего за детские произведения, отличающиеся необычайной искренностью, наивностью и пониманием детской души. Другие вещи казались русскому читателю слишком легкими — его юмор не отличался глубиной — а русские писатели вели плуг, как правило, глубоко. Чехи, в отличие от них, страдают, скорее, склонностью к добросердечному послеобеденному юмору... Поэтому можно понять, почему Аверченко у нас так хорошо прижился и в предисловии к чешскому изданию книги "Эксцентричные рассказы" (Výstřední povidky. — *A.X.*) он написал: "Чехия стала моим вторым домом" (стр. 9). Его книги пользуются всеобщей любовью так же, как… гашековский "Швейк"»[ix].

А этот анонимный некролог, опубликованный в газете «České slovo» за 13 марта 1924 года, на следующий день после похорон, мог бы резюмировать общее отношение к писателю:

«Революционная тирания привела к нам множество русских, но ни один из них не был так знаменит, как он (Аверченко — *A.X.*), литературно и лично, ни один не умел за гостеприимство благодарить так приятно, как он. (…) Юморист, чьи юморески еще много лет назад поразили нас как особенное исключение среди русских книг, к которым мы привыкли. Чехов тоже был юмористом, но его юмор был юмором боли и грусти, отвоеванной усмешкой над жестокостью, глупостью и тщетой существования. У Аверченко юмор был, конечно, более поверхностным, легкомысленным и светским, однако он стремился в мир с буйной и смелой силой, осмеливавшейся противостоять смехом всему плохому и низкому. Он обрисовал нам современную городскую и мещанскую Россию во всех ее распущенных чертах, такой, какую мы ее не знали, ее литературное, журналистское, художественное, купеческое, промышленное, техническое общество, ее женщин, а это уже была Россия вполне европейская, увиденная европейскими глазами без стекол русской литературной традиции. Аверченко в своих юморесках уже не производил впечатления русского, а скорее француза или немца, сознательно и намеренно пикантного, иронически скептического, ищущего опасные скользкие ситуации. Его специализацией была юмореска международная. (…) Особенно много культивировал Аверченко людей в моменты возбуждения, раздражения, вспышки гнева, поскольку в эти минуты в противовес невозмутимости скептика проявлялась их комичность: зачем шуметь и раздражаться — ведь жизнь должна идти дальше, и идет своим определенным путем, каким бы он ни был! Опыт, который Аверченко таким образом передавал своим читателям, отнюдь не был розовым. (…) При этом юморески Аверченко учили, что несмотря на все это, жизнь приятна и интересна. (…) Нам не повредит, если теперь хоть на время у нас его книги станут очень популярными — независимо от того, вышли ли они у Гейды и Тучека, у Отто или Вилимека — они разгонят кровь, ускорят дух и поощрят отвагу к поиску последней правды. Аверченко научился любить нас, чехов, он говорил нам об этом иногда даже льстиво, и делал своей похвалой наши будни менее будничными,

чего мы до сих пор не научились ценить. Надеюсь, смерть среди нас для него не была слишком горькой, его, автора “Игры со смертью”».[x]

Аркадий Аверченко был очень талантливым человеком и очень много работал. Кроме того, ему везло. Ему повезло своевременно уехать в эмиграцию и избежать насилия над «гражданской душой», которого так опасался Евгений Чириков. Ему повезло хорошо устроиться в Чехословакии и провести здесь в относительном комфорте последние годы. Неоднократно оказываясь без гроша в кармане, он никогда не жаловался и умудрялся при помощи своего таланта и трудолюбия не только сам становиться на ноги, но и помогать другим.

Он ушел, окруженный вниманием и почетом, пребывая в зените славы и оставшись, несмотря на свой космополитизм и решимость критиков принять его в лоно европейской литературы, все-таки русским писателем.

О судьбе творческого наследия Аркадия Аверченко в СССР более-менее известно. В Москве в 1926—1928 годах издательство «Земля и фабрика» выпустило полтора десятка сборников его произведений, два сборника издательства «Огонек» вышли в 1926 году. Затем времена изменились, Аверченко перестали издавать, родственники писателя предпочитали молчать о своем родстве. В 1964 году в московском издательстве «Художественная литература» вышел сборник «Юмористические рассказы», тогда же в «Издательстве политической литературы» в серии «Художественная атеистическая библиотека» вышел сборник «Оккультные науки». Затем, вплоть до 1980-х, Аверченко был забыт, а в 1990-х на публикацию его произведений начался настоящий бум, продолжающийся до сих пор. В настоящее время в московском издательстве «Дмитрий Сечин» идет работа над выпуском последних томов 13-томного Собрания сочинений писателя, самого полного из издававшихся когда-либо.

Похожей была судьба книг Аверченко в Чехословакии. При жизни Аркадия Тимофеевича было выпущено много его книг, несколько десятков, с 1923 по 1925 годы вышло единственное прижизненное собрание сочинений в 12 томах, видимо, целиком удовлетворившее на тот момент читательский спрос. Затем на планы издателей стали влиять силы, далекие от рыночных законов, и целых 43 года произведения Аверченко на чешском языке не выходили. В 1948 году Общество любительских театров Словакии издало перевод «Игры со смертью» на словацкий язык, и только в 1968-м в Братиславе вышел сборник «Десять измен». В том же году в Праге увидел свет сборник «Камень на шее», куда вошли рассказы Аверченко в переводе на чешский Алены Моравковой. Началась нормализация, и снова Аверченко оказался вне планов издателей. Очень символично его произведения вернулись на книжные полки спустя 30 лет, в 1998 году, когда вышел сборник «Прогулка в крапиве» в переводе той же Алены Моравковой. Сейчас его рассказы время от времени включают в сборники русского юмора, а пьесы ставятся камерными и любительскими театрами.

Иначе обстояла судьба книг Аверченко в странах Западной Европы. К примеру, в Вене с 1925 по 1977 год вышло семь книг. В Германии популярность Аверченко выросла в конце 1930-х: несколько сборников на немецком были изданы с 1935 по 1942 годы. В 1943 и 1944 годах были выпущены даже два сборника пьес на русском языке. Интерес возродился спустя 20 лет: в Мюнхене с 1961 по

1979 годы увидели свет пять книг Аверченко. Были и другие издания в других странах. Их выпуск был привязан не к общественно-политическим событиям, а к деятельности наследниц писателя, сестер Елены Тимофеевны Ростопчиной и Ольги Тимофеевны Фальченко (Смирдиной), проживавших в Париже. Ольга Тимофеевна хранила чемоданы с личными вещами брата, которые в 1966 году ее муж, уже после ее кончины, передал в Москву, в ЦГАЛИ. Елена Тимофеевна вела переговоры с издателями о публикациях произведений брата до своей смерти в 1976 году. После этого интерес к ним в такой мере не возобновлялся.

Есть ли будущее у творческого наследия Аверченко? В определенном смысле — да. Сейчас его дореволюционные рассказы стали ближе и понятнее молодым читателям, чем, скажем, юмор советских классиков, ведь Аверченко был, в отличие от них, «буржуазным писателем», описываемые им реалии новому поколению читателей понятнее, чем произведения Зощенко или Ильфа и Петрова. Благодаря своей «буржуазности» эта часть творчества Аверченко понятна и другим читателям, воспитанным вне советских реалий.

С другой стороны, свои наиболее яркие фельетоны Аркадий Аверченко посвящал политическим событиям и со временем они утратили актуальность; без подробных комментариев и пояснений теряется большая часть их смысла. Его мнением интересовалось огромное число читателей в момент актуальности комментировавшихся событий, но сейчас его фельетоны — скорее материал для исследователей эпохи. Но очень ценный и интересный материал.

---

[1] *Чириков Евгений.* Спасибо! // Presse du soir (Константинополь). 1920. 2 дек. № 177.

[1] *Аверченко Аркадий*. Предисловие Простодушного. Как я уезжал / Записки Простодушного. М.: Книга и бизнес, 1992. С. 6.

[1] *Аверченко Аркадий*. Оторвыши // Юг России (Севастополь). 1920. 25 окт.(7 ноября). № 167(362).

[1] Автобиография. Výbrané spisy Arkadije T. Averčenka. sv. I. — Praha: Jos. R. Vilímek, 1923. Здесь и далее — перевод Анны Хлебиной.

[1] Йосеф Вениг (Josef Wenig, 1885—1939) — классик книжной иллюстрации, театральный художник. Работая в пражском Театре на Королевских Виноградах, в 1922 году создал декорации к постановке пьесы Аверченко «Игра со смертью».

[1] Z uměleckého a kulturního života. Arkadij Averčenko // Moravskoslezský deník, 8.8.1922.

[1] *P. Bednařík, J. Jirák, B. Köpplová*. Dějiny českých médií: od počátku do současnosti. Praha: Grada, 2011. S. 176.

[1] *Аверченко Аркадий*. Автобиография / *Аркадий Аверченко*. Русское лихолетье глазами «короля смеха». М.: Посев, 2011. С. 50.

[1] Последние дни Аверченко // Сегодня (Рига). 1925. 13 марта. № 58.

[1] *Dr. Jos. Hostovský.* Arkadij Timofejevič Averčenko. K jeho dnešnímu pohřbu. Výstřižkový archiv — MZV — VA I, karton 2773 A. Averčenko.

[1] Arkadij Averčenko. České slovo. 13.03.1925. Výstřižkový archiv MZV — VA I, karton 2773 A. Averčenko

И.В. Чекулай, О.Н. Прахорова
г. Белгород, Россия

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

Статья посвящена проблеме лингвосемантической интерпретации категории оценки и выявлению принципов оценочной актуализации в современном английском языке. Целью исследования является поиск и описание ментальных оснований формирования структур ценностного опыта человека и основных форм их языкового кодирования с целью использования в определенной ситуации для достижения поставленной субъектом речи перед собой цели. В основу исследования положен функционально-деятельностный подход к изучению явлений языка.
Ключевые слова: лингвоаксиология, ценность, оценка, функционально-деятельностный подход, категориально-ценностные концептосферы, кроссовые концептосферы.

Igor Chekulai, Olga Prokhorova
Belgorod, Russia

PRINCIPLES OF FUNCTIONAL AND ACTIVITY APPROACH TO THE STUDY OF LINGUISTIC AXIOLOGICAL PHENOMENA

This article deals with the problem of linguistic semantic interpretation of the category of evaluation and to identification of the principles of evaluation actualization in the modern English language. The aim of the study is the search and description of mental basis of human evaluation experience structures and main forms of the language intended for use in a certain situation for achievement of one's speech purposes. The fundamental approach to the study is the authors' functional and activity approach to the research of language facts.
Key words: linguistic axiology, value, evaluation, functional and activity approach, categorical axiological domains, cross domains.

Последние годы проблемы языковой экспликации ценности и оценки достаточно часто получают свое отражение в рамках когнитивно-лингвистической научной парадигмы, и это представляется вполне закономерным. Переход от постановки в фокус лингвистических исследований языкового знака или единицы речи к фокусу внимания языковедов на человеке как творцу языка и пользователю языком дал возможность в определенной мере убрать границы между различными подходами к изучению языковой оценки, сблизить различные исследовательские парадигмы в лингвоаксиологии.

Привнесение когнитивной методики в исследование явлений языка не только расширило содержательную базу семантических исследований, но и соединило их с парадигмами других исследований, которые в семантических исследованиях получали лишь фрагментарное освещение.

Как известно, основной задачей лингвокогнитивных исследований является выяснение особенностей моделирования представлений индивидуума и социума об окружающем мире в форме языковых и речевых знаков. Тем самым исследование ценностных и оценочных характерных черт системы языка и речи становится неотъемлемой частью исследования языка в русле антропоцентрической парадигмы.

Статус языковой и речевой оценки, во-первых, как универсального явления [Вольф 1985: 9], и, во-вторых, как одного из основных механизмов познания мира и формирования языковой картины мира предполагает участие этой конгломерированной категории мышления и коммуникации в решении актуальных проблем, существующих в лингвистике на ее современном этапе.

Авторы данной статьи не претендуют на безусловность и незыблемость предлагаемого подхода к решению сущности оценки и вытекающих из этой сущности функционально-прагматических особенностей квалификативной лексики и оценочных высказываний, а также единиц, больших, нежели высказывание (СФЕ и текст). Тем не менее, нам представляются достаточно основательными следующие положения.

Прежде всего, мы исходим из следующего фундаментального для философской аксиологии положения о том, что оценка – это лишь способ представления ценности [Анисимов 2001: 67]. В нем заложена важная характеристика сущности оценки как формы осознания или внешнего представления ценности.

В основе оценки лежит жизнедеятельность субъекта. Этот субъект руководствуется определенными мотивами, и в связи с ними ставит перед собой определенные задачи, планирует выполнение деятельности в целом или определенных действий как этапов в пределах более обширной деятельности. В ходе деятельности он сталкивается с различными лицами, существами, предметами, явлениями и т.д., которые можно объединить понятием объекта деятельности. Именно по той причине, что оценочное сообщение всегда рассчитано на иллокутивный эффект, оценочное значение зачастую идентифицируется как прагматическое значение.

> Известная истина, уже не ассоциируемая с кем-либо из мыслителей прошлых веков, гласит: «Все познается в сравнении». Как совершенно справедливо отмечает Н.А.Кобрина, «лингвистическая наука не может существовать без операции сравнения там, где дело касается значения и смысла, и по существу является наукой релятивной, а потому этот подход вполне правомерен и методологически адекватен. Сама процедура сравнения является процедурой ментальной» [Кобрина 1998: 11].

На первый взгляд, механизм сравнения достаточно прост. Он совпадает в целом с процессом приобретения опыта. Сталкиваясь с отдельными феноменами реальности, человек находит их общие и дифференциальные признаки, соединяет различные явления в эмпирические парадигмы и тем самым разносит сведения об этих явлениях по разным рубрикам сознания с последующим закреплением их в памяти. Но это лишь наиболее общая схема познания, в то время как оно имеет

различные особенности, что во многом зависит от алгоритма познания. Особенно это наглядно проявляется в связи с таким сложным феноменом мышления, как оценка.

Статус сравнения как основной операции аксиологического познания позволяет определить его как функциональную основу формирования ценностных концептов и оценочных суждений в противовес его онтологической основе – деятельности.

Как и деятельность, сравнение неоднородно, но, в отличие от деятельности, основные стадии которой дифференцируются, в первую очередь, по временному принципу, сравнение имеет разновидности, которые нельзя назвать синхронными, поскольку сравнение лежит вне временной плоскости. Именно в его несубординативности онтологическим категориям времени и пространства и состоит его категориальная основа.

Из антропоцентрической природы сравнения вытекает ее вторая важнейшая характеристика: сравнение функционально лишь при наличии языковой системы как средства отражения абстрактного мышления.

Применительно к процессу формирования ценностного опыта сравнение неоднородно. Как операция мышления, в своей основе оно антропоцентрично. Но сравнение может устояться в общественном сознании (что происходит, например, при образовании фразеологических единиц на основе сравнительных синтаксических конструкций, например, конструкции as Adj as N в английском языке) лишь в результате его многократного употребления, многократного функционирования, а рождается оно в одном отдельно взятом сознании.. В ходе такой операции субъект соотносит себя с окружающим миром и другими людьми. Тем самым одной из важнейших характеристик сравнения является дихотомия «Я/Ego vs другие».

Являясь операцией мышления, сравнение служит выполнению определенных целей. Тем самым сравнение носит инструментальный характер. Сравнение является средством, а не целью. Оно необходимо либо для учебных целей, либо для прочих целей демонстрации какого-то явления (например, проведение аналогии между двумя явлениями, которые связаны общей реальной или типовой ситуацией), либо для создания образной экспрессии (в речевых актах, как стилистическое средство) и т.п.. Собственно говоря, инструментальная характеристика сравнения является общекогнитивной, свойственной не только ценностной категоризации и оценочному функционированию.

Материал для сравнения не появляется сам по себе, а берется либо из прошедшего социального или индивидуального опыта. При этом сравнение ориентировано на какой-то факт действительности, потому что необходимость экспликации материала сравнения языковыми средствами должно быть в общем тезаурусе как адресанта, так и адресата сообщения. Это возможно лишь при условии, что оба главных участника акта передачи информационного сообщения имеют понятие о тех вещах, которые представлены как средства передачи сравнения, а это, в свою очередь, возможно лишь при условии существования этих вещей в объективной или объективизированной/виртуальной реальности.

Говоря о том, что сравнение функционально, не следует забывать о том, что функция является совокупностью поставленных целей и их реализации. Поэтому и сравнение рассчитано не только на

постановку субъектом какой-то цели от его использования, но и достижения определенного эффекта от его использования. При построении высказывания со сравнением говорящий уже прогнозирует эффект от данного высказывания, характер дальнейшего общения с адресатом в его логико-семантической основе. Тем самым сравнение прогностично. Фиксируя окончание одной деятельности, субъект мышления уже намечает перспективы развития другого, смежного с данным или каузируемого им кванта действия или деятельности.

В результате рассмотренных особенностей сравнения как операции деятельностного мышления можно сформулировать следующие характерные особенности сравнения:

- его индивидуальность в плане порождения, т.е. сравнение – это всегда плод индивидуального сознания, а в коллективный узус оно входит после его предъявления данным индивидом в знаковой форме;
- инструментальный характер сравнения;
- объективированность;
- прогностичность.

Инструментализм сравнения в оценочном суждении выражается в том, что индивид ищет соответствующие средства для реализации действия или деятельности. Но при этом он не берет первую попавшуюся под руку вещь или первое пришедшее на ум слово. Он соотносит характеристики средства с целью, алгоритмом и прогнозируемым результатом, выявляет степень адекватности средств прочим параметрам деятельности. Для этого он ищет в сознании эквивалент средства, которое необходимо для решения поставленных задач.

Понятие эквивалентности, несомненно, шире, нежели функциональная замена одних вещей другими. Именно поиск эквивалента как разновидность сравнения тесно связана с такой важной категорией оценки в сознании и в языке, как норматив, который представляет собой отдельный пункт настоящего исследования.

В какой-то мере эквивалентности сравнения соответствует и следующая разновидность этой операции сознания, играющая одну из ключевых ролей в формировании ценностных категорий и оценочных высказываний. Она вытекает из объективированности сравнения, при котором цели, средства и результат рассматриваются как адекватные возможному состоянию вещей вне оценочного высказывания. Субъект оценки ориентируется не только на норматив средств, но и на норматив алгоритма, на необходимость соответствия последовательности действий в пределах данной деятельности какому-то установленному законами природы, общества и познания порядку.

По справедливому утверждению Н.Д.Арутюновой, «оценка производится не в рамках естественного класса, а в рамках потребительского класса» [Арутюнова 1988: 55]. Нельзя отождествлять оценочную констатацию с констатацией факта реальности. Оценка – это уже выход в виртуальный мир, но этот выход осуществляется, поскольку автор оценочного суждения отталкивается от реальности. В изложении своих взглядов на проблему в форме оценочных высказываний он ориентируется на реальность, он апеллирует к реальности, он подает свое мнение

как объективную истину. Поэтому по своим функциональным характеристикам оценка и оценочное сравнение ориентированы на соответствие оценочного суждения и актуализируемого на его основе оценочного высказывания истине.

Функционально-оценочные свойства оценочного сравнения связаны между собой отношениями взаимозависимости и взаимообусловленности. Ego предполагает поиск адекватных или эквивалентных средств для решения поставленных задач, Ego квалифицирует свои действия как единственно правильные, Ego стремится завершить определенную (в том числе и оценочную речевую) деятельность так, чтобы получить наиболее оптимальную для себя перспективу. Эквивалентность выбора средств обусловлена устремлениями субъекта оценочного сравнения, она предполагает определенный, учитывающий реальные условия порядок действий и достижение оптимального результата. Соответствие оценочного высказывания истине подается его субъектом как таковое. Соответствие истине также ориентировано на *реальные* результаты, которые субъект оценки ожидает. Наконец, поиск решений заложен с самого начала оценочно-мыслительной и оценочно-речевой деятельности индивида – субъекта оценки.

Обращает на себя внимание пропорциональность отношений категориальных свойств деятельности и основных характеристик сравнения как основы формирования оценочных суждений и высказываний. Обе когнитивные сферы состоят из четырех основных дискретных компонентов, каждый из этих компонентов обусловливает определенную ценностную (с позиций деятельности) и оценочную (со стороны функциональной) категориальную характеристику, причем каждая из них связана с другими тремя отношениями взаимозависимости и взаимодополняемости. Но, пожалуй, важнейшей особенностью этой пропорциональности является семантическое соответствие определенного КЦК определенной разновидности оценочного сравнения. Основные категории (или стадии, фазы, этапы) деятельности как объекта оценочного суждения, эксплицируемого в форме речевого высказывания, отраженные в категориально-ценностных концептах, и основные характеристики операции сравнения, отраженные в функциональных операциях поиска, соотносятся следующим образом:

Деятельностная сторона Функциональная сторона

Стимул → Интерес ↔ Ego-ориентация ← Антропоцентричность

Средства → Значение ↔ Поиск эквивалентов ← Инструментальность

Алгоритм→Порядок ↔ Поиск соответствия ← Объективированность

Достижение→Результат↔ Поиск решений←Прогностичность

Такое пересечение едва ли является случайным. Пропорциональность деятельностных и функциональных характеристик оценочного высказывания составляет, в то же время, и онтологическую основу порождения основных ценностных концептов на основе функционально-оценочного использования единиц языка и речи. Таким образом, пересечение деятельностной и функциональной сторон ценности и оценки как вида деятельности и как логического действия и

создает те основные, опорные движущие силы, инициирующие сам процесс создания ценностных категорий, составляющие костяк концептуально-ценностной системы и дающие возможность ее дальнейшего развития.

Но как соотнести представление о предмете или явлении как таковом, в единстве его параметрических, конвенционально-социальных и прочих онтологических характеристик с его квалификативной стороной, а именно, пониманием данного предмета или явления как ценности? На наш взгляд, здесь было бы уместным следующее соображение. Зачастую в понимание явления объективного, социального или познавательного пространства как ценности мы в обыденном сознании вкладываем понимание данной вещи как полезной, красивой, необходимой и т.п., иными словами, придаём модальности статус объективного явления. Но, на наш взгляд, ценностью является всё то, о чём человек думает, мечтает, всё то, что он понимает или старается понять. С этих позиций *языковыми* ценностями являются все вещи, которые имеют языковую номинацию. При этом в масштабах языка в целом как социального явления не имеет значения, имеет ли конкретный индивид понятие о данном конкретном предмете или нет. Очень часто человек, имеющий отношение к определённому виду деятельности, не имеет понятия о предметах, которые с точки зрения специалиста в этой области знаний являются важными и фундаментальными. Иными словами, *все* слова в языке представляют ту или иную ценность.

Означает ли это, что ценность в её абстрагированном от конкретных предметом ипостаси не существует, а, следовательно, не существуют и ценностные концепты? Отнюдь нет, поскольку конкретные объекты реальности, социального и ментального мира не следует отождествлять с их отношениям к потребностям конкретных людей в определённых ситуативных условиях, и, тем самым, нельзя смешивать ценностную сущность объекта с речевой экспликацией *отношения* людей к этим предметам. Сами предметы достаточно конкретны, но релятивна их связь с человеком. В переосмыслении языковым социумом сущности предмета как ценности рождается *ценностное отношение*, и непосредственными единицами передачи такого отношения в языке являются специализированные единицы значимых уровней языка, прежде всего, лексического и фразеологического уровней. Это такие понятия (концепты), как КРАСОТА, ПОЛЬЗА, НЕПРИЯЗНЬ, ЗАБОТА, ПРЕЗРЕНИЕ, выражаемые в первую очередь лексическими единицами и зачастую имеющие фразеологические варианты. Например, концепт НЕНУЖНОСТЬ можно передать следующим устойчивыми сочетаниями: *как пятое колесо в телеге, как собаке пятая нога, как зайцу стоп-сигнал, как рыбе зонтик, как козе баян, как свинье колодка* и многими другими.

На следующем этапе в результате погружения ценностного отношения в *ситуацию оценки* квалификативные ценностные отношения налагаются на объективные знания об объекте оценки и знаковой форме её языкового выражения. Субъект оценки выбирает необходимую для успешной реализации иллокутивного задания синтаксическую конструкцию, подбирает необходимые лексические или фразеологические единицы, находит необходимые сирконстанты для успешной

передачи квалификативного отношения к сущности деятельности, определяет для себя необходимую интонацию – иными словами, погружает ценностное отношение в механизм *речевой деятельности* и в то же время формирует *оценочное отношение* как центральную ментальную структуру для данной ситуации общения. Оценки как таковой ещё не существует, но потенциально она уже создаётся.

Наконец, после завершения всего комплекса речемыслительной деятельности оценка является в виде готового, обладающего определёнными просодическими и логическими характеристиками высказывания, согласующегося с общей семантикой более крупной единицы речи (сверхфразового единства или же целого текста).

Как нетрудно заметить, ключевым этапом в исследовании выражения квалификативного отношения к действительности и мышлению на современном этапе лингвосемантических исследований является оценочное отношение. До фундаментальных исследований Н.Д.Арутюновой и Е.М.Вольф оценка в языке рассматривалась преимущественно как речевая данность, как определённая структура без учёта особенностей механизма её формирования. На наш взгляд, в русле современного понимания языка как системы знаков для выражения мышления человека особую важность приобретают исследования языковой сущности и когнитивных характеристик уровня ценностного отношения. С этих позиций важными заданиями специалистов в области аксиологической языковой семантики представляются не только описание отдельных категориально-ценностных концептов (например, таких как СЧАСТЬЕ, КРАСОТА, МИР, ЛЮБОВЬ, СЕМЬЯ, ТРУД, РОДИНА и многие другие; как известно, в этой области ведутся многочисленные исследования), но и выяснение структуры языкового ценностного отношения как такового в целом, во взаимосвязи его основных ипостасей, описания семантической иерархии концептов ценностного отношения и т.п.

Такую систему можно представить в виде сети отношений между основными, имеющими в своей семантической основе общую деятельностную природу, категориально-ценностными концептосферами ИНТЕРЕС, ЗНАЧЕНИЕ, ПОРЯДОК, РЕЗУЛЬТАТ, связующими, т.е. промежуточными между категориально-ценностными концептосферами ВАЖНОСТЬ, ПРИЧИНА, ЭФФЕКТ, РАЗВИТИЕ и кроссовыми, т.е. образующимися в результате пересечения категориальных ЦК (ценностных концептосфер) концептосферами ПОЛЕЗНОСТЬ / ПЕРСПЕКТИВА, ПРИОРИТЕТ/ОСОБЕННОСТЬ, ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ НОРМА/ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ НОРМА, СТАБИЛЬНОСТЬ/ПРИВЫЧНОСТЬ [Чекулай 2006]. Данные концептосферы образуют семантическую сеть, отражающую основные квалификативно-ценостные отношения, которые при необходимости актуализации оценочного отношения облекаются в форму лексических и фразеологических единиц. При этом внутренняя структура ценностной концептосферы представляет собой сложную разветвлённую иерархию.

Таким образом, квалификативные ценностные отношения структурируются по сетевому иерархическому принципу. Они существуют в сознании носителей языка и в результате их

участия в различных сферах деятельности они через оценочное отношение реализуются в виде оценочных суждений и умозаключений и являются неотъемлемыми от сознания составляющими человеческого знания в любом социуме, а, следовательно, и в любом языке мира.

Литература

1. Анисимов, С. Ф. Введение в аксиологию : учеб. пособие для изучающих философию / С. Ф. Анисимов. – М. : Соврем. тетради, 2001.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988.
3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1985.
4. Кобрина, Н.А. Механизмы речепорождения и восприятия текста в рамках когнитивной лингвистики (перспективы изучения) //Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития: матеиалы Первой междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. – Ч.1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 1998.
5. Чекулай, И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис…. д-ра филол. наук. – Белгород, 2006.

Е.С. Ярыгина
г. Москва, Россия

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В статье рассматривается соотношение рационального и эмоционального содержания в русском несобственно-причинном сложном предложении, терминологически обозначенном как конструкции вывода-обоснования. Анализу подвергаются конструкции, первая часть которых (вывод) содержит эмоциональную оценку какого-либо факта, явления или субъекта с точки зрения говорящего, а во второй части заключено обоснование данной оценки. Показано, что если эмоциональная оценка относится к сфере диктума и имеет вербализованное представление, то эмоциональное отношение обнаруживается в модусной зоне и может быть выявлено посредством экспликации субъективно-модальных смыслов высказывания.

Ключевые слова: несобственно-причинные сложные предложения, конструкции вывода-обоснования, эмоциональное и рациональное в содержании высказывания, эмоциональная оценка, диктум, модус, субъект сознания и речи.

Elena Yarygina,
Moscow, Russia

PRESENTATION OF EMOTIONAL SEMANTICS IN THE RUSSIAN COMPLEX SENTENCE

The article considers the relation of rational and emotional content in Russian improperly-causal complex sentences terminology designated as the design of the output-justification. The analysis focuses on the design, the main part of which (the conclusion) contains emotional evaluation of any fact, phenomenon or subject from the point of view of the speaker, in additional part justification of this assessment is concluded. It is shown that if emotional assessment to the field of dictum and has verbalized then the emotional attitude is found in the modus zone and can be identified by the explication of subjective meanings of modal statements.

Key words: improperly-causal complex sentences, design output-justification, emotional and rational as a part of the statement, emotional assessment, dictum. modus, the subject of consciousness and speech.

В настоящей статье будет рассмотрено соотношение рациональной и эмоциональной семантики в сложном предложении русского языка.

Объектом исследования являются несобственно-причинные сложные предложения, получившие здесь терминологическое обозначение *конструкции вывода-обоснования* (далее – КВО). Конструкции вывода-обоснования располагаются в зоне пересечения интересов не только разных лингвистических дисциплин, но и разных филологических наук.

Представление причинных отношений средствами языка было традиционным объектом русской синтаксической науки. В рамках теории сложного предложения были дифференцированы конструкции, выражающие собственно-причинные и несобственно-причинные синтаксические отношения [РГ-80]. В работах по семантическому синтаксису была поставлена проблема разграничения причинно-следственных отношений в сфере объективной действительности и в сфере модуса [Арутюнова 1970; Шмелева 1984].

Непосредственное отношение конструкции вывода-обоснования имеют и к логической теории простого и сложного предложения, в которой соотносились типы умозаключений и типы синтаксических структур [Кривоносов 1993; Переверзев 1996; Шорина 1960]: КВО представляют собой воплощенную языковыми средствами структуру знания, отражающую познавательную деятельность человека, в них получает проявление логическая форма – умозаключение.

Конструкции вывода-обоснования располагаются и в сфере интересов лингвистической теории аргументации, учитывающей, что аргументация – это определенная человеческая деятельность, связанная с непосредственным использованием языка, «происходящая в конкретном социальном контексте и имеющая своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений» [Ивин 1997, 4]. Поскольку аргументация возможна только с использованием языка, то она рассматривается как особый тип дискурса, который характеризуется особыми типами коммуникативных и иллокутивных целей, специфическими последовательностями речевых актов, диагностическими лексемами, синтаксическими конструкциями, аргументативными значениями языковых выражений и «аргументативным контекстом» реализации обычных значений» [Баранов 1990, 2]. При таком подходе сам процесс аргументации интерпретируется как сложный речевой акт.

Обращение к когнитивным и прагматическим аспектам аргументации явилось следствием «поворота» лингвистики к говорящему, к его мыслям и целям, воплощенным в речевой деятельности. С другой стороны, в когнитивном и прагматическом аспектах аргументативной деятельности находит отражение и образ адресата, на которого непосредственно ориентировано высказывание и заложенные в нем иллокутивные цели говорящего. Тем самым теория аргументации органично объединила говорящего, реализующего ментальную деятельность и иллокутивную цель, с коммуникативным партнером, на которого направлено речевое воздействие в виде высказывания. Следовательно, современная теория аргументации сформировалась на почве функционального подхода к речи, предполагающего интеграцию означающего, означаемого и самого предмета.

В основе нашей интерпретации объекта исследования лежит представление о том, что КВО – это явление области текста: соединяя минимум два речевых действия, КВО репрезентируют результат использования говорящим речевых и языковых приемов построения текста и тем самым принадлежат сфере речевой тактики говорящего. Воплощаясь в условиях аргументативного дискурса, КВО представляют собой соединение двух и более предикативных единиц (частей) в результате причинно-следственного взаимодействия модусных компонентов. Будучи формой структурирования речевой тактики говорящего – от вывода к аргументу, - КВО лишь «вкладываются» в рамки предложения, «упаковываются» предложенческой формой. Именно поэтому лингвистическая интерпретация КВО может быть осуществлена через соотношение содержащихся в них интенций, т.е. модусных рамок, и цели высказывания.

Реализации указанной речевой тактики и достижению конкретной иллокутивной цели – убедить коммуникативного партнера в правоте высказанной точки зрения – служит определенная последовательность речевых действий в КВО: в препозиции – вывод, мнение говорящего; в постпозиции – обоснование мнения посредством доводов и аргументов.

КВО могут быть представлены как синтаксическими единицами (сложноподчиненным и бессоюзным сложным предложениями), так и текстовыми структурами. Все КВО имеют общую категориально-синтаксическую и семантическую структуру, формируемую корреляцией компонентов *вывод* и *обоснование*, между которыми устанавливаются отношения вывода-обоснования. Тем самым отношения вывода-обоснования – это *устанавливаемые субъектом* сознания и речи причинно-следственные связи между модусными элементами высказывания. Эти отношения проявляются в БСП и в СПП, но наиболее типичны для текста, где они интерпретируются в связи со структурой образа автора и типом субъекта модуса (субъекта сознания).

Конструкции вывода-обоснования всегда связаны с я-модусной рамкой, предполагающей совпадение субъекта сознания и субъекта речи. Общим свойством всех КВО является то, что компонент *вывод* в них формируется на основе одного модуса – модуса мнения/полагания. А различаются они компонентом *обоснование*, который определяется либо модусом перцептивным (сенсорным), либо модусом знания. Например: *Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь(1), потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие*

глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины (2) (Н.В. Гоголь) – в части (1) располагается вывод, который принадлежит говорящему; субъект сознания и речи оценивает приказчика на основании непосредственно наблюдаемого (*лицо – полновато-пухлое, желтоватый цвет кожи, маленькие глаза*), т.е. обоснование (2) формируется на основе перцептивного модуса

Семантическим условием, порождающим необходимость *обоснования*, становится наличие в компоненте *вывод* грамматических и лексических средств выражения модусов мнения/полагания/оценки. Например: *На себя однако же он не рассердился, и в том,* ***конечно****, был прав*. (1) *Все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пришкать какого-нибудь ближнего, на ком бы выместить свою досаду* (2) (Н.В. Гоголь) – содержание компонента *вывод* составляет авторская оценка героя; маркером модуса мнения (оценки) является вводно-модальное слово *конечно*; оценка аргументируется общим суждением, следовательно, обоснование обще-информативное, формируемое на основе модуса знания.

В КВО органично соединяется рациональное и эмоциональное содержание. Рациональный аспект содержания проявляется в том, что КВО – это, с одной стороны, синтаксическая структура, форма, в которой говорящий предъявляет адресату рефлексию над своим настоящим ментальным состоянием, а с другой стороны, - это средство выражения интенции говорящего: убедить собеседника в своей правоте, которая воплощается в обосновании. *Обоснование* – это компонент, имеющий двойственное предназначение: с одной стороны, *обоснование* – это аргумент по отношению к компоненту *вывод*, определяющий *причину* мнения (*почему я так считаю?*), с другой стороны, *обоснование* – это аргумент ко всему высказыванию в целом (*для чего, с какой целью я это говорю?*). Следовательно, обоснованию в составе КВО свойствен функциональный дуализм (сочетанием «почему?» и «зачем, для чего?»).

КВО свойственны следующие признаки рациональности: 1) сферой бытования рассматриваемых конструкций является «когнитивный, ментальный контекст» [Рябцева 1992: 61], представляющий мыслительное пространство; 2) частицей ментального пространства является мысль; сопрягаясь друг с другом, мысли формируют рассуждение. Теоретическое рассуждение – это форма ментального поведения, влияющего на интеллектуальную деятельность как субъекта сознания и речи (говорящего), так и его коммуникативного партнера (адресата), субъекта познания. В результате теоретического рассуждения адресат оказывается как бы «со-мыслителем» субъекта речи, «соучастником» рассуждения и, значит, создания нового интеллектуального состояния. Тем самым достигается иллокутивная цель, интенция говорящего – трансформировать ментальное пространство: осуществив некоторую мыслительную операцию, субъект сознания и речи не только сам переходит в новое ментальное состояние, но и переводит в него адресат; 3) рациональная форма мысли (теоретическое рассуждение) облекается в рациональные синтаксические структуры (сложноподчиненное и бессоюзное сложное предложения с несобственно-причинными семантико-синтаксическими отношениями между предикативными частями).

В рациональных структурах и формах русского предложения, кроме рационального, содержится и эмоциональное содержание. Эмоциональная семантика КВО может быть представлена эмоциональной окраской, эмоциональным отношением, эмоциональной оценкой и эмоциональным состоянием [Лекант 2004: 35]. Если эмоциональная оценка и эмоциональное состояние всегда принадлежат сфере диктума, то эмоциональное отношение обнаруживается в модусной зоне высказывания и может быть выявлено посредством экспликации субъективно-модальных смыслов высказывания [Ярыгина 2004].

Компонент *вывод* в КВО может заключать 1) мнение, предположение, гипотезу говорящего о возможном положении дел, 2) побуждение, 3) оценку. В настоящей статье будут рассмотрены конструкции, в *выводе* которых содержится оценка.

Внимание говорящего привлекают качества или свойства предметов действительности, поступки людей и их отношения друг с другом и т.д., восприятие часто служит основой оценки какого-либо явления или субъекта. Видимое, как и знания, представляют собой определенный, уже свершившийся факт, а компонент *вывод* в КВО – это умопостигаемый субъектом-наблюдателем и субъектом мнения образ мира. Поскольку отличительным признаком КВО является имплицитная диалогичность, коммуникативная интенция говорящего в анализируемых структурах состоит именно в том, чтобы показать адресату, почему он приходит к данному заключению (например, эмоциональной оценке), обнаружить (для адресата или читателя) тот путь, который привел его к данному выводу, передать не только собственные логические обобщения, но и их основания. Именно поэтому оценочные суждения в *выводе* требуют обязательного *обоснования*; этим же обусловлена высокая частотность КВО в аргументативном дискурсе.

Некоторым конструкциям вывода-обоснования присуща очень высокая степень эмоциональной насыщенности, например: - *Что-то ужасное происходит у монастыря, - воскликнула Ольга, - моя душа предчувствует.. О Юрий! Юрий!.. если б ты знал, мы гибнем… ты заметил ли зловещий шепот народа при выходе из церкви и заметил ли эти дикие лица нищих, которые радовались и веселились* ***… о, это дурной знак: святые плачут, когда демоны смеются*** (М.Ю.Лермонтов) - в данном случае представлено сложное переплетение разных аспектов эмоциональности: эмоциональная окраска выражается тембровыми компонентами интонации и усиливается междометием *о*; эмоциональная оценка события и эмоциональное состояние ужаса и страха субъекта речи передается посредством оценочной лексики – субстантивированного прилагательного, прилагательных, интерпретационного глагола (*что-то ужасное, гибнем, зловещий шепот, дикие лица, дурной знак*).

Конструкции вывода-обоснования всегда связаны с я-модусной рамкой, предполагающей совпадение субъекта сознания и субъекта речи. Общим свойством всех КВО является то, что компонент *вывод* в них формируется на основе одного модуса – модуса мнения/полагания. А различаются они компонентом *обоснование*, который детерминируется либо модусом перцептивным (сенсорным), либо модусом знания (ментальным).

На основе восприятия формируется оценочный вывод; в этом случае субъект сознания выступает как субъект оценки, а грамматический субъект – подлежащее в *выводе* – как объект оценки. Объект

может оцениваться непосредственно по его действию. Для подобных конструкций характерна двойная квалификация субъекта диктума (подлежащего компонента *вывод*), которая обеспечивается соединением в КВО статической и динамической моделей: в главном предложении «субъект – носитель признака», в придаточном – «субъект и его действие». В качестве примера обратимся к фрагменту повести А.П. Чехова «Дуэль»: *Приятели оделись и пошли в павильон. Тут Самойленко был своим человеком, и для него имелась даже особая посуда. Каждое утро ему подавали на подносе чашку кофе, высокий граненый стакан с водою и со льдом и рюмку коньяку; он сначала выпивал коньяк, потом горячий кофе, потом воду со льдом, и* ***это, должно быть, было очень вкусно, потому что после питья глаза у него становились маслеными, он обеими руками разглаживал бакены и говорил, глядя на море: «Удивительно великолепный вид!»*** (А.П. Чехов).

Выделенный фрагмент представляет собой конструкцию вывода-обоснования, в которой репрезентируется несколько аспектов эмоционального содержания. В компоненте *вывод* содержится эмоциональная оценка ситуации, положения дел, представленная предикативным сочетанием *это было очень вкусно*. Если задаться вопросом о том, кто является выразителем субъективного смысла, заключенного во вводном сочетании *должно быть*, и субъектом оценки, следует обратить внимание на весь текст. Нетрудно заметить, что в нем, кроме вводного сочетания *должно быть*, имеются и другие маркеры, указывающие на носителя мнения/субъекта оценки: местоимение *это*, отсылающее к предтексту, словосочетание *каждое утро*. Отмеченные средства являются дейктическими показателями, отсылающими к тому, кому известна регулярная повторяемость описываемой ситуации, поскольку он ранее уже был ее свидетелем, а наличие в первом предложении существительного *приятели* ориентируют на человека, который в данное утро находился рядом с Самойленко. Грамматический субъект компонента *вывод* - подлежащее *это* – не совпадает с субъектом сознания и речи, которым, очевидно, является в данной случае Лаевский. То есть в КВО присутствует несколько субъектов, имеется несколько субъектных сфер, но понятие субъективности возможно связать только с одной из них, а именно со сферой субъекта сознания и речи, с субъектом оценки, т.е. с субъектом модуса. При этом субъект модуса в КВО, как правило, не вербализован, а указание на него осуществляется посредством вводных слов и других дейктических показателей. В этом случае первоочередной задачей становится выявление того, от кого исходят субъективные (т.е. модусные) смыслы в высказывании.

Чаще эмоциональная составляющая содержится в компоненте *вывод* КВО. Однако эмоциональная оценка или эмоциональное отношение, представленные в *выводе*, могут мотивироваться эмоциональным состоянием другого субъекта сознания и речи, указание на которого осуществляется в компоненте *обоснование*. В нашем примере эмоциональная семантика, кроме эмоциональной оценки, представлена также другими аспектами - эмоциональной окраской и имплицитным эмоциональным состоянием. В состав *обоснования* входит прямая речь Самойленко, выраженная восклицательным предложением. В восклицательном предложении передается «субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания [Виноградов 1975: 70]. Основным средством выражения эмоциональной окраски

является восклицательная интонация, позволяющая выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки личного отношения. Еще А.М. Пешковский говорил, что «чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» [Пешковский 1959: 177].

Носителем эмоционального состояния в нашем примере также является Самойленко. На первый взгляд высказывание героя *«Удивительно великолепный вид!»* содержит эмоциональную оценку, которая является целью высказывания и составляет его диктумный смысл. Однако это кажущееся впечатление: предтекст подсказывает нам, что Самойленко бывает в прибрежном павильоне ежедневно и каждый день наблюдает один и тот же морской пейзаж. Однако состояние довольства и восторга у него вызывают не столько прекрасные картины природы, сколько последовательное принятие напитков. Именно поэтому мы полагаем, что восклицательное предложение – это, скорее, средство выражения не эмоциональной оценки, а имплицитного эмоционального состояния героя.

Тем самым разные аспекты эмоциональности находят воплощение в обоих компонентах конструкций вывода-обоснования. При этом выражение эмоциональной экспрессии «в чистом виде» редко составляет основное содержание КВО. Как справедливо отмечает П.А. Лекант, «более обычным является сложное переплетение, модальной, эмоциональной и оценочной семантики» [Лекант 2004: 36-37].

В КВО компонент *вывод* может заключать оценку говорящим самого себя; содержание 2-ой части конструкции состоит в обосновании предложенной оценки, которая базируется на модусе знания. Подобные конструкции призваны оказывать определенное воздействие на адресата, например, расширить его информированность, убедить собеседника в правоте оценки говорящего либо заставить его изменить собственные взгляды или оценки [Арутюнова 1998: 173-174]. Оценка, содержащаяся в *выводе*, является частной оценкой и, следовательно, имеет объективно-субъективный характер: «…то, что есть в действительности, это основания для прогноза, гипотезы, вывода и т.п.», полученных дедуктивным путем [Шатуновский 1996: 263].

Обратимся к анализу примера, в котором органично сочетаются эмоционального отношение, эмоциональная оценка и эмоциональное состояние:

...Глупец я или злодей, не знаю; ***но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть, больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; все мне мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня****; мне осталось одно средство: путешествовать*
(М.Ю.Лермонтов).

Понятие эмоционального отношения помогает обозначить границы носителя субъективных смыслов, поскольку оно непосредственно связано с определенным типом сознания, с субъектом сознания, а не с субъектом действия, не с грамматическим субъектом, т.е. подлежащим. Таким субъектом сознания является, очевидно, говорящий. В нашем примере в компоненте *вывод* субъект модуса равен субъекту пропозиции, что обнаруживается формой 1-го лица местоимения *я*. Предикат вывода *достоин сожаления* совмещает значения модальной и эмоциональной оценки и эмоционального состояния. В компоненте *обоснование* субъект пропозиции делится на части

(*душа, сердце, воображение*), при этом субъект модуса дистанцируется от субъекта пропозиции (как бы смотрит на себя в зеркало), что и обозначается 3-м лицом. Эмоциональное состояние субъекта полагания (субъекта модуса) представлено предикатами. Модус полагания соотносится со статичным, оценочно-характеризующим предикатом *достоин сожаления*; модус знания – также со статичными, констатирующими предикатами качества, свойства субъекта.

Таксисными отношениями обусловлено использование видо-временных форм предикатов. В *выводе* форма настоящего времени детерминируется совпадением момента речи с моментом сообщаемого, поэтому *достоин сожаления* относится к настоящему времени. В *обосновании* употребляется форма статичного перфектно-результативного времени *испорчена* в сочетании с настоящим расширенно-характеристического и узуального значения: *беспокойное, ненасытное, мало, привыкаю, становится пустее*. Формы эти не «двигают» сюжета, они передают ментальное состояние знания, «имения в уме» субъекта указанных состояний, а потому время в компоненте *вывод* неактуальное.

Таким образом, в КВО могут содержаться различные аспекты эмоциональности – эмоциональная окраска, эмоциональное отношение, эмоциональная оценка и эмоциональное состояние. Эмоциональная окраска может характеризовать как *вывод*, так и в *обоснование*. Эмоциональное отношение как неотъемлемое свойство модусной зоны высказывания также присуще обоим компонентам конструкции, хотя и основано на разных типах модуса: в *выводе* – на модусе полагания, в *обосновании* – на модусе перцепции или модусе знания; в этом проявляется один из основных дифференциальных признаков КВО – односубъектность но полимодусность субъекта сознания и речи. Эмоциональная оценка и эмоциональное состояние эксплицируются и в *выводе*, и в *обосновании*. Совмещаясь в одном высказывании, все способы выражения эмоциональной семантики позволяют обнаружить его индивидуальную характеристику и высокий «экспрессивный накал».

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // НДВШ. Сер. «Филологические науки». – М. - 1970. - № 3. – С. 44-58.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

3. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): АДД. – М., 1990.

4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах / Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975.

5. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М., 1997.

6. Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. – М.-Нью-Йорк, 1993.

7. Лекант П.А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении // Вестник Московского государственного областного университета. - № 4. – Серия «Русская филология. – Выпуск первый. – М., 2004. – С. 34-38.

8. Переверзев К.А. Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологий // Вопросы языкознания. – 1996. - № 5. – С. 107-118.

9. Пешковский А.М. Интонация и грамматика / Избранные труды. М., 1959.

10. Русская грамматика. Т. 2. – М., 1980.

11. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // ЛАЯ. Модели действия. – М., 1992.

12. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова Значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М., 1996.

13. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.

14. Шорина А.И. К вопросу о выражении умозаключений в современном русском литературном языке // Уч. зап. Пермского гос. Ун-та им. А.М. Горького. Т. XVI, вып. 1. – Пермь, 1960. – С. 97-109.

15. Ярыгина Е.С. Рациональное и эмоциональное в конструкциях вывода-обоснования // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства и способы выражения: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГОУ, 2004. – С. 20-24.

NAŠI AUTOŘI - НАШИ АВТОРЫ - OUR AUTHORS

1. Александрова Ольга Викторовна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языкознания, заместитель декана по научной работе филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

2. Тер-Минасова Светлана Григорьевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, Президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

3. Вишнякова Ольга Дмитриевна - доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

4. Афанасьева Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и педагогики Алексеевского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета

5. Битюцкая Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии и педагогики Алексеевского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета

6. Бахтиозина Марина Георгиевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

7. Белоусова Татьяна Александровна - кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

8. Бубнова Ирина Александровна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

9. Вишнякова Елизавета Александровна - кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, докторант кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

10. Гализина Елена Григорьевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета

11. Ганюшина Маргарита Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета

12. Главачек Антонин - PaedDr., доктор педагогических наук, преподаватель, кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова Университета в Праге

13. Гржибкова Радка - доктор филологии, кандидат наук, преподаватель, кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова Университета в Праге

14. Дах Карел - кандидат технических наук, генеральный директор компании ТЕРИС

15. Клапка Иржи - магистр, председатель Чешской ассоциации русистов, Прага

16. Клаусова Власта - магистр, Западночешский университет в г. Пльзень, заведующая Русский центр Фонда «Русский мир»

17. Климанов Алексей Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент Международного института экономики и права

18. Кудрявцева Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета

19. Иванова Виктория Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики и перевода Тульского государственного университета

20. Тивьяева Ирина Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Тульского государственного университета

21. Курбакова Светлана Николаевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета

22. Попова Татьяна Георгиевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ)

23. Курочкина Елена Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Военного университета

24. Курченко Александра Александровна - преподаватель кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета

25. Кутасина Евгения - Kutasina Jevgenija - доктор филологии, профессор Лингвистического центра Латвийского университета

26. Лопатинская Виктория Валерьевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета

27. Маркова Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета, профессор кафедры русистики Университета Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве (Словакия)

28. Морозова Евгения Борисовна - преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

29. Овчинникова Галина Витальевна - доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков, координатор франко-российского сотрудничества Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

30. Панькина Юлия Анатольевна - аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

31. Петренко Тамила Владимировна - старший преподаватель кафедры «Иностранные языки -5» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ)

32. Рачене Эрнеста - Račienė Ernesta – доктор филологии, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса

33. Рубанникова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых факультетов Российского государственного социального университета

34. Середенко Владимир Михайлович – преподаватель Военного университета (г. Москва)

35. Степанов Владимир Владимирович - аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

36. Степанов Сергей Анатольевич - кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка Военного университета (г. Москва)

37. Полубоярова Марина Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Военного университета (г. Москва)

38. Тихонова Елена Викторовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского университета дружбы народов

39. Трунова Наталья Владимировна - кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики английского языка Московского педагогического государственного университета

40. Трунова Ольга Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

41. Хабаров Артем Александрович - преподаватель кафедры дальневосточных языков Военного университета (г. Москва)

42. Хлебина Анна – член Общества чешских русистов, г. Прага, Чешская Республика

43. Чекулай Игорь Владимирович - доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Белгородского государственного института искусств и культуры

44. Прохорова Ольга Николаевна - доктор филологических наук, профессор, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

45. Ярыгина Елена Сергеевна - доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Московского городского педагогического университета

OHLASY ÚČASTNÍKŮ NA SEMINÁŘ – ОТЗЫВЫ УЧАСТНИКОВ О СЕМИНАРЕ – FEEDBACK BY PARTICIPANTS ON THE SEMINAR

«Хочу очень искренне поблагодарить всех организаторов (особенно Карела Даха!) семинара за прекрасную организацию. Мы обменялись мнениями и знаниями в дружеской, открытой обстановке, программа была интересная и разнообразная, а самое главное – теплая атмосфера, мы чувствовали себя среди друзей и единомышленников.

Большое спасибо!

Надеюсь встретиться еще – и в Праге, и в Москве.

С благодарностью и уважением,

Светлана Тер-Минасова»

«УВАЖАЕМЫМ ОРГАНИЗАТОРАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА

(ПРАГА 26.10.2014 – 2.11.2014)

Хотелось бы выразить слова благодарности всем организаторам семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения» (Прага, 26 октября 2014 – 2 ноября 2014 года) в лице уважаемых господина Карела Даха, госпожи Яны Даховой и госпожи Ольги Вишняковой за отлично организованную работу международного научного форума. Участники мероприятия имели превосходную возможность встретиться и обсудить насущные проблемы лингвистики и методики преподавания языков, познакомиться с актуальными исследованиями международной университетской языковедческой науки. Все это способствует дальнейшей плодотворной исследовательской деятельности на расширенной понятийной основе международной междисциплинарной кооперации.

В фокусе внимания участников международного семинара были важные вопросы языка и культуры, проблемы общей и частной методики преподавания языков и, конечно же, актуальные вопросы языка и речи, представляющие переводческие трудности. Неослабевающий лингвистический интерес к

культурологическим особенностям национального менталитета нашел свое отражение во всех представленных выступлениях.

Выражаю надежду на дальнейшие встречи как с участниками этого представительного научного форума, так и с организаторами данного весьма интересного и полезного мероприятия.

Профессор Татьяна Попова,

доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ)»

«Поздравляю Вас и всех Ваших близких с Рождеством и Новым годом. Желаю здоровья, счастья и новых успехов. Ещё раз спасибо за удовольствие участвовать в пражской конференции.

С уважением,

Ольга Александрова»

«Уважаемые организаторы Семинара!

Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить Вас за организацию данного Семинара: Вы создали нам такую благоприятную, теплую и дружескую, атмосферу для обмена мнениями по столь важным научным проблемам, что всем работалось легко и плодотворно! Доклады и дискуссии, которые прошли в по-настоящему творческой обстановке, способствовали обмену опытом и рождению новых идей международного научно-педагогического сотрудничества. Мы искренне благодарны Вам за организацию и экскурсионной программы. Встреча с прекрасной Чехией и ее жемчужиной Прагой - всегда праздник! Надеемся, что данный Семинар будет иметь долгую плодотворную жизнь!

С наилучшими пожеланиями от всех преподавателей кафедры иностранных языков Российского государственного социального университета, принявших участие в Семинаре,

Светлана Курбакова, заведующая кафедрой»

«Уважаемые коллеги!

Огромное спасибо вам, семинар был организован и прошел просто великолепно!

Надеюсь, что этот замечательный опыт будет продолжен.

Всего вам самого доброго!

С искренним уважением,

Ирина Бубнова»

“Vielen Dank für Ihre freundliche Mail und Ihre Sorge. Ich freue mich sehr auf den Aufenthalt in Prag! Im Anhang übersende ich Ihnen meinen Beitrag, den ich auch mitbringe.

Herzliche Grüße aus Vilnius und bis bald in Prag!

Ernesta Raciene”

«Добрый день, дорогие коллеги! Огромное спасибо за предоставленную возможность побывать в прекрасном городе Прага и участвовать в семинаре. Организация семинара прошла на высоком

уровне. И доклады всех участников были очень содержательными, так что я для себя почерпнула много нового и интересного не только в плане языка и литературы, но и истории Праги и Чехии в целом. Спасибо, что Вы так бережно относитесь к истории своей страны и ее культурному наследию. К сожалению, мы в Праге провели только одну неделю. В будущем надеюсь на более продолжительные и такие же содержательные семинары.

С уважением,

преподаватель немецкого языка факультета иностранных языков и регионоведения

МГУ им. М.В. Ломоносова

Морозова Евгения»

«Вспоминаю Ваш семинар как замечательное во всех смыслах событие ушедшего года. Спасибо Вам! С наступившим 2015 годом! Крепкого здоровья, удачи во всем, многих радостных минут и теплых встреч с хорошими людьми! Ждем новых приглашений!

С уважением,

Елена Маркова»

«Я с радостью вспоминаю о прекрасном времени в Праге. Спасибо Вам за все!

С уважением,

Т.А. Белоусова»

«Уважаемые коллеги!

Ещё раз большое спасибо. Всё было замечательно.

Я тоже надеюсь на продолжение сотрудничества.

С уважением,

Иванова В.И.»

“Liebe Kollegen,

harmonische Feiertage und einen guten Rutsch in das Jahr 2015!

Ich denke sehr gern an die schönen Tage in Prag zurück und hoffe, dass wir uns wieder zu einem neuen Seminar treffen.

Mit Dankbarkeit und vielen herzlichen Grüßen aus Vilnius

Ernesta Raciene”

«Уважаемые члены оргкомитета!

Спасибо большое за организационную работу по изданию сборника статей.

С уважением,

Гализина Елена Григорьевна».

«Я очень сожалею, что я сейчас не могу быть среди Вас и послушать Ваши интересные выступления, пройти по любимым Цветаевой и нами всеми пражским тропам. Высылаю краткое выступление. Желаю успешной работой и приглашаю Вас в Тулу, в Тарусу, в яснополянские места.
С уважением,
Г.В. Овчинникова» (заочное участие)

«Семинар понравился, прежде всего, своей многоплановостью. Были как теоретические доклады, так и конкретные практические советы по преподаванию иностранных языков, которые можно применять сразу. На многое я взглянула другими глазами. Не сомневаюсь, что это даст практическую отдачу. Было не только полезно, но и приятно общаться с коллегами из разных стран с разными точками зрения на вопросы языкознания и методы преподавания.
Очень импонировала дружелюбная и открытая атмосфера дискуссий, а также конструктивное и плодотворное рассмотрение конкретных проблем участников семинара. Порадовала тёплая, демократичная обстановка, высокий уровень организации и профессионализм докладчиков.
Евгения Кутасина, Латвийский университет»

«Огромное Вам спасибо за всё.
С уважением, **Маргарита Ганюшина**»